

Родная ЛАДОГА

№ 3 (77)' 2026

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Сергей КОРЫТИН

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Помощник главного редактора
Анна КОНДРАШОВА

Издается ежеквартально
при участии:

Группы охранных
предприятий «РАДОН»

Союза писателей России

Ассоциации российских дипломатов

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга

ЧИТАЙТЕ САЙТ ЖУРНАЛА «Родная Ладога»: rodnayaladoga.ru

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-55701 от 21 октября 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов); Громов А.В. (Самара); **Казин А.Л.** (Санкт-Петербург); **Корольков А.А.** (Санкт-Петербург); **Орлов Б.А.** (Санкт-Петербург); **Сдобняков В.В.** (Нижний Новгород); **Семенов В.Е.** (Санкт-Петербург); **Скотникова Г.В.** (Санкт-Петербург); **Смолькин И.А.** (Псков); **Швечиков А.Н.** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БУНЕЕВ Владимир Васильевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор АО «47 ТРЕСТ», Почетный строитель России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, Народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРЕШНЕВИКОВ Анатолий Николаевич (Москва) — депутат Государственной думы ФС РФ, член Союза писателей России.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — Народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — Первый заместитель Ответственного секретаря СП России.

ИВАНОВ Николай Федорович (Москва) — Ответственный секретарь СП России, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отделения СП России, гл. редактор журнала «Балтика», секретарь СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

КРУШИН Владимир Николаевич (Москва) — председатель Высшего творческого совета, член Правления СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — поэт, член Правления СП России.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако».

МОСКВИТИН Филипп Александрович (Москва) — Заслуженный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы», член Общественной палаты РФ.

СЕРДЮК Юрий Дмитриевич (Санкт-Петербург) — учредитель строительной компании «ВитаСтрой», основатель и директор Фонда «Я Русский», капитан 3 ранга запаса.

СКВОРЦОВ Ярослав Львович (Москва) — доцент, декан факультета Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ, член СП России.

ХАМИДОВА Зулай Хамидовна (Москва) — известный чеченский языковед, доктор филологических наук, профессор.

Княгиня ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

ШЕВЦОВ Никита Всеволодович (Москва) — профессор, заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО Университета МИД РФ.

ЩИПКОВ Александр Владимирович (Москва) — доктор политических наук, кандидат философских наук, заместитель Главы Всемирного русского народного собора, ректор Российского православного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

Национальное самосознание

Владимир Путин, Президент России. «Для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна». <i>Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.</i>	5
Святейший Патриарх Московский и всея Руси КИРИЛЛ. «Посещение этих мест, связанное с событиями, которые произошли в 1941 году на пограничье, наполняет меня семейными воспоминаниями». <i>Проповедь после Литургии в Воскресенском соборе г. Бреста</i>	23

ПОЭЗИЯ

Николай Рачков. <i>К 85-летию со дня рождения</i>	27
Ирэна Сергеева. <i>К 90-летию со дня рождения</i>	31
Андрей Ребров. <i>К 65-летию со дня рождения</i>	81
Евгений Юшин	86
Иван Малов. <i>К 70-летию со дня рождения</i>	149
Татьяна Колач	152
Иван Щитов	219
Валентина Курицина	223
Анна Ретеюм	267
Тит Горский (священник Иоанн Казадоев)	271
Стихи поэтов Пскова	312

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Митрополит Петрозаводский и Карельский КОНСТАНТИН (Горянов). «И познаете истину». <i>Основные составляющие понятия «мировоззрение»: наука, философия, религия</i>	35
Михаил Кильдяшов. Вечный рассвет	65

Связь ВРЕМЕНИ

Протоиерей Константин Савандер. Корелы при епископе Сильвестре	50
--	----

ЛЕСТИЦА

Игорь Изборцев. Жемчужины русской святости. <i>К 65-летию со дня рождения</i>	59
--	----

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Анатолий Грешневилов. Реставратор всея Руси. Вера Брюсова	70
---	----

ДОСЛЕДНИ

Дмитрий Заусайлов. Плеяда теней: суворовская школа разведки в лицах	89
Протоиерей Дмитрий Василенков. Правила духовной безопасности на войне	121

ПРОЗА

Сергей Михеенков. Повесть о бессмертном сержанте, его боевых товарищах и командирах. <i>Главы из повести</i>	105
Андрей Лисьев. Дорога дронов. <i>Рассказы</i>	142
Виктор Потанин. Бесплатная лекция	297

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Эдуард Анашкин. Северный ветер, несущий очищение... К 70-летию со дня рождения Н.Ф. Иванова и 80-летию автора	115
Дмитрий Володихин. Белинский против Пушкина: кто кого?	192

Родная РЕЧЬ

Вячеслав Медушевский. Язык — ответ будущего? Какого? Речь общества предсказывает его судьбу	155
---	-----

Пути ПОЗНАНИЯ

Виталий Даренский. Пушкин — монархист	163
Владимир Можегов. Пушкин как историк-философ	171
Протоиерей Владимир Василек. «На всякого мудреца довольно простоты», или Комедия об антихристе и предантихристовых временах. О простоте и мудрости А.Н. Островского. К 140-летию со дня смерти писателя (1886–2026)	200
Алла Новикова-Строганова. Жажда правды и права. К 205-летию со дня рождения (1821–2026) и 145-летию со дня кончины (1881–2026) Ф.М. Достоевского	209

Точка ЗРЕНИЯ

Александр Камкин. Технофашизм: анализ явления и перспективы реализации.....	227
Александр Казин. Православный монархо-социализм как русский народный идеал и историческая практика	259

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Чеслав Кирвель. Демографическое состояние России как угроза ее историческому бытию	235
--	-----

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Григорий Ивлиев. Немецкий язык: от школы и до бундестага	275
--	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Михаил Зарубин. Съезд последний и съезд первый	287
--	-----

ДЕБЮТ

Владимир Комзалов. Стезя соборная. Суздальский сказ	304
---	-----

Организации, запрещенные на территории РФ: «Исламское государство» («ИГИЛ»); Джебхат ан-Нусра (Фронт победы); «Аль-Каида» («База»); «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»); «Движение Талибан»; «Священная война» («Аль-Джихад» или «Египетский исламский джихад»); «Исламская группа» («Аль-Гамаа аль-Исламия»); «Асбат аль-Ансар»; «Партия исламского освобождения» («Хизбут-Тахрир аль-Ислами»); «Имарат Кавказ» («Кавказский Эмират»); «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Меджлис крымско-татарского народа»; Международное религиозное объединение «Таблиги Джамаат»; «Украинская повстанческая армия» (УПА); «Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона» (УНА - УНСО); «Тризуб им. Степана Бандеры»; Украинская организация «Братство»; Украинская организация «Правый сектор»; Международное религиозное объединение «АУМ Синрикэ»; Свидетели Иеговы; «АУМ Синрикэ» (AumShinrikyo, AUM, Aleph); «Национал-большевистская партия»; Движение «Славянский союз»; Движения «Русское национальное единство»; «Движение против нелегальной иммиграции».

Полный список организаций, запрещенных на территории РФ, см. по ссылкам:

https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret

<http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html>

<https://rg.ru/2019/02/15/spisokterror-dok.html>

Национальное самосознание

Владимир ПУТИН
Президент России

**«ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО
МИРА
ОДНОПОЛЯРНАЯ
МОДЕЛЬ НЕ ТОЛЬКО
НЕПРИЕМЛЕМА,
НО И ВООБЩЕ
НЕВОЗМОЖНА»**

*Выступление и дискуссия
на Мюнхенской конференции
по вопросам
политики безопасности
10 февраля 2007 г.*

В 2027 г. исполнится 20 лет важнейшему для современной России событию, известному как Мюнхенская речь Владимира Путина. Произнесенная Президентом нашей страны на Мюнхенской конференции по безопасности, она стала поворотным пунктом в отношениях России и Запада, объявившего себя победителем в холодной войне с СССР. Впервые после его распада Президент РФ жестко раскритиковал модель однополярного мира, неоправданное применение силы в отношении других государств, продвижение НАТО на восток и внешнюю политику США.

Речь Путина рассматривалась как послание России Западу, содержащее геополитический посыл: наша страна не намерена соглашаться со своей подчиненной ролью в международных делах. Историческое выступление ознаменовало собой кардинальный поворот во внешней политике нашего государства и стало сигналом к более активной и независимой позиции на мировой арене. Путин ясно дал понять, что Россия готова защищать свои интересы и намерена играть более активную роль в формировании мирового порядка.

В. Путин: Большое спасибо, уважаемая госпожа федеральный канцлер, господин Тельчик, дамы и господа!

Весьма признателен за приглашение на столь представительную конференцию, собравшую политиков, военных, предпринимателей, экспертов из более чем 40 стран мира.

Формат конференции дает мне возможность избежать «излишнего

Источник: Официальное интернет-представительство Президента России, kremlin.ru.

политеса» и необходимости говорить округлыми, приятными, но пустыми дипломатическими штампами. Формат конференции позволяет сказать то, что я действительно думаю о проблемах международной безопасности. И если мои рассуждения покажутся нашим коллегам излишне полемически заостренными либо неточными, я прошу на меня не сердиться — это ведь только конференция. И надеюсь, что после двух-трех минут моего выступления господин Тельчик не включит там «красный свет».

Итак. Известно, что проблематика международной безопасности много шире вопросов военно-политической стабильности. Это устойчивость мировой экономики, преодоление бедности, экономическая безопасность и развитие межкультурного диалога.

Такой всеобъемлющий, неделимый характер безопасности выражен и в ее базовом принципе: «безопасность каждого — это безопасность всех». Как сказал еще в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт: «Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается в опасности и под угрозой».

Эти слова продолжают сохранять актуальность и сегодня. Об этом, кстати, свидетельствует и тема нашей конференции, которая здесь написана: «Глобальные кризисы — глобальная ответственность».

Всего лишь два десятилетия назад мир был идеологически и экономически расколот, а его безопасность обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав.

Глобальное противостояние отодвигало на периферию международных отношений и повестки дня крайне острые экономические и социальные вопросы. И, как всякая война, «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.

Предлагавшийся же после «холодной войны» однополярный мир тоже не состоялся.

История человечества, конечно, знает и периоды однополярного состояния, и стремления к мировому господству. Чего только не было в истории человечества!

Однако что же такое однополярный мир? Как бы ни украшали этот термин, он в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения.

Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри.

И это ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия — это, как известно, власть большинства при учете интересов и мнений меньшинства.

Кстати говоря, Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят.

Считаю, что для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невозможна. И не только потому, что при единоличном лидерстве в современном — именно в современном — мире не будет хватать ни военно-политических, ни экономических ресурсов. Но что еще важнее: сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации.

Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире — и сейчас мы только начали дискутировать об этом, — это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела, — концепции однополярного мира.

А какой результат?

Односторонние, нелегитимные, часто действия не решили ни одной проблемы. Более того, они стали генератором новых человеческих трагедий и очагов напряженности. Судите сами: войн, локальных и региональных конфликтов меньше не стало. Господин Тельчик вот об этом очень мягко упомянул. И людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем раньше — значительно больше, значительно больше!

Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение.

Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере — и навязывается другим государствам. Ну кому это понравится? Кому это понравится?

В международных делах все чаще встречается стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре.

И это, конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть: никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной. Такая политика является, конечно, катализатором гонки вооружений.

Доминирование фактора силы неизбежно подпитывает тягу ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения. Больше того, появились принципиально новые угрозы, которые и раньше были известны, но сегодня приобретают глобальный характер, — такие как терроризм.

Убежден: мы подошли к тому рубежному моменту, когда должны серьезно задуматься над всей архитектурой глобальной безопасности.

И здесь надо отталкиваться от поиска разумного баланса между интересами всех субъектов международного общения. Тем более сейчас, когда «международный ландшафт» столь ощутимо и столь быстро меняется — меняется за счет динамичного развития целого ряда государств и регионов.

Госпожа федеральный канцлер упомянула уже об этом. Так, суммарный ВВП Индии и Китая по паритету покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК — Бразилии, России, Индии и Китая — превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать.

Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и укреплять многополярность.

Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции. Фото: kremlin.ru

В этой связи серьезно возрастает роль многосторонней дипломатии. Открытость, транспарентность и предсказуемость в политике безальтернативны, а применение силы должно быть действительно исключительной мерой — так же, как и применение смертной казни в правовых системах некоторых государств.

Сегодня же мы, наоборот, наблюдаем ситуацию, когда страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других опасных преступников, несмотря на это, легко идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди — сотни, тысячи мирных жителей!

Но в то же время возникает вопрос: разве мы должны безучастно и безвольно взирать на различные внутренние конфликты в отдельных странах, на действия авторитарных режимов, тиранов, на распространение оружия массового уничтожения? Именно это, по сути, и лежало в основе вопроса, который был задан федеральному канцлеру нашим уважаемым коллегой господином Либерманом. (Обращаясь к Дж. Либерману): «Ведь я правильно понял Ваш вопрос?» И, конечно, это вопрос серьезный! Можем ли мы безучастно смотреть на то, что происходит? Я попробую ответить на Ваш вопрос тоже. Конечно, мы не должны смотреть безучастно. Конечно, нет.

Но есть ли у нас средства, чтобы противостоять этим угрозам? Конечно, есть. Достаточно вспомнить недавнюю историю. Ведь произошел же мирный переход к демократии в нашей стране! Ведь состоялась же мирная трансформация советского режима — мирная трансформация! И какого режима! С каким количеством оружия, в том числе ядерного! Почему же сейчас при каждом удобном случае нужно бомбить и стрелять? Неужели в условиях отсутствия угрозы взаимного уничтожения нам не хватает политической культуры, уважения к ценностям демократии и к праву?

Убежден: единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. И в этой связи я либо не понял то, что было сказано совсем недавно нашим

коллегой, министром обороны Италии, либо он выразился неточно. Я, во всяком случае, услышал, что легитимным применение силы может считаться только в том случае, если решение принято в НАТО, или в Евросоюзе, или в ООН. Если он действительно так считает, то у нас с ним разные точки зрения. Или я ослышался. Легитимным можно считать применение силы, только если решение принято на основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединенных Наций ни НАТО, ни Евросоюзом. И когда ООН будет реально объединять силы международного сообщества, которые действительно могут реагировать на события в отдельных странах, когда мы избавимся от пренебрежения международным правом, то ситуация может измениться. В противном случае ситуация будет заходить лишь в тупик и умножать количество тяжелых ошибок. При этом, конечно, нужно добиваться того, чтобы международное право имело универсальный характер и в понимании, и в применении норм.

И нельзя забывать, что демократический образ действий в политике обязательно предполагает дискуссию и кропотливую выработку решений.

Уважаемые дамы и господа!

Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений связана и с очевидным застоєм в области разоружения.

Россия выступает за возобновление диалога по этому важнейшему вопросу.

Важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность процесса сокращения ядерных вооружений.

Мы договорились с Соединенными Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700–2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 года. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеемся, что и наши партнеры будут действовать так же транспарентно и не будут откладывать на всякий случай, на «черный день», лишнюю пару сотен ядерных боезарядов. И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением.

Россия строго придерживается и намерена в дальнейшем придерживаться Договора о нераспространении ядерного оружия и многостороннего режима контроля за ракетными технологиями. Принципы, заложенные в этих документах, носят универсальный характер.

В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е гг. СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было.

Сегодня такие ракеты уже имеет целый ряд стран: Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Индия, Иран, Пакистан, Израиль. Многие другие государства мира разрабатывают эти системы и планируют поставить их на вооружение. И только Соединенные Штаты Америки и Россия несут обязательства не создавать подобных систем вооружений.

Ясно, что в этих условиях мы вынуждены задуматься об обеспечении своей собственной безопасности.

Вместе с тем нельзя допустить появления новых дестабилизирующих высокотехнологичных видов оружия. Я уже не говорю о мерах по предупреждению новых сфер конфронтации, особенно в космосе. «Звездные войны», как известно, уже не фантастика, а реальность. Еще в середине 80-х гг. прошлого века наши американские партнеры на практике провели перехват собственного спутника.

Милитаризация космоса, по мнению России, может спровоцировать непредсказуемые для мирового сообщества последствия — не меньшие, чем начало ядерной эры. И мы не раз выступали с инициативами, направленными на недопущение оружия в космос.

Сегодня хотел бы проинформировать вас о том, что нами подготовлен проект договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве. В ближайшее время он будет направлен партнерам в качестве официального предложения. Давайте работать над этим вместе.

Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам.

Ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия порядка 5–8 тысяч километров, нет ни у одной из так называемых проблемных стран. И в обозримом будущем и обозримой перспективе — и не появится, и не предвидится даже. Да и гипотетический пуск, например, северокорейской ракеты по территории США через Западную Европу — это явно противоречит законам баллистики. Как говорят у нас в России, это все равно что «правой рукой дотягиваться до левого уха».

И, находясь здесь, в Германии, не могу не упомянуть и о кризисном состоянии Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

Адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в 1999 году. Он учитывал новую геополитическую реальность — ликвидацию Варшавского блока. С тех пор прошло семь лет, и только четыре государства ратифицировали этот документ, включая Российскую Федерацию.

Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях (о размещении на флангах определенного количества вооруженных сил), до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии. Из Грузии наши войска выводятся, причем даже в ускоренном порядке. Эти проблемы мы с нашими грузинскими коллегами решили, и это всем известно. В Молдавии остается группировка в полторы тысячи военнослужащих, которые выполняют миротворческие функции и охраняют склады с боеприпасами, оставшиеся со времен СССР. И мы с господином Соланой постоянно обсуждаем этот вопрос, он знает нашу позицию. Мы готовы и дальше работать по этому направлению.

Но что же происходит в это же самое время? А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия.

Думаю, очевидно: процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано. Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: «Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ, дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности». Где эти гарантии?

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на суеверия. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа — народа России, — выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи.

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены — пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы «разобрать» и «демонтировать» эти новые стены?

Уважаемые дамы и господа!

Мы однозначно выступаем и за укрепление режима нераспространения. Существующая международно-правовая база позволяет создавать технологии по выработке ядерного топлива для использования его в мирных целях. И многие страны с полным на то основанием хотят создавать собственную ядерную энергетику как основу их энергетической независимости. Но мы также понимаем, что эти технологии могут быть быстро трансформированы в получение оружейных материалов.

Это вызывает серьезное международное напряжение. Яркий тому пример — ситуация с иранской ядерной программой. Если международное сообщество не выработает разумного решения этого конфликта интересов, мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы, потому что «пороговых» стран больше, чем Иран, и мы с вами об этом знаем. Мы будем постоянно сталкиваться с угрозой распространения оружия массового уничтожения.

В прошлом году Россия выступила с инициативой создания многонациональных центров по обогащению урана. Мы открыты к тому, чтобы подобные центры создавались не только в России, но и в других странах, где на легитимной основе существует мирная ядерная энергетика. Государства, желающие развивать атомную энергетику, могли бы гарантированно получать топливо через непосредственное участие в работе этих центров, конечно же, под строгим контролем МАГАТЭ.

С российским предложением созвучны и последние инициативы Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша. Считаю, что Россия и США объективно и в одинаковой степени заинтересованы в ужесточении режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его

доставки. Именно наши страны, являющиеся лидерами по ядерному и ракетному потенциалу, должны стать и лидерами в разработке новых, более жестких мер в сфере нераспространения. Россия готова к такой работе. Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями.

В целом речь должна идти о создании целой системы политических рычагов и экономических стимулов — стимулов, при которых государства были бы заинтересованы не создавать собственные мощности ядерного топливного цикла, но имели бы возможность развивать атомную энергетику, укрепляя свой энергетический потенциал.

В этой связи подробнее остановлюсь на международном энергетическом сотрудничестве. Госпожа федеральный канцлер тоже об этом коротко, но упомянула, затронула эту тему. В энергетической сфере Россия ориентируется на создание единых для всех рыночных принципов и прозрачных условий. Очевидно, что цена на энергоносители должна определяться рынком, а не являться предметом политических спекуляций, экономического давления или шантажа.

Мы открыты для сотрудничества. Зарубежные компании участвуют в наших крупнейших энергетических проектах. По различным оценкам, до 26 процентов добычи нефти в России — вот вдумайтесь в эту цифру, пожалуйста, — до 26 процентов добычи нефти в России приходится на иностранный капитал. Попробуйте привести мне пример подобного широкого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров! Таких примеров нет.

Напомню также о соотношении инвестиций, поступающих в Россию и идущих из России в другие страны мира. Соотношение — примерно пятнадцать к одному. Вот вам зримый пример открытости и стабильности российской экономики.

Экономическая безопасность — это сфера, где всем следует придерживаться единых принципов. Мы готовы честно конкурировать.

Для этого у российской экономики появляется все больше возможностей. Такую динамику объективно оценивают эксперты и наши зарубежные партнеры. Так, недавно был повышен рейтинг России в ОЭСР: из четвертой группы риска наша страна перешла в третью. И хотел бы, пользуясь случаем, здесь, сегодня в Мюнхене, поблагодарить наших германских коллег за содействие в принятии вышеназванного решения.

Далее. Как вы знаете, процесс присоединения России к ВТО вышел на финальную стадию. Отмечу, что в ходе долгих непростых переговоров мы не раз слышали слова о свободе слова, о свободе торговли, о равных возможностях, но почему-то исключительно применительно к нашему, российскому рынку.

И еще одна важная тема, прямо влияющая на глобальную безопасность. Сегодня много говорят о борьбе с бедностью. Что здесь происходит на самом деле? С одной стороны, на программы помощи беднейшим странам выделяются финансовые ресурсы — и подчас немаленькие финансовые ресурсы. Но, по-честному — и об этом здесь многие тоже знают — зачастую под «освоение» компаниями самих же стран-доноров. Но в то же время, с другой стороны, в развитых странах сохраняются субсидии в сельском хозяйстве, ограничивается для других доступ к высоким технологиям.

*В.В. Путин на Мюнхенской конференции 10 февраля 2007 г.
Фото: Дмитрий Астахов, РИА «Новости»*

И давайте называть вещи своими именами: получается, что одной рукой раздается «благотворительная помощь», а другой — не только консервируется экономическая отсталость, но еще и собирается прибыль. Возникающее социальное напряжение в таких депрессивных регионах неизбежно выливается в рост радикализма, экстремизма, подпитывает терроризм и локальные конфликты. А если все это вдобавок происходит, скажем, на Ближнем Востоке в условиях обостренного восприятия внешнего мира как несправедливого, то возникает риск для глобальной дестабилизации.

Очевидно, что ведущие страны мира должны видеть эту угрозу. И, соответственно, выстраивать более демократическую, справедливую систему экономических отношений в мире — систему, дающую всем шанс и возможность для развития.

Выступая на конференции по безопасности, уважаемые дамы и господа, нельзя обойти молчанием и деятельность Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Как известно, она была создана, чтобы рассматривать все — я подчеркну это, — все, аспекты безопасности: военно-политические, экономические, гуманитарные, причем в их взаимосвязи.

Сегодня что мы видим на практике? Мы видим, что этот баланс явно нарушен. ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран. И под эту задачу «скроили» и бюрократический аппарат ОБСЕ, который абсолютно никак не связан с государствами-учредителями. «Скроили» под эту задачу процедуры принятия решений и использования так называемых неправительственных организаций. Формально — да, независимых, но целенаправленно финансируемых, а значит, подконтрольных.

Согласно основополагающим документам, в гуманитарной сфере ОБСЕ призвана оказывать странам-членам по их просьбе содействие в соблюдении международных норм в области прав человека. Это важная задача. Мы ее поддерживаем. Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела

других стран, тем более навязывание этим государствам того, как они должны жить и развиваться.

Очевидно, что такое вмешательство отнюдь не способствует вызреванию подлинно демократических государств. И наоборот, делает их зависимыми и, как следствие, нестабильными в политическом и экономическом плане.

Мы рассчитываем на то, что ОБСЕ будет руководствоваться своими непосредственными задачами и выстраивать отношения с суверенными государствами на основе уважения, доверия и транспарентности.

Уважаемые дамы и господа!

В заключение хотел бы отметить следующее. Мы очень часто, и я лично очень часто слышу призывы к России со стороны наших партнеров, в том числе и со стороны европейских партнеров, играть все более активную роль в мировых делах.

В этой связи позволю себе сделать одну маленькую ремарку. Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому. Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику.

Мы не собираемся изменять этой традиции и сегодня. Вместе с тем мы хорошо видим, как изменился мир, реалистично оцениваем свои собственные возможности и свой собственный потенциал. И, конечно, нам бы также хотелось иметь дело с ответственными и тоже самостоятельными партнерами, с которыми мы вместе могли бы работать над строительством справедливого и демократического мироустройства, обеспечивая в нем безопасность и процветание не для избранных, а для всех.

Благодарю за внимание.

Х. Тельчик: Сердечное спасибо за Ваше важное выступление. Прозвучали новые темы, в том числе вопрос о глобальной архитектуре, который в последние годы не был на переднем плане; разоружение, контроль над вооружениями, вопрос отношений Североатлантического альянса и России, сотрудничество в области технологий.

Есть еще целый ряд вопросов, и господин Президент готов ответить.

Вопрос: Многоуважаемый господин Президент, спасибо за Ваше выступление. Хотел бы подчеркнуть, что в германском Бундестаге мы убеждены, насколько важна Россия в качестве партнера Европы, и важна та роль, которую Вы играете. Об этом сказала и федеральный канцлер в своем выступлении.

Я хотел бы, исходя из своего опыта, коснуться двух пунктов Вашего выступления. Это, во-первых, оценка НАТО, его расширения, которое Вы считаете опасным для России. Вы признаете, что расширение — это фактически не расширение, а самоопределение демократических государств, которые захотели пойти таким путем? И что НАТО затрудняется принимать государства, которые не изъявляют такой готовности? Вы могли бы признаться в том, что за счет расширения НАТО восточные границы стали более надежны, безопасны? Почему Вы боитесь демократии? Я убежден, что только демократические государства могут стать членами НАТО. Это стабилизирует соседей.

К вопросу о том, что происходит внутри Вашей страны: убили Анну Политковскую — это символ. Можно сказать, это касается многих журналистов; страхи всякие, закон о неправительственных организациях — это вызывает тревогу.

Вопрос: Я хорошо понимаю Ваше замечание о нераспространении. Особенно в конце «холодной войны» мы видели сокращение размещения ядерного оружия, но видели также и рост терроризма. Ядерные материалы должны быть серьезно защищены от террористов.

Вопрос: Коснусь вопроса, который был задан и федеральному канцлеру. Что будет дальше в Косове и в Сербии? Как Вы оцениваете М. Ахтисари? Какое влияние окажет Россия на решение этой проблемы?

Вопрос: Вы можете прокомментировать опыт, который сложился у российских военнослужащих в Чечне? О Вашем примечании по энергетике: Вы изложили вкратце то, что касается рыночной роли энергии в политике. Европейский союз заинтересован в том, чтобы добиться заключения партнерского соглашения, чтобы были зафиксированы принципы в области политики. Вы готовы обеспечить надежность поставок ресурсов и включить это в состав данного соглашения?

Вопрос: Господин Президент, Вы выступили с искренними, откровенными замечаниями. Надеюсь, Вы поймете мой откровенный и прямой вопрос. В 90-е гг. российские эксперты активно помогали Ирану в разработке ракетных технологий. Иран сейчас имеет продвинутые ракеты среднего и дальнего радиуса действия, что позволяет ему нанести удар по России и по части Европы. Они также работают над тем, чтобы поместить на эти ракеты ядерные боеголовки. Ваша страна предприняла усилия по переговорам с Ираном по этому вопросу и поддержала резолюцию СБ ООН, чтобы не дать Ирану проводить такую политику.

Мой вопрос заключается в следующем: какие усилия предпримет Россия — через ООН или иным образом — для того, чтобы прекратить эти очень серьезные события в Иране?

Вопрос: Я уверен, что историки не напишут в один прекрасный день, что во время нашей конференции была объявлена вторая «холодная война». Но могли бы. Вы говорили, что нужно и оказывать давление на Иран, и давать положительные импульсы. Не правда ли, что Россия препятствует сильному давлению в виде санкций, и, во-вторых, что касается поставок оружия туда — это их подбадривает, тем более что оружие это оказалось в Ливане и в секторе Газа. Как Вы можете это прокомментировать?

Вопрос: Я понимаю Вашу искренность и надеюсь, что Вы согласитесь с нашей искренностью. Во-первых, контроль над вооружениями. Кому нужна гонка вооружений? Я хочу указать, что США не разрабатывают новое стратегическое оружие уже более двух десятилетий, а Вы недавно испытали «Тополь-М», который уже размещен в шахтах и на мобильных установках. Вы критиковали США за односторонние действия и дважды сказали, что военные действия могут быть законными только в том случае, если они одобрены ООН. США ведут боевые действия в Ираке и Афганистане по решению ООН, а в Косове сегодня большинство поддерживает миротворческую операцию в этой стране.

Мой вопрос такой: говорите ли Вы сейчас, что независимо от того, как Россия рассматривает угрозу своим международным интересам, она не будет предпринимать боевые действия без одобрения ООН?

Вопрос: Вы говорили об опасности однополярного мира, когда один суверен принимает решение без консультации с другими. В России, по мнению многих, мы видим все более однополярное правительство, где конкурирующие центры влияния вынуждены следовать партийной линии: будь то Госдума, руководство в регионах, СМИ, бизнес-сообщество или НПО. Будет ли однополярное правительство такого рода надежным партнером, когда речь идет об энергетической безопасности?

В. Путин: Прежде всего хочу вас поблагодарить за эти вопросы. Очень интересно. Жаль, что у нас мало времени, я с удовольствием бы с каждым из вас провел отдельную дискуссию. Я это люблю, мне нравится.

Начну с последнего вопроса по поводу однополярности российского правительства. В российском парламенте сегодня представлены Коммунистическая партия Российской Федерации, партия «Единая Россия», Либерально-демократическая партия, представлены другие политические силы, которые принципиально, по своим основополагающим взглядам, отличаются друг от друга. Если вам это неизвестно, побеседуйте с руководством Коммунистической партии Российской Федерации, а потом с лидером наших либеральных демократов господином Жириновским. И вы сразу же увидите разницу. Если вам сейчас не видно, побеседуйте с ними. Здесь нет никаких проблем — приехать в Москву и поговорить.

Что касается того, как мы в будущем планируем это делать. Мы бы хотели, чтобы у нас была зрелая политическая система, чтобы у нас была многопартийная система с ответственными политиками, которые могут прогнозировать развитие страны и ответственно действовать не только в период выборов и после них, а и на длительную историческую перспективу. Вот будем к этому стремиться. Но эта система, конечно же, будет многопартийной. Все наши действия внутри страны, в том числе касающиеся изменения порядка избрания в Государственную думу, в парламент России, направлены именно на укрепление многопартийной системы в стране.

Теперь о том, в состоянии ли наше правительство действовать ответственно при решении проблем энергетических поставок и по обеспечению энергетической безопасности. Конечно, да! Более того, все, что мы делали до сих пор и делаем сейчас, направлено на достижение только одной цели: перевести наши отношения с потребителями и с транзитерами наших углеводородов на рыночные, прозрачные принципы и в долгосрочные контракты.

Напомню вам — и здесь напротив меня сидит мой коллега, президент Украины, он это знает так же, как и я: до прошлого года, пока мы с ним в трудной дискуссии не приняли соответствующих решений, поставки наших энергоносителей, прежде всего газа в Европу, в течение 15 лет зависели от того, договорятся ли Украина и Россия между собой по условиям и по ценам поставок нашего газа в саму Украину, а если не договорятся — всё, европейские потребители сидели бы без газа. Такая ситуация вас устраивает? Думаю, нет. И несмотря на все скандалы там и прочее, защиту интересов, борьбу мнений и так далее, мы смогли договориться с президентом Ющенко. Я считаю, что он принял ответственное, исключительно правильное, абсолютно рыночное решение: мы подписали контракты отдельно на поставку в Украину нашего газа и отдельно — на транзит в Европу на пять лет вперед. Спасибо нам нужно сказать — и нам, и Украине — за это решение. И за ваш вопрос спасибо, вопрос хороший.

Лучше бы я отвечал сразу же на ваши вопросы. Наша оценка расширения НАТО на восток? Я уже говорил о гарантиях, которые нам давали и которые сегодня не соблюдаются. Вы разве считаете это нормальным в международных делах? Ну, бог с ними, с этими гарантиями. Что касается демократии и расширения НАТО. НАТО — это не универсальная организация, в отличие от Организации Объединенных Наций. Это прежде всего военно-политический блок — военно-политический! И, конечно, обеспечение собственной безопасности — это прерогатива любого суверенного государства. Мы с этим и не спорим. Пожалуйста, мы против этого не возражаем. Но почему обязательно нужно выдвигать военную инфраструктуру к нашим границам при расширении? Вот на это нам может кто-нибудь ответить? Разве расширение военной инфраструктуры связано с преодолением сегодняшних глобальных угроз? Допустим, если мы будем говорить о главной из них сегодня — главной и для нас, и для США, и для Европы: что это за угроза? Это терроризм и борьба с ним.

Нужна Россия в борьбе с терроризмом? Конечно! Нужна ли Индия в борьбе с терроризмом? Конечно! Но нас нет в НАТО, и других стран нет. А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия. Так что расширение, тем более военной инфраструктуры и приближение ее к нашим границам, и демократический выбор отдельных государств между собой никак не связаны. И я бы попросил эти два понятия не путать.

Знаете, я так «накарябал» здесь, что уже сам не разберу, что я записал. Я тогда отвечу на то, что сам могу прочитать, а если я на что-то не отвечу, вы напомните мне свои вопросы.

Что будет с Косово, с Сербией? Это могут знать только косовары и сербы. И давайте не будем за них решать, как они устроят свою жизнь. Не нужно корчить из себя Господа Бога и решать за все народы все их проблемы. Мы с вами можем только создать условия и помочь людям разобраться в своих проблемах — создать условия, выступить гарантами определенных договоренностей. Но не нужно навязывать им эти договоренности. Иначе мы загоним ситуацию в тупик. Если кто-то из участников этого весьма сложного процесса между этими народами почувствует себя оскорбленным, униженным, это будет тянуться веками. Мы только загоним проблему в тупик.

И в чем заключается наша позиция? Наша позиция заключается в том, что мы будем придерживаться именно этого принципа. И если мы увидим, что одна из сторон явно не удовлетворена предлагаемыми способами разрешения ситуации, мы такое решение поддерживать не будем.

Я не очень понял, что вы имели в виду, когда спросили об опыте наших военных в Чечне. Опыт малоприятный, но большой. Если вас интересует в целом ситуация в Чечне, то могу вам сказать, что сейчас там избран парламент, избран президент, действует правительство. Все органы власти и управления сформированы. Привлечены к работе в республике практически все политические силы Чечни. Для примера могу сказать, что членом парламента, допустим, там, в Чечне, является сейчас бывший министр обороны правительства А. Масхадова. И мы провели целую серию решений, которые позволили бывшим боевикам вернуться не только к нормальной, но даже и к политической жизни в республике. Так что мы предпочитаем сегодня действовать там экономическими и политическими средствами, передавая практически почти на сто процентов обеспечение безопасности в руки

самого чеченского народа. Потому что органы правопорядка, которые там сформированы, почти на сто процентов состоят из местных граждан, из тех, кто проживает в Чечне постоянно, — из чеченцев.

Что касается Ливана, тоже не очень понял, что вы имеете в виду, но да, как подтверждение того, что известная ситуация сложилась таким образом, как я ее сейчас нарисовал, об этом говорит также направление нами в Ливан наших военных строителей для восстановления мостов и инфраструктуры, разрушенной в ходе конфликта с Израилем. И этих строителей охраняли подразделения, полностью укомплектованные военными служащими из Чечни и чеченцами по национальности. Мы исходили из того, что наши военнослужащие должны будут работать в районах, которые населены мусульманами, и если контингент, который охраняет наших военных, будет укомплектован тоже мусульманами — хуже от этого не будет. И мы не ошиблись. Действительно, местное население очень тепло встречало наших военных строителей.

Теперь по соглашению в области энергетики с Евросоюзом — так я понял вопрос? Мы уже многократно говорили, что мы не против того, чтобы согласовать принципы наших отношений с Евросоюзом в сфере энергетики. Более того, те принципы, которые заложены в Хартии, в общем и целом приемлемы. Но сама Хартия нас не очень устраивает, потому что она не только нами, но и нашими европейскими партнерами не выполняется. Достаточно вспомнить закрытый до сих пор для нас рынок ядерных материалов. Его же нам никто не открыл.

Есть и другие моменты, на которых я просто сейчас не хочу заострять внимание, но принципы сами по себе — они уже используются нами, в том числе и в работе с немецкими компаниями. Я напомним о той сделке, которая состоялась между «Газпромом» и компанией «БАСФ». Это, по сути, обмен активами. Мы и дальше готовы так действовать. Мы готовы. Но в каждом конкретном случае мы должны понять, что мы отдаем, что отдают наши партнеры, посчитать, сделать независимую экспертную международную оценку и принять решение. Мы к этой работе готовы. Мы то же самое совсем недавно сделали и с итальянскими партнерами, с компанией «ЭНИ». Не только подписали с ними соглашение о поставках до 2035 года, по-моему, но еще там речь идет и об обмене активами. Вот сейчас мы то же самое, такой же вариант сотрудничества, изучаем и с нашими украинскими друзьями. Этот процесс идет.

А стоит ли «заводить» эти принципы под крышу возможного будущего основополагающего акта между Россией и Евросоюзом — по-разному можно посмотреть. Но я считаю, что не стоит, потому что кроме энергетики в наших взаимоотношениях с Евросоюзом есть и другие сферы сотрудничества: и сельское хозяйство есть, есть высокие технологии, есть транспорт. И все очень остро, очень интересно. Мы же не можем все подряд завести в основополагающий акт, который должен быть рамочным документом. Или вы хотите, чтобы мы занесли туда только то, что вам нужно, а то, что нам нужно, вынесли за рамки? Давайте мы будем все-таки по-честному друг с другом дискутировать и принимать взаимовыгодные решения.

«В 90-е гг. Россия оказывала Ирану помощь в создании ракетной техники». По-моему, вы задали мне этот вопрос. «Сегодня иранцы хотят оснастить эти ракеты ядерными боеголовками, имеют ракеты, которые могут достичь Европы. Что Россия будет делать по иранской ядерной программе?» Так?

Ну, во-первых, у меня нет сведений, что Россия в 90-е гг. оказывала Ирану помощь в создании их собственных ракетных технологий. Там очень активно действовали другие страны. В том числе технологии шли по разным каналам. И у нас есть свидетельства тому. Я в свое время передавал их напрямую Президенту Соединенных Штатов. И из Европы идут технологии, и из азиатских стран.

Так что Россия здесь ни при чем. Уверяю вас. Меньше всего здесь замешана Россия. Меньше всего. Если вообще хоть как-нибудь замешана. Я в это время работал еще в Петербурге, но мы не занимались этим. Могу вас уверить. Но, наверное, там, знаете, на уровне бизнеса что-то могло происходить. У нас обучали специалистов в институтах и так далее. И мы по просьбе, по информации наших американских партнеров на это жестко отреагировали. Сразу же и жестко. Но вот реакции от других наших партнеров, в том числе из Европы, мы такой не заметили. Более того, я не знаю, известно вам или нет, должно быть известно: из Соединенных Штатов до сих пор поступает военная техника и специальное оборудование. До сих пор. До сих пор поступают из наличия в вооруженных силах, из Пентагона, запчасти к самолетам F-14. В Соединенных Штатах даже по этому поводу проводится, насколько мне известно, расследование. Несмотря на то что расследование идет, с границы эти запчасти забрали, вернули назад и через некоторое время опять, по имеющимся у меня сведениям — если они не точны, проверьте их, — опять на границе задержали те же самые грузы. Даже с пометкой «вещественное доказательство».

Знаете, этот поток действительно трудновато остановить. Нужно действовать совместно.

По поводу того, что у Ирана есть ракеты, которые угрожают Европе. Вы ошибаетесь. Сегодня у Ирана — вот здесь есть господин Гейтс, который наверняка знает эту информацию точнее, чем я, и наш министр обороны — у Ирана сегодня есть ракеты с дальностью 2000 километров.

С. Иванов: 1600—1700 километров.

В. Путин: 1600—1700 километров. Всего. Ну, посчитайте, сколько километров от границы Ирана до Мюнхена. Нет у Ирана таких ракет. Они только планируют разработать на 2400. И то неизвестно, смогут ли они это сделать технологически. А вот уже 4, 5, 6 тысяч километров — я думаю, что для этого нужна просто другая экономика даже. Так что это маловероятно вообще. И Иран Европе не угрожает. Что касается того, что они собираются разместить ядерные заряды — у нас нет таких сведений, ядерные боеголовки поставить — у нас таких сведений нет.

Вот Северная Корея произвела испытания ядерного взрывного устройства. Иранцы нам все время говорят, что их ядерная программа носит мирный характер. Но я с Вами согласен, согласен в том, что у международного сообщества есть озабоченности по поводу характера и качества ядерных программ Ирана. И господин эль-Барадей недавно сформулировал эти озабоченности, по-моему, в шести или семи пунктах. И здесь я с Вами солидарен. И мне непонятно, почему иранская сторона до сих пор не отреагировала позитивным и конструктивным образом на эти озабоченности и предложения эль-Барадея — снять эти озабоченности. Мне это тоже непонятно, так же, как и Вам.

Что мы будем делать? Я думаю, что вместе мы должны набраться терпения и аккуратно работать. Да, правильно, создавая и стимулы, и показывая иранскому руководству, что сотрудничество с международным сообществом гораздо лучше, чем конфронтация.

Да, опять вот по поставкам оружия в Иран. Вы знаете, разговоров больше, чем этих поставок. У нас ВТС, военно-техническое сотрудничество, с Ираном минимальное. Просто минимальное. Там оно исчисляется, я не знаю, какими цифрами. Вообще мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны, в том числе Соединенные Штаты. Просто в разы — никакого сравнения нет. Мы поставили туда системы противовоздушной обороны недавно — это действительно так — среднего радиуса действия, от 30 до 50 километров примерно. Это правда. Зачем мы это сделали? Я могу объяснить. Мы сделали это для того, чтобы Иран не чувствовал себя загнанным в угол. Не чувствовал, что он находится в каком-то враждебном окружении, и понимал, что у него есть канал для общения, понимал, что у него есть друзья, которым можно доверять. Мы очень рассчитываем на то, что и иранская сторона поймет и услышит наши сигналы.

По поводу нашего оружия в Ливане и в секторе Газа. В секторе Газа я вообще не слышал о том, что присутствует наше оружие. Я не видел такого. Ну, автомат Калашникова — вообще автомат самой распространенной системы стрелкового оружия в мире. Он, наверное, везде есть. Наверное, и в Германии на вооружении стоят еще автоматы Калашникова; во всяком случае, еще не уничтожены — сто процентов.

В Ливане — да. Там действительно были замечены ящики из-под наших противотанковых систем. Это правда. Мне об этом наши израильские партнеры сразу же сообщили. Мы провели тщательное расследование того, что там происходило, и установили, что эти системы остались на территории Ливана после того, как с него ушла сирийская армия. Мы провели соответствующую работу с сирийскими партнерами и обусловили наше дальнейшее сотрудничество в области военно-технического взаимодействия с Сирией необходимыми условиями, которые исключили бы возможность попадания оружия в чьи бы то ни было руки, кроме тех, для кого оно предназначено. Такая система выработана. В том числе мы договорились о системе возможных инспекций на складах в любое удобное время для российских специалистов — на складах после поставок наших систем в Сирию.

«США не разрабатывают стратегическое оружие, а Россия разрабатывает. Не будет ли Россия применять силу без санкций ООН в будущем? Россия разрабатывает системы стратегического оружия».

Прекрасный вопрос, замечательный! Я вам очень за него благодарен. Это дает мне возможность показать суть происходящих событий. Ведь чему мы за последние десятилетия обязаны, если мы говорим о том, что противостояние было, а большой войны все-таки не произошло в период противостояния двух сверхдержав и двух систем? Мы обязаны балансу сил между двумя этими самыми супердержавами. Был баланс и страх взаимного уничтожения. И одна сторона боялась шаг ступить лишний без того, чтобы не посоветоваться с другой в последнее время. И это был хрупкий мир, конечно, и страшноватый. Но он был достаточно надежным, как выясняется сегодня. Сегодня он, оказывается, и не такой уж надежный.

Да, Соединенные Штаты не разрабатывают якобы наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом неизвестно. Хотя наверняка разрабатывают. Но мы даже сейчас спрашивать об этом не будем. Мы знаем, что разработки идут. Но сделаем вид, что мы об этом не знаем: не разрабатывают. Но что мы знаем? Это то, что в Соединенных Штатах активно разрабатывается и уже внедряется система противоракетной обороны. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетически, мы исходим из того, что когда-нибудь наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована — сегодняшних ядерных сил России. А если это так, то это означает, что баланс будет абсолютно нарушен и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах.

Мы же с вами сейчас дискутируем. Я не хочу никого подозревать в какой-то агрессивности. Но система отношений — это так же, как математика. Она не имеет личного измерения. И мы должны, конечно, на это реагировать. Как? Или так же, как вы, и строить многомиллиардную противоракетную систему, систему противоракетной обороны, либо, имея в виду наши сегодняшние возможности — экономические, финансовые, — ответить асимметрично. Чтобы все поняли, что да, система противоракетной обороны есть, но она в отношении России бессмысленна, потому что у нас есть такое оружие, которое ее легко преодолевает. Вот мы по этому пути и пойдем. Это дешевле для нас. Но это никак не направлено против самих Соединенных Штатов.

Я полностью согласен: если вы говорите, что система ПРО не направлена против нас, то и наше новое оружие не направлено против вас. И я полностью здесь согласен с моим коллегой и другом — я, знаете, не побоюсь этого слова, при всех разногласиях я считаю Президента Соединенных Штатов своим другом. Он порядочный человек; я знаю, что на него там всех собак сегодня могут повесить в Соединенных Штатах за все, что делается и на международной арене, и внутри. Но я знаю, что это порядочный человек, и с ним можно разговаривать и договариваться. Ну так вот, когда мы с ним говорим, он говорит: «Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками и врагами». Я с ним согласен. Но повторяю еще раз: вот эта симметрия и асимметрия — здесь нет ничего личного. Это просто расчет.

Теперь по поводу того, будет ли Россия применять военную силу без санкций ООН. Мы будем действовать всегда строго в рамках международного права. Мое базовое образование все-таки юридическое, и я позволю себе напомнить — и себе, и моим коллегам, — что в соответствии с Уставом ООН в случае проведения миротворческих операций нужны санкции Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН. В случае проведения миротворческих операций. Но в Уставе ООН есть и статья о праве на самооборону. И здесь никаких санкций уже не нужно.

Так. Что я забыл?

Вопрос: В моем вопросе речь шла о многополярности в самой России как таковой и о том, что касается отношения международного сообщества к

России, если она не соблюдает эти принципы: убийства журналистов, страхи, боязнь, отсутствие свободы, неправительственные организации.

В. Путин: Я два слова скажу. Там был другой какой-то вопрос, на этот я в принципе уже отвечал, когда говорил о составе российского парламента. Посмотрите, кто там представлен и какие политические взгляды у тех людей, которые занимают лидирующие позиции в парламенте — легитимные партии. Что касается неправительственных организаций, то они активно работают в России. Да, мы ввели новую систему их регистрации. Она мало чем отличается от систем регистрации в других странах. И никаких замечаний от самих неправительственных организаций мы пока не видели. Мы практически никому не отказали в регистрации. Там есть два-три случая по чисто формальным условиям, и эти неправительственные организации работают над тем, чтобы исправить какие-то положения устава и так далее. По субстантивным, сущностным вопросам никому не отказано. Все самым активным образом трудятся и будут трудиться дальше.

Что нас беспокоит? Я могу сказать, и думаю, что это понятно для всех: вот когда эти неправительственные организации финансируются, по сути, иностранными правительствами, то мы рассматриваем это как инструмент иностранных государств в проведении политики в отношении нашей страны. Это первое. И второе. Во всех странах существуют определенные правила финансирования, скажем, избирательных кампаний. Через неправительственные организации идет финансирование от правительственных источников других стран, в том числе и в рамках избирательных кампаний. Ну куда это годится? Это что, нормальная демократия, что ли? Это скрытое финансирование. Скрытое от общества. Чего же здесь демократичного? Можете вы мне сказать? Нет! Не можете. И не скажете никогда. Потому что это не демократия, а просто влияние одного государства на другое.

Но мы заинтересованы в том, чтобы развивалось гражданское общество в самой России, чтобы оно ругало власть, критиковало, помогало власти определять свои собственные ошибки, корректировать свою политику в интересах людей. В этом мы, безусловно, заинтересованы, и мы будем поддерживать гражданское общество и неправительственные организации.

Что касается страхов там и так далее. Знаете, у нас меньше страхов сегодня, чем во многих других странах. Потому что за последние годы мы кардинально изменили ситуацию в сфере экономики и благосостояния граждан. У нас еще очень много проблем, в том числе проблем, связанных с бедностью. И вот я Вам скажу, что страхи-то в основном исходят отсюда.

Что касается журналистов, то да, это большая сложная проблема. И журналисты гибнут не только у нас, в России, но и в других странах. Больше всего журналистов погибло где? Вы же специалист, можете, наверное, сказать, в какой стране больше всего погибло журналистов за последние, скажем, год-полтора? В Ираке больше всего погибло журналистов.

Что касается трагедий в нашей стране, мы, безусловно, будем самым тщательным образом бороться с этими явлениями и жестко карать всех преступников, которые пытаются подорвать доверие к России и расшатать нашу политическую систему.

Спасибо вам за внимание.

Национальное самосознание

**Святейший
Патриарх Московский
и всея Руси КИРИЛЛ**

**«ПОСЕЩЕНИЕ ЭТИХ
МЕСТ, СВЯЗАННОЕ
С СОБЫТИЯМИ,
КОТОРЫЕ
ПРОИЗОШЛИ
В 1941 ГОДУ
НА ПОГРАНИЧЬЕ,
НАПОЛНЯЕТ МЕНЯ
СЕМЕЙНЫМИ
ВОСПОМИНАНИЯМИ»**

*Проповедь после
Литургии
в Воскресенском соборе
г. Бреста*

*Дорогие Владыки, отцы,
братья и сестры!*

С особым чувством посещаю это благодатное место. И на то есть несколько причин. Одна из них связана с жизнью моей семьи, моих родителей.

В нашей дружной семье всегда хранилась вера, даже в самые тяжелые времена гонений. Этому, конечно, способствовала вера наших родителей. Сегодня я особенно вспоминаю маму, матушку Раису, которая была человеком хорошо образованным: она окончила Институт иностранных языков, была учительницей немецкого языка. Одновременно с этим она была человеком глубокой веры, которая, может быть, и спасла ее во время Ленинградской блокады. Она с моим старшим братом, который позже тоже стал священником, протоиереем Николаем, практически все годы блокады прожила в окруженном врагом тогдашнем Ленинграде.

Конечно, все эти эпизоды, эти этапы семейной жизни повлияли и на мое мировоззрение, и в том числе на мой выбор, который я сделал очень рано, еще в детстве. Еще даже не ходя в школу, я попросил своих родителей сшить мне иерейское облачение. Это была настолько странная просьба, что, конечно, мама не могла ее осуществить. Но отец, будучи священником, попросил одну монахиню из храма Смоленской иконы Божией Матери на Васильевском острове (этот храм знают по часовне блаженной Ксении Петербургской) — и она из части протоиерейского орара сшила мне епитрахиль. Папа предупредил меня: «Ты можешь служить Литургию только

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. URL: <https://www.patriarchia.ru>.

Прибытие Святейшего Патриарха Кирилла в Брест

до “Верую”, а после уже нельзя». И вот, представьте себе, будучи мальчишкой, я служил Литургию до «Верую», но честно останавливался там, где начинался евхаристический канон, и не дерзал продолжать службу.

Рассказываю это к тому, чтобы еще раз вспомнить моих родителей и моего дядю, брата моей матери, в честь которого я был назван Владимиром. Он служил в Брестской крепости связистом, у него было хорошее инженерное образование. В дни перед началом войны он был направлен на границу, на берег той самой реки, которая отделяла тогдашний Советский Союз от Польши (а Польша в то время уже была оккупирована фашистской Германией). И вот этот страшный день, 22 июня, он встретил там, на этом рубеже, — и исчез. Мама запрещала молиться о нем как об умершем, и мы всегда молились о нем как о «без вести сущем воине Владимире». Но в какой-то момент отец понял, что во время той мясорубки в день 22 июня 1941 года человек мог либо попасть в плен (что маловероятно, потому что немцы шли быстро, они не брали в плен, они убивали), либо, скорее всего, погибнуть. И вот через многие-многие годы отец отпел моего дядю, и мы стали поминать его за упокой.

Вот поэтому посещение этих мест, связанное с событиями, которые произошли в 1941 году на пограничье, наполняет меня семейными воспоминаниями, которые переплетаются с воспоминаниями о том страшном времени, о тех страшных моментах нашей национальной истории, которые никогда, конечно, не исчезнут из памяти нашего народа.

Сегодня мы живем в другую эпоху. Страна наша — я имею в виду историческую Россию, частью которой являлись и Российская Федерация, и современная Беларусь, и многие другие страны, — эта историческая Россия пережила страшную эпоху беспрецедентных гонений, уничтожения Церкви.

И если в нескольких словах сказать: кто победил? Церковь Божия победила. Не имея никакой армии, никаких силовых структур, никакого заступничества на уровне государственной власти. Вот такие люди, как вы, — мужчины и женщины, чаще даже пожилого возраста (в то время люди другого возраста побаивались ходить в храм), — они победили своими молитвами, своей верой.

Сегодня здесь, в Беларуси, которая была особенно подвержена воздействию атеистической пропаганды и попыткам государственной власти искоренить веру, мы с вами в таком множестве встречаемся в этом дивно построенном соборе. И, конечно, мое сердце преисполнено радостью и, в очень хорошем смысле слова, гордостью за героизм белорусского народа — за веру ваших предков, за веру вашу, за то, что сохранилось Православие на этой земле.

Теперь мы живем в иную эпоху — у нас очень много возможностей. Но еще раз напомним слова: кому больше дано, с того больше и спросится (см. Лк. 12:48). Поэтому, обращаясь к нашему епископату, к духовенству — не только здесь пребывающему, но ко всему епископату и духовенству нашей Церкви, — хочу сказать: работайте, братья, как говорили после войны, «за себя и за того парня». Работайте, трудитесь на полную силу, не давайте себе слабину. Не говорите: «Мне уже за шестьдесят, на пенсию еще рано, но я уже не могу трудиться как раньше, и вообще, пусть молодые трудятся». Ведь молодые, взирая на старших, будут говорить: «Пусть старики трудятся, они опытные». Мы все должны трудиться не покладая рук, чтобы укреплялась вера православная в нашем народе, благочестие, чтобы народ становился духовно сильным, потому что только духовно сильный народ способен одерживать великие победы.

Особенно радостно мне говорить эти слова здесь, на этой героической земле, где живет народ, который внес действительно огромный вклад в победу над самым страшным врагом в истории нашей Родины.

Хотел бы поблагодарить Владыку митрополита — за Ваши труды, Владыка, — а также всех Преосвященных, которые трудятся в Беларуси. И еще раз призвать к тому, чтобы мы трудились за себя и за тех, кто не мог трудиться так, как сегодня можем трудиться мы.

Посещение Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом Мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» в ходе Первосвященнического визита в город Брест Республики Беларусь. Визит состоялся в канун 85-й годовщины начала Великой Отечественной войны

Еще раз хотел бы напомнить, что наше будущее как Церкви, как народа во многом зависит от того, как сформируется сознание современной молодежи, насколько она будет предана Родине и Церкви, насколько будет способна идти тем путем, которым шли наши благочестивые предки, да и старшее поколение, прошедшее через времена тяжелых испытаний. Поэтому молитва моя — за Церковь нашу, мученицу и исповедницу, победившую в страшных, чудовищных гонениях XX века. Молитва моя сегодня, конечно, и за молодое поколение, чтобы оно, назидаясь опытом старших, хранило веру, было предано Церкви и своему Отечеству. Потому что вера и патриотизм тесно сплетаются в истории нашего общего государства, начиная со Святой Руси и кончая совсем недавним временем.

Пусть Господь хранит землю нашу, власти наши, народ наш, особенно молодое поколение, укрепляя всех в вере, в благочестии и силе духа. Аминь!

С праздником вас всех поздравляю!

Николай РАЧКОВ

**«ЕСЛИ МАЛОЙ
РОДИНЫ НЕ БУДЕТ,
ГДЕ ТОГДА
БОЛЬШУЮ
БУДЕТ ВЗЯТЬ?»**

*К 85-летию
со дня рождения*

Николай Борисович Рачков — поэт, член СП России с 1981 г. Родился 23 сентября 1941 г. в с. Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Автор более 20 стихотворных сборников, лауреат всероссийских и международных литературных премий. Академик Петровской академии наук и искусств, Почетный гражданин Ленинградской области. Награжден государственной медалью Пушкина. **Живет в г. Тосно.**

А где, а где деревня русская,
Исток всех песен и былин,
Нижегородская, Калужская
В дожде черемух и рябин?

Рязанская и Вологодская,
Исток культуры нашей где?
Где Ярославская, Тамбовская,
В какой исчезла молотье?

Клубилась даль от ветра встречного
Во ржи, в пшенице и овсе.
Мы от земли. От хлеба вечного.
Мы все оттуда родом. Все.

Покой своих родных селений,
Язык и мудрый, и простой
Любили Пушкин и Есенин,
Тургенев, Бунин и Толстой.

Вся деревенская империя
Переместилась в города.
Счастливей стала там? Не верю я.
Да и Отечеству беда.

Конечно, было не до праздности
И мало кто ходил в тузах.
Но сколько было светлой святости
В трудах, заботах и слезах.

Я так любил, пусть и сермяжную,
За простоту, тепло и тишь.
А за страной многоэтажную
Уже и Русь не разглядишь...

**ПОД РОДИТЕЛЬСКОЙ
КРЫШЕЙ**

Снег пушистый. Равнина. Звезда.
Мальчик в стекла замерзшие дышит.
Ждет гостей запоздалых изба,
Нетерпенье и радость под крышей.

Чу! Приехали. Шум у крыльца.
Топот... Дверь открывается смело.
Рождество!
И восторг без конца.
Снег, и звезды, и даль —
без предела.

* * *

В ягодах красных смородина,
Ветки берез у окна...
Милая малая родина,
Сельская сторона. —

С теплыми зорьками ранними,
Славят которых чижи,
И с луговыми геранями.
И с васильками во ржи.

Вся — деревянная, древняя,
С карточками на стене,
С песнями,
с печками,
с певнями,
С ветхим крылечком —
во мне...

ВОРОБЬИ

Нет ни солнышка и ни грома,
И листву по садам сгребли.
На раздетом кусту у дома
Расширились воробьи.

Ни уныния и ни грусти
Перед холодом зимних выюг.
В хмуром небе белые гуси
Улетают на теплый юг.

Приглашают: там много сыти...
Воробьишки в который раз
Отвечают им: вы летите,
Вон какие крылья у вас.

Ну а нам улетать негоже.
Что мороз нам! Что снег с дождем!
Крыша есть у нас.
Куст все тот же.
Перебьемся. Не пропадем.

* * *

Грустно мне от мысли невеселой,
Стоит глянуть в ближний окоем.
Где деревни,
где большие села,
Те, что малой родиной зовем?

Тут и там порой пустое место,
Где царят полынь да лебеда.

Но зато разбухли, словно тесто,
По стране большие города.

Только сердце все-таки рассудит,
Что свернули не туда опять.
Если малой родины не будет,
Где тогда большую будет взять?

ПОЛКИ НАШЕЙ ПОБЕДЫ

Победа! Победа! Победа!
И строятся наши полки —
Полки и свободы, и света
По манию Божьей руки.

Полки справедливости ради
Сошедшие к нам издали,
Полки, что легли в Сталинграде
И под Ленинградом легли.

Полки, что по высшему праву
Духовно крепки, как один,
Которые брали Варшаву,
Белград, Будапешт и Берлин.

Полки, что почетным Парадом,
Священный приветствуя флаг,
По Красной по площади рядом
С живыми

печатают
шаг.

НЕ ЗАБУДЬТЕ!

За эпохой эпоху ломая,
Среди новой цветущей весны
Не забудьте,
Отчизны сыны,
Сорок пятый, девятое мая.

И не важно, кто слева, кто справа, —
Но семейный ваш род на корню,
И почет ваш, и слезы, и слава
Всем обязаны этому Дню.

* * *

Россия взывает сквозь тернии
Потерь, и невзгод, и бед:
Придите ко мне все верные!
Но верных, увы, нет.
Со всеми она хороводится.
Но вот враги у ворот.
И тут надежда, как водится,
Только на свой народ —

Оболганный, обворованный
И внешне, и изнутри,
Покоем не избалованный, —
Свидетельствуют словари,
Народ терпеливый,
бедный,
Но все равно —
победный.

ЛЮБВИ И МУЗЫКИ ПОЛНА

Батый не вытоптал ее
Орды безжалостным наскоком.
И крестоносец на копье
Не взял, споткнувшись ненароком.

Попробовать согнуть в дугу
И задушить ее — опасно.
Ни времени и ни врагу
Она открыто неподвластна.

В години грозных непогод
Брала святое знамя в руки
И за собой вела народ,
Деля с ним радости и муки.

Она не помнит зла. Она
Проста, доверчива при встрече,
Любви и музыки полна...

Я речь веду о русской речи.

* * *

Заря встает ли над холмом,
Иль туча вдруг нависнет мрачно,
Нередко думаешь о том,
Как жизнь сложна и многозначна.

Посмотришь, вроде все свои,
Но как разводит всех дорога.
И от любви до нелюбви
Совсем, совсем не так уж много.

Предаст ли оробевший друг
Или поддержит в час тревожный,
Удача ль выпадет из рук
В какой-то миг неосторожный.

Но все равно, пока живешь
И ждешь отбытья на причале,
Из чаши жизни радость пьешь
С добавкой горя и печали...

* * *

Мы все из распри, из раздора,
Живем в растерзанной стране.
Пройти к вратам небесным Рая
Не светит ни тебе, ни мне.

И все же, как это ни странно,
Жить надо так,
чтоб от земли
Душой мы к Небу покаянно
Тянуться все равно могли.

* * *

Прошли недавно и дожди, и снега,
Прошли объятья на краю села,
Прошли колхозы, кони и телеги,
И странно думать: вот и жизнь прошла...

Как многого, как многого не стало!
Ни тех родных, знакомых с детства лиц,
Ни дома в три окна, где пролистая
Судьба немало памятных страниц.

Потом другое было все, другое,
То радостнее вдруг, а то больней,
Другое, но такое дорогое
В любви и грусти пролетевших дней.

Не потому ли так устало листья
Роняет роща, тихая уже,
И столько в ней, осенней, бескорыстья,
Как света в повидавшей все душе...

ВЫШЛА КНИГА

Силкин В.А.

Берег осяянный: стихотворения. М.:
Грифон, 110 с.

В книгу лауреата Государственной премии России Владимира Силкина вошли как новые стихи, так и произведения, созданные поэтом в разные годы. Владимир Силкин вдохновенно и лирично пишет о русской природе, временах года, зверях и птицах, о жизни людей, порой очень и очень сложной, подчеркивая важность ответственности каждого за наш хрупкий мир. И еще, конечно, его стихотворения — о любви. Крепкой, искренней, настоящей...

Эти стихотворения перекликаются с лучшими образцами русской классической поэзии: «В полях у березовых троп, / Где вечером гасят ромашки, / Кукушек назойливый треп / Да всхлипы обиженной пташки. / Зато на сто верст синева, / Зато облака под ногами, / И песни, в которых слова / Для нас собирали веками...»

Редакция журнала «Родная Ладога» поздравляет поэта Ирэну Андреевну Сергееву с 90-летием!

Ирэна СЕРГЕЕВА

«И МОЛИТВА, И СЛУЖЕНИЕ, А НЕ ТОЛЬКО МАСТЕРСТВО...»

Ирэна Андреевна Сергеева — родилась в 1936 г. в Ленинграде. Писательница, прозаик, поэтесса, переводчица и критик. Член Союза писателей СССР (с 1976 г.). Член Высшего творческого совета и секретарь Правления Союза писателей России (с 1994 г.). Автор многих книг стихов, составитель коллективных тематических поэтических сборников. Лауреат многих премий: им. Александра Невского, им. Прокофьева, «Традиция» и др. Награждена государственной медалью А.С. Пушкина. Председатель секции поэзии Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Дорогая Ирэна Андреевна! Мы рады, что на протяжении многих лет Вы доверяли свои стихи и статьи «Родной Ладоге». Мы знаем по отзывам читателей, что Ваше творчество, посвященное Богу, высшим истинам, Санкт-Петербургу и великой России, вызывает интерес и добрые чувства. Вы — человек активный, деятельный, имеете много изданных книг, высоких наград, званий и учеников. Желаем Вам творческого долголетия и укоренения Вашего поэтического слова в сердцах молодого поколения.

* * *

Далече от осени, лета, весны,
не въявь это было.

Какие-то странные

снились мне сны,

но я все забыла.

Любовь и надежда

остались со мной,

мечта и тревога...

Далече от жизни телесной, земной,
но близко от Бога.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ЛЕОНОВА

Он приходил ко мне — в журнал —
то было сорок лет назад.

Не про любовь стихи читал —
про наш любимый Ленинград.

И навсегда остался тем
романтиком. Стране служил:
он был поэт гражданских тем —
он гимны Родине сложил.

Пред юбилеем он ушел...

Недуг тревог неодолим...

А как, бывало, хорошо
мы разговаривали с ним...

* * *

Литературная пехота!
Идти на штурм тебе охота
издательств разных и эстрад.
Но быть бы живу! Не до жиру!
Нас всех расставит по ранжиру
погонщик электронных стад.

Я выше, не с руки такое...
Вот расцветает каланхоэ,
Востоку кланяясь в окне.
Я на него смотрю, люблюсь,
эстрадой не интересуюсь...
А стих рождается во мне.

КТО? ИСТОРИЧЕСКОЕ

Да, скифы мы...

А. Блок

Были скифы, сарматы, гунны,
на конях постигали степь.
То ли солнечны, то ли лунны,
под богами созрела крепь.

Крепь душевная наливалась,
кровь немалая пролилась...
Кто? Не узнана даже малость.
Кровь над нами имеет власть.

* * *

В год юбилея выжить, не болея!
Подарок мне — белейшая лилея!
Милейший друг принес и преподнес.
Светлейший друг, живем в стране Борея,
всю жизнь в борьбе... Как выжить, не старея?
Как нам вообще-то выжить? — Вот вопрос.

ЛОДКА У БЕРЕГА

Игорю Персианову, акварелисту

Ваша лодка к картине причалена...
Чем сегодня она опечалена?
К лодке осень еще не пришла,
и должна быть она весела.

Присмотреться к художнику надобно:
он печалью умеет порадовать.
В лодке скрыта мечта ремесла —
на картине она — без весла.

* * *

«Не скоро...» — думалось когда-то.
Но вот я ставлю эту дату:
«Две тысячи двадцать шестой».
Так жизнь летела, проносилась,
она как будто бы приснилась,
и получилась не простой.
В мгновенья — чудной, днями — жуткой,
порой казалась злою шуткой,
с годами — просто никакой...
Живешь, плывешь, сквозь зубы стонешь,
не скоро — думаешь — утонешь,
влеком судьбою, что рекой.

* * *

Друзья мои! Все ясно между нами.
Всё назовем своими именами.
Врага давайте назовем врагом —
не либералом и не дураком.

Под вечер небо — алое на сини,
и думать мне бы только о России,
о горизонте, где белеет храм...
Враг ходит рядом, угрожая нам
и Родине... Она пребудет в силе!

* * *

Война никуда не уходит,
все ярче с годами горит.
Но это во мне... А в народе?
Еще чей-то прадед забыт...
Прошу вас, его отыщите!

Есть «Подвиг народа» в сетях...
Историю нашу шадите —
хозяева вы, не в гостях...
А недруги в дьявольской свите
все пляшут на русских костях...

ЛЮДИ

И молитва, и служение,
а не только мастерство...
И в душе — как будто жжение —
место Бога моего.

Там Любовь живет и здравствует,
справедливость, долг и честь...
Люди есть у нас прекрасные,
хоть немного их, да есть.
Супостатам их не съесть!

* * *

...отшумела, как платье твое...

А. Блок

Я с годами мужала и крепла,
став сильней, чем была молодой,
возрождалась, как Феникс из пепла,
с каждой новой бедой.

Я про дух говорю, не про тело,
дух взлетает, отбросив старье...
Неужели вся жизнь пролетела —
словно счастье мое?

МАМЕ

У меня такое счастье:
как в былое ни смотреть —
не смогло оно промчаться,
не смогло и умереть.

Все твои заветы, мама,
глубже моря, выше гор.
Ты была мудрейшей самой,
и осталась до сих пор.

ПРОСТОР МОЕЙ СТРАНЫ

Вячеславу Тухтунскому

Простор моей страны за горизонтом тает,
с беспутницей и с ветром он знаком.
Его познать хотим, но жизни не хватает,
завистникам — он словно в горле ком.
В душе неоспорим, незаменим, не пройден.
Уже стреножен шаг. А не расстаться с ним —
с простором Родины, в которой много «Родин»...
Про сто напишут, но простор — один.

* * *

Уже июнь, а не нашел подругу
себе под стать голубчик-соловей.
Но радует ночами всю округу
да и меня он песнею своей.

Пусть будут песни,
а любви не надо...
Подруги нет, зато в душе огонь,
зато сейчас в сиренях палисада
играет одинокая гармонь.

* * *

И «ворд» порою врет,
и на экране диктор
порой как сказанет —
безграмотность и дикость!

Как защитить тебя
сегодня, речь родная?
Гляжу вокруг, скорбя...
Неужто здесь одна я?

* * *

Всю жизнь слова я собирала...
Век девятнадцатый дарил
речам — дворянство идеала,
акценты дворни и родни.

Да, наш народ многообразен,
и наш характер, и фольклор.
Наш князь Олег и Стенька Разин
нас восхищают до сих пор.

ЗДРАВИА ЖЕЛАЮ

Борису Орлову

Боец почти невидимого фронта,
он никогда в отставку не уйдет.
Он реалист, совсем не Дон-Кихот,
его со злобой поминает фронта.

А я всегда с любовью вспоминаю,
о здравии записки подаю.
Он — адмирал
в гражданственном бою.
Его поздравлю: «Здравия желаю!»

В БОЙ

Котят осмотрели автомат,
и спать легли к солдату в каску.
Солдат сказал котенку — «брат»,
так проявив мужскую ласку.
И, осторожно всех переложив
в «гнездо» из плащ-палатки, —

«Не плакать, не скучать,
пока я жив, —
сказал. — Всем спать, ребятки!»
Взял каску, автомат, спеша,
и выпрыгнул из блиндажа...

* * *

Закопаем окопы,
на могилах поставим кресты.
Что такое «укропы» —
позабудем — и что «блокпосты»...

И придем в нашу Лавру,
вновь святыни ее освятим,
оправдав нашу Правду...
Будет сладок Отечества дым.

**Митрополит
Петрозаводский
и Карельский
КОНСТАНТИН (Горянов)**

«И ПОЗНАЕТЕ ИСТИНУ»

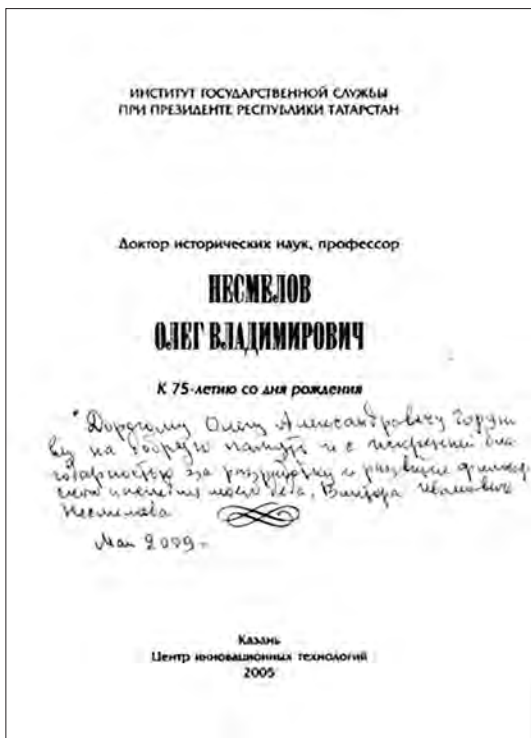
*Основные составляющие
понятия «мировоззрение»:
наука, философия, религия*

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю;
Я — царь, я — раб, я — червь, я — бог!*

Г.Р. Державин, ода «Бог»

В современном обществе многие фундаментальные условия существования человеческого общества и самого человека подвергаются неоправданному, бездоказательному пересмотру, как и собственно мировоззрение. Во имя новизны, подобно моде, уничтожается историческая традиция. Но что мы понимаем под традиционными законами бытия? Начну издалека, с теории профессора

Митрополит Петрозаводский и Карельский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий медицинский институт. В 1981 г. защитил канд. дисс. в Смоленском медицинском институте. Работал старшим преподавателем. В 1986 г. во время учебы в Московской духовной академии пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, иеромонаха. После окончания МДА защитил канд. дисс., оставлен преподавателем Ветхого Завета. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. рукоположен во епископа Новгородского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. каф. богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии нескольких журналов, член нескольких академий (РАЕН и др.). Награжден многими церковными и научными наградами. Член СП России, лауреат ряда литературных премий. С 2008 г. правящий архиерей Курганской епархии, проректор Екатеринбургской ДС. С мая 2015 г. митрополит Петрозаводский и Карельский, глава Карельской митрополии. Возглавлял Церковно-общественный совет по биомедицинской этике и Синодальную богослужебную комиссию.

Титул книги с подписью внука
Виктора Несмелова для митрополита
Константина (Горянова)

метафизики Виктора Несмелова (1863–1937), которому была посвящена моя диссертация на тему «Русская религиозно-философская антропология на рубеже XIX–XX веков: В.С. Соловьев и В.И. Несмелов», защищенная в Московской духовной академии в 1990 году. Научный руководитель — профессор Н.К. Гаврюшин. Первые публикации о Несмелове: «Жизнь и творчество Виктора Несмелова» в «Вестнике Белорусского Экзархата»¹. Для меня судьба и работы этого выдающегося религиозного философа имеют, можно сказать, личное значение, так как я посвятил Несмелову многие годы своего творчества как богослов и преподаватель, одним из первых в духовных школах проанализировав его философию. Впоследствии мне удалось найти его фото, уточнить и исправить в официальной печати дату смерти ученого, пообщаться

с его внуком Олегом Владимировичем Несмеловым, который в благодарность за мои поиски и труды подарил мне свою книгу с благодарственной надписью.

Но почему разговор о мировоззрении мы начинаем с философии — науки сложной, личностной, пристрастной, претендующей на все знание о мире? Ею и окончим нашу статью. Потому что: «Каждый человек ищет в философии свое, — пишет доктор философских наук, антрополог Александр Аркадьевич Корольков, — профессиональный философ — не исключение. И когда человек равнодушен к встрече с философией — это тоже его “свое”, его жизненный этап, который у некоторых может затянуться до земного конца.

Есть правота возраста и правота увлечений, но есть и их неправота. Политики любят для достижения властных целей подключать юных с их брожением физиологических сил и ощущением абсолютной значимости, субъективной вечности. Худо, если философ не способен **всмотреться в чужие миры**, в чужие ценности, даже если он их считает неприемлемыми для своего этапа развития — всмотреться не для того, чтобы оправдать или принять, но, во всяком случае, понять»².

¹ Вестник Белорусского экзархата. 1990. № 5. С. 32–36; 1991. № 6. С. 40–44.

² Корольков А.А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 160.

В августе 1912 г. ординарный профессор Казанской духовной академии, автор трудов по философской антропологии Владимир Иванович Несмелов прочитал цикл лекций на богословских курсах для отцов-законоучителей средних учебных заведений на тему «Вера и знание с точки зрения гносеологии». Материалы лекций в сжатом виде повторяют основные положения, ранее изложенные в 1-м томе его труда «Науки о человеке. Опыт психологической истории и критики основных вопросов жизни» (Казань, 1905 год). Вспомним об этом исследовании, поскольку автор здесь доказывает правомерность не только научного и философского познания бытия, но и религиозного.

В.И. Несмелов с самого начала разграничивает составные части понятия «мировоззрение»: наука, философия и религия. Наука не ставит вопрос: какой смысл в изучаемой деятельности мировых сил и к чему направляются изучаемые нами бесконечно сложные процессы во Вселенной. В пределах опытного исследования природы это совершенно неразрешимо. Так, например, несмотря на огромные достижения науки, ученые в своих опытах не могут «из ничего» (*ex nihilo*) создать хотя бы один грамм вещества. «Хотя, — как говорит Виктор Несмелов, — мир и представляет собою для нашего познающего мышления обширную книгу, однако эта книга, в эмпирическом данном составе ее, оказывается для нас книгою без начала и без конца». Поэтому естествоиспытатель не вправе ставить вопрос о смысле мирового существования.

Ученые ставят эти вопросы, во-первых, потому, что это интересно, а во-вторых, потому, что в мире существует та полоса реальной действительности, которая создается человеческим разумом. Она представляет собой планомерно организованную систему целей и средств. Я приведу такой пример: мы с вами живем в огромном городе, который выстроен по какому-то плану, в нем (если не произойдет поломка) четко функционирует метро, действуют различные учреждения, существует сложно организованная система координации и управления различными службами города и т.д. Вспомним также такие шедевры человеческого интеллекта, как космические корабли. Этот мир, создаваемый человеческим разумом, в свою очередь, в каждом человеке создает субъективную уверенность, что все мировое бытие тоже опирается на какое-то разумное основание, тоже построено по плану и тоже преследует какие-то разумные цели. Однако они экспериментальному исследованию не подлежат. Поэтому, оставленные наукой, но научно вовсе не устранимые, эти вопросы смысла бытия и другие неизбежно создают рядом с экспериментальной наукой другую, умозрительную науку — философию.

Философия изучает тот же самый мир, но с точки зрения конечных причин, опираясь на данные естественных наук. То есть, философия «дополняет положительную науку не какими-нибудь фактическими познаниями неведомых границ мирового бытия, а исключительно только своими рациональными соображениями относительно конечного смысла и значения мировых процессов». Стремясь выразить идею планомерного устройства мира, философия располагает научные факты по той или иной схеме. Так человеческий разум создает философские системы.

Однако человеческий интеллект так организован, — продолжает Несмелов, — что по своей природе он способен рассматривать или оценивать мир не только с точки зрения времени, но и с точки зрения вечности.

С этой «точки зрения он рассматривает тот же самый мир вещей и событий в религиозном созерцании его безусловной основы, и потому с этой религиозной точки зрения, мир представляется уже не только механическим сцеплением преходящих вещей и событий, но и реальным осуществлением во времени вечных идей и хотений Бога». Отметим для уяснения этой мысли, что философия у Несмелова отличается от религии еще и тем, что религия есть жизнь по вере в Бога, а философия есть мысль об истинной жизни по истинной вере в Бога. А жизнь не менее важна, чем мысль.

Несмелов этим не удовлетворяется и делает попытку доказать объективность веры. Существует факт реальной идеальности собственной человеческой личности, то есть «факт существования человека с такими реальными свойствами, которые на самом деле находятся в решительном противоречии и с природой мира, в котором живет человек, и с природой самого человека как составной части мирового целого. Эти исключительные свойства человеческой природы заключаются в разуме и в свободной воле человека... Быть разумным значит не только познавать эмпирически данное бытие, но и творить идеи бытия, а быть свободным значит не только изменять формы и процессы данного бытия, но и творить само бытие по идеям творческого разума о нем». Наличие в человеке этих свойств делает его реальным образом живого, безусловного бытия, и поэтому человек интуитивно воспринимает присутствие в мире неведомого Безусловного Бытия¹. «Этот исключительный факт заключается в том, что интуиция улавливает в мировом бытии присутствие чьей-то всемогущей силы, от которой все держится, и чьего-то всевидящего ока, от которого ничто не укрывается».

Познание о Боге не создается человеком из какой-либо произвольной идеализации себя или пустой абстракции, — возражает Несмелов Фейербаху, — а оно непосредственно дано человеку, или, точнее, оно фактически осуществлено в человеке действительной идеальностью его сверхчувствительной личности. Жизнь показывает, что даже фантазии иногда осуществляются: радио, телевидение, космические полеты, искусственный интеллект и даже ставшие привычными смартфоны.

Человек — это «одушевленный организм». Что же касается мысли Несмелова о том, что положительная наука в конечном итоге «рассматривает человека лишь в качестве добычи для могильных червей», то он констатирует факт: наука сама по себе, в отрыве от метафизики жизни и религии, не в силах раскрыть тайну жизни человека и исследовать его духовную природу. Наконец, справедливо утверждение Несмелова, что «тождество человека создается исключительно только единством его личности, которое обеспечивается самосознанием». Самосознание — это высшая форма сознания.

Физиологическая жизнь человека определяется не природой его личности, а природой его физического организма. «При всех своих огромных успехах в культурном преобразовании действительности человек все-таки остается в пределах и условиях физического мира, простой вещью мира,

¹ Справка: Безусловное бытие — это философско-религиозное понятие, обозначающее самодостаточное, вечное и всеобщее первоначало всего сущего, которое не зависит ни от каких условий и причин. Оно мыслится как единое, бесконечное и противостоит всему относительному, обусловленному и преходящему. Человек разумный способен мысленно быть свободным от условий времени, пространства и образа действия, зная при этом, что время его жизни 70–80 лет, в конце — два метра на кладбище и могильные черви. Условное бытие вступает в противоречие с безусловным бытием.

которая и возникает, и разрушается лишь в силу необходимых законов физической природы и потому неведомо зачем существует под формой личности». Наша личность существует в условиях физического мира, но своей духовной природой она выражает не мир, а «истинную природу Бесконечного и Безусловного Бога». Думая о Боге, человек думает о себе самом, и, глубоко размышляя о себе, человек постепенно приходит к мысли о Боге.

Таким образом, основы метафизики заключены в самой двойственности бытия человека и его самосознании, ибо «человеческое самосознание является не просто лишь идеальным пунктом психических явлений, но и творческой энергией разумной жизни сознания». В человеке есть нравственное сознание, возникающее из духовной природы его личности и делающее его причастным к иному миру — горнему и духовному.

В.И. Несмелов анализирует возникающие конфликты между верой и знанием: «Религиозная вера и научное знание опираются на разные данные мышления и рассматривают мировое бытие с разных точек зрения; а потому, не переступая своих природных границ, они никогда и ни в чем не могут взаимно противоречить друг другу... И тем не менее, наука и религия в действительности лишь очень редко находились между собой в добром согласии, потому что они лишь очень редко не пытались одновременно овладеть обеими точками зрения на мир, и вследствие этого они лишь очень редко не покушались взаимно заменить одна другую». В самой резкой и болезненной форме это вторжение в область эмпирической науки осуществил римско-католицизм, причем неудачно и совсем напрасно. В итоге добрый христианин и ученый в одном лице ставился в положение двумыслия. Несмелов приводит трагические примеры Коперника и Галилея.

Философия по возможности пытается примирить веру с наукой. Так разъясняет сложные взаимоотношения философ и ученый Александр Корольков: «Отрицателям веры не мешало бы подумать над тем, что их собственный выбор жизненного пути определяется не наукой и рассудочными размышлениями, а все-таки верой — верой убогой, если жизнь устремлена к вечному владению, поискам сладострастия, и верой высокой, духовной, мера коей достигается внутренней духовной работой, духовным деланием. Разница судеб в истории народов всегда происходила от разницы в вере, равно как и судьба отдельного человека определяется тем, во что он верил. Истинная вера придает силы всей жизни, становится смыслом поступков и устремлений человека»¹.

Современная русская наука, взошедшая на квантовый уровень, однако, пытается подвести теоретические доказательства под объективность веры.

Продолжая исследование поставленного вопроса, посмотрим на этот процесс, не забывая учение преп. Максима Исповедника, который описывал логосы бытия² в их единстве, устремленном к Логосу Бога. *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале*

¹ Корольков А.А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 179–180.

² Справка: Логосы бытия обозначают предвечные Божественные замыслы, идеи или волнения, согласно которым создан мир и существует все сущее. Слово «логос» происходит от греческого λόγος, которое имеет широкий спектр значений: слово, речь, изречение, разум, разумное основание, причина, смысл, понятие. В православии понятие «логос» имеет несколько значений, в том числе: именование Сына Божия, второго Лица Святой Троицы; обозначение Божественного откровения, «слова Божия»; название идей или замыслов Бога, сообразно которым создан мир.

у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:1–3). Слово — по-гречески Логос. Богослов доказывал, что Бог открывает Себя в Своих энергиях не тем, кто размышляет о Нем, но тем, кто стремится к богообщению через умственный труд, изучение Священного Писания и приобщение ко Христу через церковные Таинства. Последнее утверждение понятно, так как постижение логосов возможно только через очищенный ум, который отличается от ума, настроенного на эмпирическое восприятие или научно-философское исследование.

Образцом такой возможности является Христос. Он, по слову святого Афанасия Великого, «не принял греха в рождении и в жизни Своей сохранил навсегда произволение нетленным и непреложным»¹. Он показал образец совершенства; это было возможно, так как Христос — Бог — Воплощенный Логос: «И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца» (Ин. 1:14). Но, явив людям Свою божественную жизнь, «Господь открыл им и духовное ведение, и как Сам Он по уму Своему чужд был всякого греховного неведения и имел сокровища премудрости» (святой Афанасий Великий)².

Труден вопрос о проявлении свойств божественного бытия в мире и способах этого проявления, имеющий отношение к Логосу как творческому принципу. Как подчеркивает свт. Максим Исповедник, в Логосе все бытие причастно Богу. «Весь мир как бы висит на этих λόγοι, имея в них истинную свою сущность. По ним же, как по Своим хотениям или предопределениям, и Сам Логос познает мир. Через них Он выражает Свои отношения к миру и осуществляет объединение его с Собой. Логос предвечно содержит в Себе все λόγοι. Из Него они исходят для образования мира и в Нем снова объединяются как своим Источнике. Объединение это совершается через обобщение. Образую все более общие группы по видам и родам, λόγοι наконец восходят к Премудрости и Рассудительности Божией, содержащей все общие и все частные λόγοι»³.

«Образ Божий» является основой антропологии: человек есть **образ** во всех своих составляющих — в отношении к миру, к другому человеку и к Богу. «Православная энциклопедия» дает следующее определение: «Образ Божий — ключевое понятие христианской антропологии, обозначающее богодарованное начало в человеке, проявляющееся в высших духовно-нравственных качествах, позволяющее жить в общении с Богом и уподобляться Ему»⁴.

Если описательно и синтетически рассмотреть изначальное строение человека, то обнаружится, что его существованию присуще неустранимое напряжение между тождеством и различием, проявляющее себя в некоторых антропологических полярностях. Эти полярности, не разрушая единства «я», придают неизбежно драматический характер всему его земному пути. Действуя, человек открывает, что ему свойственны три полярности:

¹ Цит. по: Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М.: Мартис, 2003. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 65.

⁴ Леонов В., прот. Образ Божий. М.: Православная энциклопедия, 2018. Т. 52. С. 275–286.

дух — тело, мужчина — женщина, индивидуум — община. При этом становится ясно, что душа указывает на присутствие в человеке некоего фактора, который, хотя и отличен от Бога, но причастен Его духовной природе¹.

На основе евангельских заповедей можно видеть различие догматического и этического компонентов как переходных этапов к компоненту мистическому. Догматический компонент: «*Веруйте в Бога и в Меня веруйте*» (Ин. 14:1), «*Я есмь путь и истина, и жизнь*» (Ин. 14:6). Этический компонент: «*Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня*» (Ин. 14:21). Мистическое содержание выявляется, когда «*Иуда — не Искариот — говорит Ему: Господи! что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру? Иисус сказал ему в ответ: кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим*» (Ин. 14:22–23).

Относительно человека Отцы Церкви считали, что именно в добродетели и ведении заключается его богоподобие, его благобытие. Отправная точка антропологических построений Несмелова — это загадочная двойственность человеческого бытия в этом мире. С одной стороны, человек — дитя природы, «простая вещь» физического мира, подвластная его законам. Эти законы равнодушны к тому, что человек, существующий как неповторимая личность (даже отпечатки пальцев не повторяются), разрушается подобно всему остальному. С другой стороны, человек, обладающий разумом, свободой и нравственностью, ясно сознает свою безусловную ценность, выходящую за пределы мира вещей. Несоответствие идеальной природы личности человека реальным условиям приковывающего его мира делает его существо двусмысленным, исполненным внутреннего конфликта. Несмелов обнаруживает, что тяга человека к идеальной жизни, его нравственные устремления не сводятся к субъективным желаниям, как утверждает позитивизм, а являются атрибутом объективной природы человека, чья духовная сущность прямо противоречит условиям его физической жизни и, стало быть, не вытекает из них. Можно привести пример: так, физиологическая жизнь тела осуществляется сложнейшими, очень жесткими механизмами регуляции. Повышение или понижение температуры тела на 5 градусов — это катастрофа, 5 минут без кислорода — это смерть мозга. Может ли такая физиология породить в человеке чувство свободы?

Таким образом, сознание и его высшая форма — самосознание — вступают в противоречие с наличной действительностью. Например, в природе побеждает сильнейший и беспощадный, но человеку свойственно иногда проявлять и милосердие во вред себе. Так, пост — это свободное по религиозным соображениям ограничение себя в пище, человек способен на какое-то время своим сознанием подавлять безусловный пищевой рефлекс. Животное ест, пока не наестся. То же можно сказать и о добровольном девстве как подавлении безусловного инстинкта размножения и т.д. В жизни чаще всего злой побеждает добряка, пройдоха обманывает честного и т.д. Все люди это прекрасно знают и, тем не менее, многие стремятся к осуществлению добродетелей. Например, подвиг мучеников за Христа — это яркое выражение

¹ Скола А. Богословская антропология. М.: Христианская Россия, 2005. С. 159, 179.

стремления сознания человека к надприродному, к безусловному. Человек способен на какое-то время преодолевать условия наличного бытия.

Об этом прекрасно писал в свое время еще святитель Григорий Нисский: «Следовательно, в нас есть идея всяческой красоты, всякой добродетели и премудрости и всего, о чем известно, что оно относится к самому лучшему. Одному из всех [человеку] необходимо быть свободным и не подчиненным никакой естественной власти, но самовластно решать [так], как ему кажется. Потому что добродетель — вещь неподвластная и добровольная, а вынужденное и насильное не может быть добродетельностью»¹. Это положение Несмелов развивает и подчеркивает, что в человеке есть безусловное, надприродное начало: разум, самосознание, свобода и нравственность — значит, безусловное начало есть и вне человека: ведь материальное зеркало не может отражать несуществующий предмет, и тень без предмета не существует. И здесь Несмелов делает сильнейший ход, выдвигая небывалую идею религиозной антропологии: человеческая личность является даже не зеркалом по отношению к Богу, а самым изображением Бога, и «образ Божий в человеке не возникает под формою какого-нибудь явления сознания, а представляется самою человеческою личностью во всем объеме ее природного содержания, так что это содержание непосредственно открывает нам истинную природу Бога, каким Он существует в Себе Самом». Человек лишь потому существует в качестве личности, что отображает в себе Безусловную Сущность и Личность. Истина бытия Божия утверждается здесь на неизвестных ранее основаниях. Эта мысль Несмелова — что образ Божий отображается не в какой-либо одной составляющей человека, например в уме, а в совокупности всех проявлений личности: самосознании, свободе воли, разуме, нравственных устремлениях, творчестве — стала господствующей в религиозной антропологии². И это продолжается в православной концепции «богословия образа».

Справка: понятие «личность» в философии до христианства отсутствовало по причине того, что человек является образом Бога, и наоборот — он вследствие того и есть образ Божий, что существует в качестве личности. В отношении каждой личности Бог имеет Свой неповторимый замысел, который, однако, не является предопределением. В его реализации каждая личность абсолютно свободна и ответственна перед Богом.

Атрибуты личности:

Самосознание — способность созерцать самого себя как разумное существо, отличное от других, как неповторимое, неделимое «Я».

В определенном смысле личность — это и есть осознающее себя в своей уникальности свободное сознание. Субъективное опознание себя как личности происходит путем рефлексии.

Самоопределение — способность осознавать себя в пространстве бытия, наблюдать движение своего «Я» во времени, в истории.

Свобода — независимость личности (даже от Бога) при принятии решений.

¹ Нисский Григорий. Об устройении человека. СПб.: Аксиома; Мифрил, 1995. С. 54.

² См. подробнее: Константин (Горянов), архиеп. Религиозно-философская антропология В.И. Несмелова // Константин (Горянов), архиеп. И познаете истину... СПб.: Родная Ладога, 2011. С. 223–292.

Выбор — способность предпочитать, выбирать, принимать решения и реализовывать их.

Вера — способность самоопределяться без опоры на личный опыт, теоретические рассуждения и природные основания.

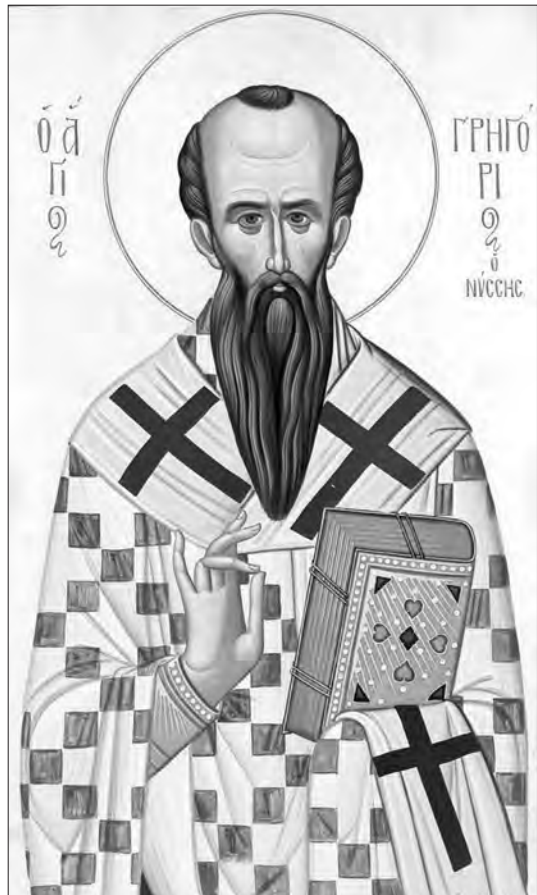
Ответственность — готовность принимать на себя последствия принятых решений и совершенных поступков.

Кроме этого, личностную обусловленность имеют большинство категорий из нравственной сферы жизни человека: добро, зло, истина, справедливость, доверие, сомнение, надежда, любовь, благоговение, страх и др.

Неотъемлемыми атрибутами личности являются также творчество, владычество, бессмертие, целостность, неделимость, уникальность и др.¹

Выдающийся православный философ Владимир Николаевич Лосский (1903–1958) поясняет: «Человеческая личность поднимается над всяким познанием, она трансцендирует, превосходит nous (ум) в единении, которое есть порыв к непознаваемой природе (Божией), к мраку божественного покоя (ησυχια) — и здесь мы вновь видим “бесконечное восхождение” из учения св. Григория Нисского. Итак, одновременно Христос виден лицом к лицу, Бог полностью являет Себя и познается в раскрывающем Его διακρισις (различении); однако и в соединении (с человеком) Он превыше всякого видения, всякого познания, ибо Его сверхсущностная природа остается всегда недоступной»².

Укоренение в церковной жизни, обретение человеком своего богоподобия ставит перед ним неизбежный вопрос: зачем тогда христианину вся остальная культура, в том числе наука и философия? Но этот вопрос может задать далеко не каждый христианин, ведь, как разъясняет доктор философских наук, доктор богословия, математик, профессор Владимир Николаевич Катасонов, говоря о различии философских систем: «Если же мы понимаем, что нам дана в опыте сама реальность, то сразу встанут новые вопросы: как,

Святитель Григорий Нисский

¹ Леонов В., *прот.* Основы православной антропологии: учебное пособие. М.: Изд-во Московской Патриархии РПЦ, 2013. С. 118–119.

² Лосский В.Н. О догматическом и мистическом богословии. М.: Академический проект, 2025. С. 480.

каким образом, какой способностью мы можем касаться этой реальности, того, “что есть на самом деле”? Каков характер этой реальности? Каково наше место в ней? Ответы могут быть различными. Так Платон учил, что истинная реальность есть “мир идей”, а вещи представляют собой лишь не-совершенное их отражение в материи. И в познании, которое, соответственно, оказывается иерархичным, мы должны восходить от “замутненного” чувственного познания к ясному разумному познанию истинного мира идей. Для Аристотеля то, что мы познаем — *сущность вещи* — есть уже другое: конкретная вещь, определенное единство формы и материи. Новое время дает свои ответы на этот вопрос. В зависимости от того, какую из этих метафизических картин реальности мы принимаем, мы будем по-разному интерпретировать познание, вообще говоря, по-разному понимать науку»¹.

Стремление к поиску единых форм и формул особенно заметно в работах математиков-философов. Вспомним вновь выдающегося богослова Григория Нисского (332—ок. 395) из плеяды трех великих каппадокийцев, младшего брата Василия Великого, друга Григория Богослова, который сформулировал в математических терминах возможность спасения и наличие вечной жизни: «Актуальная бесконечность Божественного бытия определяет динамическую (потенциальную) бесконечность человеческого пути и подвига, в котором всегда есть начало дальнейшего — даже за пределами земной жизни и самого времени, — это “полнота, никогда не ограничиваемая насыщением”»².

Несмелов опирался на святоотеческую традицию, в частности на святителя Григория Нисского, которому была посвящена его магистерская диссертация, вышедшая затем по решению ученого совета Казанской духовной академии отдельной книгой. Несмелов развил антропологические основания образа Божия у святителя, который учил, что человеку, приведенному в бытие для наслаждения божественными благами, должно иметь в естестве что-либо сродное с тем, чего он причастен. Поэтому он украшен и жизнью, и словом, и мудростью, и всеми боголепными благами. Несмелов пишет: «Одно из первых доказательств в пользу христианского учения о человеке св. Григорий находит в том, что только это учение вполне гармонирует с общечеловеческими идеалами, что только оно дает надежную крепость идеям добра и зла и что с преобладанием мнения противников жизнь человеческая должна представляться самою бессмысленной насмешкой судьбы»³.

Или Николай Кузанский (1401–1464), немецкий философ, математик, кардинал. Почти за два века до Галилея он утверждал: все светила, включая Землю, движутся в пространстве, и каждый наблюдатель вправе считать себя неподвижным. За пять веков он предвосхитил теорему Геделя (1906–1978) о «неполноте основания», в XX веке сражавшегося математикой с атеизмом. Николай Кузанский выпустил трактат «Об ученом незнании» (1440): «...не будет более совершенного постижения, чем явить высшую

¹ Катасонов В.Н. Христианство, наука, культура. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. С. 11–12.

² Флоровский Г., *прот.* Восточные отцы IV века. Григорий Нисский. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vostochnye-ottsy-iv-veka/6 (дата обращения: 25.03.2026).

³ Несмелов В.И. Догматическая система святого Григория Нисского. СПб.: Общество памяти игуменни Таисии, 2013. С. 305.

умудренность в собственном незнании...». Основой его философии являлась теоретико-познавательная концепция совпадения противоположностей в Боге, где все рассудочные противоречия снимаются. Метафизически и теологически он считал, что Бог есть Единое.

«Противоположности, притом в разной мере, свойственны только вещам, допускающим превышающее и превышаемое; абсолютному максимуму они никак не присущи, он выше всякого противоположения. И поскольку абсолютный максимум есть абсолютная актуальность всего могущего быть, причем настолько без всякого противоположения, что совпадает с минимумом, то он одинаково выше и всякого утверждения, и всякого отрицания. Все, что мы о нем думаем, он не больше есть, чем

не есть, и все, что мы о нем не думаем, он не больше не есть, чем есть: он есть так же это вот, как и все, и он так же все, как и ничто; и он больше всего есть именно эта вот вещь так, что вместе и меньше всего она. Поистине, одно и то же сказать: “Бог, то есть сама абсолютная максимальность, есть свет” и “Бог есть так же максимальный свет, как минимальный свет”. Ведь не будь абсолютная максимальность бесконечной, не будь она всеобщим пределом, ничем в мире не определяемым, она не была бы и актуальностью всего возможного, как мы по божьей милости объясним ниже. Но это превосходит всякое наше понимание, неспособное на путях рассудка сочетать противоположности в их источнике; ведь мы движемся в свете того, что открывает нам природа, а любое природное знание далеко отпадает от бесконечной силы и связывать воедино бесконечно отстоящие друг от друга противоположности неспособно. Только непостижимо поднявшись над всякой дискурсивной рассудка, мы видим, что абсолютный максимум есть бесконечность, которой ничто не противостоит и с которой совпадает минимум. Максимум и минимум берутся в этой книжке как трансцендентные пределы с абсолютной значимостью: возвышаясь над всем определившимся в количество объема или силы, они заключают в своей абсолютной простоте все»¹.

Говоря о науке, мы подразумеваем в первую очередь «точные науки». Точность, формула, математическая зависимость — основные инструменты научного знания. Как говорил в 1786 г. И. Кант: «...Я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле

Портрет кардинала Николая Кузанского. Мастер жития Марии (Maître de la Vie de Marie) — художник, работавший в период с 1463 по 1480 гг. XV в. Фрагмент картины

¹ Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1979. Т. 1. С. 54–55.

*Афинская школа. Художник Рафаэль Санти, 1510–1511 гг.
Апостольский дворец, Ватикан**

лишь столько, сколько в ней имеется математики»¹. Современная наука, в реализации программы «дать точное математическое описание всему сущему», шагнула, кажется, за горизонт дозволенного, за *горизонт события*² самой человеческой жизни. Как говорит профессор Владимир Николаевич Катасонов: «В мире существует несоизмеримость: непрерывная величина, континуум не может быть целиком выражен через числовые соотношения. Тем самым античная наука принимала в качестве философской основы своих построений дуалистическую парадигму: наряду с поддающимся измерению в мире существует и иное начало, иррациональное... Наука же Нового времени претендует все измерить, притом с абсолютной точностью. Даже сами иррациональные соотношения она хочет мыслить как числа. Но возможно ли это? Обсуждение и обоснование подобного подхода требует уже более фундаментального, чем чисто научный язык, а именно — языка философского»³.

¹ Цит. по: Катасонов В.Н. Христианство, наука, культура. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. С. 7.

² Справка: Горизонт событий — это граница области пространства-времени вокруг черной дыры, за которой сигналы, распространяющиеся со скоростью света, полностью удерживаются тяготением и не могут уйти на бесконечность во внешнее пространство. Это невидимая граница, которая служит «точкой невозврата»: как только объект пересекает горизонт, он уже не может вернуться обратно, даже если будет двигаться со скоростью света.

³ Катасонов В.Н. Христианство, наука, культура. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005. С. 9.

* Дж. Вазари интерпретировал эту композицию как «изображение теологов, согласующих богословие с философией и алхимией. Персонажи: Зенон Китийский или Зенон Элейский, Эпикур, Федерико II (герцог Мантуи), Аристотель, держащий «Никомахову этику», Гипатия Александрийская, Сократ, Платон (портрет Леонардо да Винчи) с диалогом «Тимей» в левой руке, Плотин, Евклид (или Архимед) с учениками и другие гении.

Умозрительная философская школа отчасти устраняет некоторые вопросы, поставленные, но не решенные наукой. Выражая мнение многих других философов, профессор Александр Корольков убежден, что «русская философия искала целостности, глубины смысла; ей чужды извращения, как невозможны были извращения, допустим, сексуальные, в русской деревне: органика бытия, всей бытовой культуры отторгала возможность извращенности. По самому инструментарию русская философия в корне отличается от европейского философствования: жизнь души и просветленной чувственности невыразима в категориях, в понятиях рассудка... Сердцевина русской философии — душа человека, поэтому мало сказать, что русская философия антропоцентрична: она в еще большей степени богочцентрична, ибо учение о человеке здесь невозможно без предельных идеалов, возвышающих человека до соотнесенности с Богом. О человеке писали и гуманисты, и антигуманисты, но не забудем, что антропоцентризм гуманизма в конечном счете убил идеалы, привел в тупик, где Достоевский и Ницше обнаружили, хотя и по-разному написанную, но одну и ту же вывеску: “Бог умер!”». Сосредоточенность многих русских философов и богословов на высоком смысле понятия Богочеловечества — лишь особая форма все того же видения идеала»¹.

Хотя говорить о единой современной философской школе не приходится. Подробно непреодолимые различия, определяющиеся во многом национально-религиозным опытом, особенно непримиримые противоречия, усиливающиеся в веках между западной и восточной философией, исследует и разъясняет выдающийся современный философ Александр Казин. Рассматривая в целом и во многом критикуя философию католического мира, он оправдывает русскую религиозную философию, будучи убежденным, что «это особая форма духовного — в конечном счете религиозного — опыта, стремящаяся осознать и осуществить его средствами человеческого ума. Неверующих людей не существует: атеизм есть религия ничто»². Ученый так отвечает на главный вопрос человеческого бытия: «Что есть истина? — спросил две тысячи лет назад римский скептик у стоявшего перед ним Богочеловека. Он не понимал, что перед ним Сама Истина. Истина есть не что, а *Кто*»³.

Чтобы это разъяснить, философ делает экскурс в историю философии, по ходу дает свои оценки «великим умам» как православный человек. «С точки зрения христианства, даже самая утонченная античная диалектика есть ничто иное, как *плотское мудрование*: “это образ мыслей о Боге и о всем духовном, заимствованный человеком из его состояния падения, а не из Слова Божия”»⁴. Или: «Возьму на себя смелость, — говорит Александр Казин, — утверждать, что западная философия второй половины XIX и XX вв. в целом перестала быть *христианским* усилием человеческого духа. Христианство обращается к любви и вере человека в Небесного Отца, предполагающей *отречение* твари — в том числе и интеллектуальное — от своей

¹ Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 40–42.

² Казин А.Л. Космос, хаос и совершенство. Русский опыт: В 2 т. СПб.: Петрополис, 2025. Т. 1. С. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 23.

«Что есть истина?» Христос и Пилат.
Художник Н.Н. Ге, 1890 г.

мнимой самодостаточности и тем более от гордыни мнимой “божественности”. В человеке есть образ Божий, но Его подобие утрачивается в результате первородного и личного греха»¹.

О подвиге русской религиозной философии ученый говорит доказательно и с восхищением, с психологическим переживанием, с любовью. Вообще эта сложная, мудрая книга обладает художественной образностью, поэтическим строем, и правильно исследователь творчества Александра Казина — литературный критик, поэт Валентина Ефимовская — рассмотрение этого труда проводит в координатах науки, веры и любви. Иначе невозможно понять творчество автора, понимающего главный закон жизни, выраженный словами великого Пушкина. Прав А.С. Пушкин: «Нет истины там, где нет любви».

В. Ефимовская в статье «Что есть истина?» о книге А.Л. Казина пишет: «Любовь — высшая добродетель, истинная красота. В Священном Писании понятие “истина” часто заменяется словом “свет”, а ложь и неведение — словом “тьма”. Не имеющий любви не имеет и истины». *«Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому что тьма ослепила ему глаза»* (1 Ин. 2:9–11).

При всех показанных автором исторических трагических сюжетах становления и развития философии, при доказательствах отступления человека эпохи постмодерна от веры и любви книгу Александра Казина можно назвать книгой о любви и красоте, но не той, о которой сказал поэт Н. Заболоцкий, что *красоту обожествляют люди*, а о той, которая сама обожествляет людей. «Обожествляет — значит делает совершенными, подобными Творцу Вселенной»².

Как определить любовь? *«Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога»* (1 Ин. 4:7). Бог творит мир по любви и любовью. Слово Божие имеет творческую силу. Отношение по любви является залогом возможности

¹ Казин А.Л. Космос, хаос и совершенство. Русский опыт: В 2 т. СПб.: Петрополис, 2025. Т. I. С. 40.

² Ефимовская В.В. Что есть истина? // Верующий разум: сборник статей к юбилею А.Л. Казина. СПб.: РХГА, 2026. С. 291–292.

преодоления тварного естества и вхождения во славу Божию. Как говорит кандидат физико-математических наук, доцент, протонерей Кирилл Копейкин: «Христос-Слово есть тот просвет бытия, в котором высказывается и осмысливается бытие, обнаруживая свою устремленность к Богу. Именно во Христе достигается цель мироздания — соединение твари с Творцом, которое осмысливается как новое творение, а потому *“кто во Христе, тот новая тварь”* (2 Кор. 5:17)»¹.

По слову В.Н. Лосского: «Энергетическое взаимопроникновение тварного и нетварного во Христе находит свою аналогию в тварных существах, стремящихся стать “богами по благодати”. Действительно, они начинают становиться превыше материи, в согласии с телом, через желание, и превыше формы, в согласии с разумением, через созерцание; иными словами, они оказываются превыше единства материи и формы, которым обусловлены вещи дольные. Таким образом, с начальных этапов путь христианского совершенствования — как в *πρᾶξις* (практике), так и в *θεωρία* (теории) — есть путь обожения, превосходящего посредством благодати ограниченность нашей природы, а это полностью меняет духовную перспективу бытия — так, как она мыслилась Евагрием. Обожение относится ко всей полноте человеческой сущности. Во всем и всецело — и по душе, и по телу — сохраняя свою человеческую природу, человек столь же всецело — так же и по своей душе, и по своему телу — становится богом по благодати и по тому божественному великолепию обоживающей славы, что ему всецело и подобает»².

Абсолютный уровень любви — это жертва Христа. По мысли св. Максима Исповедника: «...Начальник спасения нашего прошел весь путь спасения до небесных чертогов: обновил рождение, исправил жизнь (избавил от страстей), приобрел нетление. По его стопам должны идти все спасаемые. Для достижения всех указанных благ искупления Господь, восшедши на небеса, даровал нам (в Духе Святом) свою божественную силу»³.

Постижение законов обожения можно исследовать путем науки, философии, богословия. Но невозможно обрести Царствие Небесное без любви к его Царю.

Сегодня мы живем в благодатное время, когда многие сердца людские исполнены любви. Как сказал Святейший Патриарх Кирилл в день просветителей вселенских Кирилла и Мефодия: «Господь нам с вами дает такое благодатное время не по нашим заслугам, а по жертвам мучеников, исповедников, всех тех, кто жизнь свою положил за Церковь и за Отечество. Мы должны быть ответственны и пред Богом, и перед теми, кто был до нас и кто не дожил до этих замечательных времен, когда у Церкви действительно открыты все возможности в полной мере совершать свое призвание — служить Богу, Отечеству и народу нашему». Русская Православная Церковь — источник любви, светоч веры, спаситель человека и Отечества и путь ко Христу.

¹ Копейкин К., *прот.* Богословский и естественнонаучный взгляд на природу // Христианство и наука: сборник докладов X Рождественских чтений. М., 2003. С. 45.

² Лосский В.Н. О догматическом и мистическом богословии. М.: Академический проект, 2025. С. 486.

³ Епифанович С.Л. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М.: Мартис, 2003. С. 91.

Связь ВРЕМЕНИ

**Протоиерей
Константин САВАНДЕР**

КОРЕЛЫ ПРИ ЕПИСКОПЕ СИЛЬВЕСТРЕ

Протоиерей Константин Юрьевич Савандер — родился в 1975 году. Священническое служение несет с 1999 года. Окончил Петрозаводский государственный университет, аспирантуру, выпускник Вологодской духовной семинарии. Настоятель храма в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» в микрорайоне «Ключевая» Петрозаводской и Карельской епархии.

Статья посвящена епископу Сильвестру — незаурядному человеку, первому архипастырю Корельской епархии, взявшему на себя тяжкий крест возрождения Православия на разоренной шведами Карельской земле.

Владыка безбоязненно воспротивился царскому указу Василия Шуйского о сдаче крепости Корелы (ныне Приозерск) шведской стороне, буквально возглавил военное сопротивление карельских крестьян врагу, став героем обороны города. Позже, уже в Вологде, епископа Сильвестра четыре раза пытались казнить поляки.

Подпись Владыки под грамотой Земского собора 1613 г. об избрании Михаила Федоровича на царство была восьмой по счету. Скончался Владыка в осажденном шведами Пскове в 1615 году.

Часть I. «Боевой епископ» Сильвестр

После неудач царя Иоанна IV Грозного в Ливонской войне его сын, царь Феодор Иоаннович, лично возглавил поход против шведов в 1590 году. Через пять лет, согласно Тязвинскому мирному договору между Россией и Швецией, шведы вернули Корелу.

После уточнения новых государственных границ начался трудный процесс возрождения. Карельский край был почти полностью разорен шведами еще в ходе «войны долгой ненависти»¹, начавшейся в 1570 году. Земля обезлюдела, большинство храмов и монастырей раз-

¹ *Петров И.В., Петрова М.И.* Православные карелы Кирияжского погоста под властью Швеции: исход. URL: http://melnikovo.org.ru/print/o_poselenii/istorija/sweden (дата обращения: 26.03.2026).

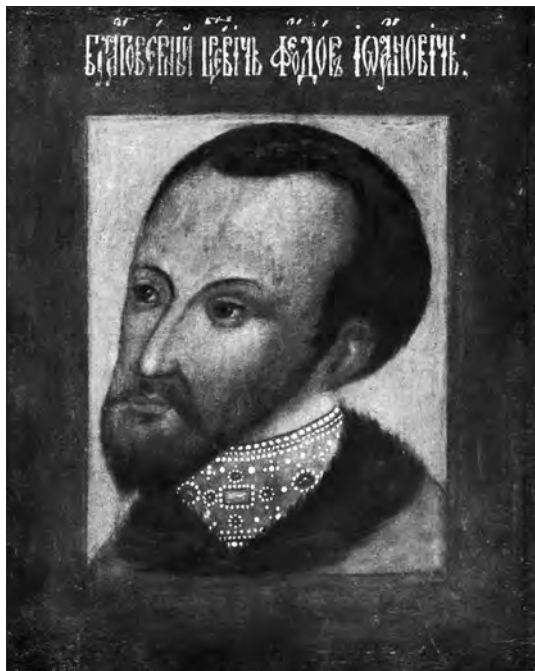
рушено. Во время экспедиции Делагарди действия шведской стороны были настолько «эффективными», что в «одном Корельском уезде из 4041 двора осталось всего лишь 440 дворов — остальные были разорены или уничтожены»¹.

Ранее, в октябре 1585 г., московское правительство пыталось выкупить Корелу, чтобы «монастыри и церкви христианские воздвигнуть по-прежнему, чтоб имя Божие славилось, потому что теперь все эти места разорены»². Можно предположить, что и большинство деревянных храмов были разрушены, а это десятки строений!

«В Кореле и ближних селениях “волостках” помимо пяти городских монастырей и кафедрального Воскресенского собора с приделом прп. Сергия Чудотворца размещались семь приходских церквей, — сообщает историк А.П. Дмитриев, — а на территории уезда, в шести погостах (близ современных поселков Гроново, Сосново, Куркиеки, Салми, г. Сортавала и оз. Иломантсиярви (на территории Финляндии)), — не менее десяти церквей (сохранилась лишь половина переписи погостов) и три монастыря на Ладоге»³.

Ситуация представлялась катастрофической. Не только священнослужителям, но и крестьянам питаться было нечем, не говоря уж о храмостроительстве. Хорошим подспорьем стала Жалованная грамота, освобождавшая жителей Корельского уезда от налогов на десять лет, но маловероятно, что после всех ужасов «войны долгой ненависти» сюда устремился народ.

Кроме того, важно было противостоять распространению лютеранства. Еще в 1554 г. была учреждена Выборгская лютеранская епархия; позже в Выборге открылись «низшая» лютеранская школа и библиотека⁴. Поэтому царь Феодор Иоаннович «вместе с воеводами послал в Кексгольм и святителя, чтобы очистить там православие от следов

Портрет царя Феодора I Иоанновича.
Неизвестный художник, XVII в.

¹ Гуляев А.А., Дмитриев А.П. Троицкий Сенной монастырь XV–XVII вв. — младший собрат Валаама и Коневца // Вуокса: Приозерский краеведческий альманах. Приозерск, 2000.

² Соловьев С.М. Соч.: В 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 7.

³ Дмитриев А.П. Корельская и Орешковская епархия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2057248.html> (дата обращения: 28.03.2026).

⁴ Чистович И.А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856.

Историко-краеведческий музей «Крепость Корела», расположенный в городе Приозерске Ленинградской области на реке Вуоксе

иноверия»¹, а Корельская (Кексгольмская) епархия стала форпостом на границе с враждебной Европой.

По сообщению церковного историка А.В. Карташева, Корельской епископии были поручены приморско-прибалтийские окраины Новгородской области, а подвижный центр епископии базировался на Олонецкий край², то есть большей частью на каноническую территорию современной Петрозаводской и Карельской епархий.

Первым епископом Корельским был назначен архимандрит Сильвестр, упомянутый в числе архимандритов московского Симонова монастыря. Хиротонисан во епископы он был в 1595 г. при учреждении кафедры.

Архипастырь открыл первую в русской Карелии народную школу³, «явился и преобразователем в области церковно-административного устройства: разделил обширные общины Задней Корелы, где на каждый погост приходилось по 2–3 церкви, на более мелкие приходы со своими храмами и священнослужителями»⁴.

Сохранились грамоты епископа Сильвестра, датированные маем 1599 г., с распоряжениями об устройстве храмов в Кореле⁵. Поразительно, что владыке удалось не только восстановить все городские церкви, но и построить

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 3 кн. СПб., 1843.

² Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. URL: https://otechnik.narod.ru/kartsh2_2.htm (дата обращения: 26.03.2026).

³ Koho P. Käkisalmen kreikkalaiskatolinen seurakunta taustanaan käkisalmen 700-vuotias linna ja kaupunki sen ympärillä. Joensuu, 1995.

⁴ Дмитриев А.П. Корельская и Орешковская епархия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/2057248.html> (дата обращения: 26.03.2026).

⁵ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

новую, во имя свт. Николая Чудотворца, и рукоположить приходского священника Афанасия Яковлева.

При епископе Сильвестре восстанавливаются не только обители Корелы, но и разоренные Валаамский и Коневский монастыри. Архиерей учредил множество богаделен и приютов¹; в целом, *«административные перемены заметно усилили церковную деятельность, просвещение и духовное призрение»*².

Архиерей самоотверженно трудился на благо Корельской епископии до 23 февраля 1609 г., когда по Выборгскому трактату (окончательное решение было принято в Москве 17 августа 1609 г.) весь уезд с Корелой во главе передавался шведам в обмен на военную помощь в войне с поляками. Грамота о сдаче города от царя Василия Шуйского, адресованная населению Корельского уезда, воеводам и епископу, 30 августа 1609 г. прибыла в Корелу.

Жители уезда царскому указу не подчинились и готовились крепость защищать. Королевский историограф XVII в. Юхан Видекинд сообщал: *«Когда кексгольмцы слышали от беглых шведских солдат, разорявших Нотебургскую область, что едут бояре для передачи крепости Карлу Олафсону, то епископ Сильвестр и жители города, соединившись, запретили им въезд, для чего поднимали местных крестьян»*³.

Летом 1610 г. началась настоящая партизанская война, вдохновленная проповедями епископа Сильвестра и других священнослужителей: местные жители воспринимали оккупацию края шведами как насильственную лютеранизацию и потому отчаянно сопротивлялись. Конфликт приобретал религиозный характер.

*«Епископ Кексгольмский Сильвестр возбудил в конце концов множество крестьян, до двух тысяч человек, — сообщил шведский король Карл IX 7 августа в послании к сановникам Э. Йонссону и Ю. Бенгтссону, — которые убили наших людей в лагере, однако и им не повеселилось, а большая часть их должна была заплатить жизнью»*⁴.

Вероятно, после битвы при Клушине 24 июня 1610 г. и в связи с ожесточенным сопротивлением жителей Корельского уезда решение о передаче Корелы летом того же года было аннулировано. Однако для шведов это не играло никакой роли: они осадили главную крепость уезда.

Уже к февралю 1611 г. в Кореле из трех тысяч защитников крепости осталось в живых всего около сотни человек. Шведы в ходе переговоров потребовали безоговорочной капитуляции, при этом епископ Сильвестр, один из лидеров обороны крепости, *«должен был остаться в городе, и вопрос о его судьбе передавался на решение самого короля»*⁵.

Кореляне же ответили угрозой взорвать крепость и отказались выдать своего архипастыря. Шведы уступили, разрешив забрать епархиальное иму-

¹ Петров И.В., Петрова М.И. Корельская епархия и ее первый архипастырь Сильвестр. URL: <http://www.kirjazzh.spb.ru/history/silvestr.htm> (дата обращения: 28.03.2026).

² Киркинен Х. История Карелии с древнейших времен до Ништадтского мира // Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998.

³ Видекинд Ю. История шведско-московитской войны. М., 2000.

⁴ Шаскольский И.П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950. URL: https://www.kirjazzh.spb.ru/biblio/shask_17/shask4.htm#_ftn56 (дата обращения: 25.03.2026).

⁵ Там же.

щество. 2 марта 1611 г. владыка Сильвестр, воевода Иван Пушкин (предок нашего известного поэта Александра Пушкина) и изнуренные защитники крепости покинули Корелу. Примечательно: когда беда пришла на Русь, священнослужители и военные стояли плечом к плечу, умирали, но не отступали.

После героической обороны Корелы епископ Сильвестр отправился в Вологду. В челобитной местного духовенства о назначении нового архиепископа отмечалось, что после кончины архиепископа Вологодского и Великопермского Иоасафа *«многие Божии церкви стояли без пения, а иные церкви новые без освящения антимисов были неосвящены. И Сильвестр, епископ Корельский, поверив нашему челобитью, на Вологду приехал и многие церкви и антимисы освятил»*. Стольник и воевода князь Дмитрий Пожарский велел епископу Сильвестру *«на Вологде на архиепископском столе и в дому Софьинском бытии до Большого Собора»*¹.

Владыка был возведен в сан архиепископа, именовался «Вологодским и Великопермским». В это же время, с 1611 по 1613 гг., в ведении владыки Сильвестра была вся Сибирь. *«В Тобольске и во всех сибирских городах у многих приходских церквей попов нет и затем стоят без пения, — писали владыке сибирские воеводы, — многие люди без попов помирают без причастья, а младенцы без крещения, и многие церкви поставлены вновь, а стоят не освящены, для того что в сибирских городах антимисов нет»*². Воеводы просили прислать в Сибирь священников и подписать антимисы для служения Литургии, что владыка Сильвестр вскоре исполнил.

22 сентября 1612 г. случилась большая беда. По словам архипастыря, *«с понедельника на вторник, на остаточном часу ночи, грех ради наших, разорители истинные нашея православныя веры и креста Христова ругатели — польские и литовские люди, и черкасы, и казаки и русские воры пришли на Вологду безвестно, изгоном... и город Вологду взяли, и людей всяких посекали, и церкви Божия опоругали, и город и посады выжгли до тла, а стольник и воевода князь Иван Одоевский ушел и ныне в Вологодском уезде, а окольного и воеводу Григорья Долгорукова и дьяка Истому Карташева убили»*³.

Архиепископа Сильвестра четыре раза расстреливают, но убить опасаются, вероятно, боятся народной мести: *«А меня, грешного, взяли в полон и держали у себя четыре ночи и многожды приводили к казни; и Господь надо мною, грешным, смилосердовался, едва жива отпустили...»*⁴.

Возможно, Вологду разорили «черкасы» — малороссийские казаки-запорожцы. Когда князь Пожарский воспрепятствовал войскам польско-литовского военачальника Яна Ходкевича на пути к Москве, то в конце сентября часть черкас отделилась и пошла на Вологду. Когда они изгоном

¹ Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841–1842. Т. 1.

² Петров И.В., Петрова М.И. Корельская епархия и ее первый архипастырь Сильвестр. URL: <https://kirjazh.spb.ru/history/silvestr.htm> (дата обращения: 27.03.2026).

³ Сильвестра, архиепископа Вологодского и Великопермского, отписка московским боярам и воеводам, посланная 19 сентября 1612 года. URL: <https://www.booksite.ru/ancient/history/83.htm> (дата обращения: 28.03.2026).

⁴ Там же.

*Софийский собор в Вологде — древнейшее сохранившееся
каменное сооружение города*

ворвались в город, то стали убивать всех без разбора: горожан, крестьян, духовенство.

В синодиках Софийского собора поименно перечисляются имена шестидесяти восьми человек: тридцать семь священников, шесть диаконов, шесть иноков (в числе которых был упомянут и преподобномученик Галактион Вологодский), князь-воевода Григорий Долгоруков и еще восемнадцать человек разного звания, слуг архиерейского дома...¹ Многих, скорее всего, отпевал сам архиепископ Сильвестр.

По указу владыки вдове подьячего Дениса Антониде было выдано 10 алтын «мужа погresti»². Оказал вдове помощь (вероятно, по благословению владыки Сильвестра) еще и Прилуцкий монастырь — выделил «2 четверти ржаной муки»³ (четверть — на тот момент где-то 5,25 пуда, примерно 86 кг).

Из Приходно-расходной книги Вологодского архиерейского дома известно о восстановлении архиастырем разграбленного интервентами Софийского собора: 4 ноября 1612 г. «к церкви к Софеи» был куплен замок (л. 4); 10 ноября каменщик Томил Москвитин получил рубль за то, что он «в церкви Софеи мост делал да олтарь поделявал» (л. 5 об.); плотник Данил получил полтину за то, что «делал в церкви Софеи брусье» (л. 15 об.)⁴.

¹ Непеин С.А. Вологда прежде и теперь. Разорение Вологды поляко-литовцами в 1612 году. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nep/ein/vol/ogda/index.htm> (дата обращения: 28.03.2026).

² Приходно-расходная книга Вологодского архиерейского дома 1612/13 г. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=44657> (дата обращения: 29.03.2026).

³ Суворов И. Разорение Вологодского края в 1612–1613 годах // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 21.

⁴ Приходно-расходная книга Вологодского архиерейского дома 1612/13 г. URL: <http://www.oboznik.ru/?p=44657> (дата обращения: 28.03.2026).

Почему же город Вологда был так легко взят 22 сентября 1612 г., несмотря на засеки и сторожевые заставы на подъездных дорогах? Историк Ф. Коновалов полагает, что принятые меры усыпили бдительность вологжан и воевод, что и стало причиной падения Вологды¹.

Быть может, не было стрельцов для дальних караулов и засад — за два месяца до разгрома большой отряд вологжан-ополченцев был отправлен в Ярославское ополчение к князю Пожарскому. Но по какой причине оказались открыты ворота Пятницкой башни ночью 22 сентября? Быть может, стрельцов чем-то опоили? Похоже на диверсию, и время подгадали, когда войско отсутствовало и все потеряли бдительность. Владыка Сильвестр же высказался категорично: *«А все, господа, делалось хмелем, пропили город Вологду воеводы»*².

Трудно представить Вологду после разгрома: лежат неубранные тела убитых, многие дома горят, их пытаются тушить. Враги ушли, но люди боятся выходить на улицу... Архиепископ Сильвестр совместно с уцелевшими сановниками начинает возрождение церковной жизни в городе.

Кроме того, несмотря на общий разгром и собственные травмы, правящему архиерею нужно было отвечать на запросы военного времени. Выбранный, в том числе и самим владыкой, первый воевода, пожилой, опытный Григорий Пушкин «Сулемша» (тоже из многочисленных служилых людей Пушкиных), начал приказывать Спасо-Прилуцкому монастырю.

Известно письмо Сулемши игумену обители Тихону о сборе припасов и ратных людей с требованием, чтобы они *«были молоды и резвы и стреляти были из пищалей горазды, и не воры и не бражники и не зерницики; а запасу с собой в город в осад взяли на пять месяцев»*.

Владыке Сильвестру и Прилуцкому монастырю необходимо было собрать в недельный срок для семидесяти стрельцов *«по 8 хлебов печеных на день»*, а потом поступил еще приказ: *«5 четвертей ржаной муки, 15 хлебов ржанных печеных, 5 четвертей овса»*. 9 октября 1612 г. надо было помочь шестидесяти стрельцам и сотнику Кондратию Недовескову — выдать почти четыреста хлебов.

27 октября воевода Пушкин потребовал *«в город в осад»*: *«с трех сот без трети и с пол-чети сохи и с додачи с вотчины Корнильева монастыря с полу-трети и с пол-полтрети сохи, а всего 48 ратных людей с самоналами и с запасом на пять месяцев»*³.

Князь Пожарский шлет в Вологду казаков-фуражиров для прокорма ополченцев и стрельцов. Властям нужны деньги, продукты, люди... И владыка вынужден смиряться, упрасивать, приказывать, при этом активно участвуя в восстановлении церковной жизни края.

В Прилуцкий монастырь прибыли есаул Яков Поликарпов с тринадцатью казаками и атаман Андрей Шилов с двадцатью казаками, *«собирать кормы и шубы»*. Посланцы Пожарского должны были собирать припасы с

¹ Коновалов Ф.Я. О Вологде и вологжанах // Старая Вологда. XII — начало XX в.: сборник документов и материалов. Вологда, 2004.

² Сильвестра, архиепископа Вологодского и Великопермского, отписка московским боярам и воеводам, посланная 19-го сентября 1612 года. URL: <https://www.booksite.ru/ancient/history/83.htm> (дата обращения: 26.03.2026).

³ Суворов И. Разорение Вологодского края в 1612–1613 годах // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 21.

*Избрание на всероссийский престол
царя и великого князя Михаила Феодоровича.
Художник А.Х. Вестфален (Вестфален-Кулакова), 1913 г.*

вотчин, принадлежащих архиепископу Сильвестру, а также из Спасо-Прилуцкого, Спасо-Каменного, Павлова и Корнилиево-Комельского монастырей, и действовали они без насилия.

Край разорен, и заказ Пожарского был немалый, но *«все было отпращено сполна в Москву»*. О количестве затребованных и полученных запасов¹ см. в «Памятной книжке для Вологодской губернии на 1860 год» в разделе «Исторические воспоминания и материалы», заметка «О состоянии Вологодского края в 1613 году».

В начале января 1613 г. Вологде опять понадобились ратные люди, и из деревни Выпрягово, принадлежащей Прилуцкому монастырю, увели крестьян *«с пешнями и с топорами и с ратным оружием»*².

Далее первый Корельский епископ Сильвестр участвовал в Земском соборе 1613 г. *«и в числе других участников подписал грамоту Земского собора об избрании на царский престол Михаила Федоровича»*³, его подпись была восьмой в списке из более чем сотни подписей.

Владыка Сильвестр стал *«свидетелем и ближайшим участником радостного торжества первопрестольной Москвы при вступлении в нее новоизбранного царя Михаила Феодоровича по прибытии из Костромы. Преосвященный Сильвестр 1 мая встречал Государя в селе Тайнинском,*

¹ Суворов И. Разорение Вологодского края в 1612–1613 годах // Вологодские епархиальные ведомости. 1881. № 21.

² Там же.

³ Утвержденная грамота Земского собора об избрании на царский престол Михаила Федоровича Романова. Май 1613 г. // Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. СПб., 1788. Т. 8.

после чего удостоен был Царской трапезы; на другой день, 2 мая, он участвовал также во всенародной встрече Царя подле самой столицы»¹.

Русь была на волосок от гибели, и теперь, с избранием царя, предстояли еще долгие годы выхода страны из кризиса, но уже забрезжил свет в конце тоннеля...

На Вологодскую кафедру владыка Сильвестр не вернулся, был назначен в Псковскую епархию. И здесь не минули архипастыря ужасы войны. В 1615 г. шведы подступили к Пскову, надеясь взять город приступом, но наступление было отбито. Однако летом шведские отряды под началом генерал-майора Рудольфа Горна опять оказались под стенами Пскова. Через захваченную ими Эстонию подходило подкрепление — отряды немецких наемников и шотландцев с артиллерией и боеприпасами.

В конце июля под Псков прибыл сам король Швеции Густав II Адольф и расположился в Снегогорском монастыре. В этот же день псковичи совершили смелую вылазку; в жестоком бою погиб генерал Горн².

Осада Пскова продолжилась, ожесточение боевых действий нарастало. В начале октября шведы предприняли отчаянную попытку штурма крепости, нанеся основной удар по Варлаамовским городским воротам. Несколько сильных отрядов пытались пробиться через Нижние решетки в устье речки Псковы, шведская артиллерия обстреливала оборонявшихся из Ивановского монастыря, стоявшего напротив кремля.

Укрепления псковичей были сильно повреждены, но защитники держались стойко. В отражении атак участвовало все население Пскова, и штурм удалось отбить. 2 октября шведы вновь готовились идти на штурм, но взрыв пороха в лагере неприятеля внес сумятицу, и через несколько дней осада была снята, а Густав-Адольф отступил от Пскова.

«Псковское сиденье» подорвало и без того слабое здоровье владыки, и 1 декабря 1615 г. епископ Корельский и Орешский (1593–1611), архиепископ Вологодский и Великопермский (1611–1613), архиепископ Псковский и Изборский (1613–1615) Сильвестр скончался и был погребен в подклете Свято-Троицкого собора Пскова. Перед смертью ему было дано увидеть изгнание неприятеля, ставшее поворотным событием Русско-шведской войны.

Окончание следует

¹ Непеин С.А. Вологда прежде и теперь. Разорение Вологды поляко-литовцами в 1612 году. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/nep/ein/vol/ogda/index.htm> (дата обращения: 28.03.2026).

² Борьба против шведских феодалов // Псковский край в истории России. Псков, 2001.

Игорь ИЗБОРЦЕВ

ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОЙ СВЯТОСТИ

*К 65-летию
со дня рождения*

Игорь Изборцев (Игорь Александрович Смолькин) — родился в 1961 г. в г. Пскове, окончил Ленинградский Политехнический институт, работал в строительстве. С конца 80-х начал журналистскую деятельность. Председатель Приходского совета храма Воскресения Христова в Орлецах. Член СП России. С 2005 г. — председатель правления Псковского регионального отделения СП России, член Всемирного Русского Народного Собора, член Высшего творческого совета Союза писателей Союзного Государства России и Белоруссии. Автор многих книг прозы. Действительный член нескольких академий, лауреат Патриаршей литературной премии им. св. Кирилла и Мефодия. **Живет в г. Пскове.**

Псковская земля изначально была славна и богата святынями и Божиими людьми! Князья, преподобные, отшельники, пустынножители, блаженные, Христа ради юродивые, святители и праведные воистину являют собой торжество веры Православной во всей ее Небесной красе. Семена учения Христова, посеянные некогда благоверной княгиней Ольгой, дали здесь благодатные всходы. Однажды, как повествуют житийные источники, открылось святой благоверной княгине следующее видение: с береговой кручи реки Великой увидела она, как три светящихся луча опустились на землю на другом берегу. Святая княгиня сочла это знамение Небесным, означающим просвещение Псковского края Троицким Божественным Светом, и волею ее поднялся на том месте, отмеченном как бы самой десницей Божией, храм во имя Троицею Бога. С тех пор Псковская земля стала домом Святой Троицы.

Последователями и духовными преемниками святой княгини Ольги явились благоверные князья Псковские Всеволод-Гавриил и Довмонт-Тимофей. Первый из них, построивший вместо деревянного Ольгиного храма каменный собор, был по преимуществу князем-строителем, молитвенником, милостивым и любвеобильным отцом. Второй, Довмонт-Тимофей, бежавший в Псков из Литвы, всю свою жизнь посвятил защите города от посягавших на него иноплемеников.

Удивителен подвиг Псковского юродивого, блаженного Николая Салоса, не убоявшегося гнева Иоанна Грозного, пришедшего грабить и истреблять Псков. Смело обличает он грозного царя и протягивает ему — в Великий-то пост! — кусок сырого мяса...

*Древний Троицкий собор во Пскове.
Старинная открытка из открытых источников*

Велик сонм Псковских преподобных, своей жизнью доказавших, что «иго Христово благо и бремя Его легко есть». Авраамий Мирожский — настоятель первого монастыря на Псковщине, Иоасаф Снетогорский и убиенный вместе с ним игумен Василий Мирожский. От основателя псковского пустынножительного монашества, преподобного Евфросина Спасо-Елеазаровского, идет целая плеяда его учеников, которые, выбирая самые непроходимые и глухие места земли Псковской, освящали их своими трудами, постом и молитвой. Почти все они основывали новые монастыри на Псковской земле. Вот их святые имена: преподобный Серапион — ближайший ученик Евфросина, Иларион Гдовский, Савва Крыпецкий, Онуфрий Мальский, Иоаким Опочкий, игумен Харлампий, Памфил и Игнатий.

Продолжателем их дела стал преподобный Никандр, пустынножитель Псковский, более 30 лет подвизавшийся в совершенной неизвестности. В его жизни во многом был предугазан подвиг преподобного Серафима Саровского.

А разве не достойны удивления жизнь и подвиги святых Псково-Печерских — Марка, Ионы, преподобной Вассы, убиенных обезумевшим царем Иоанном Грозным, преподобного мученика Корнилия и Вассиана? В XIX в. в Псково-Печерском монастыре отличался святостью жизни иеросхимонах Лазарь, мощи которого почивают под спудом в Малых пещерах, а над гробницей его висят вериги, которые старец носил всю жизнь.

А сколько истинных рабов Божиих, живших в миру среди нас, но со Христом в сердце, просияло на Псковской земле! Праведная жизнь их протекала под покровом величайшего смирения, которое и соделало их наследниками Царствия Небесного. Их подвиги по-настоящему ведомы одному лишь Богу. Но благодарная память людская, ради великой духовной пользы, при-

внесенной в мир семи праведниками, хранит их святые имена. Назовем лишь некоторые из них... Болящий Матфей Мальский, особо отличавшийся безропотным несением жизненного креста; блаженные монах Корнилий, Василий Графов, Екатерина Булынина; блаженные Вера и Анастасия Струлицкая; старцы и истинные, по призванию Божию, пастыри духовные иеросхимонах Симеон (Желнин), протоиереи Николай Гурьянов и Валентин Мордасов...

Каждое имя — это драгоценная жемчужина в небесном венце русской святости; каждая судьба — бесценный урок добродетельной и святой жизни, пример, который особенно важен для нас сегодня, в период беспримерного наступления апостасии и духовной энтропии.

* * *

Игнатий Федорович Яковлев, известный в народе как блаженный Игнатий, родился в Петербурге в начале 80-х гг. XIX столетия. Крестным отцом его стал святой праведный Иоанн Кронштадтский. С детства Игнатий отличался тягой ко всему божественному, святому. Святой праведный Иоанн Кронштадтский благословил их с матерью Надеждой странствовать, а ему, Игнатию, дал сугубое благословение на трудный подвиг юродства Христа ради. Так и путешествовали они вдвоем по Петербургской, Новгородской и Псковской губерниям, находя краткий приют в домах странноприимных людей и кормясь от милости людской. Игнаша юродствовал, кого-то обличая в тайных грехах и пороках, кого-то предупреждая о грядущих опасностях, помогая разрешить споры и недоумения...

Как-то, будучи в одном из маленьких районных городков, Игнаша вошел в кабинет начальника леспромхоза, схватил телефонную трубку и закричал: «Никого нет, хоронить некому! Никого нет, хоронить некому!» Начальник возмутился такой бесцеремонностью и взялся выпроваживать блаженного. Тот без всяких объяснений ушел. Через несколько дней, в субботу, начальник скоропостижно скончался. Был выходной, за телом никто не приехал, и получилось так, что хоронить его действительно было некому...

Своего угла у Игнатия с матерью никогда не было. Иногда они останавливались под кровом боголюбивых христиан и жили там какое-то время. Так, частенько гостили они в доме протоиерея Евгения Степанова в селе Бронница Новгородской губернии. Там, на погосте в Броннице, нашла последний приют его мама, раба Божия Надежда...

Иеромонах Пантелеимон (Ледин), близко знавший протоиерея Евгения Степанова, так передает его воспоминания о старце:

«Блаженный Игнаша, гостивший у отца Евгения, был чем-то расстроен. Только что сходил, помылся в новой баньке, которую батюшка поставил на самом берегу реки, все как будто хорошо, а Игнаша недоволен. Батюшка участливо посмотрел на блаженного:

— Что с тобой, Игнаша, банька понравилась?

— Плохая банька, надо хлома, — задумчиво проговорил старчик, — надо хлома.

— Что ты, — забеспокоился отец Евгений, — только что поставили, а ты ломать?

На следующий день к баньке прибыл бульдозер, а с ним местный участковый милиционер, и столкнули ее прямо в речку, как незаконно поставленную, — объяснил страж порядка...

Как только появлялся в доме отца Евгения “на постой” блаженный Ванечка, так сразу приходил и Игнаша. Обоих юродивых любили в семье священника и рады были видеть, но как только они бывали вместе, то начинали ссориться из-за всякого пустяка. Блаженные ругались, махали руками, а потом отворачивались друг от друга и сидели так некоторое время. После этого кто-либо из них, чаще Ванечка, просил прощения:

— Прости меня, Игнаша, я не прав.

— И ты меня, Вань, прости, — говорил слепой Игнаша, дивный старец-прозорливец, которого ребенком исцелил от слепоты праведный Иоанн Кронштадтский и благословил на юродство Христа ради. Он под старость опять ослеп и нес крест свой с редким терпением.

Ванечка, услышав, что у него тоже просят прощения, очень радовался, раскрывал свои многочисленные мешки и доставал чай и сухари. Начиналось чаепитие, которым заканчивалось перемирие блаженных странников».

В Ленинграде Игнашу приютили сестры Осиповы, благочестивые женщины, никогда не имевшие своих собственных семей. Жили они на улице Рубинштейна, в доме 15/17, в квартире 402. Подвиг юродства, который Игнатий нес с великим терпением и достоинством, приносил им иногда небольшие хлопоты...

Однажды — случилось это в 60-е гг., во времена хрущевских гонений — сестры Осиповы повели блаженного на службу в храм Духовной Академии. Буквально в дверях столкнулись они с протоиереем Александром Осиповым. Игнаша, стоя с ним лицом к лицу, вдруг закричал: «Бога нет! Бога нет! Бога нет!». Всем стало ясно, что обращается старчик именно к священнику. Отец Александр побелел лицом и прошел мимо. А Осиповы не знали, куда себя девать: это надо же, так прилюдно накричать на сановитого протоиерея! Но про себя тогда же подумали: что-то с этим батюшкой не в порядке. А вскоре, действительно, этот священник отрекся от Бога и сложил с себя сан...

«В 1969 г., — вспоминает Алексей Евгеньевич Степанов, — мне предстояло сдавать вступительные экзамены в Ленинградский медицинский институт. Первым был экзамен по биологии. Я пришел на улицу Рубинштейна к Осиповым, где жил мой крестный Игнатий. Хорошо зная силу его благословения и молитвы, я попросил: “Благослови, крестный!” Он меня перекрестил и велел одной из сестер Осиповых дать мне пять рублей. С этого экзамена я вернулся, получив пятерку. Вторым был экзамен по химии. И опять Игнатий велел дать мне пять рублей. Я уже понял логику Игнашиных предсказаний и поэтому не очень удивился, когда рука преподавателя вывела в моей экзаменационной ведомости отметку “отлично”. На третий раз мне предстояло то, чего я опасался более всего — сочинение. Я шел к Игнатию с опасением: с одной стороны, купюры достоинством в два рубля не существует, но вдруг он велит подать мне две бумажки по рублю? Все обошлось: по указанию крестного мне вручили три рубля. Надо ли добавлять, что именно такую оценку я и получил за сочинение? Перед заключительным экзаменом по физике мне было вручено пять рублей, и я пошел испытывать свои знания совершенно спокойно, зная наперед результат... Еще крестный за несколько лет до моей женитьбы назвал имя моей будущей супруги. “У Алексея жена будет Тамара”, — сказал он. И теперь, прожив много лет вместе, мы с Тамарой часто вспоминаем эти слова крестного Игнаши...».

Блаженный Игнатий очень любил приезжать в Псково-Печерский монастырь. В ту пору наместником там был архимандрит Алипий (Воронов). Он принимал Игнашу очень ласково, подолгу с ним о чем-то беседовал, выказывая этим особое к нему отношение. Близок был Игнатий и со старцем Симеоном. Сохранилась фотография отца Симеона, которую старец подарил Игнаше с такой подписью: «Игнати (именно так и написано. — И.И.) Федоровичу Яковлеву»...

Игумен Роман (Загребнев), бывший в те годы насельником Псково-Печерской обители, неоднократно встречался с блаженным Игнатием в монастырских стенах. Вот как он это описывает:

«В нашу обитель любил приезжать на молитву юродивый старчик Игнатий, который благоговел пред настоятелем о. Алипием. В свою очередь, и о. Алипий очень любил старчика. Сам он жил то в Новгороде, то в Ленинграде у благодетелей, но уж Печеры надолго не забывал. Я никогда не забуду одного случая, произошедшего со мной. Я был уже мантийным монахом, а послушание еще было прежнее — на конюшне. В моем ведении были две лошади. Бывало, приду запрягать, а они по очереди подходят, смотрят на руки: не принес ли какого угощения? А если руки пустые, тогда они начинают или головной убор снимать, или карманы проверять, авось там чего припрятано от них. Мне часто некогда было заниматься с ними такими проверками, замахнусь чем-нибудь, да прикрикну: “Ах вы, сейчас чем-нибудь пришлепну!” Они же тогда пускали в ход свое последнее средство — кусались. По возможности, если что-то было им не по душе, они ухитрялись еще и лягаться. И уж очень они всего боялись. Бывало, экономя о. Ириней скажет: “Получил заявку из города похоронить безродного покойника. Завтра поедешь по такому-то адресу и исполнишь заказ”. Только выведу из монастыря, навстречу, как на грех, катит какая-нибудь повозка или автофургон. А наши лошади этого совершенно не могли терпеть, боялись. И как только начинал одолевать их страх, я заранее собирал все свои силы и решал, как лучше себя вести в данной ситуации: или продолжать сидеть в телеге, или бежать сбоку, но так, чтобы не придавило колесом и не прихлопнуло. Лошади же шарахаются из стороны в сторону, того и гляди, угодят в яму или под обрыв. Особенно нелегко приходилось, когда я ехал с гробом. Тут уж всех святых соберешь, то и дело молишься: “Помогите хоть покойника-то благополучно доставить до места погребения”. Ну уж я тогда и натерпелся страхов! А теперь вспоминаешь все это как во сне. Вот, думаешь, какая школа в монастыре, словно в кузнице выковывается там терпение и приобретается смирение. Так и вспоминается народная поговорка, гласящая: “Долго и тяжело болела, но все же ... хорошо умерла!” Вот так и проходило время, так и трудился, без конца надоедая Господу своей просьбой: “Упаси от беды и сохрани от внезапной смерти!”

Приблизился какой-то большой праздник. Сейчас уже не помню какой, не двенадцатый ли? Я закончил обихаживать коней и, одевшись в парадные одежды для молитвы в храме, поспешил туда. Слышу, ударяют в колокол. Я догадался, что это сзывают звонарей на колокольную для торжественного звона. Как умеющий немного звонить, я поспешил помочь, но у выхода из трапезного корпуса, там, где находится дежурный, вышла заминка: большое скопление людей мешало проходу. В чем дело, думаю, что за причина? Но понять не могу. А в груди у меня беспокойно: волнуюсь,

боюсь опоздать. Оказалось, какой-то человек стоит прямо у выхода. Ну, думаю, испытывает мое смирение, которого еще не приобрел, буду ждать. А человека сопровождала какая-то женщина — благодетельница. Обратясь ко мне, она сказала: “А ты подойди к старчику-то, возьми благословение”. Я с радостью сложил руки и, приблизившись к нему, попросил: “Отче, благослови!” А он, оборотясь ко мне, отвечает: “Паки и паки, иди колоколь!” Я не совсем понял смысл этих слов, но женщина охотно разъяснила сказанные в мой адрес слова старчика. “Скоро будешь диаконом!”. Меня просто всколыхнуло такое неожиданное пророчество всеми уважаемого старчика, которого, как оказалось, звали Игнатием. Вдобавок, своим внутренним прозорливым оком он увидел, что я иду звонить и сказал: “Иди колоколь”. Непостижимы дела Твои, Господи, слава Тебе! А ведь сам он был совершенно слепой, только нуждался ли в поводыре? На нем явно совершились евангельские слова, что слепые будут зрячими, а зрячие — слепыми. Да, если мы не живем по Евангелию и не исполняем Заповедей Божиих, игнорируя и требованиями Святого Крещения, то после всего этого зрячие ли мы? В этом же году, вскоре после старческого предсказания, я действительно был рукоположен Архиепископом Псковским и Порховским Иоанном (Разумовым) во иеродиакона — первую степень священства.

Через год, в это же время и на том же месте, наша встреча со старцем Игнатием повторилась. Я опять стоял и ждал, пока освободится дверь для прохода. И та же женщина, которую я уже и забыл давным-давно, опять говорит мне: “Подойди-ка, да благословись-ка у старчика-то”. Я опять с радостью сложил руки, испрашивая благословения. “Отче, благослови меня, грешного”, — говорю. А он же, оборотясь ко мне, сам сложил руки для благословения и произнес: “Нет, ты меня благослови!” Я с перепугу, от неожиданности услышанного, чуть не упал в обморок и, растерявшись, стоял, не зная, как поступить, что предпринять. “Добрый и дорогой старчик, — только и смог наконец я произнести, — ведь я же не священник, а только диакон и не могу благословлять”. А старец все руки держит и продолжает ждать благословения. “Вот, — думаю, — куда я попал?” Но женщина, видя меня в недоумении, все же вывела меня из затруднительного положения: “Да благослови же ты старца, ведь зря он ничего не делает и не требует. А если же заупрямишься, хуже будет, и притом не забывай, что скоро сам священником будешь!”. Она словно кипятком меня облила, да такого страха нагнала, что под напором ее слов пришлось благословить сего великого мужа, да притом еще и прозорливца. Но после всего я подумал: какой же я нехороший, тупой, как валенок, и как же я дерзнул благословить великого старца! Не прихлопнул бы меня Всевышний за такую дерзость! О, прости же, прости меня, Боже, грешного и ветреного...»

Блаженный Игнатий отошел ко Господу в 1971 г., совсем немного не дожив до девяноста лет. Отпевали его в одном из храмов Ленинграда, а хоронить повезли в Новгород. Там, на Петровском погосте, и обрел он свой последний кров и приют. Упокой, Господи, его душу, и его святыми молитвами помилуй нас!

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ВЕЧНЫЙ РАССВЕТ

Михаил Александрович Кильдяшов — родился в 1986 г. в Костроме. Поэт, публицист, литературный критик. Окончил филолог. и культуролог. факультеты Оренбургского гос. педагогического университета, аспирантуру Православного Св.-Тихоновского гуманитарного университета. Кандидат филолог. наук. Доцент Оренбургской духовной семинарии. Секретарь СП России, постоянный член Изборского клуба. Автор многих статей, нескольких книг стихотворений, сборника публицистики, двух монографий «Александр Проханов — ловец истории», «Павел Флоренский: Нельзя жить без Бога!» (в серии «ЖЗЛ»). Лауреат Всероссийских литературных премий. **Живет в Оренбурге.**

«Троица» Рублева. Блаженное созерцание. Неотмирные цвета. Цвет бесконечного неба, возникшего во второй день творения. Цвет земной персти, из которой был создан человек. Цвет немеркнущего золота, что волхвы принесли в дар Богомладенцу. Цвет искупительной крови. И какой-то еще — невыразимый, неизъяснимый, слова которому нет. В этом цвете — Дух, этот цвет на иконе во всем.

Плавная линия не знает разрывов. Кажется, коснувшись доски, иконописец не опускал кисть. Быть может, вел линию от жертвенной чаши к ангельским дланям, ликам, крылам, древу. А может быть, от древа к горе, нимбам, трапезному столу. Но эта линия в пределах иконы не заканчивается: она продолжается в миру, очерчивает тебя, твой дом, твоё Отечество, длит линию горизонта, ведет к вечности ось времени. Линия рождает неушываемую чашу, подобную той, что стоит между ангелами. Весь мир — чаша.

Храмина, дуб, скала — все являет опору и твердыню, рост и созидание. Возводи, возвращай, восходи. Готовься принять путников.

А еще перед тобой то, что не вместимо в сознание: предвечный совет о сотворении мира, его жертвенном спасении и жизни в Духе. Сотворение, спасение, вечная жизнь вне земной череды — они не следуют друг за другом, они одновременны. Здесь время еще не родилось, нет ни начала, ни предела, ни жизни, ни смерти. Но уже ведомо, что жизнь и смерть будут, и ведомо, что будет бессмертие.

Ты смотришь на икону, икона взирает на тебя. Что она видит? Боль, уныние, скверну. Но святыня от тебя не отстраняется, ангелы не отводят очей. Икона врачует: утоляет печали, исцеляет недуги. Одо-

«Святая Троица» Андрея Рублева перед началом Рождественского богослужения в храме Христа Спасителя в Москве. Фото Р. Ситдикова, РИА «Новости»

лежит самое темное, тлетворное — то, что досталось всем нам от первого человека после грехопадения в райском саду. Икона одолевает в тебе смерть.

Я много раз видел рублевскую «Троицу» в Третьяковской галерее. В том зале, где святыни стали экспонатами. Свидетели далеких веков, создания великих мастеров, явления кроткой красоты, они тяготились искусствоведческим интересом к себе, тосковали в мирской суете, в празднословии, в холодном электрическом свете. Иконам хотелось молитв, песнопений, тихого, теплого мерцания свечей, благовонного каждения, крестных знамений.

Иконы ощущали на себе бренность всего земного: краски меркли, надписи блекли, дерево ветшало.

Но с «Троицей» было иначе. Она не поддавалась земному, не поддавалась смерти. От нее исходил всепобеждающий свет, способный превратить выставочный зал в храм, собрать развешенные по разным стенам иконы в единый иконостас. Все кругом преображалось: музейные работники уподоблялись хранителям ризницы, мирские картины в соседних залах обретали духовную высоту. Художники строгого классицизма, передвижники и модернисты стремились напитаться животворным светом «Троицы». Рокотов и Левицкий, Иванов и Васнецов, Репин и Шишкин, Коровин и Врубель умоляли преподобного Андрея: «Возьми нас в свою артель хотя бы кисти мыть, только позволь быть сопричастными этой неизбывной жизни».

Я видел «Троицу» в храме Христа Спасителя, где она пребывала несколько дней накануне своего возвращения в родную обитель. Икона освобождалась от праздного и суетного, легко дышала. Бесконечной вереницей шли жаждущие, молитвенно обращались к святому образу, словно припадали к живоносному источнику. Три ангела причащали паломников из чаши, наделяли их чем-то таинственным, отчего отступала тьма.

Я был свидетелем возвращения иконы в Троице-Сергиеву лавру. От лаврских врат монашествующие неспешно несли святыню к Троицкому собору. Несли так, словно боялись колыхнуть листву неувядающего дуба, потревожить крылья ангелов, расплескать кровь жертвенного тельца. В какой-то момент показалось, что воздух вокруг идущих задрожал, возникло марево, подобное тому, что возникает вблизи костра или над степью в знойный летний день. В этот миг время преломилось, изменило свое пла-

ное течение. Настоящее, минувшее и грядущее сомкнулись, и над земным шествием возникло шествие небесное. В нем угадывались русские святые и русские писатели, цари и князья, воины и труженики.

Шел Дмитрий Донской в ратных доспехах. Шли Пересвет и Ослябя, облаченные в схиму. Шел царь Иоанн, и лик его был не грозен, а смирен. Шел Борис Годунов, и в ладонях его была россыпь драгоценных камней для украшения иконы. Шли те, кто оборонял обитель в пору Смутного времени и войны с Наполеоном. Шел могучий Иван Аксаков, молясь о том, чтобы к «Троице» приложилась единая славянская семья. Шли в сюртуках и рясах преподаватели духовной академии, пострадавшие за Христа. И еще великое множество тех, чьи имена ведомы только Богу, — тех, кому предстоит родиться.

Крестный ход — земной и небесный — внес икону в собор. Первым с ней вошел преподобный Андрей Рублев. Он долго смотрел на свое творение, удивлялся тому, что подобное возможно явить в красках. Он видел, как дерево превращается в живую плоть, краски претворяются в кровь.

На икону смотрел Достоевский. Смотрел детскими глазами, какими когда-то впервые увидел ее. Икона говорила с ним — каждым ангелом, каждой божественной ипостасью. Говорила словами Адама, что нарекал в райском саду все сущее. Говорила словами Христа, что проповедовал, исцелял, изгонял бесов, что молился в Гефсиманском саду, стenal на кресте, что после воскресения спрашивал отрекшегося ученика: «Любишь ли меня?» Слово было Святым Духом, сошедшим на апостолов и сделавшим их всеязыкими. Икона была словом, речением, но от нее же исходило благое молчание. Достоевский вбирал его в свой словарь, вкладывал в уста князя Мышкина и старца Зосимы.

На икону смотрел философ Павел Флоренский. Он когда-то мечтал умереть на закате, потому что видел в «Троице» тихий, нежный закатный свет — свет умиротворения, благоденствия. Видел, как в «Троице» свет закатный, минуя ночную тьму, обращается в свет предутренний. Прозревал, что русская икона способна одолеваять мрак. Способна являть путь не от жизни к смерти, а от смерти к жизни — обратную перспективу. Все в мироздании шло не к гибели, а от нее. Все шло к Богу. «Если есть “Троица” Рублева — значит, есть Бог», — тихо говорил Флоренский.

На икону смотрели искусствоведы Третьяковки — те, кто спасал святыню, вывозя ее в Новосибирск в пору Великой Отечественной войны, сберегая, как секретное оружие. «Троица» открыла второй фронт, ополчила против врага все русские столетия, всю ратную мощь от копья и кольчуги до артиллерийского снаряда и танковой брони. «Троица» наплатала сибиряков неодолимой силой, перед которой на фронте враг дрогнул.

На икону смотрел Андрей Тарковский. Он видел, как мир насыщается красками. Сквозь дым и пепел пожарищ, сквозь грозовые тучи, сквозь вражду и зависть, сквозь пошлость и мещанство, сквозь мертвенные полутона проступал истинный цвет жизни. Икона несла великое вдохновение, наполняла творцов и мыслителей. Икона была во всем осязаемом, видимом, слышимом, жила в звуке, в слове, в движении, в мысли. «Троица» была кладовой художественных миров и дерзновенных замыслов, благословляла человека на восьмой день творения.

Возвращение иконы «Святая Троица» в Свято-Троицкую Сергиеву лавру

На икону смотрел Юрий Гагарин и вспоминал, как первым из людей увидел Землю из космоса, как первым вырвался за пределы планеты. Вспоминал полет, что оказался не только прорывом науки, но и высвобождением духа. Космический полет был врачеванием Земли: человек уносил с собой в беспредельное пространство ее тысячелетние страдания, слезы и печали многих поколений. У земной скорби была огромная сила притяжения, она не давала взлететь, рождала мучительные перегрузки. На одного легла ноша миллионов. Но этот один сдюжил: снял с Земли ее скорбь, как потемневший слой с древней иконы, — и планета преобразилась, засияла небесными красками рублевской «Троицы». «Нет, я не первый, кто увидел Землю с высоты. Я второй после Рублева», — думал Гагарин.

«Троица» взирала на созерцающих и становилась житийной иконой, иконой предвечной России, иконой Русского бессмертия. «Троица» чудотворила.

Я помню одну особую паломническую группу, что пришла в Троицкий собор вскоре после возвращения иконы. Это были участники СВО. Их привезли из военного госпиталя. У каждого было тяжелое увечье. Кто-то, лишившись ноги, шел, опираясь на костыли. Кто-то хромал, привыкая к протезу. Кто-то был с пустым рукавом. Иных катили в инвалидных колясках. У кого-то вместо глаза был безжизненный стеклянный протез. Кто-то нуждался в поводуре. Кто-то старался спрятать от окружающих обезображенное лицо. Но увечья и немощ оказались не самым страшным.

Каждый из этих паломников был отмечен смертью. Она въелась в них, как краска въедается в кожу, она сидела у них на плечах «веком-волкодавом», она черно-кровавым следом тянулась за ними с фронта. И вот неотступная смерть проникла в собор, в лавру, в город. Казалось, когда выйдешь из храма, тоже увидишь кругом костыли, инвалидные коляски, протезы. Увидишь, что война настигла всех.

Бойцы смотрели на «Троицу», прикладывались к мощам преподобного Сергия: суровые лица становились мягче, теплее, но тьма не сдавалась. «Троица» страдала вместе с воинами. Три ангела вычерпывали из людей смерть. Икона принимала смертоносный удар на себя, отчего, казалось, темнела, становилась вновь такой, какой была до раскрытия авторского слоя.

И вдруг в храм вошли жених и невеста. Видимо, только что обвенчавшиеся, они спешили к раке преподобного. Невеста в белом платье порхала, словно голубь, спустившийся во время крещения Христа. За ней, озаряя все вокруг, тянулся благодатный свет. Он пролился на «Троицу» — и снова проступила рублевская синева. Он пролился на темные росписи собора, и они явили такую же небесную чистоту. Все вокруг засияло красками «Троицы». Смерть вновь была побеждена жизнью.

«Троица» — наше великое прозрение. Не реставраторы однажды добрались до авторского слоя, а ты сегодня сорвал со своих глаз пелену, счистил с души коросту, затеплил в сердце лампаду — и тебе открылось потаенное.

Если есть «Троица» Рублева, значит, есть бессмертие. Образ русского бессмертия — предвечная трапеза, где ангелы оставляют для тебя место за жертвенным столом. Твоя жертва — жизнь, связующая русские времена и сроки, смыкающая землю с небом. Будь верен до смерти, и ангелы дадут тебе венец жизни.

ВЫШЛА КНИГА

Кузнецов В.И., свящ.

Он выбрал крест: Статьи, воспоминания, выступления. М.: б.и., 2026. 384 с.

23 мая 1996 г. воин Евгений Родионов прославился мученическим подвигом в Чечне. Не снявший нательного креста с груди, вопреки требованиям озверевших ваххабитов, молодой пограничник Евгений Родионов и три его сослуживца выстояли, не отреклись от Православной веры. Сто дней и ночей их жестоко избивали, истязали. Требовали, чтобы они предали свою веру, перешли в ислам, начали воевать против своих. У пленников была возможность остановить побои и издевательства, остаться в живых. Нужно было только отречься от Христа. Наши солдаты этого не сделали. Русские солдаты выстояли. Остались верными Православию. 23 мая 1996 г., в день рождения Евгения Родионова, исламистские экстремисты отрезали ему голову, были казнены и трое его сослуживцев.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

РЕСТАВРАТОР ВСЕЯ РУСИ. ВЕРА БРЮСОВА

Анатолий Николаевич Грешневиков — депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета ГД по природным ресурсам, природопользованию и экологии. Народный депутат РСФСР. В 1993 г. — активный защитник Верховного Совета. Писатель. Журналист. Член СП России. Автор 28 книг. Лауреат премии Союза журналистов СССР и др. Награжден Патриархом Московским и всея Руси Алексием II орденом св. благоверного князя Даниила Московского III степени, орденом преподобного Сергия Радонежского за восстановление памятников истории и культуры, русских православных святынь и др. Почетный работник Росгидромета. Живет в п. Борисоглебском Ярославской обл.

Мне всегда казалось удивительным и странным: когда друзья-писатели начинали говорить об искусствоведке Вере Григорьевне Брюсовой, перед глазами вставал образ иконы Андрея Рублева «Троица». То же самое случалось и когда она звонила мне или я ей. Видимо, причиной данному обстоятельству служила работа Брюсовой по реставрации произведений гениального иконописца. Не раз мне выпадало счастье стоять перед образом «Троицы» и смотреть на гармоничную композицию, изгибы дерева, на сине-голубые и светло-зеленые сочетания красок, на умиротворенные лица, выписанные в светло-коричневых тонах и обрамленные упругими завитками кудрей, смотреть и думать, думать...

Но одно дело — лицедретить идеальную, неземной красоты «Троицу», вдыхать запах древней истории, вбирать в себя впечатление за впечатлением, делать открытие за открытием... И совсем другое — знать, благодаря кому я вижу эти ангельские лики, кто спас и вернул из небытия русскому народу православную святыню, почему чувствую сочетание небольшого масштаба иконы и внутренней, певучей гармонии, легкой и таинственной одухотворенности.

Вера Григорьевна была ярчайшей личностью в отечественной культуре. Общение с ней приносило душевную радость, массу эмоций и знаний. Историю древней Руси и ее крупное и непревзойденное живописное достижение — русскую школу иконописи — она знала на ощупь, в ее деревянном обличье с пятнами киноvari и золотисто-охряным цветом. Это она вплотную работала вместе с реставратором Иваном Барановым над спасением, расчисткой икон выдающегося живописца Андрея Рублева, это она сотворила

мировую сенсацию, обнаружив творения Рублева в Болгарии, это она продолжительными исканиями установила место погребения Андрея Рублева и Даниила Черного. Меня поражала не только ее высочайшая эрудиция, но и та архивная премудрость, которой хватило бы на несколько докторов наук и академиков. Но чиновники от культуры и в коридорах власти, несмотря на ее высочайшие звания — лауреат Государственной премии РСФСР, доктор искусствоведения — недолюбливали ее, сторонились, а порой просто игнорировали. Тут в расчет не шла громкая известность ее, как искусствоведа и подвижника, не учитывался даже ряд масштабных проектов по спасению редчайших шедевров иконописи, всему виной была ее русскость... Она говорила и писала: «Мы переживаем трудное время. Русская и в целом советская культура спешно “авангардируется”. Страшное время. Разрушительные силы орудуют беспрепятственно, насаждая буквально антикультуру. Для кого? Для античеловека? Нам есть за что бороться и что отстаивать: русским — Россию!..».

Встречаясь на московских патриотических вечерах, посвященных борьбе против переброски северных рек, а потом с ельцинским режимом и гайдаро-чубайсовскими разрушительными реформами, и слушая выступления Брюсовой, я понял: власть ее не просто сторонится и игнорирует, а страшно боится. Также боялись эти серенькие, безмозглые, бездарные чиновники и гениальных реставраторов, спасших русские памятники мирового значения: Барановского, Ополонникова, Ямщикова, гениальных писателей Белова, Распутина, Лобанова, Кожина. И вся их борьба с гениями современности сводилась к одному: их травили, замалчивали, не давали выхода к народу.

В тот памятный вечер она позвонила мне и объяснила, что входит в понятие русскость, и вежливо отчитала за пассивную борьбу с авангардистским проектом Церетели, осуществляемым у меня на малой родине — в поселке Борисоглебский. Я тихо вслушивался в каждую ее чеканную фразу, а у меня перед глазами стоял образ «Троицы».

— Неужели это правда: на твоей древней русской земле Церетели будет устанавливать то ли семиметровые, то ли десятиметровые скульптуры, да еще рядом со стенами

«Святая Троица» преподобного Андрея Рублева

величественного монастыря?! — взволнованно говорила Вера Григорьевна. — Надеюсь, ты понимаешь, что творения скульптора Клыкова — это русское искусство, а изваяния Церетели — это антирусское. Василий Белов предупредил меня, что пишет обращение к твоим землякам о недопустимости... Давай и я напишу.

— Спасибо, Вера Григорьевна, мы боремся, народ за нас, но власти продавливают... Я недавно был вместе с писателем Анатолием Заболоцким в мастерской у Вячеслава Клыкова, он поддерживает нас, называет Церетели не скульптором, а бизнесменом, но Вячеславу Михайловичу нужно время на изготовление скульптур богатыря Пересвета и монаха-затворника Иринарха, а у Церетели они уже готовы, говорят, их слепили его студенты.

— Стойте насмерть, но не разрешайте чужеродное строительство. Главная претензия к скульптурам Церетели — они малохудожественны, зачастую выполнены в нарушение традиций и канонов как русского реалистического искусства, так и православной культуры. Церетели украсил чеканкой, например, церковь на Поклонной горе, храм Христа Спасителя, но выполнил он чеканку на церкви не в традициях русского православия, а в традициях сванов, уходящих корнями не в русскую историю, а в двухтысячелетнюю историю до нашей эры. Где же уважение к памяти миллионов русских воинов, погибших за Отечество, ради которого и ставится памятник? Задача модернистов проста: стереть неповторимый лик России, стереть лики и образы героев России.

Многие аргументы знающего искусствоведа я тотчас записал, с дальним прицелом, вдруг понадобятся в дискуссии или в составлении грамотной статьи от имени ученых и деятелей культуры. Почему-то мне показалось, что такое письмо придется сочинять и подскажет это сделать сама Брюсова. Так и произошло. С взволнованного тона разговора на перешла на деловой:

— Давайте, Анатолий Николаевич, в выходной день подходите ко мне домой, сочиним коллективное письмо авторитетных русских людей против разрушителя Церетели. От его скульптур, посвященных то ли Петру Первому, то ли княгине Ольге, возникает ощущение холода, немощи и отсутствия художественного мастерства. Ярославская земля — оплот памятников древнерусского зодчества, пример большой жизненности русской культуры. Здесь живут разные эпохи, разные стили, но основа одна, русская, неповторимая: сказочная, былинная, самобытная. Много храмов было разрушено, разграблено, осквернено. Я долго работала у вас — и в Ярославле, и в Ростове, бывала и у тебя в Борисоглебском монастыре. Увы. Мне памятни и те годы, когда без надобности взлетали на воздух архитектурные памятники Ярославля, а бесценные памятники зодчества превращались в источник по добыче дармового кирпича, их ломали для постройки силосных башен. Предприимчивые западные дельцы нагревали на этом руки. В угоду им открыли торгсины, через которые за бесценок ушло то, что по своей природе не имеет цены. Американцам удалось даже выпилить со слоем кирпичной кладки фрески церкви Петра Митрополита начала XVII в. в Ярославле — памятника высшей категории. Уцелели лишь росписи на сводах, которые снять не удалось. Эх вы, ярославцы, когда хоть научитесь беречь свое историческое наследие. Зачем вам чужое — церетелевское?

Дождавшись воскресенья, я пошел в гости к Вере Григорьевне. Проект статьи о подарке Церетели, схожим с Троянским конем, был подготовлен

на всякий случай. Для ожидаемых поправок искусствоведа взял несколько чистых листов бумаги. А чтобы беседа пошла в важном для меня направлении — о проблемах русской культуры: искусствоведческих, художественных, исторических, а не утонула в критике Церетели, я заново перечитал хранимые в моей домашней библиотеке две книги Брюсовой «Прекрасное — это Родина» и «Андрей Рублев и московская школа живописи». В разговоре с почитаемым человеком всегда важно блеснуть знанием не только его биографии, но и творческих, гражданских достижений.

Первый раз в гостях у Веры Григорьевны мне посчастливилось быть как раз после выхода книги-альбома про великого живописца Рублева, в которой читатель мог получить представление о наиболее важных вехах его жизни и творчества, а также о том значении, которое оказали его иконы на последующее развитие искусства Древней Руси. Наверняка это уникальное издание прошло бы мимо меня из-за скромного тиража в десять тысяч экземпляров, если бы не мой давний друг Вячеслав Волков, выпустивший его в свет. Для автора это событие было исключительное, ибо реставраторов не балуют ни государственными наградами, ни широкой народной молвой, ни вниманием прессы. К тому же неизвестно вообще, случилось бы везение, не будь издательство частное, патриотическое. Тему древнерусской истории и культуры монополизировала группа ученых во главе с академиком Дмитрием Лихачевым, потому продвинуть в печать и предать широкой гласности свои научные труды было сложнее сложного. Я ничего плохого против академика не имею, тем более ему принадлежат замечательные слова: «Творения Рублева — мечта о лучшем человеке». Однако выход известной книги писателя Валерия Сергеева «Андрей Рублев» в серии ЖЗЛ в 1990 г. стал возможен благодаря предисловию Лихачева. Однако другая книга, «Дионисий», написанная Сергеевым, увы, так и не дошла до читателя. А сам талантливый словесник и ученый умер в неизвестности и нищете в городе Ростове Великом.

Сказать, что книга Брюсовой открыла для меня неведомый доселе мир великого иконописца, которому даровано было выразить возвышенные чувства и стремление к божественному, значит, ничего не сказать. Автор сумел проникнуть в самые сокровенные тайники древнерусской живописи и почерпнуть из этого кладезя с чистой водой живительную влагу для своих размышлений и открытий. В каждой строке я чувствовал бесконечную любовь Веры Григорьевны к наследию великих мастеров прошлого. Ее высокопрофессиональная выучка, сложенная из досконального знания исторического и археологического материала, вызывала гордость и восхищение. Я жадно поглощал страницу за страницей, впитывал, подобно губке, факт за фактом, сравнение за сравнением. Наслаждался описанием творческих подвигов и находок Андрея Рублева, а перед глазами откуда ни возьмись появился образ «Троицы». Он зависал в памяти и тогда, когда я читал о ее понимании таланта живописца: «Первая из открытых реставраторами рублевских икон — “Троица” поразила красотой живописи и особенной, просветленной духовностью, чувством всепокоряющей любви. А закон любви — это закон жизни. Последующие открытия показали неисчерпаемость в творчестве художника этого священного и возвышенного чувства, столь мало говорящего, когда оно названо словом, и столь глубоко проникающего в сердце, когда оно выражено образом».

Вместе с автором книги я тщательно изучал биографию иконописца по письменным источникам, вникал в исследование его творческого метода, ставшего основной проблемой истории древнерусской культуры. Небывалый прилив гордости вызывал у меня тот факт, что Брюсова стояла у истоков создания научного метода реставрации после Великой Отечественной войны, спасла сотни шедевров иконописи, неоднократно вплотную соприкасалась с произведениями самого Андрея Рублева. В Коломне она встретила с иконой «Борис и Глеб с житием», в Троице-Сергиевой лавре — с иконой «Богоматерь Одигитрия», в Никола-Угreshском монастыре — с иконой «Никола с житием», в Андрониковом монастыре — с иконой «Жития Сергия». Бесконечность перечислений тут поразительна.

Трудно найти на географической карте с древнерусскими городами, где бы ей ни довелось быть и поработать — это Новгород, Коломна, Ростов-Великий, Ярославль, Кострома, Каргополь, Великий Устюг. И в ту встречу, когда мы обсуждали книгу про Андрея Рублева, я не успел расспросить Веру Григорьевну о ее впечатлениях о творческих путешествиях по тем городам, где она оставила свой заметный след. Все время потратили на книгу о творчестве гениального русского иконописца, которая писалась с чистым сердцем и стремлением по-новому раскрыть и взглянуть на его труды. Из той беседы я на всю жизнь уяснил, какими широкими возможностями обладает иконопись, она решает не только художественные задачи, но и гражданские, патриотические, так как выраженные в иконах идеалы формировали и формируют характер русского человека. Нет, без Брюсовой мне бы не осилить науку иконописи, не научиться прочитывать программы, заложенные в ней русскими гениями: Андреем Рублевым, Даниилом Черным, Дионисием, Федором Zubовым.

*Искусствовед Вера Григорьевна Брюсова.
Художник Ф.А. Москвитин, 2003 г.*

Смог бы я заново поехать в Ферапонтов монастырь, чтобы заново открыть для себя «русскость» Дионисия, если бы не встреча и беседа с Брюсовой?! Наверняка не смог, не захотел бы или не нашел бы времени. Только сила убежденного и искреннего слова дорогого моему сердца человека заставила меня пуститься в дорогу. В Ферапонтовом монастыре Дионисий в 1501–1502 гг. вместе с сыном расписывал собор Рождества Богородицы. Несмотря на то, что первоначальные фрески сохранились здесь до нашего времени в своем подлинном виде и неплохом со-

стоянии, в первую поездку они не тронули меня так сильно за душу, как во вторую. Я смотрел на фрески Дионисия, а в руках держал книгу Брюсовой, и когда наступал момент понять суть изображаемого сюжета, я погружался в текст.

Ох, как Брюсова умела раскрыть тайну сюжета и композиции, расположить любого жаждущего научиться понимать предков, научиться прошлое превращать в будущее!.. С душевным трепетом я читал: «Система росписи храма характерна для послерублевского времени. Кроме традиционного евангельского цикла здесь представлены также сюжеты из жития Богородицы, Акафист, Вселенские соборы, Страшный суд. На столпах предпочтение отдано воинам. В “Страшном суде” среди иноверцев, направляемых в ад, показаны “фрязины”, — имеются ввиду прибывшие с Софьей Палеолог итальянцы. Русские упрекали их за приверженность к “внешним знаниям” за счет “знаний внутренних” и духовности. Ансамбль росписи пленяет гармоничностью. Мир образов, созданный иконописцами, возвышен над земной реальностью, в нем царит свой собственный порядок, торжественный и величавый строй. Плавные и медлительные движения бесплотных фигур будто подчинены мелодии песнопений, составляющих незримую канву живописных композиций. Мечтательные девы, просветленные душой пустынножители, рыцарски стройные воины и добросердые старцы существуют как бы вне времени, — в бессмертии, дарованном им кистью художника. В нежности легких тонов и сложных переливов “лазоря чудного”, снежно-белого и розового цвета, золотистой охры отразились возвышенность, просветленность настроения. Богатейшую палитру красок художники извлекли из натуральных пигментов на берегу Бородаева озера, у подножия стен Ферапонтова монастыря».

Я долго стоял на берегу живописного Бородаева озера и представлял, как Дионисий с сыном купались в его чистых холодноватых водах и как добывали здесь пигменты для работы. Посчастливилось и мне окунуться и поплавать, а потом поковырять-поискать таинственные земные материалы, о которых писала Вера Григорьевна. Жаль, только по возвращению в Москву мне пришла мысль взять с собой для нее горсть земли, напоминающей о знаменитом Ферапонтовом монастыре. Вряд ли в землице сохранились частицы пигмента, но все-таки, все-таки... Память — суть добрая, ностальгическая.

Моими впечатлениями от поездки в Ферапонтов и Кирилло-Белозерский монастыри Вера Григорьевна часто интересовалась... Видимо, увидев однажды древнюю монашескую обитель, почувствовав ее мощь и красоту, человек непременно возвращается к ней — пусть порой и мысленно.

В этот второй мой приход к Вере Григорьевне она неожиданно завела речь о фресках Ферапонтова монастыря. Достала из шкафа два альбома и показала фотокопии фресок «Голова Христа», «Архангел Гавриил» из церкви Петра и Павла в болгарском городе Тырнове и копию фрески «Архангел Михаил» из Ферапонтова монастыря. Затем заставила меня всмотреться в детали фрески «Омовение ног» из пещерной церкви Иванова в Болгарии и фотокопию фрески «Омовение ног» из иконостаса Троице-Сергиевой лавры.

— Не узнаете почерк московских иконописцев Андрея Рублева и Даниила Черного? — спросила Вера Григорьевна, улыбнувшись и прищурив глаза.

— Сходство, может, и есть, но только я не специалист, — признался я. — Но мне известно про ваше открытие.

— Откуда? — поинтересовалась она.

— Писатель Владимир Солоухин рассказал. После посещения храмов на Балканах вы заявили, что не только иноземные мастера работали на Руси, но и русские иконописцы творили как в Византии, так и на Балканах. И в Великом Тырнове, бывшей столице Второго Болгарского царства, вам, судя по всему, и удалось раскрыть секрет тамошних фресок, что их почерк сродни почерку Андрея Рублева и Даниила Черного. Потом я читал вашу книгу о Рублеве, где убедительно говорится о том, каким образом Рублев попал на Балканы, и та поездка оставила глубокий след в его творчестве.

— А толчком к открытию послужило изучение фресок Ферапонтова монастыря. Весьма близки болгарские фрески по композиции и стилю фрескам владимирского Успенского собора, выполненные опять же Рублевым и Даниилом Черным.

— Как только вы, реставраторы, отличаете почерк одного мастера от другого? — удивился я.

— Все просто, Анатолий Николаевич, все образы святых у Рублева светятся изнутри, это индивидуальная особенность его творческого метода. Показателен и монументальный, и силуэтный характер письма его «Троицы».

— Для меня все равно это остается загадкой.

— А для меня загадкой был и остается сам Рублев, он почему-то в каждом человеке хотел видеть праведника, очищенного пламенем действенной любви. Рублев — не только великий художник, но и великий мыслитель, гражданин, переживавший за судьбу родины. Так считали и Солоухин, и Леонид Леонов.

При упоминании имени моего любимого писателя, Леонида Леонова, я вспомнил про одну его давнюю статью «Шедевры XVII века», в которой он рассказывал о художественных и реставрационных достижениях Веры Григорьевны Брюсовой и выдвигал ее на Государственную премию РСФСР. Она поразила меня многими моментами, и тем, что сам гениальный мыслитель Леонид Леонов высоко оценил труд Брюсовой, и тем, как он талантливо раскрыл секреты мастерства реставратора. Вместе с ним я понял, что только они, реставраторы, могут часами скрупулезно собирать воедино, в логически целое повествование, подчас с помощью кисти и иголки, под микроскопом сотни мелких кусочков... Они чистят икону, собирают ее по крупицам, и она возрождается ко второй жизни.

Газета «Советская Россия» вышла 20 ноября 1985 г., но я храню ее по сей день. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий Леонид Леонов писал: «Выход в свет книги доктора искусствоведения В.Г. Брюсовой “Русская живопись XVII века” — значительное событие в области русского искусства и русской культуры... В итоге большой многолетней работы и, несомненно, благодаря исследовательскому таланту В.Г. Брюсовой удалось добиться выдающихся научных результатов. Фундаментальный труд В.Г. Брюсовой дает новые зримые свидетельства огромного вклада русского искусства в мировую художественную культуру».

В 1986 г. Вере Григорьевне Брюсовой была присуждена Государственная премия РСФСР имени И.Е. Репина. Немалая заслуга в этом писателя-патриота Леонида Леонова.

Еще одна публикация, посвященная творчеству Брюсовой, хранится в моем архиве. Это беседа журналиста Армеева с Верой Григорьевной, опубли-

кованная в журнале «Работница» 1 января 1997 г. под названием «И века с веками говорят...». Если учесть тот факт, что я с юных лет собирал все статьи из газет и журналов, посвященные древнерусской культуре, охране памятников истории и культуры, а в моем распоряжении имеются всего лишь две публикации об уникальном реставраторе, спасшем шедевры иконописи мирового значения, то стоит задуматься о том, кому в стране принадлежат средства массовой информации и кому они служат?! Журналисты даже не удосужились сделать несколько фотопортретов великого реставратора для книг и газет, существует лишь одна фотография из журнала «Работница». Ответы на эти сложные «почему» я нашел в том же журнале «Работница», где Вера Григорьевна рассуждала о патриотизме и гражданственности художников и безответственности власть предержащих. А начала она разговор с подвига Андрея Рублева: «Вспомним трудную и радостную эпоху, в которой жил художник. Он был современником Дмитрия Донского, одержавшего знаменательную победу на Куликовом поле. Руку Донского — с мечом, поднятым на поработителей, и руку Рублева — с кистью живописца, двигало одно общее чувство горячей любви к своему народу, вера в его великую судьбу. А времена были очень сложные. Не прекращались тягчайшие княжеские раздоры. Во многих работах художник берет на себя право судить современников. Каким образом? Я обратила внимание, к примеру, на выбор цитат из псалмов на свитках пророков во владимирском Успенском соборе, который расписывал Рублев. У Исайи: “Ослепли очи их и окаменели сердца...”. У Давида: “Яко аспид глухой, затыкающий уши свои...”. А начало псалма такое: “Подлинно ли правду говорите вы, судьи, и справедливо судите, сыны человеческие? Беззаконие оставляете в сердце”. К кому направлены эти обличительные слова с рублевских фресок, как не к властителям мира земного!».

Уже за чашкой чая я напомнил Вере Григорьевне о той ее беседе, опубликованной в журнале «Работница», где она говорила о несправедливости властителей мира. К моему удивлению, она не вспомнила ту статью. Может, и к лучшему... У нее появилось желание повспоминать о своих научных экспедициях по древним русским городам, где она спасала и реставрировала иконы и фрески — жемчужины православных церквей и монастырей. В Нижнем Новгороде она появилась летом 1944 г. и ужаснулась от его разбитого кладбищенского состояния. Фашисты разрушили все храмы. Началом спасительных работ стал знаменитый Софийский собор, где на месте купола зияла в небо огромная дыра. Уникальные фрески находились в самом тяжелом состоянии. Задачей Брюсовой было укрепление фресок не только Софийского собора, но и Благовещения на Мячине, Николы Липного, Нередицы, Знаменского собора и других. Когда я услышал от Веры Григорьевны, что в те грозные годьеи удалось лично укрепить около 1000 погонных метров фресок, то обнял ее крепко-крепко и сказал: «Вы — выдающийся отечественный реставратор!». Будучи скромным человеком, она никак не отреагировала на мою похвалу и продолжила говорить. Как на связанных лестницах поднималась она на высоту Софийского собора с ведром, инструментами, планшетом, кистями, медицинской резиновой грушей и прочищала трещины..., а потом промывала глаза от крошки и пыли.

Закончила воспоминания о продолжительной работе в Новгороде Вера Григорьевна признанием, что темой ее докторской диссертации стали фрески Софии Новгородской.

И как душевны и трогательны были последующие воспоминания Брюсовой о работе в Карелии! Там ей было поручено ответственное дело: реставрация иконостаса кижской Преображенской церкви и установка его на место. Это около 120 икон крупного размера, находящихся в тяжелом состоянии ввиду того, что они лежали в ящиках в сарае. Эх, эти сказочные и зачарованные Кижы! Брюсова отдала им свои лучшие годы. Сегодня тамошние памятники деревянного зодчества в добротном состоянии, миллионы туристов едут посмотреть на них и восхититься великим русским мастерам. Но знают ли эти миллионы людей, сколько творческих сил, энергии, здоровья отдала их спасению и возрождению Вера Григорьевна Брюсова?! А помнить нужно, нельзя быть иванами, не помнящими родства.

Интересно было послушать рассказ Брюсовой о ее работе в Троице-Сергиевой лавре, где ей посчастливилось вплотную соприкоснуться и даже работать на произведениях Рублева и мастеров его круга. Общее руководство реставрационными проектами осуществлял лично Игорь Грабарь, видный искусствовед и специалист в области охраны памятников истории и культуры. Когда он приехали увидел работу Брюсовой, то так восхитился ее успехами, что обнял, расцеловал и сказал слова, которые она запомнила на всю жизнь: «Вы наша надежда, вы нашего поля ягода».

Поговорили мы в тот вечер коротко и о ее поездках по моим ярославским городам: Угличе, Ростове Великом, Рыбинске, Переславле-Залесском. Посещение Борисоглебского монастыря ей тоже хорошо запомнилось. На мой вопрос, что больше всего понравилось в монастыре, она ответила: крепкие и внушительные стены. Помнится, Александр Первый, заглянувший в Борисоглеб, также оценил величие и могущество этих монастырских стен.

Не успел я только расспросить Веру Григорьевну о ее работе в Третьяковской галерее. На улице было уже темным-темно... А мне было нужно еще показать проект статьи ученых и деятелей культуры против установки у стен Борисоглебского монастыря памятников-монстров в исполнении скандально известного Церетели. Груз с души упал, когда Вера Григорьевна, быстро пробежав глазами проект статьи, взяла ручку и тотчас, без правок и замечаний, подписала его. При этом я услышал: «Хороший вы писатель, все аргументы звучат правдиво!.. Не нужны славному и древнему Борисоглебу уродливые памятники!». Она не обратила внимание или запаматовала, что многие аргументы в статье были изложены ею самой в нашей прежней беседе.

Еще я благодарен был Вере Григорьевне за то, что на обсуждение Церетели у нас ушло пару минут, а все остальное вечернее время было посвящено ее былому подвижничеству, ведь она восстановила ценнейшие памятники отечественной истории, что было делом длительным, кропотливым и трудоемким. В который раз после знакомства с ее достойнейшими трудами реставратора я убеждался, что она свершила не одно чудо. Спасенные иконы и фрески Софийского собора в Новгороде тому подтверждение.

Расставаясь с Верой Григорьевной, я сожалел лишь об одном: чиновники от культуры сделали все возможное, чтобы отстранить ее от участия в общественной жизни страны, обрекая на вынужденное отшельничество, а ведь ее опыт, талант, энергетика могли принести громадную пользу патристическому воспитанию молодежи. Министерские чиновники, страдающие, как правило, русофобией, боялись не пламенных и смелых речей Брюсовой,

не того, что она умела отстаивать свое слово и говорила в лицо то, что не смели сказать другие, а боялись ее высочайшего авторитета, что она, будучи признанным мэтром, пробудит в русских ребятишках чувство гордости за историю и культуру России, пробудит в них чувство национального самосознания и поведет за собой... Точно так же они блокировали и не допускали до телевидения и прессы русских писателей-патриотов Белова, Распутина, Крупина, Личутина, Куняева.

На прощание она подарила мне альбом замечательного художника, лауреата Государственной премии имени И.Е. Репина Никиты Федосова, который был ее родным сыном и который рано трагически ушел из жизни. Последние годы Вера Григорьевна как раз посвятила сохранению и приумножению творческого наследия сына. Когда я открыл первые страницы альбома и увидел изумительные пейзажи древних Кижей, прочитал пару писем сына к матери, у меня на глазах заблестели слезы. Никогда не думал, что я такой сентиментальный. Но несколько предложений из письма из Кижей Никиты любимой матери я прочитал вслух, чтобы продемонстрировать свое восхищение теплыми отношениями сына и матери: «Дорогая мамочка! На погосте много нового. С Преображенской сняли тес и сделали чешую на главах. Очень здорово. Вокруг соорудили подобие крепостной стены. Сделали мощные ворота с замком и снесли Никитин дом. Там, где ты работала, теперь гостиница. Дом достроили и украсили резьбой. Ополовников сейчас здесь, заправляет всеми этими делами. Немного постарел, но изменился мало. Передает тебе самый сердечный привет. Очень хотел бы, чтобы ты приехала. Работы найдется много. Я был потрясен твоей популярностью. Когда я давал телеграмму “Брюсовой”, женщина на почте поглядела на меня и изумленно спрашивает: “так это вы тот Никита?”. В самых неожиданных местах “Вера Григорьевна” живет и не умирает. Все спрашивают, когда ты приедешь, и ждут. Как прихода Мессии».

Душевно растроган я был и автографом на альбоме. Вера Григорьевна написала: «Анатолию Николаевичу Грешневику, защитнику русской культуры, борцу за Россию, и на память о Борисоглебе и о Никите. С пожеланием успеха в Вашей трудной деятельности на благо Отечества. С сердечным приветом В. Брюсова. 10.03.2005».

Второй экземпляр альбома она подписала Василию Ивановичу Белову, узнав, что я вскоре буду у него в гостях в деревне Тимониха. Конечно, я передал подарок писателю, и он тоже был растроган ее добрыми словами-напутствиями и глубоким уважением к его литературным трудам. Научный и гражданский подвиг реставратора Брюсовой писатель Василий Белов расценивал как последний аккорд богатой реставрационной «симфонии», который мог принадлежать только такому высококлассному, чуть ли не единственному в России специалисту по восстановлению памятников русского зодчества. Помнится, Белов задал риторический вопрос: а остались ли еще в стране ученые, которым можно доверить сохранить старое, первоначальное, что оставили нам древние мастера? На свой же вопрос он и ответил: «Пока есть реставраторы Вера Брюсова и Савва Ямщиков, за культурное наследие можно не беспокоиться. Но их так мало!».

Несмотря на то, что статью против установки у стен величавого русского Борисоглебского монастыря, построенного на месте, выбранном преподобным Сергием Радонежским, подписали такие светочи русской культуры

как писатель, лауреат Государственных премий Валентин Распутин и академик Академии архитектурного наследия, заслуженный деятель наук России Евгений Пашкин, горе-скульптору Церетели удалось-таки поставить свои уродливые памятники. Кстати, эту статью подписали еще и знаменитый композитор Юрий Клепалов, и кинооператор, снявший вместе с великим Шукшиным легендарный фильм «Калина красная» Анатолий Заболоцкий, и заслуженный художник России Владимир Коркодым, и прекрасный писатель-летчик Валерий Хайрюзов. Но, как известно, нет пророка в своем Отечестве. Вернее, когда власть чиновников уважала и ценила чужое мнение, тем более тех, кто мудрее и честнее их, кто занят созиданием, а не краснобайством? И вчера, и сегодня отечественные ученые и деятели культуры для них — люди, мешающие им жизнь, вроде как люди второго сорта.

Подобная нехорошая мысль открылась мне после того, как я заново перечитал книгу Веры Григорьевны Брюсовой «Прекрасное — это родина». В ней она как раз и написала про свое отношение к тем представителям чиновничьей власти, которые вершат судьбы культуры и воспитания подрастающего поколения. Если учесть тот факт, что книга вышла в 1989 г., то ее можно отнести к пророческой, к ожиданию того, что в стране власть возьмут предатели Горбачев-Ельцин и начнут ее уничтожать изнутри. Брюсова пишет: «Можно ли удивляться, что со дня основания, например, Рублевского музея в нем еще не было ни одного русского по национальности директора или специалиста по древнерусскому искусству? Факт, постыдный для нации». На другой странице добавила: «В самом деле, почему русские песни, музыка — это архаика, шовинизм, а “современные” — блатные, бульварные песни и рок-музыка? Почему защита родной культуры выворачивается наизнанку как “националистические притязания”, “требования привилегий”? Я не знаю случая в нашей стране, чтобы национальные проблемы возникали на почве требования привилегий или претензий на руководящую роль. Они возникают обычно, наоборот, от ущемления национальных прав. А кричат те, кому эти привилегии достались незаконным путем, и они всеми силами стараются их сохранить».

Я не стал говорить Вере Григорьевне про наше поражение на святой Борисоглебской земле скульптору с «требованиями привилегий», которому чужды традиции школы русского реалистического искусства, и он ставит памятники русским богатырям, искажая их исторический образ.

Одно можно смело сказать: ушла из жизни Вера Григорьевна Брюсова непобежденной, ушла, оставив после себя великое наследие, на котором должно все же взрасти поколение созидателей, мастеров, творцов, и для них, как и для нее, прекрасным будет Родина! Видимо, такова уж судьба у России: чиновники разрушают храмы, а камни собирают подвижники! Похоронили мы реставратора всея Руси на Новодевичьем кладбище в семейном склепе поэта Валерия Брюсова, так как она была замужем за младшим братом известного поэта.

Андрей РЕБРОВ

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Избранные стихотворения

К 65-летию со дня рождения

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях оказало большое влияние на его произведение. Работал оператором котельной, что позволяло заниматься литературой. Секретарь СП России, действ. член ИППО. Лауреат всероссийских лит. премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и гос. награды. Главный редактор журнала «Родная Ладога». **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Иссяк закат, и ночь черна,
как пашня.
Пишу, пишу... пашу в лист белый я,
Чтоб трением пера о грунт бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия.

Чтоб в книге дней,
объятой позолотой
Небесных нив, легко бы вы прочли
Хотя б щепотку строчек, где от пота
И слез моих искрится соль земли.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К заветной маковке горы
Вершу свой путь нелегкий:
Все ближе звездные миры
И неоглядней доли.

И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало
Хоть искры веры — чтоб дойти,
Дожить до перевала.

Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...
Но здесь, в предоблачной тиши,
На гулком перевале

Вдруг ощущается легко:
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь вечна...

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Митрополиту
Константину (Горянову)*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах, сумняшеса ничтоже,
Вековой тропой, и кулики

Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предрежа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,

Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг проклятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

* * *

Взбрала поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечное
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечет, течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь, сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

* * *

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где до поры, тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

* * *

На грани неба и земли,
Над нашей жизнью смертной,
Краснеет солнышко вдали,
Как плод ветхозаветный.

Еще немного, и с высот,
С ветвей спирали звездной,
Вдруг упадет закатный плод
На путь эпохи грозной.

И вижу: чьих-то стоп следы
Ведут снегами к храму...
А дальше — небом, до звезды, —
В свѣтъ Нового Адама.

И верится, как по снегам,
Здесь, в «кожаных одеждах»,

По белоснежным шли пескам
Адам и Ева прежде.

И азъ, по свежим тем следам, —
Наследственной дорогой,
Иду, как Ева и Адам,
К звезде Младенца-Бога.

* * *

Вот снова чьи-то дети вдалеке,
Так по-библейски, плещутся в реке,
И голышом, на свежем ветерке,
Простосердечно бродят по песку.

А время, уподобившись песку,
Заносит их следы на берегу.
И человек, похожий на Луку,
Им что-то пишет тростью на песке...

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Глядится высь в разлившееся Неву,
Наводнены безбрежностью сады.
И с яблонь,
яко с жизненного древа,
В поток небесный падают плоды.

И, словно чьи-то прожитые годы,
Несут их вдаль речные облака.

И чудится, что яблоки на водах,
В скопление, сочетаются в века.

И те века плывут, плывут...
И встречно
Течет им жизнь грядущая моя.
И я гляжу на яблочную вечность,
Преображаясь чудом Бытия.

* * *

Вселенский вихрь бесплотными крылами
На миг коснулся дольного творенья,
И, высоту набрав по-над садами,
Низвергся в пропасть между облаками,
Покорный горней силе тяготенья...

И дерева, как в жертвоприношенье,
Воздели ветви с юными плодами, —
Но как надежны узы их с ветвями!
Плодам, созревшим лишь, — предназначенье
На благодать высокого паденья.

СВЯТОЧНОЕ

Блекнет день,
исполнясь ветхим светом.
В старый сад тропа заметена.
В снежной сфере яблоневых веток
Созревает новая луна.

На дворе — мороз, но временами
Чудится, что в заоконной мгле
Сладко пахнут горными садами
Яблоки, не собранные нами, —
Маленькие луны на земле.

* * *

Я в глуби невские гляжу
И внемлю Леты всплески...
И в сквер церковный захожу,
Где мыслил Достоевский.

И я смотрю на малышей,
Гуляющих по скверу,
И наявляется в душе
Бессмертье детской веры.

И в каждом встречном, мимо нас
Идущем человеке,

Мне явно видится сейчас
Князь Мышкин в нашем веке.

Вбирают воды явь небес.
И в небеса ныряют птицы.
Какие Достоевский здесь
Провидел времена и лица?

Какие в токах Леты он,
И жизненных дорогах,
Вновь узнавал иных времен
Людей, живых у Бога?

* * *

Стою и смотрю на застывший канал,
Сомкнувшийся льдами с Вселенной...
Какие-то люди, всходя на причал,
Несут свои ноши согбенно.

И видится: где-то вдали, у Невы,
Там, в зыбкой юдоли морозной,
Взбираются, древле и присно, волхвы
Гранитную лестницей к звездам.

И там, где России моей небеса
Сливаются с твердью библейской,
Оттуда доносятся мне голоса —
На русском и арамейском.

Вот также, на звездные глядя миры,
Мы, вверх по житийному спуску,
Идем и несем на закорках дары
Высокой словесности русской.

* * *

Засыпал стекла рыхлый свет дневной,
И мне светлица кажется норую.
И растворяю в поле я окно, —
Где пахнет свежей пашнею сырою,
Где крот, как будто в толще временной,
Копает ход сквозь древний пласт земной.
Так я порою Вечность носом рою,
Чтоб в смертной тьме, под жизненной корою,
Найти просвет в небесный мир иной.

НА РЕКЕ

На левом берегу — туман густой.
А правый берег — дальний и крутой;

Направлю челн — туда, где с высотой
Ночных небес, запомненных водой, —
Слились уже светающие дали...
И, может, в невечерней жизни той,
Когда-нибудь к Безбрежности причалю...

ЛЕРМОНТОВ

Бородино листа,
Свеча горит, а выше —
Три сомкнутых перста, —
Так крестятся и пишут.

БЕРЕЗЫ

Отъярились осенние грозы,
И забрезжились в ясной дали
Столь привычные взору березы —
Златокрылые светы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,

Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страхась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Пронзают сумрак зоркие лучи
Светло глядящей в зеркало свечи.

И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,

Где ныне я... Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.

И я, как в вещем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки — горняя родня.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Восходит солнышко над лугом,
Над миром, сущим тыщи лет.
И в каждой капельке упругой,
И в каждом миге длится свет.

И каждой сущей частицей —
Всей сутью — ощущаю я,
Что с тем насущным светом длится
Душа бессмертная моя.

* * *

Рождает время прежние сюжеты,
Но ни строку,
ни дни не двинешь вспять.
Знать, свыше предначертано поэту —
В душе чужие жизни продолжать.

Вживляя в строфы прожитые годы,
Он ощущает смертное родство
С грядущей высью русского народа,
В чьих душах длятся вечности его.

Евгений ЮШИН

«А В ЦЕРКВИ ПАХНЕТ РАЕМ И РОДИНОЙ МОЕЙ»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в 1955 г. в г. Озеры Московской области. Окончил Педагогический институт (историко-филологический факультет). Работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 г. перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2015 гг. Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в т.ч. премии «Имперская культура», премии им. Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России. **Живет в Москве.**

В ГРОЗУ

Сквозь блин коровий лето проросло.
Перед грозой парит, над лугом —
сырость.

Кивнув причалу, скрипнуло весло,
И лопухи у берега столпились.

И гроыхнуло так, что дух смело!
И дали потеряли очертанья.
И над кипящим полем понесло
Горы небесной гулкое рыданье.

Так полило, что света не видать!
Летели воды и свивались в свитки.
И скрылся мир. И стали прорастать
В смятенной мгле ордынские
кибитки.

Из гнезд высоких падали грачи.
Летел табун, века пересекая.
И звонко харалужные мечи
Щиты рубили, искры высекая.

Колокола и пушки — гром внахлест!
Приветим всем седой слезой политым.
Плыла Россия в небе мимо звезд —
В крови, пожарах, песнях и молитвах.

Ей слышен голос каждого села,
Ручья и поля, леса и оврага.
Весь русский мир она с собой несла
Среди просторов космоса и мрака.

И всё менялось, грудилось, тряслось:
То гунны пролетали, то гусары...
Но как-то разом всё оборвалось,
Как струны надорвавшейся гитары.

Гроза прошла.
Проселком ночь спешит.
Березы в лужах зябкие, босые.
И сумрак звездной матрицей прошит.
И всё плывет под звездами Россия.

У ЦЕРКВИ

Есть при церковке маленький город.
И друзья уплывают туда.
Годы-годы. Я тоже не молод.
Холода на губах, холода.

Не седой я ни капельки. Просто
Темный волос мой стал невесом.
На виски мне рязанские звезды
Осыпаются спелым овсом.

Всё угаснет, пройдет, но пока-то
Не теряй ни любви, ни тепла.
Разве в чем-то зима виновата,
Что полмира она замела?

Вот и реки закованы в цепи,
И леса. Холода претерплю.

Вот стою я у старенькой церкви
И синицу с ладони кормлю.

Суетится пичужка, мелькает,
Золотится пушок на груди.
То ли свистом весну окликает,
То ли зиму торопит уйти?

Было счастье, и дни ликовали.
Жгли утраты — сгорал без огня.
Но уплыть за церковные дали
Не пускает синица меня.

ПЛЮШЕВЫЙ КОВРИК

Я десять лет у крестной не был.
Ничто не изменилось тут:
Всё то же ситцевое небо,
И та же банька, тот же пруд.

Как прежде, в доме половицы,
Слегка поскрипывая, ждут:
Когда ж Евгений из столицы
Их навестит? И вот я тут!

А тут всё в прошлом. Как ни жалко,
Но крестной нет уже давно.

Лишь коврик плюшевый с русалкой,
На нем же — лебедь и окно.

Счастливой сказкой, сновиденьем
Себя побаловал народ:
Ветле рогатой — стать оленем,
Корыто — лебедем плывет.

Ну, что? Приехал, дядя Женья?
Лишь память с прожитым роднит.
Русалка смотрит на оленя,
Олень на лебеда глядит.

НА ВОЛОГОДЧИНЕ

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны.

Николай Рубцов

Здесь рубцовские кони летели,
И рубцовская стыла печаль.
И настилы прощально скрипели,
И маячил в тумане причал.

Мне бы к Устюгу выплыть по Югу,
Чтобы север угрюмый понять,
Чтобы лесу, как доброму другу,
О рязанских полях рассказать.

Рассказать, что у нас по озерам
Так же дышит туманом весло.
И почти вологодским узором
Может хвастаться наше село.

По осенним болотам, по рыжим,
Так же клюкву селяне берут.

Только небо здесь малость пониже,
Значит, ближе небесное тут.

Мне бы плыть, широко и влюбленно,
Мимо гор и тяжелых лесов,
Где церквушки старинно и сонно
Славят Бога на сто голосов, —

Вот за эти поречные кручи,
За угрюмую нежность болот,
И за эти вот низкие тучи,
За которыми небо живет.

И мечтаю, чтоб север немного
Прояснил и, в конце-то концов,
Чтобы вышел ко мне на дорогу
С сокровенною песней Рубцов.

Привет тебе, калина под окном!
Алеет шаль твоя, укрыла плечи.
Ты так нежна, как только перед сном
Моя родная, что теперь далече.

Смотрели звезды миллионом глаз —
На нас смотрели —
 нежно и влюбленно.

Так далеко, что холодно душе,
И никакая песня не поется,
Так далеко, что никогда уже
Она меня любовью не коснется.

Ты видела улыбки наших дней
И подпевала в праздничных
 застольях.
И потому теперь еще сильнеей
Твоя судьба с моей сроднилась болью.

Калина, помнишь, ты встречала нас,
Смеясь, шуршала юбкою зеленой.

И если раньше в звездную печаль
Ты улетишь, скажи, что я тоскую,
И подари моей любимой шаль.
Она носила точно же такую.

От деда пахнет медом, туманом, огородом,
Рыбацкою лодчонкой, копченым рюкзаком,
От бабушки — стогами, вареньем, пирогами,
От матушки — малиной и теплым молоком.

От бати — пот и порох, и дней суровый ворох.
Жена рассветом пахнет и щебетом детей.
Стоим и замираем, а в церкви пахнет раем,
А в церкви пахнет раем и родиной моей.

Не зря разгулялась —
 небесная страсть.
Видишь, в этом пожаре и мы.
Полюбил я просторы,
 где ты родилась,
Перелески твои и холмы.

Полюбил я пшеницы
 полуденный звон,
Колокольное ржанье кобыл.
А в причёске твоей —
 и Непрядва, и Дон,
Куликова кудравый ковчег.

Полюбил я твою одинокую грусть
И проселков ромашковых грусть,

Где березою каждою светится Русь
И церквушкою каждою — Русь.

Запах мяты у рек,
и раздумья болот,
И брусничные угли боров —
Всё люблю я —
и верное слово, и пот
Настоящих, как жизнь, мужиков.

И люблю я, когда, трепеща и горя,
Над простором холмов и дорог
Гасит звезды
и в небо взлетает заря —
Богородицы алый платок.

Дмитрий ЗАУСАЙЛОВ

ПЛЕЯДА ТЕНЕЙ: СУВОРОВСКАЯ ШКОЛА РАЗВЕДКИ В ЛИЦАХ

Дмитрий Дмитриевич Заусайлов — родился в 1995 г. в г. Кремлев (название Сарова в 1994–1995 гг.) Нижегородской области. Независимый исследователь-суворовед, выпускник Дипломатической академии (МГИМО) МИД России.

Проследите судьбы выдающихся деятелей русской военной разведки XVIII — начала XIX в. — и почти за каждой из них обнаружится один и тот же человек. Он находил таланты, направлял их, продвигал на нужные государственные и военные посты. Они же безупречно исполняли вверенные им роли.

Этим человеком был генералиссимус Александр Васильевич Суворов — «хитрец первостатейный», скрывший свою жизнь за пеленой слухов и легенд и между делом подготовивший целую плеяду гениальных разведчиков. Утверждение смелое, но его подтверждают многочисленные факты из биографий сподвижников и учеников полководца, а также ряд косвенных свидетельств.

Начнем с самого показательного примера — **А.В. Воейкова**, директора Особенной канцелярии военного министерства и фактического руководителя военной разведки России в начале Отечественной войны 1812 года.

Протеже Барклая де Толли, флигель-адъютант императора, сподвижник М.М. Сперанского, он способствовал назначению М.И. Кутузова на пост главнокомандующего Дунайской армией. Затем, как часто бывает с разведчиками столь высокого уровня, он был уволен из военного ведомства самим императором. Важно подчеркнуть, что свою блистательную карьеру А.В. Воейков начал с участия в Швейцарском походе под началом А.В. Суворова, будучи его ординарцем. Характерная деталь, подчеркивающая тесноту «суворовского круга»: в 1813 г. А.В. Воейков венчался с родственницей близкого друга генералиссимуса — Г.Р. Державина, о котором речь пойдет ниже.

Своим блестящим началом военной карьеры, жизненным опытом и

взглядами на ведение разведки А.В. Суворову всецело обязан и другой его ординарец с говорящей фамилией — **П.А. Чуйкевич**. Если А.В. Воейков слыл талантливым организатором, то Петр Андреевич, являясь одним из образованнейших офицеров русской армии, лучше, чем кто-либо другой, анализировал всю самую ценную разведывательную информацию. Свои умения он начал развивать еще в юном возрасте, когда, окончив в 1797 г. Сухопутный шляхетский кадетский корпус (г. Санкт-Петербург), в 16 лет по воле самого генералиссимуса принял командование над казачьим летучим отрядом. Впоследствии — в 1810 г. — занял пост сотрудника-аналитика центрального аппарата «Экспедиции секретных дел», де-факто став заместителем директора военной разведки российского государства. Подобно А.В. Суворову, под руководством которого он сражался в 1799 г., Петр Андреевич мыслил стратегически. Начав боевой путь, выражаясь по-современному, диверсантом, в зрелые годы он дорос до «командира пера», умело сверяя свои теоретические выводы с практическим опытом.

П.А. Чуйкевич занимался вопросами контрразведки (составлял списки лиц, подозревавшихся в шпионаже), агентурной разведки (направлял агентов за границу), анализом разведывательных данных, написанием аналитических записок, созданием резидентур в европейских странах, а также разработкой маршрутов передвижения войск на западной границе России. Кроме того, именно этот человек подготовил блестящую аналитическую записку о предстоящей войне с Францией. Содержание данного документа по своей логике явилось плавным продолжением рассуждения А.В. Суворова «о длинной и короткой коммуникации».

В то время, когда многие русские генералы (прежде всего, генерал горнячих грузинских кровей П.И. Багратион) готовились «шашкой нбголу» рубить Великую Армию «маленького капрала», именно П.А. Чуйкевич потрясаяще точно определил следующие правила ведения будущего военного противостояния с армией Н. Бонапарта. Его «скифский план» предусматривал следующее:

«Первое. Уклоняться до удобного случая с главною силою от Генерального сражения.

Второе. Не упускать случая, коль скоро Наполеон отделит где-либо часть своих войск, сосредоточить против них превосходнейшее число своих и истребить сию часть прежде, нежели он подаст ей помощь.

Третье. Беспременно развлекать внимание неприятеля, посылая сильные партии иррегулярных войск, беспокоить его денно и ночью, в чем мы имеем неоспоримое и важное преимущество.

Четвертое. Иметь несколько отделенных летучих отрядов из легких войск по одной или по две тысячи человек, которые должны поручены быть в команду отважнейшим офицерам из регулярных войск. Дело их есть прорывать беспрестанно неприятельскую операционную линию и действовать на флангах и в тылу неприятеля истреблением того, что будет им по силе и возможности»¹.

¹ Чуйкевич П.А. Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии Инсурекицию посредством вооруженной Экспедиции // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1996. Т. 7. С. 44–53.

Здесь и далее графика О. Зубарева; идеи, эскизы — Д. Заусайлов

Центральная и архиважная мысль данного документа состояла тогда в том, что новая война будет партизанской, то есть ведомая «партиями» (небольшими отрядами).

В ряду блестящих организаторов и аналитиков «суворовской школы» достойное место занимает и **Д.П. Татищев** — ценитель искусства, кол-лекционер живописи, перевезший в Санкт-Петербург собрание подлинных шедевров (среди них — картины Ван Дейка, Рафаэля и Леонардо да Винчи), и автор «Российского академического толкового словаря». Еще в молодости он успел сменить китель военного на мундир дипломата, однако начинал свой путь под командованием А.В. Суворова, который раньше других распознал в нем недюжинный талант. Именно от Александра Васильевича молодой Д.П. Татищев получил лаконичное, но судьбоносное рекомендательное письмо, открывшее ему дорогу на дипломатическое поприще: будущий тайный советник был направлен с ответственной миссией в Константинополь, а по возвращении в Петербург произведен в очередной чин. Служба Д.П. Татищева — очередной наглядный пример того, как суворовская выучка и протекция работали не только на поле боя, но и в дипломатической среде, где разведывательная информация добывалась не штыком, а пером.

Официальными же продолжателями дела генералиссимуса А.В. Суворова стали двое его знаменитых последователей: **М.И. Кутузов** и **Д.В. Давыдов**. Последний при этом лишь однажды мимоходом видел А.В. Суворова, будучи еще юношей. Тем не менее, он был многим обязан Александру Васильевичу, так как основной свой опыт он получил под руководством любимого его ученика — П.И. Багратиона, не говоря уже о том, что отец Дениса Васильевича служил бригадиром у самого генералиссимуса.

Д.В. Давыдову, в отличие от своего кумира-полководца¹, вскоре пришлось выступить уже крупнейшим лидером партизанского движения начала XIX века. «Летучие отряды», сформированные по приказу М.И. Кутузова и ведомые Д.В. Давыдовым, успешно действовали в тылу французов — брали неприятеля в плен, освобождали из плена соотечественников, нарушали коммуникации противника.

А.В. Суворова и Д.В. Давыдова, побывавших «по обе стороны партизанских действий», по праву следует считать одними из первых разработчиков теории партизанской войны, так как оба они не просто показали на деле эффективность своей тактики и стратегии, но и оставили потомкам богатое эпистолярное наследие, актуальное для прочтения и в настоящее время («Рассуждение о войне с конфедератами» и «Дневник партизанских действий»). Их труды по данной теме значительно опередили во времени и содержанию известные на весь мир «Семь столпов мудрости» блистательного английского разведчика-арабиста Т.Э. Лоуренса.

При этом любопытно, что Д.В. Давыдов, размышляя о феномене своего кумира, задавался вопросом, который не утратил остроты и сегодня: *«Если вся жизнь этого изумительного человека [А.В. Суворова], одаренного нежным сердцем, возвышенным умом и высокой душой, была лишь театральным представлением и все его поступки заблаговременно обдуманы, — весьма любопытно знать: когда же он был в естественном положении?»*². Похожим образом на заре карьеры генералиссимуса высказывался и командир роты Семеновского полка, где служил молодой офицер А.В. Суворов: *«Этот чудак сделает что-нибудь чудное!»*³. Как показало время, этот «чудной суворовский гений» во многом держался на безупречно выстроенной им разведке.

В западных языках есть термин «intelligence», который означает «разум, интеллект и интеллигентность». Однако таковы старые его значения, а в современном английском он, к примеру, переводится уже как «разведывательная служба, разведка, разведданные». Любопытно, что похожим образом в современном значении термин «информация» впервые был введен в военный лексикон армий мира именно А.В. Суворовым еще в далеком XVIII в., не раз появляясь в составленных им боевых документах.

Александр Васильевич первым из современников стал налаживать систему сбора информации, поступающую из военных штабов иностранных армий. Об этом свидетельствует его приказ генералам союзной армии «О взаимной информации и немедленном представлении новых сведений о противнике» от 26 июня 1799 года⁴. В нем четко определяется порядок

¹ А.В. Суворову партизан Д.В. Давыдов посвятил целую главу в своих знаменитых «Военных записках» (под названием «Встреча с великим Суворовым»). Подобно «Князю Рымникскому, графу Италийскому» Д.В. Давыдов не обладал выдающимися физическими данными и даже его маленький рост (165 см) стал серьезной проблемой при поступлении на службу и в ходе нее (этот недостаток он компенсировал собственными волевыми качествами и знанием людской психологии). Так же как и А.В. Суворов, он находил величайшее упоение в поэзии, а на поле боя впадал в иступление, был воплощением жесткого, но последовательного и победоносного командира.

² Давыдов Д.В. Встреча с великим Суворовым // Военные записки.

³ Там же.

⁴ Суворов А.В. 26 июня 1799 г. — Приказ А.В. Суворова генералам союзной армии о взаимной информации и немедленном представлении новых сведений

сбора добытой информации, ее обработки и доклада: *«Обо всех получаемых сведениях следует немедленно доносить, если это даже лишь предположения. В последнем случае нужно к сведениям прикладывать свое мнение или свои соображения (аналог формата современной разведывательной справки) с тем, чтобы получить не только ясное представление обо всем, но и быть в состоянии делать дальнейшие выводы на основании полученных сведений... Подавая сведения о неприятеле, следует всегда указывать фамилии командиров дивизий и приблизительную численность их дивизий (аналог формата современного разведывательного донесения) с тем, чтобы иметь возможность более точно и более правильно оценить неприятеля... Важные сведения, в целях выигрыша времени, должны возможно быстрее посылаться выделенными корпусами и отрядами (аналог современной фельдъегерской службы и закрытых автоматизированных систем связи управления) непосредственно главнокомандующему фельдмаршалу. Эти сведения посылаются одновременно и подчиненным командирам корпусов и отрядов (аналог дублирования доклада документов по линии НГУ и НИ¹ в структуре современной военной разведки России). Сообщения и донесения, представляемые в служебном порядке, не должны превращаться в частные письма».*

Абстрагируясь от данного приказа как исторического документа и забыв на мгновение об узоре тех обстоятельств, в которых он был принят, легко проследить, как столетия спустя его дух материализовался в советской «Системе объединенного учета данных о противнике» (СОУД), секретной автоматизированной системе глобальной радиоэлектронной и агентурной разведки.

Как бы то ни было, зачастую источники наиболее важной и секретной информации — это люди. Поэтому на протяжении своей 55-ти летней карьеры А.В. Суворов тщательно подбирал и заводил высокопоставленных «друзей» в иностранных армиях, при Дворе, в Церкви, среди торговцев и интеллигенции. Он выстраивал самую настоящую «агентурную сеть», очень компактную и сверхэффективную. В совокупности этих факторов, А.В. Суворов заложил и апробировал концепцию того, что сегодня именуется стратегической (глубинной) разведкой.

Соратниками А.В. Суворова и продолжателями его идей выступали не только русские по национальности офицеры². Касаясь темы иностранцев в войсках А.В. Суворова, вспомним наглядный пример времен «Альпийского армагеддона» русской армии. Оказавшись в ловушке в Швейцарских горах и приготовившись принять первое в своей жизни поражение, А.В. Суворов обратился к своим офицерам на коленях и попросил их *«спасти честь Отечества»*. В ответ он услышал: *«Мы русские. Мы победим»*. Любопытно, что произнес эти слова не кто иной, как В.Х. Дерфельден — немец, а

о противнике // Суворов А.В. Документы / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 4. М.: Воениздат, 1953. С. 193.

¹ НГУ — начальник главного [разведывательного] управления ГШ ВС РФ. НИ — начальник службы информации главного [разведывательного] управления ГШ ВС РФ.

² Об одном иностранце на русской службе, плохо знавшем русский язык, А.В. Суворов однажды сказал: «Стыдно, но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски».

сама речь полководца дошла до нас благодаря П.И. Багратиону, который был чистокровным грузином.

Немногим ранее, в ходе Итальянской кампании А.В. Суворов сумел разглядеть среди тысяч храбрых солдат и офицеров **В.А. Пренделя**, австрийца, умелого наездника и знатока аванпостной службы¹. Биография этого человека поистине уникальна: он происходил из старинного дворянского рода, в детстве промышлял охотой в горах, в 12 лет собственноручно убил медведя, затем был отдан в монастырь, изучил там с десяток иностранных языков, однако миссионером так и не стал. Затем из Австрии подался в Италию и сделался банкиром, путешествовал по Европе, потом поступил добровольцем в Тирольские стрелки и попал в плен к французам. В Париже ожидал гильотины, но сумел сбежать из плена и возвратился в свой полк. В 1799 г. этого талантливого человека, который проникся *«презрением к французской армии»* и которому *«наскучило всегда с австрийской армией отступать и всегда быть битым»*, замечает сам А.В. Суворов. Далее происходит то, что в современном языке называется «вербовкой». Несмотря на то, что официально «перевестись» в русскую армию В.А. Пренделю удалось лишь в 1804 г., все эти годы он активно поставлял А.В. Суворову ценную разведывательную информацию и налаживал необходимые контакты в Европе. Во время Аустерлицкого сражения состоял офицером для «особых поручений» при М.И. Кутузове и отличился личной храбростью, успешно командуя партизанским отрядом.

С началом войны 1812 г. В.А. Прендель становится одним из главных доверенных лиц М.Б. Барклая-де-Толли: с секретной миссией он отправляется сначала в г. Дрезден (Курфюршество Саксония), а затем проводит ряд спецопераций на территориях современных Голландии, Германии, Италии и Франции. В 1813 г. со своим партизанским отрядом он организует во французском тылу перехват почтовых сообщений, направленных из Франции в ставку Н. Бонапарта. Важные депеши В.А. Прендель отбирал и передавал российскому командованию, а не представляющие интереса направлял по обратному адресу, на память ставя поверх них свою печать (на ней был изображен русский казак с пикой наперевес, а также имелась надпись «Казачья привилегированная контора Виктора Пренделя»). В качестве вознаграждения за его голову Н. Бонапарт назначил огромную сумму, однако она никому не досталась — полковник разведки В.А. Прендель умер тихо много лет спустя в должности коменданта г. Лейпцига (Курфюршество Саксония). По сей день в этом городе одна из улиц носит его имя, а вот в г. Киеве (Украина), где он скончался, уже в наше время его надгробие было срыто бульдозером. В некрологе разведчика можно прочесть следующие строки: *«...были также и недоброжелатели у Пренделя, и прежде остался он в забвении до такой степени, что даже на светлых страницах новейшей отечественной истории имя удалого партизана почти не встречается...»*². Показательно, что еще в XIX в. полковник П.М. Сакович, главный исследователь разведывательной составляющей суворовских военных кампаний, ставил В.А. Пренделя и А.С. Фигнера по славе об удали и отваге

¹ Сакович П. Очерк биографии русского партизана, генерал-майора Виктора Антоновича Пренделя // Русский инвалид. 1856. № 258.

² Рихтер В.Г. Партизан В.А. Прендель и медаль за Лейпцигскую победу // Военная быль». 1952. № 2, июнь.

выше всех прочих русских партизан¹.

Другим человеком, долгое время хранившим огромное количество секретов и сумевшим отойти в иной мир так, что о нем постепенно и вовсе забыли, был **И.О. Курис**, правитель дел канцелярии А.В. Суворова по секретной части. Значительно пережив самого Александра Васильевича, которого он лично спас во время Кинбурнского сражения, «человек без биографии» И.О. Курис умер в 1836 г. в возрасте 110 лет. Во время штурма Измаила он *«был посылаем в важнейшие места и доставлял приказания с точностью»* — так сухо свидетельствовал о нем А.В. Суворов в докладе императрице. Любопытный момент: в 1791 г. по случаю заключения с Турцией Ясского мира А.В. Суворову из российской столицы прислали орден Георгия 3-й степени с высочайшим повелением: *«Чтобы этот крест был возложен на того отличившегося в военном знании и храбрости в ту войну, которого почитит достойным главнокомандующий»*.

Крест достался «писарю» И.О. Курису. Таким образом, он оказался единственным из всей русской армии офицером, награжденным за штурм Измаила уникальным Георгиевским крестом. Высшая военная награда обошла самого А.В. Суворова, графа М.И. Кутузова, испанского герцога О.М. Дерибаса (де-Рибаса), французских герцогов Э.О. де Ришелье и А.Ф. Ланжерона, грузинского князя П.И. Багратиона и атамана войска Запорожского А.А. Головатого. Традиционно считается, что это была всего-навсего шутка А.В. Суворова, уязвленного по поводу нечестного решения высшего командования о награждении причастных к этой операции людей. Однако представляется, по меньшей мере, глупо полагать, что человек, которому А.В. Суворов был обязан жизнью, человек, побывавший на полях сражений практически всех войн с его участием и не раз отличившийся личной храбростью, человек, хранивший бесчисленное множество военных тайн и состоявший в переписке с занимавшим высо-

¹ Сакович П. Очерк биографии русского партизана, генерал-майора Виктора Антоновича Пренделя // Русский инвалид. 1856. № 258.

чайшую государственную должность Г.Р. Державиным, был «просто писарем», которому повезло оказаться в нужное время в нужном месте. На фамильном гербе Курисов красуется девиз: «*Да будет правда*» (на гербе над графской короной рука держит дубовую ветвь — «символ дипломатических заслуг»). Ничуть не странно предположить, что И.О. Курис при А.В. Суворове и после его смерти занимался шпионской деятельностью, а работа в штабе была его оперативным прикрытием. К слову, в 1795 г. за какие-то заслуги он получил от короля Фридриха Вильгельма II высший орден Пруссии «*Pour le mérite*». Кроме того, «вишенкой на торте» вполне может выступить следующий факт: с 1828 г. во всех документах и в переписке И.О. Курис, официально состоящий на гражданской службе (Новгородский и Волынский губернатор), именуется генералом. С точки зрения научной историографии любопытно и другое: именно И.О. Курису принадлежит главная заслуга в создании мифического образа «отца-командира» Суворова, под сенью которого сам хранитель его секретов и остался в тени.

Примечательно, что в относительной безвестности чуть раньше И.О. Куриса ушел из жизни его коллега — французский бригадный генерал, тайный секретарь Н. Бонапарта Бакле д'Альб (Louis Bacler d'Albe), который также получил свое заслуженное звание лишь на закате карьеры.

Для справки. Бакле д'Альб — начальник Топографического кабинета Наполеона I. Автор карт всех территорий, через которые проходила и которые завоевала французская «Великая Армия». Его карта Российской империи была создана на основе самой актуальной на тот момент времени информации и обладала поистине потрясающей детализацией (утрачена при отступлении французских войск в 1812 г.).

В русскоязычной литературе он известен лишь как выдающийся картограф и пейзажист, сопровождавший великого французского императора в его завоевательных походах. Такое невнимательное отношение и однобокий взгляд на неординарную личность Бакле д'Альба, по-видимому, вызвано нежеланием и неумением большинства историков «копать вглубь» вопроса. При внимательном же изучении первоисточников на французском языке обнаруживается, что этот человек являлся неофициальным главой наполеоновской военной разведки. Лучшее всего о его роли в истории высказался его современник (биограф императора) полковник Ваше: «*Ни один другой офицер, в том числе Л.-А. Бертье (в 1799—1814 гг. — начальник Генерального штаба при Наполеоне I Бонапарте) не был связан столь интимным образом с мыслительной работой Императора. Бакле Д'Альб в одиночку выполнял те функции Генерального штаба при Наполеоне I Бонапарте, которые следует считать наивысшими и которые заключаются в подготовке заключительных решений военачальника*»¹.

Особого разговора заслуживает также фигура **Г.Р. Державина**. Автор стихов государственного гимна, поэт, переводчик, драматург, чиновник, автор первого толкового словаря русского языка, просветитель и эстет — таким предстает он на страницах школьных учебников. Между тем этот мастер пера и шпаги начал свою карьеру с участия в государственном перевороте под началом Суворова-старшего, когда тот занимался низложением

¹ Vachée C. Napoléon en campagne. Berger-Levrault, 1913. Cité par Alferd Lartigue, cité par Troude (page 41) et Despax (page 48).

императора Петра III (обезоружил его личную охрану — «голштинцев»; именно руками Василия Ивановича Суворова будущая Екатерина Великая была буквально «посажена на престол»), продолжил службу в разведке уже с его сыном, а закончил жизнь действительным тайным советником.

Суворов-младший познакомился с Г.Р. Державиным во время тайной операции по подавлению пугачевского восстания, когда последнему, командовавшему секретным «эскадроном смерти», было поручено любой ценой скрытно ликвидировать Емельяна Пугачева до подхода основных сил (А.В. Суворов с войсками императрица послала пленить бунтовщика уже в рамках запасного плана, однако потом также побоялась публично признать этот факт, поэтому «на бумаге» пленителем Пугачева был назначен полковник Михельсон, а Суворов — лишь его «конвоиром»).

Дружба с полководцем с тех лет сохранилась на всю жизнь, а уже на следующий день после смерти Александра Васильевича Г.Р. Державин направил его бывшему адъютанту И.О. Курису письмо с призывом продолжить переписку (оба этих человека — главные связные в суворовской разведывательной сети).

Вышеупомянутые лица, с которыми А.В. Суворов взаимодействовал лично, так или иначе занимались тем, что на современный манер зовется «стратегической агентурной разведкой». Между ними он никогда не выстраивал открытых отношений, намеренно скрывая истинный характер их разведывательной деятельности. Более того, он сам всячески сторонился репутации шпиона, следуя своему же высказыванию: *«Тот уже не хитрый, о ком все говорят, что он хитер»*.

Разведку русский полководец организовывал, опираясь на три выработанные им принципа:

1. Изолированность источников разведки друг от друга.

2. Разделение поступающих сведений на достоверные и требующие проверки. Большое внимание (в сравнении с современниками в данном деле А.В. Суворов был вне конкуренции) уделялось анализу «сведений из открытых источников» — к ним он относил показания перебежчиков¹, местные слухи и информацию, почерпнутую из печатной периодики².

3. Лаконичность и простота изложения разведывательных (информационных) документов, доходящая до предела.

Нынешние традиции оформления военных разведывательных документов (донесений, сборников, справок, подборок, аннотаций к оригиналам и др.) с упором на краткость изложения и единообразие трактовок, сознательное пренебрежение некоторыми нормами устоявшегося правописания (для облегчения восприятия, по принципу «больше точек, меньше запятых») во многом восходят именно к А.В. Суворову, чьи письма, рапорты и донесения, написанные в большом количестве, имели свою отличительную манеру и языковой стиль.

¹ *Суворов А.В.* 15 июня 1789 г. — Рапорт А.В. Суворова Н.В. Репнину о показаниях бежавшего из Исакии молдаванина // *Суворов А.В. Документы* / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. С. 455.

² *Суворов А.В.* 24 сентября 1787 г. — Рапорт А.В. Суворова Г.А. Потемкину об обстреле Кинбурна с приложением показаний грека о составе турецкого флота // *Суворов А.В. Документы* / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. С. 333.

Наглядным примером подготовленного в таком духе документа может служить письмо А.В. Суворова к Г.А. Потемкину от 4 августа 1790 г., содержащее сведения о намерении Австрии заключить сепаратный мир с Турцией:

«Письмо вашей светлости от 31 числа июля я получил. Пред им за сутки дошли два письма к моим бухарештским приятелям из Вены о том, что австрийцы удерживают Орсову, 5 округов в Боснии, Хотин до миру с нами, или вовсе, что с российскими на 3 месяца перемирие; что п Нассау... В Бухаресте был турецкой конфидент только для разведывания от нас. Из Райхенбаха проехал прусской полковник и с ним два курьера: англицкой для Константинополя и его чрез Виддин. Принц Кобург без предписания от его двора обещал писать к визирю (куда и тот полковник) о перемирии»¹.

Из упомянутого документа мы узнаем, что несколько дней назад А.В. Суворов получил от Г.А. Потемкина письмо. По имеющимся сведениям (которые самим полководцем предусмотрительно не комментируются и не дублируются — на случай перехвата письма третьими лицами), речь идет о секретных ордерах, в которых Г.А. Потемкин сообщил о том, что Австрия по договоренности с Пруссией решила заключить мир с Турцией на условиях возвращения ей земель. Далее А.В. Суворов сообщает, что его собственные агенты, названные им «бухарештскими приятелями из Вены»², передают конкретные сведения об остановке на территории современной Румынии, Боснии и Украины (районы, подконтрольные тогда австрийской армии). Достоверность предоставленной информации А.В. Суворов косвенно подтверждает по линии авторитетного источника (ссылается на него) — принца Нассау-Зигена (француз, тайный агент Г.А. Потемкина и императрицы Екатерины II), упоминая того в документе. Сообщается, что в г. Бухарест прибыл некий конфидент (высокопоставленный дипломат, уполномоченный вести секретные переговоры) и что реальная его задача якобы состоит вовсе не в достижении неких договоренностей, а в добыче сведений о действиях российской стороны, то есть речь идет о шпионаже.

Стоит отметить, что на случай перехвата противником сообщений Александр Васильевич при составлении своих документов прибегал к зашифрованию отдельных частей текста³.

Вернемся на шаг назад и упомянем о том, что в дружеской переписке с А.В. Суворовым состоял и **О.М. Дерибас** (исп. José de Ribas y Boyons), один из немногих его современников, который мог сравниться с ним в умении вести двойную игру. О.М. Дерибас был столь хитрым человеком,

¹ *Суворов А.В.* 4 августа 1790 г. — Письмо А.В. Суворова Г.А. Потемкину со сведениями о намерении Австрии заключить мир с Турцией // *Суворов А.В. Документы* / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. С. 515.

² Здесь прослеживается прямая аналогия с современной практикой специальных (разведывательных) служб: очерчена территориальная принадлежность источника, но сам он не раскрывается даже в докладе высшему командованию.

³ *Суворов А.В.* 16 июня 1770 г. — Письмо А.В. Суворова М. Лангу о наказании пойманного шпиона и наблюдении за аккуратной доставкой сведений с постов // *Суворов А.В. Документы* / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 1. М.: Воениздат, 1949. С. 265.

что, нахваливая однажды рассудительность М.И. Кутузова, Александр Васильевич произнес: *«Его и Рибас не обманет»*. Именно поэтому письма А.В. Суворова и О.М. Дерибаса хоть и отличаются доброжелательным тоном, носят, тем не менее, скорее характер профессиональной переписки. В одном из них, например, Александр Васильевич делится с обрусевшим испанцем сведениями о военно-политической обстановке и просит того отвечать взаимностью:

«При спокойствии и тишине в местах здешних и по прикосновенности в кордонах цесарском и прусском войска Ее Императорского Величества начальства моего здоровы и упражняются в экзерциции, без недостатка в продовольствии. Прусские, действовавшие против французов, почти все располагаются в кантонах своих, и к войне ничего не предвидится. Дошедшие ко мне секретные артикулы, между короля Прусского и французами сделанные, Вашему Превосходительству для сведения, есть ли уже не имеете, имею честь препроводить, прося покорнейше не оставлять и меня Вашими уведомлениями относительно соседей Ваших и происходящего в областях тамошних. С января я не имел никаких известий от Вашего Превосходительства. Могу ли я думать, что Вы охладели к Вашему верному другу?»

В 1794 г. вторым лицом после О.М. Дерибаса выступал другой последователь А.В. Суворова — **Г.С. Волконский**, командующий всеми русскими войсками в регионе заложенной только что Одессы. В 1795—1796 гг. он командовал 2-й дивизией в армии Александра Васильевича, от которого получил прозвище «неутомимый». В 1797 г. он — действительный тайный советник. За время службы под началом А.В. Суворова Г.С. Волконский так проникся его взглядами на военную науку и каждодневный быт, что стал одним из самых ярких последователей суворовского гения. При этом чудачества Г.С. Волконского порою выходили за рамки (виной тому объективно стало его ранение в голову) — о том сохранились следующие воспоминания: *«Вчера попало мне странное явление на перспективе. Старик с седою бородою идет с припрыжкой. Андреевская и георгиевская звезды, военный шитый мундир, вместо камзола жилет атласный синий, без шляпы и шпаги, сгорбившись. Вдруг остановился, начал кланяться в землю перед Казанскою. Увидев меня, начал меня крестить и целовать. Кто это? Суворов! Нет, кто же? Князь Григорий Семенович Волконский, шедший в этом убранстве домой из Невского монастыря, где был вынос тела князя Куракина. Точно мертвец. За ним так и шла толпа народа, а он идет, как будто танцуя польский, но один, даже без лакея. Экой чудак!»* (из письма дипломата А.Я. Булгакова от 25 августа 1818 г. из Санкт-Петербурга брату)¹.

По иронии судьбы, дочь генерала Г.С. Волконского позже выйдет замуж за своего однофамильца — П.М. Волконского, которому также предстояло сыграть значимую роль в становлении современной военной разведки России. Отличившись в 1805 г. в сражении под Аустерлицем, в 1807—1810 гг. он находился в заграничной командировке с задачами сугубо разведывательного характера, по возвращении из которой представил отчет «О внутреннем устройстве Генерального штаба французской армии». Данный

¹ Русский архив. 1900. № 9. С. 133.

документ послужил отправной точкой для реформирования российской армии по французскому образцу.

Возвращаясь к А.В. Суворову, отметим, что всецело доверяя высокопоставленным проверенным лицам, от подчиненных ему командиров он, тем не менее, требовал не ограничиваться донесениями агентуры и тщательно проверять поступающие сведения посредством ведения войсковой (тактической) разведки. Он всегда стремился выстраивать разведывательный цикл следующим образом: данные стратегической разведки проверялись разведкой по открытым источникам (и никогда наоборот!), а на выходе их достоверность проходила фильтр тактической разведки на местности.

Так, в письме Н.В. Репнину от 17 июня 1789 г. А.В. Суворов благодарит того за присланные сведения (*«за полученные мною уведомления приношу мою покорнейшую благодарность»*) и рапортует: *«Шпионы мои не возвращаются и паки посылаю. Разъезды мои за Серетом переговаривают с крестьянами, те объявляют о числе турецких войск почти сходно с иными показаниями. Слышно, что они хотят покушаться на австрийцев и на нас, когда сбудет вода из Серета»*¹. Лишь через пять дней следует доклад Александра Васильевича Н.В. Репнину о результатах разведки, полученных с передовых постов: *«От передовых форпостов донесено, что разъездною командою за Текучем, к стороне Фурчень, примечено: лагерь турецкий, расположенный у Фокишан при Сасах, против прежнего количества удвоился, да тут же при Ботанештах вновь лагерь открылся числом палаток от сорока до пятидесяти»*².

Понимая, что разведка не может эффективно вестись в атмосфере страха, даже за присылку неверных сведений Александр Васильевич наказывал исполнителей только выговором, не переходя к телесным наказаниям или шельмованию. При этом и к пойманным шпионам он относился вовсе не так жестоко, как то диктовали традиции войны. Например, в письме к подполковнику Моисею фон Лангу от 16 июня 1770 г. А.В. Суворов высказывает соображения о том, как следует поступить с пленным «шпионом-жидом»: *«...отправленного же шпиона содержать в Люблине впредь до резолюции от генерал-поручика, или лучше, избегая затруднения, прикажите при публикации в Люблине городскому кату ошельмовать, положить клеймы, отрезать уши; буде же таких клеймов нет, то довольно что и уши отрезать и выгнать из города метлами. А лучше всего прикажите его только высечь как-нибудь кнутом, ибо сие почеловечнее...»*³.

Рапорт А.В. Суворова И.П. Салтыкову «Об организации разведывательных отрядов для получения сведений о противнике» от 14 мая 1773 г. дает понятие о том, что четкая постановка задач и сочетание всех доступных методов

¹ Суворов А.В. 17 июня 1789 г. — Письмо А.В. Суворова Н.В. Репнину о посылке разведчиков за Серет // Суворов А.В. Документы / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 2. С. 456.

² Суворов А.В. 22 июня 1789 г. — Рапорт А.В. Суворова Н.В. Репнину о результатах разведки, полученных с передовых форпостов // Суворов А.В. Документы / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. С. 457.

³ Суворов А.В. 16 июня 1770 г. — Письмо А.В. Суворова М. Лангу о наказании пойманного шпиона и наблюдении за аккуратной доставкой сведений с постов // Суворов А.В. Документы / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 2. М.: Воениздат, 1951. С. 265.

и средств ведения войско-
вой разведки позволяли
ему действовать на боль-
шую глубину, что явилось
абсолютным новшеством
в военном искусстве того
времени. Даже в случае
невозможности ведения
разведки и рекогносци-
ровки на суше, Александр
Васильевич, не долго раз-
мышляя, приказывал «...
*снабдить их [разведы-
вательные отряды] по-
требным числом лодок и
суден и определив к ним
несколько из вышедших
болгаров, знающих поло-
жение задунайской сто-
роны...*»¹. Профессиональ-
но поставленная войсковая
(тактическая) разведка
подготовила благодатную
почву для многих побед
Александра Васильевича.
Наиболее яркими и пока-
зательными стоит считать
победы под Фокшанами,
Кинбурном и при Треб-
бии. Отдельно следует от-
метить самое удачное по

количеству наград, титулов и орденов сражение — Рымникское. Перед его началом полководец с небольшим отрядом лично выдвинулся на разведку для оценки ситуации и установления расположения сил противника. Они находились на значительном удалении друг от друга, что являлось стратегической ошибкой турецкого командования. Не теряя времени на долгие размышления, А.В. Суворов оперативно разработал план разбития войск противника по частям еще до главного сражения.

К слову, именно оно стало переломным моментом в карьере известного в будущем «партизана-разведчика с Можайской дороги», героя войны 1812 г. **И.С. Дорохова.** В сражении при Рымнике он состоял дежурным адъютантом при самом А.В. Суворове, передавая его приказания войскам под пулями и ядрами противника. По личному представлению Александра Васильевича в 1790 г. он получил звание капитана и был назначен командиром роты Фанагорийского гренадерского полка, сформированного

¹ *Суворов А.В.* 14 мая 1773 г. — Рапорт А.В. Суворова И.П. Салтыкову об организации разведывательных отрядов для получения сведений о противнике. // *Суворов А.В.* Документы / Под общ. ред. полковника Г.П. Мещерякова. Т. 1. С. 623.

А.В. Суворовым из гренадерских рот различных полков. Через год отличился в последнем крупном сражении Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., в 1794-м оказался в Варшаве, когда там вспыхнуло восстание, с ротой гренадер и одной пушкой держал оборону, затем пробился к основным русским силам. Участвовал в кампании 1806–1807 гг., окончательно обесмертил свое имя во время войны 1812 г., освободив от наполеоновских войск город Верею.

В целом, если смотреть на «суворовскую партизанскую школу» шире, то она представлена как ярко-знатными именами: П.И. Багратион, атаман М.И. Платов, генерал А.П. Ермолов, Д.В. Давыдов, Н.Н. Раевский, так и теми людьми, чьи подвиги известны лишь узкому кругу специалистов — принц Нассау, А.Н. Сеславин¹, А.С. Фигнер², П.С. Котляревский, Н.М. Каменский и др. Всех их объединяет одно — они сами считали себя партизанами, воспитанными по системе А.В. Суворова, разделяли взгляды полководца на ведение боевых действий и крайне успешно демонстрировали на поле боя все те принципы, которые закладывал когда-то сам Александр Васильевич:

- тщательная предварительная разведка и корректировка плана прямо в ходе боя — *«никакой методичности при хорошем глазомере»*;
- молниеносные атаки малыми группами — *«только наступление»*;
- упор на захват единичных ключевых стратегически важных пунктов, а не на уничтожение линий коммуникации и живой силы противника — *«никогда не распылять силы для сохранения различных пунктов»*;
- приоритетное использование практического опыта — *«никогда не следует перегружаться тщетными комбинациями для контр-маршей и для так называемых военных хитростей, которые хороши только лишь для академика, то есть мыслимы лишь в теории»*³.

Характер и масштаб такой будущей войны «партиями» точно передал советский историк Е.В. Тарле: *«Партизанских отрядов было несколько: Давыдова, Фигнера, Дорохова, Сеславина, Вадбольского и еще два-три... Особенной неумолимостью славился Фигнер. Партизанами были офицеры, солдаты, которых отпустило начальство, добровольцы... Партизаны Фигнер, Давыдов, Сеславин, Кудашев, Вадбольский и т.д. были офицерами регулярной русской армии, получившими разрешение и поручение образовывать дружины охотников»*⁴. Это свидетельство принципиально важно: партизанская война 1812 г. велась силами подготовленных профессионалов суворовской выучки, а не являлась в полном смысле народной.

¹ А.Н. Сеславин — один из руководителей партизанского движения во время Войны 1812 г., участник Заграничного похода русской армии 1813–1814 годов. Талантливый военный стратег и разведчик, автор предложений по совершенствованию ведения боевых действий и плана русской военной экспедиции по освобождению Индии от британского колониального гнета. Был ярым почитателем А.В. Суворова. По окончании военных действий он получил длительный отпуск для лечения за границей, побывал во Франции, Италии и Швейцарии, где прошел пешком по пути Александра Васильевича — через Сен-Готард и Чертов мост.

² Единственным кумиром для партизана А.С. Фигнера всю жизнь оставался А.В. Суворов.

³ Из заметок, продиктованных А.В. Суворовым генерал-майору И.И. Преводе-Люмнану с оценкой международной военно-политической обстановки и стратегическим планом войны против Франции.

⁴ Тарле Е.В. Наполеон. М., 1936.

Отрядам партизан под предводительством опытных «командиров-суворовцев» ставились задачи разведывательно-деструктивного характера, которые во всей их совокупности еще при жизни сформулировал еще сам генералиссимус:

- истребление отрядов противника;
- уничтожение конвоев, ликвидация фуражиров (военнослужащий, назначенный для заготовки фуража, отправленный в фуражировку);
- захват штабов, обозов, складов с боеприпасами, продовольствием и фуражом;
- взятие в плен «языков» и военных курьеров с донесениями;
- нарушение системы связи между корпусами противника (оперативный уровень);
- освобождение плененных русских солдат и офицеров;
- пресечение разведывательной деятельности неприятельских отрядов;
- вовлечение местного населения в борьбу с захватчиками;
- непрерывный сбор сведений и своевременный доклад командованию разведанных о передвижениях частей армии противника.

Очевидно, что подобные военные задачи деликатного характера могли решать только специальные подразделения под руководством подготовленных командиров, но никак не «народные массы» с дрекольем в руках.

Подводя итог, отметим, что не меньше, чем биографии единомышленников, о характере полководца А.В. Суворова и его тайной работе говорят судьбы его «противников».

Особого разговора (за пределами данной статьи) заслуживает, к примеру, фигура **Тадеуша Костюшко**. Уроженец земель современной Белоруссии, генералиссимус армии Речи Посполитой, впоследствии эмигрант, почетный гражданин Франции, военный деятель США (соратник Дж. Вашингтона) и автор проекта американской военной академии «Вест-Пойнт» (кузница кадров для армии и спецслужб). В свое время Т. Костюшко получил от А. В. Суворова своего рода «второй шанс», то есть фактически был спасен им от смерти сначала на поле боя, а потом и в российском плену.

Наконец, нельзя обойти вниманием и **Н.П. Архарова** — человека, ознаменовавшего собою целую эпоху в развитии отечественной полицейской службы, поскольку он впервые стал сочетать в работе одновременно два направления: защиту действующей власти (контрразведка и государственная безопасность) и раскрытие реальных преступлений (их выявление, предупреждение и пресечение). Методы его людей, прозванных «архаровцами», подчас вызывали множество вопросов, однако при нем в столице с изумительной быстротой отыскивались различные пропажи и раскрывались самые запутанные преступления. Показательно, что много лет спустя именно Н.П. Архаров лично занялся курированием негласной правительственной слежки за самим А.В. Суворовым: 2 мая 1797 г. петербургский генерал-губернатор коротко рапортовал Павлу I: *«Граф Суворов доставлен в город Боровичи сего мая 5-го числа и в вотчине своей того уезда на Высочайше повеленном основании жительствует...»*¹, а чуть раньше рекомендовал

¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 152. Д. 7. Л. 281. 1797 г. мая 12. Рапорт С.-Петербургского генерал-губернатора Н.П. Архарова Павлу I о доставке А.В. Суворова под конвоем в Боровичи.

для ведения непосредственного надзора за полководцем отставного коллежского асессора Николаева. Так «серый кардинал» русской военной разведки сам оказался под колпаком у матерого контрразведчика — ирония, многое говорящая о нравах эпохи.

Финальной точкой нерассказанной истории генералиссимуса стали его необычные похороны, о которых не принято говорить в патриотических статьях и монографиях: мало кто знает, что провожать в последний путь опального А.В. Суворова, героя эпохи и стихов Байрона, пришли только два «знатных» лица. По одну сторону гроба осмелился стоять его близкий друг — поэт (в молодости — командир екатерининского «эскадрона смерти») Г.Р. Державин, а по другую — хладнокровный «противник»: посланник Великобритании в России лорд Ч. Уитворт, будущий куратор заговора и убийства императора Павла I.

Итак, напоследок, подчеркнем: созданная А.В. Суворовым система не умерла вместе с ним — ее логическим венцом стало учреждение в 1812 г. первого централизованного органа русской военной разведки (Особенной канцелярии при военном министерстве), а само военно-разведывательное искусство полководца продолжало влиять на строительство вооруженных сил России напрямую через представителей «суворовской школы» всех последующих поколений — от Д.А. Милютина¹ в Российской империи до Н.М. Потапова² в переходный революционный период и А.А. Свечина³ в СССР. Опыт Александра Васильевича по прошествии веков актуален как образец не только грандиозных побед, но и не менее поучительных уроков организации разведывательной работы.

¹ В XIX в. провел «великую реформу» царской армии по «суворовскому образцу».

² Н.М. Потапов (1871–1946) — генерал-лейтенант Русской императорской армии, один из руководителей военного бюро партии большевиков, создатель советской военной разведки.

³ Ввел в научный оборот понятие «оперативное искусство», стоял у истоков зарождения этой новой области военного искусства.

ПРОЗА

Сергей МИХЕЕНКОВ

ПОВЕСТЬ О БЕССМЕРТНОМ СЕРЖАНТЕ, ЕГО БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ И КОМАНДИРАХ

Главы из повести

Октябрь 1941 года. Шестьдесят пехотных, танковых и моторизованных дивизий Группы армий «Центр» начали операцию «Тайфун» — мощный и стремительный рывок на Москву, который должен был окончательно решить судьбу похода германской армии на Восток.

На брянском направлении танкам и мотопехоте 2-й танковой группы генерала Гудериана противостояли войска Брянского фронта, в том числе 50-я армия генерала Петрова. В первые же дни немецкого удара фронт армии был рассечен, и ее дивизии, полки, а порой батальоны и отдельные отряды сражались изолированно. Те, кто выжил и выдержал тот сокрушительный натиск, отходили к Туле. К Туле, разрезав нашу оборону, устремились и танки Гудериана. Началась смертельная гонка: кто первым займет город и оборонительный район в окрестностях, тот будет контролировать открытые дороги на Москву. Две массы войск,

Сергей Егорович Михеенков — родился в 1955 г. в деревне Воронцово Калужской области. Писатель, журналист. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. Циолковского, Высшие литературные курсы. Автор серии романов о подольских курсантах, биографий маршалов СССР Г. Жукова, И. Конева, К. Рокоссовского. Исследователь истории гибели западной группировки 33-й армии Западного фронта в окружении весной 1942 г. в районе Вязьмы, написал об этих событиях несколько книг, автор романа о генерале В. Маркелове и др. Пишет сценарии, сотрудничает с крупнейшими издательствами России: «ЭКСМО», «Молодая гвардия» и др. Имеет много наград и премий. **Живет в г. Тарусе.**

Продолжение. Начало см. Родная Ладога. 2025. № 2. С. 147–153.

*Тульская оборонительная операция,
проведенная 24 октября — 5 декабря 1941 г., являлась частью
битвы под Москвой 1941—1942 гг.*

утопая в грязи, катились, бежали, брели на восток. Одни — чтобы занять удобные позиции и оборонять Тулу и дальние подступы к Москве на заранее подготовленных рубежах. Другие — чтобы лишить войска противника, сбитые с позиций под Брянском, всякой опоры и на их плечах ворваться в Тулу, а потом хлынуть по дорогам на Москву. До Москвы было уже рукой подать, несколько переходов.

ТУЛА

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому, на их счастье, двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий отступавшей 50-й армии.

Обозом командовала женщина с петлицами капитана медицинской службы.

Отяпов доложил о прибытии.

Она некоторое время устало смотрела на них. Потом спросила:

— Раненые есть?

— Нет.

— Больные?

— Все здоровые, товарищ капитан. Только сильно голодные и от усталости с ног валятся.

— Потерпите немного, — сказала она. — Скоро местá на повозках освободятся.

Отяпов уже знал, что означали свободные места на санитарных повозках.

И действительно, не прошли и километра, санитары сняли троих умерших. Тут же, при дороге, закопали. Неглубоко. Разгребли снег, листву, заглубились в талый грунт на два штыка — и готовы могилы. Отяпов помогал

санитарам. Не потому, что имел какую-то корысть, а просто так, по привычке что-то делать вместе со всеми, чтобы не так душа ныла, думать не мешала. А думать ему теперь надо было за весь его отряд. Командир не командир, но что-то вроде старшего. Как-никак, все же сержант, хоть и младший.

Для него место на повозке освободилось перед самой Тулой. Закапывая умершего бойца с петлицами артиллериста, он подумал, что уже и сам бы дошел своими ногами.

На городской окраине возле шоссе зенитчики окапывали свои длинноствольные орудия.

— Такие, должно быть, любой танк насквозь прошивают, — сказал раненый, сидевший впереди. — А нас бросили с одними бутылками. Докинь до него бутылку, когда он все окопы перед собой из пулемета простреливает...

— Так надо подпускать поближе, — зашевелился и другой раненый, у которого была плотно забинтована голова и только для рта и носа были сделаны узкие продухи.

— Поближе, — огрызнулся сидевший впереди. — Ты вон подпустил...

— Я подпустил.

— И где твое отделение?

Забинтованная голова ничего не ответила, только вздохнула.

Вечером они, все двенадцать душ, сидели за просторным столом в доме на Кузнецкой слободе в Заречье и, не веря в реальность происходящего, ели наваристые щи с гусятиной.

До того Отяпову понравились эти тульские щи, что он про себя решил: вот вернусь с войны, обязательно гусей заведу. Если, конечно, живой останусь...

После еды завалились спать. Вот жизнь наступила, не верили бойцы своему везению. Будто и нет войны. Сон!

Но спали недолго. Прибежал сосед, четырнадцатилетний Гришка, который все это время не отходил от Тульского, растолкал его и сказал, что комендантский патруль собирает окруженцев по всему городу. Патрули с винтовками заходят во все дома. Сгоняют куда-то к стадиону.

— Двоих расстреляли. Я сам видел. Патруль расстреливал. Вывели и шлепнули. Видать, шпионы или дезертиры, — Гришка на одном дыхании выложил свою новость и внимательно смотрел на Тульского.

Отяпов сел и начал обуваться. Сапоги у него теперь были хорошие. В таких еще можно не один десяток километров отмахать хоть по грязи, хоть по снегу. Но, видать, идти далеко теперь не придется. Зашевелились и другие.

Новость не радовала.

Начали обсуждать свое положение. А положение было не ахти каким веселым.

— Пришли к своим, дрит-твою...

— Тихо-тихо, — погасил разгорающийся базар младший сержант Отяпов. — Вот что я вам скажу, ребята, — и обвел строгим командирским взглядом свое воинство. — Подрубали шей с гусятинкой, пора и на войну. Потому как мы есть кто? Бойцы Рабоче-крестьянской Красной армии. Присягу принимали и уставы чтим и уважаем. У кого какие вопросы?

После такого монолога вопросов не оказалось.

В город они прошли мимо постов. Береженного Бог бережет. Вел их Тульский. Свернули с шоссе еще возле окопанных зениток и дальше —

огородами. И вот теперь сидели и решали, что делать, как быть. Кто-то предложил пойти в комендатуру или выйти и доложить о прибытии первому встречному патрулю.

— Ну-ну, — хмыкнул Ванников, все видевший в черном цвете. — Далеко вас патрули не поведут. К ближайшей кирпичной стенке...

Выход неожиданно предложил Гришка:

— Вам надо идти к Рогожинскому поселку. Там наши оборону строят. Заводские. И отец мой там, и братья. Я вас проведу.

— Мы не ополченцы, — робко возразил Гусёк. — Нам надо искать свою часть.

— Где она теперь, своя часть... — наконец сказал Отяпов.

Все замолчали. Отяпов стал для этих людей не только командиром, но и тем человеком, который может спасти, вытащить из смертной прорвы. А она теперь, та прорва, везде — справа и слева, спереди и сзади, хуже, чем перед болотом на переправе. Рассуждать можно всяко, но решение принимать должен самый мудрый и опытный.

— Надо идти к ополченцам. Там теперь передовая.

— Опять к черту в пасть!

— Оборвались, обносились... — зароптали бойцы.

Отяпов поднял руку. Ропот сразу стих.

— Мы тут из разных частей. Кто будет разбираться, чьи мы и с чем пришли сюда. Немец все время шел за нами следом. А значит, не сегодня-завтра он будет здесь. Искать свои полки будем потом. Собирайтесь, ребятушки. Давайте почистим оружие и пойдем на позиции. А с таким ржавым железом мы не бойцы. Кто нас примет в строй с такой запущенной материальной частью?

— Что им наша материальная часть? — сказал Ванников. — Какой им интерес до наших винтовок? А вот кто нами заинтересуется, так это особый отдел.

— Будем молить Бога, чтобы и в особом отделе нам поверили. А пока исполняй, что приказано. Оружие должно быть в чистоте и всегда готово к применению по прямому назначению, — и Отяпов расстелил перед собой плащ-палатку, вынул из вещмешка масленку и протирку, выщелкнул из винтовки затвор, вытащил шомпол. Все это разложил перед собой на плащ-палатке. Поплевал на ладони.

Его примеру тут же последовали все, у кого было оружие.

Спустя несколько часов они стояли ровной шеренгой перед командиром роты тульских ополченцев. Тот выслушал доклад, внимательно осмотрел новоприбывших, их оружие. Потом достал из полевой сумки блокнот и начал переписывать фамилии и номера частей. Переписав всех, сказал:

— Вот что, товарищи бойцы регулярной Красной армии, я должен доложить о вашем прибытии и желании воевать вместе с нами командиру полка. А пока на довольствие вас поставить не могу.

Оружие у них забрали. Сложили возле блиндажа командира роты. Без оружия они сразу как-то осиротели.

— И куда ты нас привел? — покачал головой Ванников. Лицо его было бледным, руки дрожали.

Ночь они переночевали в одном из домов, куда их отвел ополченец, вооруженный французской винтовкой времен Первой мировой войны.

Оборона Тулы, 1941 г.

— Где ты ее отрыл? — Ванников кивнул на диковинное оружие, оснащенное длинным штыком, похожим на шпагу.

— Чтобы ты понимал, — ответил ополченец. — Она бьет на два с половиной километра.

— Да ну! — покачал головой Ванников. — Хорошая фузея.

Проснулись в полночь. Разбудил их все тот же ополченец с винтовкой Лебеля.

— Ротный вызывает, — коротко сказал он. — Выходи строиться!

Еще не рассвело как следует, когда со стороны шоссе, которое узкой сырой полосой угадывалось левее возле леса, прибежала разведка. Туман понемногу начал рассеиваться. Видимость становилась лучше. В окопах сразу началось оживление, брустверы зашевелились. Народ забегал туда-сюда. Ротный куда-то пропал. Потом появился с другой стороны. Увидел их и, видимо, вспомнив, что и с ними надо что-то делать, сказал:

— Разбирайте винтовки. Кто у вас старший?

— Я, младший сержант Отяпов. — И Отяпов неуклюже махнул у обреза каски опухшей от холода ладонью.

— Приказываю вам, сержант, со своими людьми занять вон то крыло. — Он указал в туман. — Окопы там отрыты. Будете прикрывать зенитный расчет со стороны леса. А сейчас получите патроны и по буханке хлеба. Другого пайка на вас не предусмотрено, а в дальнейшем будет видно. Огонь открывать по моему приказу. Дальше действовать по обстоятельствам. Ваша задача, повторяю, не пропустить прорыва немецкой пехоты к орудиям со стороны леса.

Патронов им дали много. Сколько смогли взять, столько и нагребли в карманы и под сумки. Выдали по бутылке КС и три противотанковые гранаты на все отделение. Гранаты, как и хлеб, надо было поделить. Одну Отяпов взял себе, другую поручил Тульскому, а третью Курносову.

Когда разобрали винтовки и получили патроны, повеселел и Ванников. Он поглядывал на лес и полоску шоссе, черневшую на фоне заснеженного поля, и говорил самому себе:

— Сейчас мы им... Или грудь в крестах, или голова в кустах. Надоело уже бегать. Зубы от этого заячьего бега начинают болеть.

Потом, глядя, как ловко, снаряжая обоймы, управляется с патронами Тульский, сказал:

— Смотри, Тула, гранату не потеряй.

Тульский в ответ засмеялся:

— Не потеряю, Калуга. А ты, я вижу, вроде как малость отжил. Отогрелся, как воробей с мороза...

Ванников в ответ только усмехнулся.

Они заняли пустые окопы рядом с запасными позициями зенитчиков и начали готовиться.

Ефрейтор Курносов поглядывал на небо, крутил головой, будто принюхивался. Наконец, сказал:

— Погода хорошая. Постояла бы такая подольше.

— Это так, — согласился Отяпов, — низкая облачность, туман — самолеты не полетят.

— Так и наши не полетят, — отозвался Гусёк.

— А где ты видел наши самолеты? — тут же вмешался в разговор Ванников. — Разве что сбитые.

Ни Гусёк, ни связист больше не промолвили ни слова. А Отяпов молча решил, что погода и вправду хорошая. Иначе бы или «рама», или «костыль» уже кружили бы над их позициями, высматривали, вынюхивали.

Зенитка стояла немного поодаль, ближе к домам. С длинным, опущенным вдоль земли хоботом она походила на хищного зверя, готового клонуть любого, кто вылезет к ним из тумана.

Разведка принесла весть: по Орловскому шоссе движется колонна бронетехники и крытые грузовики с пехотой.

Немного погода из леса, наполовину скрытого туманом, вылетела, будто перепуганная птица, сигнальная ракета. Она косо прочертила серое небо над черной стеной неподвижного леса и исчезла, сторев и оставив едва заметный черный след.

— Идут.

Отяпов оглянулся на своих бойцов: Курносое, Гусёк, Тульский, Ванников, дальше двое из отдельного разведбата, прибившиеся к ним перед самой Тулой. С другой стороны замерли остальные, кого он знал и кому доверял, потому что слабые ушли по пути сюда. Куда они делись, гадать теперь было трудно, да и некогда. Может, в плен, может, по домам, в примак. Отяпов знал: такие настроения — по домам — тоже одолевали бойцов, оставшихся без командирского пригляда.

— Ну что ты, Гусёк, дрожишь, как целочка перед первым разом, — Ванников нервно мял в зубах докуренное до последней степени колечко самокрутки. — Ты уже умирал. Не тебе бояться.

— А я и не боюсь, — ответил Гусёк. Лицо его было серым, но решительным. В нем, в Гуське, сейчас что-то происходило. Что-то новое, чего он сам еще не понимал.

Отяпов посмотрел на него и отвернулся. Надо было сказать людям перед боем какие-то нужные слова. Командир должен что-то сказать своим бойцам перед боем. Ведь кого-то убьют, искалечат. А кто-то станет героем.

— Ребята! — крикнул он. — Что бы ни случилось, держаться своей позиции! И друг друга! Раненых не бросать!

Это был его первый боевой приказ. Он вдруг почувствовал, что руки его согрелись и что спина вспотела так, как будто где-то рядом топилась печь. «Тихо, тихо», — шевелил он сухими губами после того, как главная суть боевого приказа была доведена до личного состава.

В лесу уже слышалась стрельба. Захлопали частым, запыленным боем мосинские винтовки. Потом полыхнул немецкий пулемет. Отяпов его сразу узнал. Снова зачастили винтовки. Разведка, понял Отяпов, или боевое охранение — мотоциклисты. Наскочили на охранение ополченцев, и теперь там кто кого.

Так оно и случилось. Через несколько минут в поле замелькали фигурки, бегущие со стороны леса. Они быстро пересекли обмысок белого поля и исчезли в противотанковом рву.

— Охранение отходит.

— Неужто сразу танками поперет?

— На телегах поедет... — хмыкнул Ванников.

В стороне шоссе зарокотало, сперва одиноко, с перерывами, потом стало сливаться в единый вибрирующий гул. Казалось, проснулся лес и начал жить какой-то своей неведомой и зловещей жизнью, враждебной и городу, и им, притаившимся в своих окопах, и сейчас он стронется и поползет на них всей своей несметной силой.

Туман все еще держался понижу, и Отяпов подумал, что он им поможет. Как-никак, а танкистам, да еще в незнакомой местности, ориентироваться и вести огонь будет куда сложнее, чем нашим артиллеристам.

Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчет уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

БОЙ НА ОКРАИНЕ ТУЛЫ

Гул разрастался, захватывал все пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы младшего сержанта Отяпова, проникал через шинельное сукно и холодил тело. Печка, подогревавшая его тело минутку назад, сразу перестала топиться...

Отяпов знал, что многих сейчас трясет. Его тоже начало знобить и выкручивать суставы. Самое худшее в бою — ожидание начала. Поскорей бы...

Танки сошли с шоссе и перестроились для атаки, с ходу развернулись косым клином и пошли на сближение. Пехота машин не покидала. Грузовики замедлили ход и растянулись по дороге. Иногда их скрывал косяк тумана, но потом пространство снова очищалось, распахивалось в глубину, и из окопов, замерших в напряженном ожидании, стало и без бинокля видно, какая сила перла на них.

Вскоре танки начали маневрировать. Они выстраивались группами. Первая — семь стальных угловатых коробок — пошла вперед, вдоль шоссе. Три отвернули к домам, остальные двинулись прямо.

«Ну и выдержка у этих ребят», — подумал Отяпов и оглянулся на позицию зенитчиков. И в это время бахнуло, и над окопами боевого охранения пронеслась, упруго шурша, струя раскаленного воздуха. Второе орудие

На рубежах обороны Тулы, 1941 г.

тоже произвело выстрел. Номера расчетов забегали возле орудий. Слышались голоса командиров. Из окопов, навалившись грудью на бруствер, напряженно наблюдали за полем, куда ушли первые снаряды.

— Мимо.

— Артиллеристы, в гроб их душу...

— Наплачешься с такими стрелками. Кровавыми слезами наплачешься...

Стало совсем страшно. «Неужто, — подумал Отяпов, — зенитчики стрелять не умеют? Может, и не умеют. По наземным-то целям — совсем другая стрельба, и они ей, по всей вероятности, просто не обучены».

Танки, не сбавляя скорости (это было видно по густым выхлопам газов), продолжали двигаться в первоначальном направлении. Они сразу открыли огонь. Из коротких хоботов их пушек часто вспыхивало пламя. Но стреляли они неприцельно, и ни одного снаряда ни на позиции зенитчиков, ни в окопы пехоты не попало. Рвалось то спереди, то где-то сзади, в глубине обороны.

— На арапа берут, — сказал кто-то из бойцов.

Еще один трассер резанул над полем мутную хмарь и на этот раз ударил точно в башню переднего танка. И тотчас сильный взрыв встряхнул железную коробку, отделил башню от шасси, и столб багрового пламени встал вертикальной колонной и некоторое время стоял так, подпирая серое небо, тоже, казалось, готовое упасть и разрушиться. Вот это был выстрел! Такие выстрелы очень даже нужны, особенно в начале боя.

В окопах одобрительно закричали. Ожили окопы. Оцепенение мигом прошло.

— Вот так у нас гундосых лечат, — злорадно процедил сквозь плотно стиснутые зубы ефрейтор Курносов.

— Товсь! — скомандовал Отяпов, чувствуя, как азарт охватывает все его разом помолодевшее тело. Наступал их черед, и надо было сделать свое дело в соответствии с уставом, не хуже артиллеристов.

Тем временем, наращивая атаку, немецкая пехота начала выскакивать из грузовиков. Взводными цепями она рассыпалась по полю, часть пехотинцев сбилась в толпы и следовала под прикрытием танков. Такую картину немецкой атаки младший сержант Отяпов уже видел. Наступали немцы умно: попробуй возьми их за танком, разве что кривой пулей, а ее конструкторы еще не придумали...

Заработали наши пулеметы, сразу несколько «Максимов» — то короткими, то длинными очередями. Патронов не жалели.

— Огонь! — закричал Отяпов и тут же нажал на спуск.

Первый выстрел он сделал так, больше для шума, не целясь, и пуля полетела куда попало. Бойцы припали небритыми щеками к ломам своих винтовок. По первой обойме расстреляли в один миг. Потом огонь поредел. Отяпов это знал — обвыклись, начали целиться, аккуратней стрелять. Он оглядывался на свое войско, жадно вдыхал дым сторевшего пороха, который легким прозрачным туманом сразу встал над окопами. Началом боя он был доволен, потому как все шло вроде правильно.

Из других окопов тоже вели огонь. Дробно застучали автоматы. Где-то правее, из-за противотанкового рва, резко били бронебойки.

Чем ближе подходили танки, сопровождаемые пехотой, тем плотнее и яростнее становился огонь из окопов. Артиллеристы начали стрелять чаще и точнее.

Горели уже три танка. Один, с сорванной гусеницей, осел набок и зарывался в землю. По нему вели огонь бронебойщики. Добивали. Его развернуло бортом к позициям бронебойщиков. Экипаж машину не покидал. Пушка его начала отвечать. Черные кусты взрывов мгновенно выросли за противотанковым рвом. Но и танк задымил. Открылся боковой люк. Оттуда что-то выбросили наружу, потом еще. Похоже, выбрасывали стреляные гильзы. Танк по-прежнему вел частый огонь в сторону противотанкового рва. Потом из люка вывалился человек и скатился вниз.

До подбитого танка было метров двести. Отяпов дрожащими от разбуженного азарта пальцами передвинул хомутик на прицельной планке. Прицелился. Немец копошился возле танка. Похоже, он был ранен. Дым все гуще тянулся из открытого бокового люка. Но башенное орудие продолжало вести огонь. Наконец оно затихло. Еще один танкист выполз из люка. Вылезал он медленно, будто не верил, что его боевая машина уже горит. Отяпов выстрелил. Немец повис вниз головой. Отяпов знал точно, что попал именно он. Это был его немец. Его трофей. «Так тебе, проклятому, — пулю в горло! А ты думал, что Тула тебе ключ на злато-серебряном подносе навстречу вынесет и в ножки поклонится? Как бы не так!» И Отяпов уже не дрожащей рукой загонял в патронник новую обойму.

Бой шел весь день. Танки отходили, перестраивались и снова атаковали. Пехота свернула цепи и теперь передвигалась под прикрытием бронетранспортеров. С бронетранспортеров длинными очередями лупили пулеметы. Но и у них ничего особо не получалось.

В боевом охранении тоже были потери. Двоих убитых уже оттащили в боковое ответвление и прикрыли сверху плащ-палаткой, на которой еще недавно они чистили винтовки. Трех ранило. Какое-то время раненые сидели на дне окопа без дела, но потом, так и не дождавшись санитаров, вернулись к своим стрелковым нишам и продолжили огонь. Санитары

по-прежнему не появлялись. Отяпов понял, что никто к ним не придет. Он приказал перевязывать друг друга самим. Раненых взялся перевязывать Гусёк. Получалось у него неплохо. А Отяпов подумал: «Лидку бы сюда, она ловкая и бесстрашная, а главное, по медицинской части справляется не хуже, чем зенитные расчеты с танками». Теперь он видел, как ловко и слаженно действовали артиллеристы; как подносили снаряды, длинные, как затесанные колья; как отбрасывали дымящиеся, обметанные гарью гильзы; как спокойно, короткими, экономными движениями делает свое дело наводчик; и как хладнокровно, без лишнего мата, управляет всей этой работой командир расчета. Молоденький лейтенант стоял на коленях на бруствере, он ничем не был защищен со стороны поля; лишь изредка он отрывался от бинокля, передавал наводчику поправки, иногда и вовсе вскакивал на ноги и, всем телом подаваясь вперед, хищно наблюдал за очередной целью. И тогда он казался вовсе беззащитным, и Отяпов в такие мгновения старался не смотреть на него, потому что казалось, что вот его, такого неразумного и бесшабашного, слишком увлекшегося боем, срежет пуля или осколок. В фигуре и движениях лейтенанта было что-то мальчишеское, несовершенно для воина, а тем более командира такого большого орудия.

После полудня затихло.

Пришел посыльный от командира роты и сказал, чтобы составили донесение о потерях. Чуть погода вернулася:

- Выделите двоих для получения горячей пищи.
- Что дают? — устало спросил Тульский.
- Перловку, — ответил посыльный, — с тушенкой.
- С тушенкой — да, хорошее дело.

Есть хотелось. Но еще сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько суток.

С поля тянуло гарью. Подбитые и сгоревшие танки чернели вдоль противотанкового рва и возле дороги. Их было порядочно. Раза три Отяпов пытался сосчитать их, но каждый раз сбивался. Не потому, что их там, в поле, было так много. Досчитывал до пяти, до семи и начинал так волноваться, что в глазах рябило, набегала слеза, он сползал с бруствера и несколько минут смотрел на затоптанное дно окопа, на стреляные гильзы, на раздавленные их дульца, увитые черными маслянистыми штрихами пороховой гари. В конце концов решил: надо готовиться к новому бою и людей готовить. А танки пускай считают те, кто их жег. Это их трофеи. Но там, в поле, был и его немец. Отяпову хотелось посмотреть на него вблизи. Какой он из себя, этот поверженный германец, пришедший к ним под самую Тулу черт знает из какого далека? Разглядеть его знаки различия. Заглянуть в лицо. Может, даже сказать ему несколько слов. Но не сочувствия и жалости, какие всегда закипали в груди у младшего сержанта Отяпова, когда он видел своих убитых, особенно молоденьких бойцов, у которых порой еще не успевали отрасти чубы после военкоматской стрижки, не чувствовал он к убитому им. Нет. И не почувствовал бы, даже если бы удалось посмотреть ему в мертвые глаза. Младшему сержанту хотелось сказать ему: «Ну что, сукин сын, получил свою мерку советской земли? Получил...» Какое-то время убитый танкист был виден Отяпову, но потом его вместе с танком загородили другие подбитые машины, и дым от них заволок ту часть поля, которую немцы выбрали для своей первой атаки на город.

Эдуард АНАШКИН
СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР, НЕСУЩИЙ
ОЧИЩЕНИЕ...

*К 70-летию со дня
рождения Н.Ф. Иванова
и 80-летию автора*

Эдуард Константинович Анашкин — родился в 1946 г. в Читинской обл. Окончил сельскохозяйственный техникум, затем учился в Ульяновском педагогическом институте. Работал столяром и плотником, слесарем по ремонту вагонов и рабочим кирпичного завода, секретарем сельского Совета, учителем истории в школе и заведующим отделом сельского хозяйства районной газеты. Двадцать пять лет проработал чабаном в совхозе «Майский» Самарской обл. Печатался в центральных газетах и журналах. Автор многих книг прозы. Член СП России. Лауреат многих литературных премий. **Живет в селе Майское Самарской области.**

Публикация посвящена юбилею выдающегося современного писателя, героического воина — Николая Федоровича Иванова. Редакция журнала поздравляет любимого автора и желает взятия новых вершин и долгих лет творчества.

Тема СВО — одна из самых значимых в творчестве прозаика Николая Иванова, который в литературу пришел из военных. Его книги, вышедшие в серии «За ленточкой» (издательство «ВЕЧЕ»), можно назвать огневыми точками современной прозы. И вспомнить легендарную «лейтенантскую» прозу о Великой Отечественной войне, созданную писателями, которым довелось узнать о фронте не из книг. История литературы сделала виток, и волею обстоятельств жизни военная проза вернулась на «театр литературных действий», чтобы во многом задавать тон всему современному литературному процессу. События специальной военной операции заставляют и писателей, и читателей осмысливать и переосмысливать прошлое России под прицелом настоящего. Заслуга времени Z в том, что оно привело в современную прозу героя нашего времени. И им стал не скучающий и брюзжащий на кухне диссидент-интеллигент, а человек с активной жизненной позицией. Вместо человека слов нам снова стал интересен человек дела — борец за свет и здравость бытия, патриот своей страны. В прозе Николая Иванова, в частности, в его повести «Пока играет флейточка», читатель может увидеть, проследить и осмыслить в

Главы из произведения печатались в нескольких номерах журнала: Родная Ладога. 2025. № 1, 4 и др.

*Портрет полковника ВДВ
Николая Федоровича Иванова.
Художник С.К. Чаплыгин, 2010 г.*

характерах героев это пробуждение, когда у обычных и даже не без обывательского житейского начала людей пробуждается активное мужское желание защитить то, что любишь, что считаешь родным.

СВО — война не простая. Ведь, по сути, это противостояние двух славянских братских народов (поневоле вспомнишь каино-авелеву вражду, описанную еще в Библии). До развала СССР два этих братских народа, как и десятки других, не только мирно сосуществовали в рамках огромной советской империи, но сообща переломили хребет фашизму, спасли мир от коричневой чумы. А вот сейчас, после предательской перестройки, рассматривают друг друга в

прицелы. «Северный ветер» призван отрезвить южных братьев, захмелевших при активной помощи доброго заокеанского «дядюшки».

«Их сразу же, в первые дни противостояния на Донбассе, называли “Северный ветер” — добровольцев из России, оставивших свои дома, но не мыслящих жить вне совести, долга и братства. Их никто ни к чему не призывал, им не обещалось золотых гор — на войну, под пули ехали те, кто сделал свой выбор по велению сердца, кто не предал символов Победы, память отцов и дедов. Великое прошлое великой страны. Это и впрямь был северный ветер, который нес очищение. И неправда, что время Z — это исключительно война нарукавных повязок, балаклав, позывных вместо имен и условных тактических знаков по сторонам света: Z — запад, V — восток, O — центр. Специальная военная операция — это наша ответственность за день завтрашний. Это — северный ветер...»

Большинство героев прозы Иванова приходят на войну из мирной жизни. Часто с чисто теоретическим пониманием войны и той суровой военной истины, что «...наши бойцы на фронте, защищая Отечество, не медлят, когда нужно идти в атаку. На войне день идет за три...». И вот когда от теоретического знания о войне дело переходит к практике — это и есть наступление момента истины в человеке.

Образ войны является едва ли не главным в повести «Пока играет флейточка». Это почти эпический образ — не только этакой ведьмы с косой, но и жестокой женщины, выявляющей в человеке основу основ, позволяющей посмотреть на мирные вещи под другим ракурсом. «...Желающим заглянуть в храм дверь не нужна, в стене после танкового выстрела рядом с иконой Николая Чудотворца зияет огромный пролом. И картинка внутри не менее чудотворная — с первыми взрывами только что молившиеся небу прихожане бегут, спотыкаясь на крутых ступеньках, в самое темное и глубокое под-

земелье церкви. И это правильно, небо во время войны — оно не для Бога, на него не молиться — его бояться надо...»

Несмотря на жесткое военное противостояние, у солдат с обеих сторон было и остается общее советское прошлое. В этом удивительный взгляд автора и нерв повести, что единственная связь между армией России и ВСУ возможна между бывшими воинами-«афганцами», связь родом из СССР. Люди, готовые оплачивать победу кровью, тем не менее заказывают музыку флейточки — пока она звучит, стрельбу может открыть только провокатор...

Маленькая флейта-пикколо, самая маленькая из существующих флейт оркестра, вырастает до символа музыки. Что, когда звучат музы, хотя бы временно вынуждена умолкнуть даже всесильная война. Музы говорят — автоматы смолкают, и бойцы получают передышку перед новой атакой, могут перевести дух и поднакопить сил. А сил, в том числе духовных, на войне надо много! И если в мирной жизни мы можем обратить глаза к небу в поисках Бога, то во время войны это небо становится опасным, как уже говорилось выше. Война ставит под сомнение даже самые незыблемые вопросы мироздания, ведь слово «небеса» подразумевает отсутствие беса. Но в войну даже небеса полны опасности...

Читаешь и еще раз понимаешь: до чего огромна и разнообразна Россия, если смотреть на нее через образы героев повести — солдат спецоперации. Молодой тувинец-лесовод Маадыр, выросший в покинутой староведами сибирской глухомани и окуренный напоследок перед дорогой на фронт тувинским оберегом-артышом заботливой бабушкой Анай, мудрой тувинкой. Тут и художочный музыкант-флейтист Женя, прихвативший с собой в лагерь для подготовки мобилизованных ту самую флейточку-пикколо, на которой до недавнего времени играл в театре. Над «цветочной» и такой мирной фамилией Жени — Незабудка — подшучивают сослуживцы. Тут и гранатометчик Вася Синяк в берцах «сорок последнего размера»... Все они теперь равны: пуля-дура слепа, а они воины и защитники. Как же пронзительно смотрятся на войне приметы мирной жизни! Хотя олицетворением этой мирной жизни порой бывает лишь пристегнутый блестящим карабинчиком к бронежилету командира плюшевый заяц — подарок дочери на удачу. Заяц пучит стеклянные глазенки, не понимая, куда он попал из своей мирной жизни.

Несмотря на плюшевого зайца, майор — мужик суровый. Все знают: ему лучше не перечить. В мирной жизни он, уволившись из армии капи-

Николай Федорович Иванов

таном, возмечтал занять, хоть бы в запасе, майорские погоны. Понимая, что такая мечта отдает тщеславием, отшучивался, мол, старшего офицера хоронят не как штафирку, а как военного — под ружейный салют. Но как выяснилось, о похоронах майору думать рано — грянула-нагрянула спецоперация. И указом мобилизации старшим офицерам, в отличие от лейтенантов и капитанов, призыв по возрасту определен на десять лет выше. Как говорится, вырос в чине на свою голову!

Грубоватый мужской юмор «армейки», с которым общаются вновь призванные бойцы друг с другом, — это попытка скрыть неизбежно нарастающее напряжение перед отправкой на передовую. Хотя музыканта с цветочной фамилией Незабудка такой грубый юмор все-таки напрягает — Незабудка пришел в воинский строй прямо из оркестровой ямы филармонии. Но, видимо, говорит в этом Незабудке кровь предков, что веками защищали Родину от нападков то с востока, то с запада. На теме защиты России весь русский характер и русский эпос стоит! Когда молодой музыкант, боец Незабудка, под шутки сослуживцев бреется перед боем, это не просто гигиеническая процедура. Ведь поневоле заставляет вспомнить тех древних наших воинов, что, идя в бой, надевали чистую рубаху, чтобы в ней, ежели Господь призовет, и быть похороненным, не доставляя лишних хлопот тем, кто будет хоронить. Никакого пафоса в общении солдат нет, какой там пафос на войне! На войне человека спасает юмор — вспомните Василия Теркина! На войне без юмора русскому человеку никуда! Да, у каждого героя своя история с призывом. Москвич-молодожен Журавко еще недавно гулял по Арбату... «Ваську Синяка привезли в военкомат с насиженного места у гастронома, где вышибал копейки на выпивку. Получив через месяц десятки тысяч рублей, для него воистину зверскую сумму, первым делом скупил в Военторге весь одеколон». Молчаливый дагестанец Мурад взял позывной по школьной профессии — Историк. Учивший детей в школе любить Родину, Мурад не смог не доказать это личным примером, пойдя на СВО. В мирной реальной жизни, а уж тем более на войне, идеальных среднестатистических людей нет. Все живые — из плоти, крови, неизбежных человеческих недостатков, которые часто являются продолжением достоинств, — живые люди. Не сошедшие в ад войны с книжных страниц, но с точностью до наоборот.

«Из кадровых офицеров в полку только командир и начальник штаба. Остальные — запасники, отставники или «незабудки», вчера еще о погонах и о войне не помышлявшие... А теперь они саперы, которые, как известно, ошибаются только один раз, и ползут к месту выполнения задания под грубовато-юморные замечания командира».

«Чей зад торчит? Москвич, он тебе больше не нужен? Чем на Арбате будешь крутить, если отстрелять? Вжались в снег, как в любимую женщину...» И то сказать: тяжело в учении — легко в бою! Хотя замечание майора особенно убедительно звучит после месяцев разлуки воинов с любимыми! Молодожен-москвич Журавко своей любимой жене периодически посылает фотографии своего подноса, полного еды, мол, не переживай, мы тут с голоду не пухнем, скорее жиреем!

Сколько бы ни говорили мы, что у войны не женское лицо, но неслучайно ведь слово «война» женского рода, а слово «мир» — мужского. Женщины — ревнивые создания, и по характеру своему война — конеч-

но, женщина. «Плохо войне, когда на фронте обходятся без нее. Все эти бани-постирушки, письма-посылочки, начавшие приходить бойцам, сборники стихов, выпускаемые Союзом писателей и убеждающие, что Россия — герой и все орки из плеяды Прометеев — игра в песочнице, которая заканчивается при первом же разрыве снаряда. Если война махнула подолом — то всем стрелять, бежать умирать! Убивать, отступать, калечиться! Быть засыпанными рухнувшей стеной, чтобы на годы, если не навсегда, раствориться в списках пропавших без вести... ничего не меняется под солнцем... Самый верный показатель убыли — когда бойца вычеркивают из полковых списков

на вещевое, котловое и финансовое довольствие. И никакая флейточка не вернет двухсотого к жизни, как бы ни надували музыканты щеки. Не интеллигентам решать, что полезно на войне. А элита вообще должна сидеть в ресторане, в крайнем случае — на кухне и ругать власть. Ненавидеть ее. Это модно и всегда прибыльно для тех, у кого в жилах течет голубая кровь. И из музыки на войне дозволено звучать лишь похоронному маршу, да желательно под вой снарядов...» Эпический и многогранный образ Войны встает со страниц повести: «С гусарских времен утвердилось: война — это белый танец, и, если она приглашает на вальс офицера, тот не имеет права отказаться».

Хочется поблагодарить Николая Иванова за то, что в своих военных повестях он не опускается до грубого телесного натурализма, чем грешит последний роман Астафьева «Прокляты и убиты». И даже объяснения Виктора Петровича, что он фронтовик и ему лучше знать правду войны, здесь не убедительны. Ведь писатель призван видеть в противостоянии телесном, земном противостояние духа. А фокусируя повествование на телесном, писатель может тем самым не только впасть в натурализм в жанре военной прозы, но и тем самым принизить значение духа.

А дух проявляться может не только в молитве, но и в том, что даже маленькая, отважная, непокорная флейточка пикколо волею своего друга-музыканта делает свой выбор: она тоже участвует в войне, такая мирная и миниатюрная, потому что дело не в материальной огромности, а именно в духе!

Не буду скрывать, удручает не только меня то, что некоторые, живущие в тылу, пока наши ребята на передовой рассматривают врагов в прицел, делают вид, что ничего не происходит. А иные так и позволяют себе nepозволительные со своей «пацифистской» колокольни выпады в адрес бойцов

СВО. Таковых «пацифистов» не большинство, но они есть, к сожалению. В этом я убедился, когда мой сын, давно вышедший уже из призывного возраста, объявил нам, что уходит на СВО. Как сразу, при таком известии, люди разделились на два лагеря. Одни, их было большинство, отзывались о выборе сына с удивлением и восхищением, хотя и вздыхали... Но были и такие, что крутили пальцем у виска. Такие «крутильщики пальцем у виска» вслед говорили — мол, сам виноват. Таких, слава Богу, меньшинство! Сын получил тяжелое ранение и сейчас находится в госпитале, перезванивается со своими друзьями-штурмовиками, очень скучает о жене, детях и внучке. Большинство — это те, кто собирает для наших ребят посылки, плетет сети и делает свечи... Дети мастерят трогательные поделки в благодарность нашим солдатам. Это похоже на то время, когда было «всё для фронта, всё для победы»! В военной прозе Николая Иванова звучит дыхание того самого северного ветра, которым всегда была известна по миру Россия — ветра строгости, очищения, вымораживания всего больного. Герои прозы Иванова, такие разные, порой безупречные, но зато такие живые и подлинные, что читатель вправе узнавать в них тех, кто еще недавно жил одной мирной жизнью с читателем, а сегодня держит этот «северный ветер». И так и хочется немного перефразировать знаменитые слова русского классика: «Во дни сомнения, во дни тягостных раздумий» нельзя не верить, что таких людей может породить только великий народ.

ВЫШЛА КНИГА

Афанасьев А.С.

Священная война. Записки военкора. М.: Эксмо, 2025. 288 с.

От первых разговоров со смертью до крестного хода телеканала «Спас» вдоль линии фронта — вы увидите, как реальность сталкивается с духовными исканиями и верой. Эта книга — не просто хроника событий, а глубокий рассказ о выборе каждого из нас: быть рабом злобы или участником священной борьбы за правду и защиту.

Вы прочитаете о героях с именами святых, военном духовенстве, тайнах фронтовых будней и о том, как человек меняется к лучшему. Если вы хотите понять, что стоит за новостными заголовками, и почувствовать настоящую силу веры и человеческой стойкости — эта книга для вас.

Генеральный директор телеканала «Спас» Борис Корчевников охарактеризовал это издание как «книгу, в которой очень редкий взгляд на эту войну: взгляд в Духе Святом. Только в Нем эта война открывается как Священная. И только Он на самом деле дает понять главные смыслы и причины драматических событий, которые проживает сейчас наша страна».

**Протоиерей
Дмитрий ВАСИЛЕНКОВ**

ПРАВИЛА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ВОЙНЕ

Протоиерей Дмитрий Василенков — родился в 1971 г. в г. Красное Село под Санкт-Петербургом в семье офицера. До того, как принять сан, учился в военном училище. Является настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы (покровительницы Воинства Российского) и храма Преображения Господня в здании штаба Северо-Западного округа войск национальной гвардии РФ. Совершил более 60 выездов в «горячие точки». Автор книги «На войне». За отвагу и большую просветительскую работу награжден тремя орденами Мужества, орденом Дружбы Народов, многими медалями. Главный священник СВО. Живет в Санкт-Петербурге.

На войне и в мирной жизни православный воин руководствуется правилами духовной безопасности, нарушение которых приводит человека к смерти — как физической, так и духовной.

Первое правило прекрасно сформулировал А.В. Суворов: «Молись Богу, от Него — победа. Бог — наш генерал, Он нас водит»¹. И здесь имеется в виду победа не только над противником, но и над всевозможными превратностями войны, и над самой смертью. Бог силен избавить человека от гибели, просветить его разум и даровать ему духовные и физические силы для того, чтобы он мог перенести любые испытания на войне. Бог всегда готов исполнить его просьбы, если только они будут полезны для человека, если не введут его во грех и не приведут его к смерти духовной или физической.

Воин должен молиться о своих начальниках и соратниках, о своих родственниках. Воинским коллективом, где каждое дело начинается с молитвы, в котором командиры молятся о подчиненных, а воины — друг за друга, руководит Бог. Пресвятая Богородица покрывает их своим омофором, а святые угодники незримо пребывают в нем, *«ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там и Я посреди них»* (Мф. 18, 20).

Встречая на военных тропах тех, кто пострадал от превратностей войны, человек не должен забывать и о них замолвить пред Богом слово. Он должен стремиться оказать духовную милость всем страждущим и пострадавшим, *«ибо суд без милости не оказавшему милости; милость превозносится над судом»*

¹ Суворов А.В. Военно-исторические заметки: документы. М., 1952. Т. 3. С. 33.

*Молебен на позициях перед Бородинской битвой.
Художник Б.В. Зворыкин, 1912 г.*

(Иак. 2, 13). Не всегда на войне удастся оказать помощь материальную. Но попросить Бога помочь страждущему воин может всегда. А к милостивым милостив Бог.

Но и о тех, против кого ты поднял оружие, о тех, кого сразил в бою, требуется молить Бога, чтобы Он вразумил заблудших и помиловал их. Ведь воин совершил над ними суд, лишив их жизни в этом мире, и тем самым принял на себя ответственность за них в мире ином. И весьма важна молитва близких о воине! Замечено, что даже людей, не верующих в своего Творца, Бог избавлял от всевозможных военных напастей и бед по горячим молитвам их родственников и друзей.

Слово, обращенное к Богу, может принести человеку и его окружающим много пользы. А вот слово скверное, нечистое является источником многих бед. *«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, которое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься»* (Мф. 12, 36). Молитва к Богу привлекает к воину силу Божию; слово матерное, нечистое — ангелов тьмы. «С духовной точки зрения это есть антимолитва. Через матерные (матерные) слова происходит поклонение “князю тьмы” и, как следствие, человек отступает от Бога»¹. Давая власть над собой «духам злобы поднебесным», человек становится беззащитным перед лицом всевозможных опасностей войны.

Замечено: нечистые слова притягивают нечистые вещи. Эту истину с древних времен знали наши православные предки. Свидетельствует генерал-лейтенант кавалерии, прославленный партизан Отечественной войны

¹ Митрофан (Баданин), еп. Правда о русском мате. Мурманск: Библиополис, 2014. С. 13.

1812 г. Денис Давыдов: «Я подвинулся к нему еще ближе, замахал саблею и принялся ругать его на французском языке как можно громче и выразительнее. Я приглашал его выдвинуться из линии и сразиться со мною без помощников. Он отвечал мне таким же ругательством и предлагал то же... В это самое время подскочил на коне ко мне казачий урядник и сказал: “Что вы ругаетесь, ваше благородие! Грех! Сражение — святое дело, ругаться в нем — все то же, что в церкви. Бог убьет! Пропадете, да и мы с вами. Ступайте лучше туда, откуда приехали”»¹. С забвением этой истины связаны многие трагические страницы военной истории нашего Отечества. Необходимо помнить, что молитва к Богу дарует жизнь и победу, а обращение к сатане — смерть и поражение.

Современные неоязычники не скрывают страшную суть мата как обращения, в их понимании, к богам, а в понимании христиан — к духам злобы. Александр Белов (так называемый Селидор) пишет: «Имена богов — вещь сакральная. Просто так присваивать себе имя чужого бога, а следовательно, его власть и воздействие — вряд ли кто отважится. Ведь имя по закону религиозной жизни сакрально. Имя и божество нераздельны. Тот, кто знает имя божества, может просить у него защиты и покровительства. Факт остается фактом: имена многих богов совершенно разных народов не нуждаются в переводе на русский язык. И достаточно часто они воспроизводят русские бранные и матерные слова. Очевидно, этот феномен требует дальнейшего осмысления, и точку в этом деле ставить рано. Проверить действительность бога, то есть убедиться, что он живой, можно только одним способом — призвать его. Может быть, поэтому русские так часто матерятся, так как глубоко верят в то, что боги им помогут. Акт матерной брани происходит почти бессознательно в трудной ситуации. Это, конечно, не оправдывает потоки брани, которые льются рекой без всякого повода. Но все же мат является той лазейкой, той отдушиной, которая позволяет русскому человеку установить связь со своими древними божествами — с божествами своих предков. Не будь этого, русский человек мог бы утратить с ними связь, забыв их имена. Очевидно, именно в этом кроется такая неистребимая живучесть мата»². (А. Белов (Селидор)) Духовное и, по возможности, физическое уничтожение человечества — вот основная задача духов злобы поднебесных, и обращение к ним человека, вольное или невольное, упрощает эту задачу. Призывая демонов, воин отдает себя во власть этих inferнальных существ, давая им возможность погубить себя физически и духовно. Изучение черных ящиков некоторых разбившихся гражданских самолетов выявило важную закономерность: летчики, попавшие в экстремальную ситуацию, как правило, матерились и не молились Богу, что в результате приводило к трагедии. Человек в экстремальной ситуации ведет себя согласно укоренившимся привычкам. Если человек привык в любой ситуации ругаться, то в ситуации критической для него он действует согласно выработанной им привычке; если он научился молиться, то молитва предшествует любому его действию. В результате молитва к Богу рождает жизнь, а мат — смерть.

¹ Давыдов Д. «Я — не поэт, я — партизан, казак...». М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 182.

² Белов А. Велес — бог русов. М.: Амрита-Русь, 2017. С. 191.

Андрей Яковлевич Фарберов в своем сборнике «Спаси и сохрани», посвященном Великой Отечественной войне, приводит удивительный рассказ отца Валентина Бирюкова о том, как шестеро друзей из артиллерийского расчета согласились всю войну никакого хульного слова не произносить, никакой раздражительности не проявлять, никакой обиды друг другу не причинять, и твердо соблюдали свой обет. В результате они все дожили до Победы. Часто к ним приходило предупреждение свыше об опасности. «На Пасху 1943 г. мы друг другу “Христос Воскресе!” шепотом сказали и стали рыть окопы. И мне как бы голос слышится: “Убирай солдат, отбегай в дом, сейчас сюда снаряд прилетит”. Я кричу, что есть силы, как сумасшедший, дергаю дядю Костю Вострикова (ему лет сорок, а нам по двадцать было). “Что ты меня дергаешь?” — кричит он. “Быстро беги отсюда. Сейчас сюда снаряд прилетит!” И мы всем нарядом убежали в дом. Точно, минуты не прошло, как снаряд прилетел и на том месте, где мы только что были, уже воронка... Потом солдатики приходили ко мне и со слезами благодарили. А благодарить надо не меня, а Господа славить за такие добрые дела...»¹.

ГРЕХ ВЕДЕТ К СМЕРТИ

Правило второе: на войне нельзя грешить, так как любой грех ведет к духовной и физической смерти. «Грех есть преступление (нарушение) заповеди Божией или, по выражению апостола, “*грех есть беззаконие*” (1 Ин. 3, 4). Святитель Иоанн Златоуст говорит, что грех есть не что иное, как действие против воли Божией»².

Грех возник вследствие злоупотребления Адамом и Евой дарованной им свободы. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Начало греха не в природе человека, но в душевном расположении и в свободной воле»³. Склонность ко греху, унаследованная от прародителей, присуща каждому человеку. Но христианину даны по вере в Господа Иисуса Христа благодатные силы бороться и побеждать грех.

Человек бывает искушаем на грех от плоти, мира и дьявола. Похоть (греховное пожелание), как врожденная человеку наклонность ко греху, есть самый первый и глубокий источник искушения (Иак. 1, 14). Вторым источником искушения бывают соблазны от греховного мира и от людей, развращенных грехом. Третьим источником искушения является сам дьявол.

Воин, совершая грех, отвергает Бога и делает себя беззащитным перед лицом ангелов тьмы, «духов злобы поднебесных». Сила Божия покидает его, Ангел Хранитель отходит от такого человека, и с ним может произойти все, что угодно. И даже вернувшись с войны живым, но с израненной тьмой душой, он, ведомый и мучимый силами зла, придет к страшному концу, если только не одумается и не обратится к своему Создателю. Первыми

¹ Спаси и сохрани: свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну. М.: Ковчег, 2010. С. 56–59.

² Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смиреннии, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 18.

³ Там же.

и самыми страшными грехами для воина являются грехи против Бога. «Безбожие поглощает государство и государей, веру, права и нравы»¹. Неверие в своего Творца разрушает человека, его семью и Отечество, делает военное общество не способным к защите своей страны.

На втором месте находятся грехи по отношению к своим близким, к своим боевым товарищам, к окружающим людям, к противнику и к пленным. Непочитание родителей и старших, воровство и мародерство, издевательства над мирным населением и пленными, жестокое и зверское отношение к противнику лишают воина Божьей защиты и приводят к духовной и физической смерти.

*Русский солдат.
Художник Ф.И. Невежин, 1947 г.*

Различают грехи нарушения заповеди и грехи неисполнения человеком заповеданного ему Богом, а также грехи неведения и неосмотрительности, грехи вольные и невольные. В грех человеку вменяются и греховные действия других людей, сделанные ими по его принуждению.

Есть грехи смертные, погашающие в человеке его нравственно-христианскую жизнь, изменяющие все направление деятельности человека, его состояние и сердце. «Грех является смертным, если кто преступает явную заповедь Божию с греховным желанием и услаждением, с осознанием самого себя и греховности дела»². Есть и не смертные грехи, не погашающие духовной жизни человека, в которых отсутствовало желание и намерение сделать что-то злое. «Несмертность греха зависит главным образом от внутреннего расположения духа, а не от одной маловажности поступка»³.

Смертные грехи бывают трех видов: 1) главные грехи, от которых рождаются другие грехи; 2) грехи против Духа Святого; 3) грехи, вопиющие

¹ Суворов А.И. Военно-исторические заметки: документы. М., 1952. Т. 3. С. 39.

² Феофан Затворник, еп. Начертание христианского нравоучения. 2-е изд. М.: Правило веры, 2010. См. также: Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смирении, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 31.

³ Шиманский Г.И. Указ. соч. С. 33.

к небу. Главные грехи — это «чревоугодие, блуд, корыстолюбие (или любостяжание), злопамятство, гнев, зависть, леность (уныние) или нерадение в духовной жизни, тщеславие и гордость»¹. Поступки, ведущие к нравственному повреждению и соблазну людей, также относятся к тяжким смертным грехам. Таким грехом, например, является начало несправедливой войны.

Грехи против Духа Святого — это беспечная греховная жизнь, нерадение об исправлении жизни и покаянии до смерти, закоренелость в злобе и ненависти, отсутствие надежды на милосердие Божие, зависть к духовному преуспеванию других. Смертный грех и хула на Духа Святого *«не прощится ему ни в сем веке, ни в будущем»* (Мф. 12, 31–32). Этот грех есть сознательное, упорное и явное противление Божественной истине, богоборчество и богохульство. Не прощается он потому, что богоборцы в своем ожесточении и упорстве не желают раскаяться в своем безумии и получить прощение от Бога (2 Фес. 2, 10).

Особо тяжкие грехи, вопиющие к небу — это умышленное убийство, содомский блуд, обида и притеснение нищих, вдов и сирот, удержание и хищение заработной платы у работников, святотатство, непочитание и оскорбление родителей, неблагодарность к благодетелям. Смертные грехи очищаются в Таинстве Покаяния, несмертные грехи — в покаянном чувстве, если они осуждены человеком в своем сердце. Несмертные грехи прощаются Богом без исповеди перед духовником.

Чтобы не совершать преступлений, необходимо знать заповеди Божьи. Это требует от воина постоянного и внимательного изучения повелений своего Творца. Существует прямая связь между знанием, исполнением заповедей и выживанием на войне. Но как соблюдать человеку закон Божий, когда душу разрушают страсти, ведущие его ко греху? Отсюда следует третье правило.

КОРЕНЬ ГРЕХА — СТРАСТЬ. СРУБИШЬ КОРЕНЬ — ПОБЕДИШЬ ГРЕХ

В православной антропологии человеческое тело считается органом души, посредством которого она проявляет себя в мире вещественном. Соответственно, мозг и сердце, являясь органами человеческого тела, одновременно являются инструментами человеческой души, с помощью которых она обеспечивает свое существование в окружающем мире². По словам святого Василия Великого: «Душа составляет чудно привязанную Божественным Художником к телу силу, которая, простираясь до самых оконечностей его, наиболее отдаленные между собой части тела приводит в одно согласие и общение, а также сообщает им свою жизнь; тело же по отношению к душе есть не что иное, как ее жилище, или как бы колесница, данная ей Творцом для прохождения жизненного поприща при полном их взаимном сочувствии

¹ Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смиреннии, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 32.

² Добросельский П.В. Общие аспекты православной психологии. М.: Грифон, 2011. С. 78.

друг другу; ибо как тело принимает жизнь (испытывает на себе влияние) от души, так и душа принимает болезненные ощущения тела»¹.

Душа обладает силами: сердцем (или способностью чувствовать), умом (или способностью мыслить) и волей (или способностью исполнять принятые решения). Сердце, ум, воля и, соответственно, чувства, мысли и волевые акты являются в некотором роде духовными векторами и характеризуются величиной и духовной направленностью. Чувства находят нужную цель, разум определяет пути и затрачиваемые средства для достижения цели, воля обеспечивает движение к цели; и, хотя, с точки зрения выбранной цели, воля служит уму, а ум — сердцу, после выбора цели основную роль начинают играть ум и воля.

Свобода выбора или свободная воля взаимосвязаны с силами души, но необходимо отличать свободу нравственного выбора от силы воли. Сила воли может изменяться в процессе жизни человека как по своей величине, так и по направленности, а свобода выбора всегда остается неизменной. Христианское мировоззрение говорит о том, что в природе человека в первобытные времена произошла катастрофическая драма. В результате грехопадения, которое понимается как отпадение от Бога, человек лишился общения с Ним, стал отверженным от даров благодати Святого Духа. В его духовно-телесной природе произошел необратимый процесс разрушения гармонии и разъединения союза духовной и телесной жизни, в результате которого человек оказался в деспотической власти своих собственных страстей. Неизбежным результатом этого разъединения, ведущего к духовной смерти человека, стала смерть физическая. До грехопадения все силы души пребывали в единстве устремления к Богу, и прежде всего к Нему Единому стремился дух человеческий. Стремление к познанию Бога — особая способность души, вложенная в нее от сотворения. Но после грехопадения прямая связь с Богом прервалась: «Оторвавшись от Бога, природа (человека) становится неестественной, противоестественной. Внезапно опрокинутый ум человека вместо того, чтобы отражать вечность, отображает в себе бесформенную материю: первозданная иерархия в человеке, ранее открытом для благодати и изливавшем ее в мир, перевернута. Дух должен был жить Богом, душа — духом, тело — душой. Но дух начинает паразитировать на душе, питаясь ценностями не божественными, а подобными той автономной доброте и красоте, которые змий открыл женщине, когда привлек ее внимание к дереву. Душа, в свою очередь, становится паразитом тела — поднимаются страсти. И, наконец, тело становится паразитом земной вселенной, убивает, чтобы питаться, и так обретает смерть»².

После грехопадения человек приобщается к общему закону существования тварного мира, где тление, разрушение и смерть становятся нормой его бытия. Но физическая смерть человека есть своеобразное лекарство, данное от Бога. Оно несет в себе и возможность исцеления, как духовное лекарство для предотвращения невозвратного утверждения в падшем состоянии, для актуализации возможности раскаяния и возрождения.

¹ *Добросельский П.В.* Общие аспекты православной психологии. М.: Грифон, 2011. С. 79.

² *Лосский В.Н.* Догматическое богословие. М.: Центр СЭИ, 1991. С. 162.

Неверно понимать грехопадение первых людей как простое нарушение внешнего правила или закона. Это был глубочайший внутренний разрыв с Богом, потеря доверия, верности и преданности Ему. А поскольку Он есть источник всякого блага для всего творения, то Адам и Ева неизбежно отсекли себя от Бога как источника жизни. Произошло уродливое извращение большей части духовных сил первых людей. Все чувства, мысли и желания человека уклонились ко греху, приверженность к греху настолько укоренилась в человеческой природе, что без помощи Божьей невозможно победить грех и спастись.

Грех, таким образом, есть не что иное, как болезненное извращение всех душевных и телесных сил человеческой природы. Человек рождается на свет, неся в себе наследственную склонность ко греху, включая самолюбие — семя всех страстей. Склонность ко греху, или греховность, — это состояние души, характеризующееся как стремление или предрасположенность сердца, ума и воли человека ко греху. При этом греховность является одним из следствий первородного греха и источником для порождения новых грехов. Основа греховности — желание человека получать удовольствие от мыслей и действий греховных.

Общая греховность состоит из греховности врожденной и приобретенной. Врожденная греховность объединяет в себе греховность природную, свойственную всем людям, вошедшую в природу человека после грехопадения, и родовую, определяемую страстями родителей. При этом врожденная греховность является для человека лишь предрасположенностью, но не непреодолимой силой. Приобретенная греховность — это греховность, усвоенная в процессе жизни человека, или приобретаемые греховные страсти. Страсть есть порочное состояние, поработившее волю человека. Она образуется незаметно для самого человека через многократное повторение греха.

«Страсть есть постоянное желание грешить известным образом или любовью к греховным каким-нибудь делам или предметам»¹. Греховность порождает грех, а неоднократное повторение греха порождает страсть.

Страсти развиваются через искажение и извращение присущих человеку природных потребностей и склонностей, через грех уродливого самолюбия. Преподобный авва Исаия пишет: «Страстями называются свойства человеческие в их болезненном состоянии, произведенном падением. Так, способность питаться превращается в склонность к объедению и лакомству; сила желания — в прихоти и похоти; сила гнева или душевная энергия — в вспыльчивость, ярость, злобу, ненависть; свойство скорбеть и печалиться — в малодушие, уныние и отчаяние; естественное свойство презирать унижающий естество грех — в презрение к ближним, в гордость и прочее»². Преподобный Иоанн Лествичник вторит ему: «Бог не есть ни виновник, ни творец зла. Посему заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не разумеют того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия; а мы употребляем оное на беззаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев, на древнего одного змия; а мы употребляем

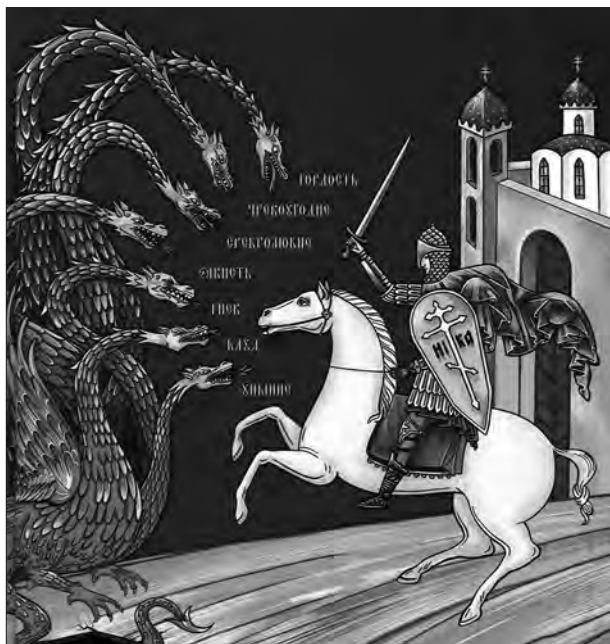
¹ *Феофан Затворник, еп.* Начертание христианского вероучения. По: *Шиманский Г.И.* Учение Святых Отцов. С. 36.

² *Исаия.* О страстях. Слово 19. Цит. по: *Добросельский П.В.* Общие аспекты православной психологии. М.: Грифон, 2011. С. 163.

оний против ближнего. Нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали добродетелям; а мы ревнуем порокам. От естества есть в душе желания славы, но только горней. Естественно и гордиться, но над одними бесами. Подобным образом естественно душе и радоваться, но о Господе и благих деяниях ближнего. Получили мы и памятозлобие, но только на врагов души нашей. По естеству желаем мы пищи, но для того, чтобы поддержать жизнь, а не для сластолюбия»¹.

Страсти — это тяжелые повреждения души, отчуждающие человека от Бога и извращающие весь его жизненный путь. «Всякая страсть есть дело наше. Человек приходит в это состояние произвольно и самоохотно. Позывы на тот или иной грех происходят из растления нашей природы, питаются самолюбием. Но исполнять грех, тем более неоднократно, до привычки, состоит в нашей воле»².

Страсть образуется незаметно для человека через многократное повторение греха или долгое пребывание в нем. В страсти различают: 1) сердечное расположение, 2) привычные греховные действия, насыщающие страсть. Вооружившись против страсти, человек разрывает сердечное расположение к ней. Но привычка к греховным действиям еще долгое время, иногда против его воли, влечет человека ко греху. Страсть не всегда проявляется делом. Она может тайно пребывать в сердце человека, обладая его мыслями и чувствами. «По благодати Своей Бог дал нам заповеди, очищающие нас, дабы мы, если пожелаем, могли соблюдением заповедей очиститься не только от грехов, но и от самих страстей. Ибо иное суть страсти, иное — грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть сами действия страстей, когда кто приводит их исполнение на деле, то есть совершает с телом те дела, к которым побуждают его страсти, ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним»³. Не всякий грех является реализацией страстей. Так, первородный грех был совершен еще до появления в человеке страстей, как и грех, совершенный в первый раз и еще не укоренившийся в человеческом сердце.

¹ Иоанн Лествичник, преп. Лествица. Слово 26. Гл. 155.

² Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смирении, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 38.

³ Авва Дорофей. Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2004. Т. 2. С. 584.

Человека терзают страсти, возбуждаемые окружающим миром, обильно пропитанным грехом, а также бесами, «духами злобы поднебесными». Бесы побуждают нас на грех через наше естество, особенно чувства. Они используют окружающих нас людей, вещи и обстоятельства, а также непосредственно воздействуют на душу.

Источник всех страстей — самолюбие, поставляющее в душе человека на место Бога самого себя. От самолюбия — все греховные страсти, всякий грех и беззаконие, всевозможные преступления и трагедии, происходящие в человеческом обществе. Преподобный авва Дорофей, указывая на то, что самолюбие является корнем всех страстей, отмечает, что «все Отцы говорят, всякая страсть рождается от сих трех причин: от славолубия, сребролюбия, сластолюбия»¹. Отцы разделяют страсти на душевные и телесные, где одни утверждаются в душе и воздействуют на нее непосредственно, а другие, путем греховного услаждения тела, наполняют душу.

Святые отцы указывают на восемь главных страстей, действующих в человеке: гордость, тщеславие, уныние, печаль, гнев, сребролюбие, блуд, чревоугодие. Терзая человека и в мирной жизни, и в военной обстановке, греховные страсти ведут к гибели, умножают кровопролитие и страдания окружающих людей. Гордость и тщеславие делают человека слепым, помрачают ум и, как следствие, приводят к увеличению потерь и военным поражениям. Уныние и печаль делают его неспособным к сопротивлению и преодолению препятствий. Сребролюбие рождает мародерство и ведет к предательству. Блуд способствует насилию и издевательствам над пленными и мирным населением. Гнев — отец кровопролития и всякого преступления, а зачастую — и необдуманных решений, ведущих к поражениям. Чревоугодие делает воинов неспособными переносить тяготы и лишения войны. Страсти рождают такие пороки, как пьянство и наркомания, которые разрушают личность человека, порабащают его волю воле нечистых духов, способствуя озверению воина и превращению воинского коллектива в банду преступников. Все вместе страсти разлагают воинское сообщество, делают воинов неспособными защищать свое Отечество, мужественно стоять за Правду.

Особенно опасна для военного человека страсть гнева. Для противостояния злу человеку дан разумный гнев. Такой гнев — это сила души, данная Богом человеку для отвержения зла, для борьбы с ним. «Гневайтесь, но не согрешайте», — говорит святой пророк Давид. И святой апостол Павел вторит ему в послании к Ефесеям: *«Гневайтесь и не согрешайте. Солнце да не зайдет во гнев вашем»* (4:26). Однако вследствие грехопадения и под влиянием самости разумный гнев преобразуется в страшнейший порок — страсть гнева. Без помощи Божией и внимательного отношения к своей душе страстному человеку трудно удержать себя в рамках праведного гнева.

На войне человек постоянно сталкивается с проявлениями зла. Являясь свидетелем крайней жестокости, человек без христианского понимания жизни и причин греховных поступков людей может сам заразиться злом.

¹ *Авва Дорофей*. Слово 12. Цит. по: Систематический свод учения св. отцов Церкви о душе человеческой // Святоотеческая христология и антропология: сборник статей. Пермь: Панагия, 2002. Вып. 3. С. 37.

Как это происходит? Страстное сердце видит источник зла прежде всего в самом человеке, совершающем преступление. И потому его праведный гнев, справедливо направленный на незаконный поступок, преобразуется в гнев страстный, направленный на самого преступника. В сердце гневающегося человека вспыхивает греховное пламя. В состоянии страстного гнева этот человек уже не видит истинного виновника зла (падших ангелов) и сам стремится совершить жестокий суд над противником. В результате получается не суд, а месть. В этом случае человек под видом справедливого суда сам переходит черту между вынужденным суровым (вплоть до лишения жизни) наказанием виновного и прямым военным преступлением. Однако подлинный суд над беззаконником может произвести только сердце, стремящееся к Богу, открытое для Духа Святого. Ведь только Дух Святой может дать воину понимание меры вразумления и наказания преступника и не даст воину самому заразиться злом и этим уподобиться зверю.

Гнев, направленный на человека, рождает ненависть. Ненависть, в свою очередь, разрывает связь человека с Творцом. И тогда душа человека, зараженная ненавистью, становится пристанищем духов злобы. Вследствие этого он становится вольным или невольным исполнителем воли inferнальных тварей. Он пылает гневом и исполнен ненавистью, а человек, наполненный яростью, может сам совершить любое преступление.

Именно ненависть не дает человеку примириться с Богом. Испытывая, как ему кажется, праведный гнев по отношению к врагу, на самом деле он делает себя посмешищем ангелов тьмы. Эти духи стараются все глубже погрузить человека в пучину ненависти и злобы. А уже потом, получив таким образом власть над душой этого человека, духи злобы терзают ее жестокими видениями войны или зрелищем убитых им самим людей; тем самым они стараются довести человека до сумасшествия и, в конце концов, до самоубийства.

Иной человек под влиянием гнева и ненависти может обратиться в зверя сразу. Но чаще этот процесс происходит постепенно, на первый взгляд незаметно. Это как действие радиации: в один прекрасный момент все вдруг начинает сыпаться и разваливаться.

Православные воины всегда понимали опасность, которую несет в себе ненависть. Поэтому верующий человек всегда стремится быть на страже своего сердца. Он хорошо осознает, что бесы могут довести до одержимости. Поэтому, зная свои слабости, верующий говорит себе: «Да, я человек страстный. Если я не буду со страстями бороться, то, сталкиваясь на войне с бесконечным множеством беззаконий, я буду позволять страстям разрывать себя изнутри. И бесы через мои страсти начнут разъедать мою душу, как ржавчина».

Верующий человек понимает, что ненавидеть противника и мстить ему — это путь к гибели. Он знает, что страстный гнев, сходный с одержимостью, несет его в адскую пропасть. И тогда он пытается молитвенно бороться с таким гневом, старается с Божьей помощью удерживать себя в рамках евангельских заповедей и каяться в совершенных грехах. В отличие от верующих, люди неверующие этого не видят, и поэтому все больше и больше погружаются в пучину злобы и ненависти. Поэтому для военного человека борьба со страстью гнева и самоконтроль имеют особое значение и являются очень важным делом.

Когда война заканчивается, казалось бы, все должно успокоиться. Однако многие, вернувшиеся с войны люди, как бы не замечают, что она закончилась, и продолжают испытывать немотивированную злобу и ненависть. Это всегда разрушительно отражается на отношениях с ближними. Эта ненависть может очень долго разъедать душу, вплоть до самой смерти. А как трудно подчас такому человеку прийти в храм и начать жить с Богом! Эта, сидящая внутри, ненависть, не дает ему сделать шаг навстречу Творцу. Иногда такой человек даже приходит в храм, но не находит там успокоения. Происходит это потому, что он не осознает, что же именно его больше всего мучает. Только осознав причину своего болезненного духовного состояния, с молитвой к Богу встав на путь борьбы с этой страстью и переступив через ненависть, человек может сказать о врагах: «Господи, прости этих людей!». Ведь только пожалев погубленного духами злобы врага, простив его как человека и молитвенно испросив для него прощения у Бога, человек разрывает свою мучительную связь с бесами и дает возможность благодати Божьей воздействовать на свою душу. И тогда Бог исцеляет его душу, измученную, истерзанную духами злобы, и человек начинает приходить в разум.

В сердце человека (понимаемом не анатомически, а в смысле духовно-психологическом, как центр духовной и физической жизни человека) происходит борьба со страстями и привитие добрых чувств и расположений. *«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»* (Мф. 5, 8). В этой борьбе без осознания своего греховного повреждения и покаяния в содеянных грехах невозможно встать на путь исцеления. Для борьбы со страстями требуется твердая решимость деятельно верить в Бога и бороться с грехом. Такая решимость питается и поддерживается страхом Божиим, памятью о Боге, о Божьем всеведении и всевидении и благоговейной жизнью пред Ним. По словам святителя Василия Великого, «где обитает страх <Божий>, там пребывает всякая душевная чистота, потому что оттуда бежит всякий порок и всякий нечестивый поступок, и телесные члены, пригвожденные страхом, не могут порываться на дела неблагоприличные»¹.

В сражении с грехом и страстями необходимо соединять память о Боге с памятью о смерти и ждущей человека вечности. Для человека военного память о смерти всегда актуальна из-за опасностей самой его службы. «Напрасно думают, будто память смертная отравляет жизнь. Не отравляет, а научает быть осторожным и воздерживаться от всего, отравляющего жизнь. Если бы побольше помнили о смерти, меньше было бы беспорядков в жизни и частной, и общей»².

Все страсти взаимосвязаны. Борьба с ними начинается со страсти, наиболее терзающей человека. Она должна проходить под руководством духовного наставника, опираясь на Священное Писание и творения святых отцов. Общение с благочестивыми людьми помогает увидеть свое бедственное состояние. Преподобный Иоанн Лествичник пишет: «Кто низложил первые три из главных страстей (тщеславие, сребролюбие, чревоугодие), тот низло-

¹ Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смиренности, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 62–63.

² Феофан Затворник, еп. Что есть духовная жизнь... Письмо 53. По: Шиманский Г.И. Указ. соч. С. 71.

жил вместе и пять последних (блуд, гнев, печаль, уныние, гордость); но кто не радит о низложении первых, тот ни одной не победит»¹.

Для борьбы со страстями необходимо провести анализ своего духовного состояния, сочетая его с молитвой к Богу и прилежным чтением Священного Писания и творений святых отцов. Далее нужно незамедлительно и решительно начать борьбу с мучающей страстью. Важными и необходимыми средствами для исцеления души являются: труд, молитвенное бдение, воздержание и пост, телесная чистота и целомудрие. Все эти средства служат для того, чтобы оторвать человека от излишнего внимания к желаниям своего тела и обратиться к душе. Размышления о суде Божьем и о смерти помогают укрепиться в решимости бороться со страстями. Участие в церковных таинствах, особенно в таинствах Исповеди и Святого Причащения, очищает человека от греховных страстей. Через эти таинства человеку преподается врачующая сила Христова. Укрепляет в нелегкой борьбе со страстями также частая молитва, домашняя и общественная. Чтение Священного Писания и размышление о добродетельной жизни помогают возлюбить добродетель и отвращаться от жизни греховной. Помогает в этом нелегком труде и осознание того, что все страстное и греховное не является естественным для человека, а есть его повреждение, болезнь, требующая исцеления.

Для борьбы с каждой страстью человеку необходимо избегать поводов и причин, возбуждающих в душе страсти, и пресекать страсть в самом начале ее образования. Авва Дорофей пишет: «Итак, должно подвизаться, как я сказал, против злых навыков и страстей, и не только против страстей, но и против причин их, которые суть корни; ибо когда не исторгнуты корни, то терние необходимо опять вырастет; тем более, что некоторые страсти ничего не могут сделать, если человек отсечет причины их»². В этой борьбе не стоит унывать, если пришлось споткнуться и впасть во грех. Необходимо встать и, покайся, бороться с еще большей решимостью и неприятием страсти. Не надо надеяться на свои силы и волевые качества, но вместо этого прибегать к Богу и уповать на Его помощь. Следующие два правила необходимо выделить отдельно, ввиду их особой важности для военного человека: это борьба с помыслами и деятельное стремление к добродетели.

ГРЯЗНЫЕ ПОМЫСЛЫ ВЕДУТ К ГРЯЗНЫМ ДЕЛАМ

Правило четвертое говорит о том, что нечистые мысли являются началом нечистых дел, а добрые мысли — дел добрых. Поэтому на войне, где любой неверный шаг может привести к страшным последствиям и для человека, и для его окружающих, весьма важно следить за своими мыслями. Отвергая греховные помыслы (страстные мысли, чувства и пожелания), воин отвергает грех и тем самым существенно снижает вероятность своей гибели на войне. Страстный помысел является основанием всех гибельных решений и дел, которые на войне приводят бойцов к преступлениям или смерти, а командиров — к потерям и поражениям. Страсти проявляются в

¹ *Иоанн Лествичник, преп.* Слово 2. Гл. 3. // Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2004. Т. 2. С. 485.

² *Авва Дорофей.* Поучение 12. URL: http://azbyka.ru/Dorofej/dushepoleznye-poucheniia-i-poslania/1_15 (дата обращения: 25.03.2006).

человеке через греховные помыслы. Принимая помыслы, человек усиливает страсти и постепенно поработается ими.

«Движение помыслов в человеке бывает от четырех причин: во-первых, от естественной плотской похоти; во-вторых, от чувственного представления мирских предметов, о каких человек слышит и какие видит; в-третьих, от предзнатых понятий (ранее полученных понятий, прежних впечатлений) и от душевной склонности, какие человек имеет в душе; в-четвертых, от приращения бесов, которые воюют с нами, вовлекая во все страсти, по сказанным прежде причинам»¹.

Греховные помыслы бывают тонкими и тончайшими, грубыми и грубейшими, телесными, душевными и духовными. По времени действия они разделяются на кратковременные и постоянные, происходящие от особого воздействия «духов злобы» на человека. Помыслы, с виду добрые и безразличные, требуют особого внимания, испытания временем и совета с духовно-опытным христианином или духовным руководителем.

На войне невозможно не нарушать закон Божий, если не обращать внимания на очищение своего сердца от греховных мыслей, чувств и пожеланий.

«Ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления» (Мф. 15, 19). В основе всех человеческих дел лежат сердечные расположения и навыки. Через помыслы «духи злобы поднебесные» пытаются овладеть умом человека, подчинить его сознание и связать его свободу, после чего ввести в грех. «Ибо враг знает, что и победа человека, и поражение его, и сокровище, и защита его, и все у подвижника заключается в помысле его и совершается в краткое мгновение»². Поэтому основой борьбы человека со страстями является борьба со страстными помыслами и, с Божьей помощью, достижение такого состояния, когда страстные помыслы не будут иметь над ним власти.

Действие страстного помысла на человека происходит следующим образом:

1. «Прилог» — это начальная мысль, возникшая в сознании человека. «Прилог, как говорили святые отцы (Иоанн Лествичник, Филофей Синаит и другие), — это простой помысел или образ чего-либо случившегося, только что в сердце вносимый и уму являющийся»³. Здесь нет греха, если рождение помысла было невольным.

2. «Сочетание» — внимание к прилогу, удержание его. Это начало греха.

3. «Сосложение» — принятие помысла, чувственное склонение к нему человека.

4. «Пленение» — увлечение помыслом, внутреннее согласие с ним, склонение воли к исполнению его. Далее следует решимость исполнить и реализация мысли делом.

Для борьбы со страстными помыслами святые отцы предлагают четыре основных правила:

1. Необходимо устранять причины и поводы возбуждения страстных помыслов и избегать соблазнов и искушений.

¹ *Исаак Сирин, преп.* Слова подвижнические. М.: Правило веры, 2016. С. 23–24.

² Там же. С. 329–330.

³ *Нил Сорский, преп.* Трезвомыслие. Новотихвинский монастырь, 2016. Т. 1. С. 387.

2. Следует непримиримо и неприязненно относиться к возникающим в душе страстным помыслам и решительно пресекать помысл в его прилоге.

3. Одновременно с этим неотступно и крепко молиться Богу, пока помысл не пройдет и в душе не водворится благодатный мир.

4. Помыслы страстные нужно отражать и заменять добрыми, а греховные превращать в добродетельные.

«Надо следить за собой, контролировать себя, когда враг приносит тебе плохие, злые помыслы. Надо стараться изгонять их и заменять помыслами хорошими, добрыми. Подвизаясь подобным образом, ты возделываешь свое внутреннее расположение и делаешь его добрым. И тогда, взирая на твое доброе расположение, Бог умиласердится над тобой и поможет тебе, после чего худые помыслы уже не найдут в тебе места. Они будут уходить, а для тебя уже совершенно естественным будет иметь в себе помыслы добрые. Ты приобретешь привычку к доброму, в твое сердце войдет доброта, и тогда в своей внутренней храмине ты примешь Небесного Гостя — Христа. Однако это дело не одного-двух дней. Необходимы время и непрестанная борьба для того, чтобы душа увенчалась победным венцом. Когда это произойдет, брань прекращается уже навсегда. Ведь брань страстей — это иступленные проявления внутреннего разлада, которым пользуются наши враги»¹.

Проходя земной путь, человек неизбежно сталкивается с различными испытаниями; жизнь его полна скорбей. «Что такое скорбь? В широком смысле скорбь — это душевно-телесные страдания, переживаемые человеком, или по любви к людям, или по причине греховных страстей и существующего в мире зла, ненависти, болезней и смерти»².

На войне скорби многократно умножаются: трудности и лишения, несправедливости и поражения, опасности и сама смерть пытаются сокрушить человеческий дух. Без умения преодолевать эти испытания невозможно выстоять и победить. Во всех армиях мира воинов учат справляться с физическими и душевными испытаниями. «Однажды во время подготовительного курса мы были на ночной пробежке, и один из инструкторов взобрался по стене казармы, через открытое окно залез в комнату одного из парней и устроил там бедлам: раскидал вещи по комнате, высыпал стиральный порошок на его постельное белье. Потом спустился обратно так же, как и попал туда, подождал, пока все вернутся, потом постучал в дверь бедному пареньку и потребовал провести проверку комнаты. Мальчишка так и не понял, как к этому относиться, но почти всю ночь он убирался в комнате, и ему все равно пришлось встать с нами под душ в 4:30 утра. Я спросил у Рено об этом случае через неделю, и он сказал мне: “Маркус, тело может вынести почти что угодно. Тренировать надо разум. Вопрос, который мы задали этому парню, заключал в себе проверку его моральной силы. Сможешь ли ты пережить такую несправедливость? Сможешь ли ты справиться с такой нечестной игрой, с такой ужасной неудачей? Сила в том, чтобы все равно вернуться в строй со сжатыми челюстями, все еще быть сосредото-

¹ Паисий Святгорец, преп. Слова. Т. 3. Духовная борьба. М.: Орфограф, 2016. Т. 3. С. 65–66.

² Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смирении, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 348.

ченным на цели, поклясться самому себе, что все равно не уйдешь! Вот что мы ищем в людях»¹. Умение преодолевать испытания неразрывно связано с отношением воина к травмирующему событию. Соответственно, главным здесь является тот помысел, который является основой этого отношения. Православного воина в испытаниях укрепляет молитва к Богу, понимание того, что скорби и болезни очищают душу от грехов.

«По словам святителя Иоанна Златоуста, скорби очищают наши грехи, пробуждают от душевного усыпления и нерадения, к которым мы так удобопреклонны и от которых душа расслабевает, а страсти усиливаются»². Кроме того, они способствуют самопознанию человека, утверждению его в вере и добродетелях. «Если у тебя есть грехи, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — они легко истребляются и пополяются скорбью. Если же у тебя есть добродетель, от скорби она делается светлее и блистательнее»³.

Укрепленный благодатью Божией, утвержденный в благом помысле, православный воин способен преодолевать тяжелейшие испытания и скорби, извлекая духовную пользу даже из несправедливости и превращая поражение в победу. Православный человек перед лицом всех превратностей войны остается оптимистом, но оптимизм его основан на вере во Христа. «Все искусство руководства воинами может быть выражено формулой: сделать их оптимистами. Если солдаты считают, что условия их жизни скверные, а руководство никуда не годится, ими овладевают пессимистические настроения, и боеспособность падает. Когда же солдаты чувствуют, что о них заботятся, и знают, что ими командуют люди, которые не допустят беды, они настраиваются оптимистически, и их боеспособность поднимается. Оптимизм рождает боеспособность, тогда как страх убивает ее. Перефразируя изречение Наполеона, можно сказать: один довольный солдат стоит трех недовольных»⁴.

СИЛЬНЫЕ ДУХОМ ЛЮБЯТ ДОБРО

Правило пятое: для того чтобы активно противостоять злу, необходимо любить добро и деятельно стремиться к нему. «Одна мысленная брань изгоняет страсть из сознания, но страсть все еще остается живой и только скрылась. Напротив, противоположное (доброе) дело поражает этого змия в главу»⁵. Исцеление души человека происходит постепенно, как результат большого и долговременного труда. В этой борьбе, по мере сокрушения греховных страстей, человек утверждается в добродетелях, приобретает чистоту ума от греховных помыслов, сердца — от страстей, воли — от греховных наклонностей. Человек вступает в состояние «бесстрастия», которое,

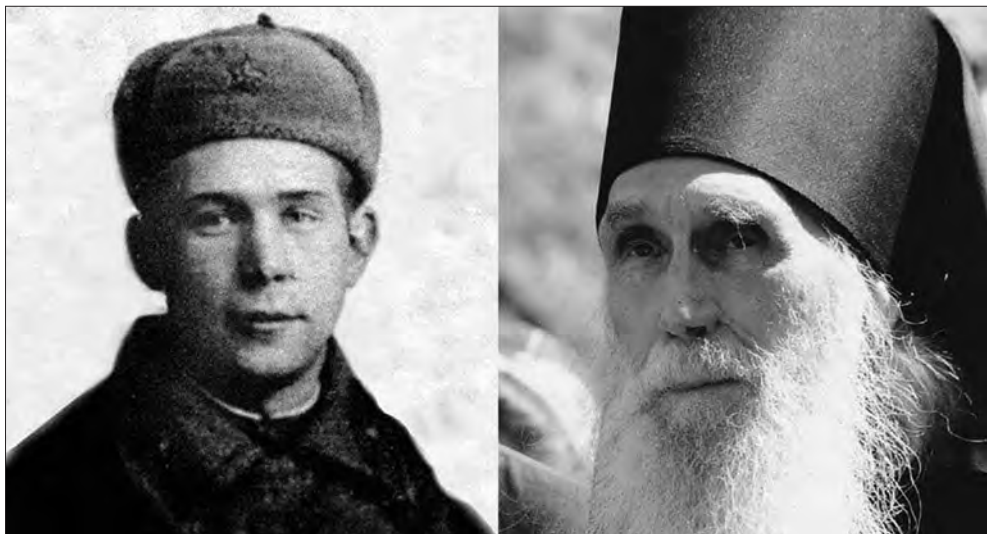
¹ *Латтрелл М.* Уцелевший: история единственного выжившего в трагической операции «Красные крылья». М.: Эксмо, 2018. С. 97–98.

² *Шиманский Г.И.* Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смирении, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 410.

³ Там же.

⁴ *Коупленд Н.* Психология солдат / пер. с англ. А.Т. Сапронова и В.М. Катенича. М.: Воениздат, 1991. С. 25.

⁵ *Феофан Затворник, еп.* Путь ко спасению. По: *Шиманский Г.И.* Указ. соч. С. 116.

Всероссийский старец, духовный наставник трех русских патриархов архимандрит Кирилл (Павлов; 1919–2017) — участник Великой Отечественной войны и обороны Сталинграда

по словам святителя Григория Нисского, «служит началом и основанием добродетельной души»¹.

«Бесстрастие есть мирное состояние души, в котором она неудобоположна на зло»². Утверждение в добродетелях есть совершенствование человека в христианской любви, которая является одновременно началом и концом всякой добродетели. Добродетели, как и страсти, подразделяются на душевные и телесные. Преподобный Максим Исповедник пишет: «Из добродетелей иные суть телесные, а иные душевные. Телесные суть: пост, бдение, снание на голой земле, служение, рукоделие, чтобы не быть в тягость другим или для подаяний и прочее. А душевные силы суть: любовь, великодушие, кротость, воздержание, молитва и прочее. И так, если случится, что по какой-либо нужде или состоянию телесному, например, по болезни или по другой подобной причине, мы не сможем исполнить выше показанных телесных добродетелей, то имеем снисходительное прощение от Господа, ведущего и причины тому. Не исполняя же добродетелей душевных, никакого не будем иметь извинения, ибо они не подлежат таковым препятствиям»³. Главным страстям прилежат главные добродетели: чревоугодие побеждается воздержанием, блуд — целомудрием, сребролюбие — нестяжанием, гнев — кротостью, печаль — надеждой, уныние — трезвением, тщеславие — смирением, гордость — любовью.

Важным свойством любви является смирение, без которого невозможно утвердиться ни в одной добродетели. Смирение есть не забитость и унижен-

¹ Шиманский Г.И. Учение святых отцов и подвижников Церкви о главных страстях и борьбе с ними, и о главнейших христианских добродетелях: любви, смирении, кротости, терпении, воздержании и целомудрии. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 105.

² Там же.

³ Максим Исповедник, преп. Добротолюбие. М.: Сретенский монастырь, 2004. Т. 3. С. 186–187.

ность, не человекоугодие, но, прежде всего, понимание человеком своего крайне плачевного духовного состояния и необходимости исцеления себя с помощью благодати Божией. В этом душевном состоянии человеку необходимо иметь деятельное желание и решимость следовать путем спасения и возрастания в любви к Богу и Его созданиям. «Любовь, милость и смирение отличаются одними только наименованиями, а силу и действия имеют одинаковые. Любовь и милость не могут быть без смирения, а смирение не может быть без милости и любви»¹.

Воину часто приходится выполнять боевые задачи на грани своих душевных и физических сил, часто в отсутствие нормального питания, в неблагоприятных погодных условиях и в местности, не приспособленной для нормальной жизнедеятельности людей. Человек, стяжавший добродетель воздержания, в этих нечеловеческих реалиях способен не только выстоять и выполнить боевую задачу, но при этом остаться христианином даже в тяжелейших для человеческого тела и духа испытаниях.

На войне оружие и «право силы» дают человеку власть над людьми, не имеющими его, а долгое нахождение в мужском коллективе делает человека, привыкшего к блуду, еще более растленным. Получив оружие и власть, такой воин способен на самые жестокие преступления над мирными людьми для реализации своей блудной страсти. Человек целомудренный будет всегда верным защитником слабых и незащищенных, будь то его мирные жители или население, живущее на территории противника.

Воин нестяжательный никогда не предаст; материальные блага не имеют для него ценности, он сам всегда поделится последним со своими товарищами или нуждающимися мирными людьми.

На войне гнев часто является источником не только страшных ошибок, но и преступлений; следствием его бывают кровь и страдания людей. Воин, стремящийся стяжать кротость, не становится слабым, отвергая гнев, но во всех превратностях войны он принимает решения и действует в кротости сердца, силой Божией укрощая врагов, но более побеждая их человеколюбием и милостью.

Надежда дает человеку силы преодолевать самые тяжелые испытания; воин, надеющийся на Бога, в любых военных напастьх будет тверд и мужественен, а трезвение дает ему силы всегда и везде помнить о Боге и в тяжелых военных ситуациях прежде всего обращаться к своему Создателю, сильному избавить его от всевозможных бед. Воин, смиряющий себя пред Богом, всегда будет пребывать в правде Его; милосердие и любовь будут его силой. Победив гордыню и утвердившись в любви, он может еще на земле стать «ангелом» небесной дружины Архангела Михаила, Архистратига всех небесных воинств.

Утверждение в себе христианских добродетелей является одним из главных дел для православного воина, позволяющим ему во всех страшных превратностях войны оставаться человеком. Война ставит перед ним трудные задачи: победить, уничтожив противника или лишив его возможности сопротивления, возможно, действуя весьма жестко и даже жестоко. Воину в боевых условиях приходится быть агрессивным, то есть готовым проявить активное насилие в отношении противника для выполнения боевой задачи.

¹ *Амвросий Оптинский, преп.* Волгоград: Объединение «Ретро», 1991. С. 104.

В условиях боевого стресса организм человека реагирует выбросом адреналина; в таком состоянии воин действует автоматически, при максимальном напряжении своих сил, следуя усвоенным боевым навыкам; снижена возможность осмыслить разумом стрессовую угрозу. Воин, неподготовленный в состоянии «адреналинового взрыва», попытается избежать угрозы либо уходом от нее, либо ее уничтожением жестким и эффективным, с его точки зрения, образом, так как не знает необходимой меры сил и средств для ее ликвидации. В данном случае спонтанная жестокость — это реакция человека на стресс, представляющий для него угрозу, и чем сильнее стресс, тем более жесткой и даже жестокой будет попытка избежать его, прервать или ликвидировать. Профессионально подготовленный воин имеет меньше возможностей попасть в такую ситуацию, но внезапно возникшая опасность, с которой он не имел возможности ознакомиться и подготовиться к ней, или ситуация сложного морального выбора и неготовность воина сделать его может вызвать состояние спонтанной жестокости и у профессионала. Проявления неконтролируемой спонтанной жестокости у воина приводят к военным преступлениям, развитию в человеке «звериных» качеств и, в результате, к возникновению посттравматического расстройства и моральной травмы. Поэтому выработка у воинов боевых навыков является важным делом в боевой подготовке, а усвоение воином христианских добродетелей способствует его готовности к сложным стрессовым ситуациям, возникающим в процессе боя или в реалиях военной жизни.

Воин, утверждающий себя в христианских добродетелях, во всех испытаниях и превратностях войны следует не своим страстным сердечным настроениям и помыслам, но строит свои решения и действия на твердом основании Божьего закона. В бою он действует не одержимый страстными идеями и установками, не в экзальтированном ослеплении своего сердца, но, укрепленный силой Божьей, мужественно и решительно исполняет свой долг. «Будь благочестив, добродетелен, тверд, великодушен и праводушен, чистосердечен, терпелив, непоколебим — время все очищает. С вертопрахами не знайся. Наш Спаситель тебя будет миловать»¹.

С БОГОМ И СЛАБЫЙ СИЛЬНЕЕ ЛЬВА

Правило шестое: любое человеческое дело, начинаемое и совершаемое без помощи Божьей, заканчивается трагически. *«Без Меня не можете делать ничего»* (Ин. 15, 5). В жизни своей человек часто встречается с ситуациями, не зависящими от его воли и желаний. На войне возможность попадания в такие ситуации увеличивается многократно. Физическая и психологическая подготовка воина увеличивает его шансы на выживание. Но и опытные бойцы погибают вследствие не зависящих от них обстоятельств. От Бога зависит и жизнь человека на войне, и успешность его действий в бою. *«Ибо не от множества войска бывает победа на войне, но с неба приходит сила»* (1 Мак. 3, 19).

Постоянно сталкиваясь с тяжелыми военными испытаниями, человек теряет силы душевные и телесные. Долгое участие в активных боевых дей-

¹ Афоризмы и мысли генералиссимуса князя Италийского, графа Суворова-Рымникского. СПб.: Селеста, 2003. С. 41.

ствиях, усталость, недосыпание, гибель товарищей, активная травматическая обстановка выматывают человека. Постоянное действие на пределе своих возможностей истощает его силы, приводит к неконтролируемым ошибкам в решениях и действиях и в конечном итоге — к смерти. В такой обстановке невозможно выстоять без укрепления Богом духа человеческого и его физических сил. В критической для себя ситуации даже воины, не верующие в своего Творца, обращаются к Богу. Хотя потом некоторые из них боятся признаться в этом даже себе самим. «Все мы с детских лет были воспитаны атеистами, большинство в Бога не верили. Но как только, бывало, прижмет бомба ли, снаряд или мина рванет, а то и пулемет чесанет, и ты готов сквозь землю провалиться, лишь бы уцелеть. Вот тут, где он, тот атеизм?! Молишь Бога: “Господи, помоги! Господи, помоги!...”»¹

Бог помогает забывшим о Его существовании воинам, стучится во всякое человеческое сердце. Ветеран ВОВ, генерал-майор в отставке, Леонид Георгиевич Иванов, бывший после войны начальником контрразведки Прибалтийского округа, Южного округа, Киевского округа и закончивший службу в Московском округе, рассказывал:

«Помню, там один случай... Политотдельская — такая громадная станица! Там 51-я армия... корпус кавалерийский Кириченко... Столько войск! Немцы как туда глянули — и как пошли непрерывно самолеты! Полк бомбят с утра и до вечера: страшная бомбежка! Я там с работниками (сам замначотделения был). Стал в угол, думаю:

“Сейчас — снаряд. Осколки будут лететь — голову-то не заденет”. А тут — свист, грохот, шум, гам! Рядом там подвал — в подвал никогда не заходил: гиблое дело. Значит, крышу снесло, дверь выбило, окна, хата вся трясется. Ну, думаю — всё, привет... целый день! — с ума сойти. К вечеру как-то затихло... гарь, дым... Я оглянулся — а я, оказывается, стою под образами! Надо мной — иконы! Вот я — человек неверующий, но спасибо, Боженька, ты меня спас! Вот такой случай со мной был»².

Верующий воин обязан максимально использовать свои умения и навыки в бою. В смертельной опасности сила Божия просвещает его разум и укрепляет тело. И часто в безвыходной, с военной точки зрения, ситуации Бог Своим вмешательством изменяет обстановку, дарует человеку жизнь и победу. Но Бог не приходит в сердце, возлюбившее тьму. Сила Божия не помогает человеку, творящему грех. Поэтому борьба со страстями крайне важна для воина. В этой борьбе Бог укрепляет его через причащение Святых Тела и Крови Христовых. «Господь лаконично указал: *“Если не будете есть плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизнь”* (Ин. 6:53). Однако известно, что святому причащению предшествуют очищение и подготовка. И если ему не предшествовало, то лечение, о котором говорится здесь, то принятие Тела и Крови Христовых бывает в “суд и осуждение”. Экклесиологию и эсхатологию невозможно себе представить без курса лечения. Итак, мы не принижаем божественную евхаристию, но, напротив, превозносим этот великий дар, выделяя значение подвига и исцеления. Кроме того, цель написанного заключается главным образом в том, чтобы указать верный путь, оканчива-

¹ Драбкин А.В. Мы дрались с «тиграми». М.: Яуза; Эксмо, 2010. С. 378.

² Драбкин А.В. Смерш и НКВД. М.: Яуза, 2018. С. 139.

*Причастие в Пасхальную ночь на позиции.
Из серии «Эпизоды севастопольской жизни 1854–1855 годов».
Художник И.М. Прянишников, 1871–1872 гг.*

ющийся у святого престола, так что святое причащение становится светом и жизнью»¹.

Воину крайне необходимо причащаться Святых Тайн для очищения от греховных страстей, для изгнания и пресечения злых помыслов, в крепость, исцеление, здравие и спасение души и тела. Укрепленный благодатью Божьей и смиренно несущий свой воинский крест, он всегда слышит обращенный к нему глас Божий: «Вот Я повелеваю тебе: будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь, Бог твой, везде, куда ни пойдешь» (Нав. 1, 9).

¹ *Иерофей (Влахос), митр.* Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. СТЛ, 2004. С. 52.

Андрей ЛИСЬЕВ

ДОРОГА ДРОНОВ

Рассказы

Андрей Владимирович Лисьев — родился в 1971 г. в Минске. Российский писатель, работающий в различных жанрах, таких как военная проза, современная проза, постапокалиптика и научная фантастика. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО им. Ю.В. Андропова. С августа 2022 г. проходил службу по контракту в ВДВ. С октября 2024 г. находится на СВО, лейтенант, замполит роты. Автор многих книг. Лауреат конкурсов «Твои, Россия, сыновья», «Герои времени Z», имеет премии от «Литературной газеты» «Серебряный Дельвиг», специальный приз XIV МСЛФ «Золотой Витязь» и премию «Имперская культура». **Живет и работает в Москве.**

ДОРОГА ДРОНОВ

У накрытого масксетями блокпоста УАЗ останавливается. Галчонок опускает стекло водительской дверцы, облако дорожной июльской пыли проникает в салон. Песок скрипит на зубах. Водитель кричит потному полицейскому:

— Два! Девять! Девять! — на Галчонке тельняшка, бицепсы и трицепсы бугрятся — настоящий десантник.

— Проезжайте, — машет рукой усталый полицейский.

Бетонные блоки, из которых сложено укрытие блокпоста, и зубья ограждения, конусы и дорожные знаки, каска и черный бронежилет военного полицейского — всё покрыто рыжим песчаным налетом.

Галчонок аккуратно объезжает рытвину, вторую. На огороженной бетонными зубьями развилке Бахмут—Попасная УАЗик уходит налево, на Бахмут. Справа у обочины дымится пассажирская ГАЗель, салон полностью выгорел. Возле ГАЗели суется военный, ее уже прицепили жесткой сцепкой к армейскому зеленому тягачу, сейчас увезут.

— Уже и сюда достают! — сокрушается отец Михаил с переднего пассажирского сиденья и отворачивается.

— Наш замполит где-то здесь ФПВ-иху и словил, — говорю я из-за спины батюшки.

— Хорошо, что экипированы были, потому и все «трехсотые», — говорит Галчонок.

В двухстах метрах от блокпоста он уводит УАЗ с дороги вправо, под навес разбитой заправки. Двигатель не глушит. Выходим. Экипировка отца Михаила и Галчонка лежит на заднем сиденье за водителем, я же направляюсь к багажнику за своим

бронежилетом. Перед тем как просунуть голову в броник, ладонью нащупываю крестик под майкой — в прошлый раз забыл надеть, натерпелся страху. Надеваю каску, кручу колесико регулятора на затылке. Отец Михаил снимает, аккуратно складывает подрысник и остается, как и я, в армейских штанах и зеленой футболке. Я сажусь на свое место и закрываю дверь. Галчонок извлекает из щели между левой задней дверцей и сиденьем охотничий дробовик, ставит его между передними сиденьями стволом вверх, ко мне. Бронежилет Галчонка напоминает детскую жилетку: ни напашника, ни воротника, лишь наплечники. Правый украшен зеленого цвета шевроном с изображением Св. Александра Невского.

— А что у нас с РЭБ? — спрашиваю.

— Иконки в основном, — Галчонок улыбается в сторону отца Михаила, который уселся и тоже поправляет каску.

Каска у батюшки почему-то с наушниками, хотя рация ему не положена. Он оставляет каску расстегнутой, видать, не хочет мять короткую черную бородку. Молодой! Вместо налобной камеры у отца Михаила — иконка Богородицы. На каске Галчонка справа — российский триколор с шитым золотым крестом и фразой «Спаси и сохрани».

— А если серьезно? — отец Михаил нажимает кнопку авиарежима в смартфоне и прячет трубку в карман штанов.

Я делаю то же самое, но свой смартфон убираю в левый пустой подсумок от автоматного магазина на груди. Застегиваю. У меня на груди шеврон с зеленым ликом Спасителя. На каске такой же шеврон, только меньшего размера.

— Включим РЭБ, когда «Булат» запищит, — Галчонок передает трубку дрон-детектора батюшке.

Тот трогает регуляторы, проверяет громкость. Галчонок поправляет на запястье часы, сопряженные с «Булатом»:

— РЭБ аккумулятор жрет... ужас...

Он сдает назад и выводит УАЗ на шоссе.

Справа за окном две сорванные танковые башни образуют крест на сухой земле.

— ...и потом, включенную РЭБ хохлы видят. Значит, серьезная машина едет.

— Это... хохлам дальности добавили, раз до Попасной долетают? — спрашиваю я.

— И это тоже, — отвечает отец Михаил. — Сам Бахмут зенитчики дивизии прикрывают, так хохлы через соседей летают и здесь наши машины ловят, когда все уже расслабились.

— А я думаю, это «ждуны», — возражает Галчонок.

Обычно «ждунами» называют местных жителей, сторонников ВСУ, но откуда им тут взяться? Попасную взяли два года назад, местных должны были выселить.

— Говорят, батареи на сутки хватает, если на обочине в засаде сидеть, — уточняет Галчонок.

Кюветы по обе стороны заросли кустарником и редколесьем. Природа восстанавливается после боев. Листва и трава к середине лета уже выгорели и стали рыжими от пыли. По обе стороны от дороги — степь до горизонта и редкие лесопосадки.

Дорога, по которой мы едем, не позволяет разогнаться. Ухабы, рытвины, иногда засыпанные щебнем, чаще всего нет, поперечные трещины заставляют прижиматься к обочине. Мы догоняем облако пыли, в котором проглядываются задние фонари УАЗа-фермера. Галчонок уверенно обгоняет его. В открытом кузове «фермера» — белая пластиковая цистерна с водой.

Со всего маху я впечатываюсь головой в потолок УАЗика и хватаюсь обеими руками за ручку двери. Дробовик падает мне на ноги, возвращаю его в прежнее положение.

Едва мы отъезжаем на километр, разрушенные пятиэтажки Попасной еще видны из-за редколесья справа, как «Булат» первый раз выдает тревожный сигнал. Отец Михаил всматривается в экран, на его лице недоумение. У самой земли между дорогой и Попасной проносится «сушка».

— «Извините, ошиблись», — читает батюшка на экране детектора.

— Тоже «птичка», — смеется Галчонок, имея в виду Су-34.

Мы проезжаем линию обороны времен «контрнаступа» 2023 года. Опутанные колючей проволокой «зубья дракона» несколькими рядами уходят к горизонту по обе стороны дороги. Видны оплывшие окопы и потерявшие маскировку блиндажи. Линия обороны в 2023-м не понадобилась и заброшена. Интересно, как с минными полями, о которых предупреждают таблички у дороги?

Наш маршрут состоит из трех отрезков: самый длинный — по разрушенному шоссе мимо Попасной до «федеральной» трассы, направо по хорошему шоссе вдоль фронта, налево в Бахмут, он же Артёмовск, и по городу, тоже довольно долгий отрезок. И какой из них самый опасный? Выходит, от Попасной — самый удаленный от хохлов.

— А местные в Попаске остались? — спрашиваю и сам себе отвечаю: — Я только один раз женщину с коляской видел.

— Я однажды видел старика на велике, — отвечает отец Михаил.

— Ни воды, ни света, ни работы, зачем жить на развалинах?

Мне никто не отвечает.

— Автолавка и то только до блокпоста доезжает. Но я там только солдатиков видел, — говорит Галчонок.

Впереди — разрушенный мост над бывшей железной дорогой. УАЗ объезжает его по грунтовке, проложенной по левому кювету. Рельсы не сохранились. Возле посеченной осколками жестяной будки машина выбирается на шоссе.

Впереди, между холмами — блокпост ПВО. По обе стороны от дороги манекены в камуфляже направляют пустые трубы ПЗРК в небо. Двухсекционный светофор светит нижней лампочкой, но цвет лампы не видно. Будем считать, что «зеленый». Но Галчонок не верит, притормаживает у поста, где настоящий зенитчик с охотничьим ружьем рассматривает небо:

— Что с обстановкой?

— Тихо. Летает где-то высоко, — зенитчик машет рукой в сторону Попасной. — Крыло, похоже. Спешите, скоро назад полетит.

«Лотерея», — думаю я.

УАЗ спускается с горки к разрушенной деревне. Там стоит грузовик у обочины. Подбитый? Нет, целый. Возле КамАЗа ходит водитель. Я не успеваю ничего сказать про возможную помощь, УАЗ подпрыгивает на уха-

бе, я снова врезаюсь головой в потолок. Хорошо, что в каске. В деревне никого, поворот направо мы игнорируем. Домá — то мазанки, то кирпичные — стоят без крыш, целых нет. Распластанная на куче щебня панель солнечной батареи пускает «зайчик».

Галчонок ведет машину в сторону Бахмута.

Слева — сгоревший УАЗ-буханка.

— Это уазик первого батальона? — спрашивает отец Михаил водителя.

— Да. Позавчерашний.

В поле виднеется разорванный взрывом «Град». Старый, еще времен штурма Бахмута. Сгоревшие, растерзанные бурые останки автомашин на обочинах встречаются чаще. Иногда можно угадать марку, иногда нет. Лотерея FPV.

«Отче наш, Иже еси на небеси...»

Вдоль дороги появляются тонкие стальные столбы с натянутой над дорогой антидроновой сеткой. Местами сетка повреждена, а столбы покосились. Галчонок как раз объезжает свисающий сверху край порванной сети, чтобы не зацепиться рожками РЭБ на крыше.

Навстречу идет пара зенитчиков с ружьями на плечах. На лицах зенитчиков застыла безучастность.

На перекрестке у заброшенного блокпоста Галчонок сворачивает направо и давит на газ. Это шоссе сохранилось лучше, и, хотя сети над головой и по бокам выглядят целее, Галчонок все равно прижимается к левой обочине. Там деревья и кусты — меньше шансов быть замеченным. Стрелка спидометра ползет к 130. Неужели по этой дороге когда-то можно будет ездить медленнее?

— Говорят, что если до 130 разогнаться, то можно от FPV уехать, — начинаю разговор я, но отец Михаил молчит, а Галчонок лишь хмыкает.

«Булат» коротко пищит и сразу умолкает.

«Дева Богородице, покрой мя...»

Слева за деревьями на горизонте, на холмах виден Бахмут, или, по-нашему, Артёмовск. Столб дыма вертикально поднимается из далеких развалин. Сожженная машина слева — раздавленный ржавый остов. Искореженная взрывом «буханка» справа, еще одна сгоревшая машина снова справа, слева — внедорожник, слева — древние «Жигули».

— О чем вы думаете на этой дороге?

— Молитвы вспоминаю, — отвечает отец Михаил.

Мы оба держим под рукой аптечки. Свою я держу в левой, правой рукой цепляюсь за ручку на потолке над боковым стеклом. Лотерея на дороге дронов.

Справа — сгоревший корпус легковушки, краски и резины не осталось, над открытым капотом вьется дымок. Пострадавших рядом нет.

— Свежая?

— Утренняя!

УАЗ несется на такой скорости, что модели уничтоженных машин не различимы.

«Господи, спаси!»

Я склоняюсь к водителю:

— Здесь, на вторых «крестах», «морковка» лежит, неразорвавшаяся. Осторожно! Мои говорят, «баба-яга» два дня назад обронила.

Галчонок не отвечает. «Вторые кресты» — очередной перекресток с пустым блокпостом. УАЗ объезжает гранату от РПГ и сворачивает налево к городу. Две трети пути позади. Водитель слегка наклоняется к рулю. Слева — разрушенный то ли завод, то ли стадион. Встречный внедорожник вдруг утыкается носом к обочине, из него выскакивают двое с автоматами. Разбегаются в стороны, смотрят в небо.

— Да они с оружием выбежали! А у нас и не пиццало ничего, — удивляется отец Михаил.

Словно услышав его реплику, пищит дрон-детектор.

— Три! — объявляет силу сигнала отец Михаил.

Галчонок большим пальцем правой руки тыкает в потайную кнопку на блоке РЭБ на полу, сразу за рычагами переключения передач, снижает скорость, по краю дороги объезжает плохо засыпанную воронку. Газует. Слева — озеро, но пейзаж портят разрушенные многоэтажные дома. А когда-то у людей были квартиры с видом на воду.

Слева и справа — развалины. Поворот налево, затем направо и еще раз направо. Зенитчик сидит на офисном стуле на перекрестке. Галчонок притормаживает, отец Михаил опускает стекло дверцы:

— Летает?

— Сбили только что!

Дрон-детектор пищит.

— Три! Четыре! Три! — смотрит на экран отец Михаил.

Замолкает.

«Господи, убереги!»

Я сбиваюсь считать повороты. УАЗ въезжает в частный сектор, очередной поворот направо вниз. Писк детектора.

— Четыре! Пять! — кричит батюшка.

— К машине! — командует Галчонок и резко тормозит у обочины.

Я оказываюсь снаружи. А что дальше? Под ногами каменные развалины, колючки, лезть туда? Делаю два шага от машины и смотрю в небо. Оружия у меня нет.

— Потерял нас, — радуется Галчонок, возвращаясь к машине.

— А ружье я забыл достать.

Над городом трещат автоматы, неподалеку вырастает в небо очередной столб дыма. По кому-то прилетело.

Я слежу за взглядом отца Михаила, и мы вместе гипнотизируем темную черточку в синеве. Махнет крыльями или нет? Махнула.

— Фу, сорока, а я чуть в штаны не наложил, — смеется у нас за спиной Галчонок.

Мы садимся в машину, УАЗ трогается, спускается к ручью по разбитой дороге. Впереди — мостик из понтонного отсека. Скорость снижается...

— Если будет встречная... то конец.

«Отче наш, Иже еси...»

Накаркали. Навстречу медленно выползает «буханка» с мангалом на крыше. Но, увидев командирский УАЗик, встречная машина останавливается перед спуском, пропускает нас. Галчонок коротким взмахом ладони благодарит водителя «буханки». Поворот влево, вправо. Начинаются кварталы зданий по 3-5 этажей. Рекламные вывески частично сохранились, лишь изрешечены пулями и осколками. Бои тут в 2023 году шли жаркие.

То и дело встречаются обрушенные авиабомбами пролеты подъездов, дыры от попаданий снарядов в стенах. Я читаю надписи на вывесках. Некоторые дома разрушены полностью — кучи каменного мусора. На одной из таких куч — зеленый рекламный щит Сбербанка.

— Пойдите, неделю назад Сбер целый стоял! — замечаю я.

— Хохлы сюда ракетами пуляют, — говорит Галчонок.

— То и дело, то один дом сложат, то другой, — добавляет отец Михаил.

— Это не ракеты, а планирующие авиабомбы, — мне хочется блеснуть эрудицией, — к советским МиГ-29М и Сушкам-27М научились цеплять.

Пешеходный светофор горит зеленым.

— Четыре! — верещит дрон-детектор.

Галчонок давит на газ, писк «Булата» умолкает.

— Потерял нас! — радуется батюшка.

— А может, РЭБ помог! — не соглашается Галчонок.

Сгоревший троллейбус, еще один. Упавший на дорогу столб. Справа за низким кирпичным забором пожарной части краснеет остов пожарной машины. Налево, почти сразу направо — кладбище битой бронетехники по обеим сторонам улицы.

— Это что тут? — удивляюсь я.

Сгоревших танков стало заметно больше с прошлой поездки.

— Рембаза, со всего района стаскивают сюда, — поясняет Галчонок.

Мы почти приехали, и водитель расслабился.

Заводские цеха справа и слева. Фонарный столб склонил голову над дорогой, словно приветствует нас. Разрушенные домики частного сектора.

Добрались! Господи, спасибо!

Все эти поездки — игра с вероятностью. Статистика. Сегодня нам повезло.

УАЗ на скорости влетает под дерево и рывком тормозит. На крышу что-то падает с глухим стуком. Дрон? Сердце замирает. Взрыва нет. Снова стук.

— Абрикосы, — равнодушно поясняет Галчонок, и мы с батюшкой выдыхаем с облегчением. Теперь точно приехали.

ВСЕГДА

Крыса приходила через вентиляционную трубу. Оттуда, из-за стены подвала, тянуло стужей, но солярная печка справлялась с обогревом небольшой комнаты на двоих. Три стены из гипсокартона и ДВП отгораживали каморку от остальных помещений. Ни непрерывное гудение печки, ни аромат солянки крысу не пугали. Крыса хотела тепла.

На всякий случай мы убрали рюкзаки и бронежилеты на нежилые верхние ярусы коек. Карл тяжело вздохнул, по-детски поморщился. Горбинка на его длинном носу покраснела, словно он ее тер. Карл покопался в рюкзаке и заткнул трубу вязаным носком.

Крыса ночью скреблась в трубе и будила нас. Днем она утащила четвертый носок, выбралась из трубы на столик без телевизора. Кроме засохшей сахарницы, другой еды не нашлось. Крыса сбросила с расколотой столешницы выставленные в ряд патроны и, недовольная, ушла.

Я возвратился вечером, увидел пустой зев трубы и решил проблему иначе. Сплющил «полторашку» из-под воды в длину так, чтобы не повре-

дить донышко, и затолкал в трубу. Диаметры донышка бутылки и трубы совпали.

Крыса не сдавалась. До полуночи она пыталась победить бутылку. Тщетно. Потом крыса грызла листы ДВП у изголовья кроватей, искала пространство под полом, собранным из палет и накрытом линолеумом. Я слушал зубовой скрежет крысы и думал, что мы неверно оцениваем роль Шушеры в «Приключениях Буратино». До появления деревянного человечка крыса занимала важное место в жизни папы Карло. С крысой каморка с нарисованным на холсте очагом, наверняка, не казалась унылой. Но хозяин нашей каморки Карл беседу не поддержал, а натянул байковое одеяло до подбородка и отвернулся. Застиранное, красное в белую клетку, оно заменяло Карлу домашний уют.

Когда я вернулся вечером, крыса изучала содержимое мусорного пакета. Испугавшись, она убежала под койку Карла и затихла под свисающим краешком одеяла. Едва я уселся на койку напротив, крыса выглянула и кольнула меня гвоздиками черных глаз. Размерами крыса напоминала ежа.

— Ну что? Рататуй нам хочешь приготовить?

Крыса исчезла.

Карл принес кота Панкрата. Черный, лоснящийся, с белой прядью на груди, Панкрат запрыгнул мне на живот, свернулся клубком и уснул. Не мяукнул, не мурлыкнул. Серьезный кот.

Поезд, в котором я ехал во сне, толчком остановился, и я открыл глаза.

Узор ДВП в тусклом свете ночного освещения означал, что никакой это не поезд. Просто неподалеку бахнуло, и подвал тряхнуло. Скорее всего, стреляли наши. Я протер пальцами уставшие от подвальной сырости липкие веки и огляделся.

Кот сидел у двери с крысой в зубах и молча просился на волю.

Я прошел с Панкратом мимо равнодушного часового на крыльцо подъезда. Часовой звякнул засовом, запер за нами дверь в подвал.

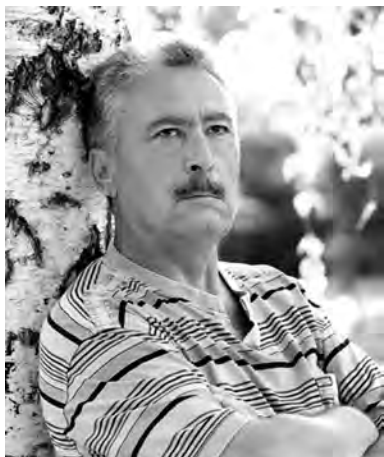
На улице ни души.

Сквозь оконный проем единственной стены разрушенной пятиэтажки выглянул красный солнечный диск. Первая изморозь на развалинах, тонкий лед на лужах и стылая грязь — всё окрасилось розовым.

Война разрушила город два года назад. Всё, что могло гореть, давно сгорело, даже запах пожарища выветрился. Остовы машин среди гор строительного и бытового мусора, гаражи, иссеченные осколками и пулями, покрыла бурая ржавчина. Потерявшие кроны каштаны пустили новые ветки прямо из покалеченных сталью стволов и осенью густо усеяли плодами седую траву.

Я смотрел, как Панкрат с урчанием доедает крысу, и думал, что коту два, максимум три года. И развалины города были для него всегда, теплые люди в камуфляже жили в подвалах всегда и всегда делились вкусняшками. И вряд ли Панкрат ждет перемен. Ведь что сравнится с охотой на крысу?

Иван МАЛОВ

Я СЛЫШУ СТЕПЬ

*К 70-летию
со дня рождения*

Иван Петрович Малов — родился в 1956 г. в с. Кинделя Ташлинского р-на Оренбургской обл. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Под белым парусом пера», «Голубиные шаги», «Бегущей строкой», «Я слышу степь», «По любви», «Поэта светится окно» и др. Публиковался в «Литературной газете», альманахах «День поэзии — XXI век», «Поэзия», «Лед и пламень», «Чаша круговая», журналах «Наш современник», «Урал», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Подъем» и антологиях. Лауреат Региональной литературной премии им. П.И. Рычкова (Оренбург), Международных литературных конкурсов поэзии «Золотое перо Руси», «45-й калибр». Награжден медалью им. В.М. Шукшина. **Живет в Оренбурге.**

ПО ЛЮБВИ

Местность полюбил я, где равнина
За селом на родине моей
Землю с небесами породнила
От вершин шумящих до корней.

Помню, перед рощей медуница
Говорила в жаркий день со мной:
«Степь вокруг, ну где еще укрыться?
Здесь прохлада пересилит зной».

Слышал я, как в роще
 поздним вечером
Филин ухал гулко у тропы.
...В Храме Неба
 по любви обвенчаны
Здесьние осины и дубы.

ПОЭТА СВЕТИТСЯ ОКНО

...Чернильница моя...

А. Пушкин

Он жжет свечу. В округе каплет
С вечерних крыш — весны пора.
Плывет чернильницы кораблик
Под белым парусом пера.

Плывет. Плывет. Еще страница!
А на дворе уже темно...
Вновь будет Пушкина окно
В столице за полночь светиться.

ПРОСЬБА

Он решил: «Уйду и — точка».
Дни идут. И нелегко
Для отца расстаться с дочкой.
Не с женой расстаться — с дочкой —
И уехать далеко.

Уходя, в семейной теме
Он запомнил на всю жизнь
Просьбу: «Папа! В дневнике мне
Распишись...»

КИНОМЕХАНИК

У него, у ветерана,
В аппаратной тишина.

Три звонка. И вот с экрана
В зал врывается война.

Кадры прожитым повеют.
Бой. Фашисты. Смел, един,
Взвод защитников редет
К ночи, и... в живых один.

— Продержись! — бойца родного
Просит бывший фронтовик
И в карманах ищет снова
Валидол в смертельный миг.

Но подмоге путь неблизкий
В тихий медленный рассвет.
...Как расстрелянные диски,
Ряд прокрученных кассет.

* * *

...водителя корочка — мой документ...

Из разговора

Тревожно выюга, как волчица,
Завыла у печной трубы.
О! Кто-то с улицы стучится
В окно вечернее избы.
— Кто там? — с крыльца подворья
Звучат хозяина слова.
— Пустите, — слышит.
— Кто?
— Шофер я.
Застрел у самого села.
— Погодь, открою... —

...Гость печален.
Озяб,
Он весь — унылый вид.
— Давай-ка в дом, —
Там, грея чаем,
О сне хозяин говорит.

Постель. Шофер смыкает веки.
И мысли сонные в тиши
О зимней стуже, человеке,
О доброте его души.

НАДПИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

— Победа! — как долгое эхо
Летит над простором Земли.
Рейхстаг взят, крах Третьего рейха:
Солдаты Отчизны дошли.

Спасибо за снимок, фотограф!
Я вижу бойца. Он мелком
Рукой правой пишет автограф,
Истории пишет автограф.
Винтовка в другой. Со штыком...

ВАХТЕРША

Клубок с вязаньем уронив с коленей,
Вахтерша удивленно морщит лоб:
Рогатым стадом замерших оленей
Ей кажется уснувший гардероб,
Где полутьма, которая вмещает
Все страхи с завыванием пурги,
Где свет неона лунно освещает
У вешалок мерцающих крючки.
Она встает и к вешалкам подходит
По нити той, что размотал клубок.
Другая нить — нить памяти — уводит
Ее туда, где заводской гудок
Зовет с утра, и день встает рабочий.
Два года фрицы на земле родной.
Она, девчонка, ставшая рабочей,
В тылу уральском едет к проходной...

БЫЛЫЕ ГОДЫ...

Да!
И все заветны.
Они — с тобой!

И рядышком идут,
Как мимо вахты вечером студенты,
Спешащие с работы в институт.

* * *

Я вам жить завещаю...

А. Твардовский, «Я убит подо Ржевом»

«Живите!..» — погибших заветы.
На памятник смотрят малыцы:
Народной поэмой Победы —
Защитников павших столбцы.

Вот детские лица все строже
И — скорбь. И в живой тишине
О Родине чувство тревожит
Неснятый вопрос о войне.

* * *

Мой день глубокий, свежи дубравы,
И чувства нежностью полны.
Склоняюсь, падаю на травы —
На дно вечерней тишины.

И здесь, где силой и стараньем
Былинку тащит муравей,
Я слышу степь с ее дыханьем
России-матушки моей.

Тебя, душа, любимой знаю,
Степь оренбургская родная.

СОЛНЦЕ САДИЛОСЬ НА ЛЕТНИЙ ПРОСЕЛОК

Степь... От следов машин в узорах
Проселок, взволновавший сердце,

А солнце — видом с косягора,
Оно — что хлеб на полотенце!

СЫНОВИЙ ЛЕТНИЙ ОТПУСК

А сердце радостно стучит.
Подумал: «Наконец-то...»
Открыл калитку —
Пес рычит.
— Нельзя! — отец ему кричит. —
Нельзя, Дозор! На место!

Встречать мужчиной пожилым
Идет, как виноватый.
Вот обнялись.
— С утра глядим.
Пойдем, и мать обрадуй.

Ведет он к дому,
На крыльцо.
И там — чего милее? —
Увидел мать, ее лицо.
Седа. Отца белее.

Сбылось, что видела во снах.
Стоит, души не чает.
И солнце в сельских небесах
Мир детства освещает.

Татьяна КОЛАЧ

«КРОВЬ И ПОТ НА ЗЕМЛЕ ПОД НОГАМИ, КРЕПНЕТ ДУХ И... ПОБЕДА ЗА НАМИ!»

Татьяна Владимировна Колач — поэт, публицист, член Союза писателей России, автор 6 поэтических книг, автор антологии «Русская сибирская поэзия. XX век» и др. В 1976 г. окончила медицинское училище. 40 лет работала на «Скорой помощи». Награждена медалью «За достойное воспитание детей». Лауреат литературной премии им. Виктора Баянова и др. региональных премий. **Живет в г. Юрге Кемеровской области.**

* * *

Пучину Безмолвья немого
Взорвет новорожденный крик,
И взглянет печально Мадонна
На детский сияющий лик.
Безропотно в бури земные
Отправит Ребенка с небес
И будут молиться святые
На согнутый тяжестью крест.
И адово племя ворвется,
И тьма будет с ним заодно,
Земля под ногой содрогнется
От пляски безумия, но...
Молитвой Мадонны хранимый,
Путь тяжкий пройдя до конца,
Оставит нам Свет Негасимый
Улыбка Младенца-Творца.

СНЕГА РОССИИ

Холодный сыпал снег.
Бурило, белело.
И поседевший век
Глядел осиротело,
Как дыбились снега,
Как злобно по России,
Раздетой донага,
Горланили «мессии».
Менялись русла рек,
Течение леденело...
И сыпал, сыпал снег
Неумолимо, бело.
И выбелил дуга
И темные равнины...
Русь простоит века!
И путь ее былинный
Вновь наберет разбег
И — в неизвестность смело!
...И сыпал, сыпал снег...
Светлело...

* * *

Сколько раз хоронили Россию,
Отпевали ее лжемессии.
Сколько раз истребляли, ссылали —
Города и селенья пылали.
Сапожищи чужие месили
И поля, и дороги России.
И стенали русские души,
Только кто их жалел или слушал!

Жены русские так голосили,
Что стонали ветра по России.
Слезы матери, детские слезы
Проливались в ковыль, под березы...
Но под солнцем священной России
Созревали сыновние силы.
...И опять Куликово же поле —

Неизбежная русская доля.
Кровь и пот на земле под ногами,
Крепнет Дух и... победа за нами!
Вам, могильщикам светлой России,
Русский мир никогда не осилить!
А Россия... Россия веками
Будет светочем мира над нами!

* * *

Когда лето, измаявшись жаром, застонет,
А земля без дождей будет, сухостью вея, звенеть,
Мы к застывшему небу протянем ладони,
Будем гимны для неба сухими гортанями петь.
В час нужды мы стоим, голоса, на коленях,
Ждем Всевышней поддержки — до смерти один волосок, —
И настолько мы искренни в русских молениях,
Что от нас отрекается, в милости, алчущий рок.
И тогда, в благодати, дожди проливаются с неба,
Мы с дрожащих колен, отряхнувшись, устало встаем,
И утешившись малой горбушкой хлеба,
Мы опять по ухабам, по русским дорогам идем.

НАСТРОЕНИЕ

Тонут дни в переспелости синего неба,
Подзатих опустевший, заброшенный сад.
Поздний август прогнулся под тяжестью хлеба,
И синеет над ним предосенний закат.
Воробышки — и те собираются в стаи,
Для чего — непонятно, ведь им не лететь
В чужедальние страны из отчего края, —
В них понятие Родины, видимо, есть.
Беспокойство гудит по натруженным венам,
Не достичь нам покоя в просторах дорог.
Эта русская странность заложена в генах,
Непонятная всем. Нас поймет только Бог.
В тихий, ласковый день отчего так тревожно,
Отчего замирает под сердцем душа?
Отчего все простое становится сложным?
...Эта грусть мировая, как прежде, свежа.

* * *

Свинцовый век устал и отступает,
Но оставляет муть свинцовых рек,
Свинцовый дым... Но вот уже светает...
Каким он будет, следующий наш век?
Что породит земля, когда мир черен,
Когда усыпан зернами свинца?

Что вырастет из тех свинцовых зерен,
Которые прошли через сердца
Глаголющих, мятущихся, безвольных,
Святых и грешных — нету им числа?..
Мы в новый век идем со старой болью
Творить добро, не распознавши зла.

* * *

Благословения не ждали...
В полет свободный за тобой
Зовут таинственные дали
И испытания судьбой.
Неповторимыми путями
При свете дня, в ночной ли мгле

Наш путь весенними ручьями
Давно прочерчен на земле.
...А немощные дороги
Уводят вверх, где не спеша
Напоминает нам о Боге
Затосковавшая душа.

* * *

Мы Бога постигаем снова,
И нам дано от Бога Слово.
Но что же делаем мы с ним?
Глас Божий в нем неразличим.
Не слышно тихого напева —
Слова расплавились от гнева.
По строкам разгулялся бес —
Себя возносит до небес.
Но вам, несущим слово злое,
Не будет на земле покоя.

Вы непристойностью своей
Себя погубите скорей.
Найдутся на Руси другие,
Произнесут слова благие.
Очнется, вспомнит мой народ
Язык свой русский, славный род.
...И в тишине земного крова
Вновь обретем мы Божье Слово.

Родная РЕЧЬ

Вячеслав МЕДУШЕВСКИЙ ЯЗЫК — ОТСВЕТ БУДУЩЕГО? КАКОГО?

*Речь общества
предсказывает его судьбу*

Вячеслав Вячеславович Медушевский — родился в 1939 г. в Москве. Доктор искусствоведения, профессор Московской консерватории, заслуженный деятель искусств России. Автор свыше 200 работ по проблемам музыки и других видов искусств, истории культуры, общего музыкального воспитания. Лауреат премии «Имперская культура» СП России (2017), национальной премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина (2016), финалист национального конкурса «Книга года» за учебное пособие «Духовный анализ музыки» (2014). Имеет церковные награды: ордена св. Макария, митрополита Московского, св. Кирилла Туровского и др. **Живет в Москве.**

Речь общества предсказывает его судьбу? Факты наводят на такую мысль. Заговорила элита России по-французски? — Наполеон напомнил о призвании страны; сожжение Москвы вернуло к корням.

*Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог? <...>
Но Бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь — главой царей.*

Наполнилась Россия сонмами гениев. Но вскоре, спустя полвека, святитель Феофан Затворник подметил новую беду: увлечение немецким социализмом. Кто чем увлекается, тот тем и побеждается. За неверность призванию прорисовались на горизонте грядущие битвы с Германией, о чем святитель и поведал стране. Великими жертвами одолели фашизм? — пришло чудо русского шестидесятничества. Через полвека — новая забава мира: либерализм. Английский язык колонизировал Землю и Россию. *Bay!* Что сказал бы Феофан? Кто гадит? Мы и сами видим.

Далее важно: *как* мы говорим на богодарованном языке.

Первым на поразительную способность языка служить барометром грядущих изменений бытия обратил внимание гениальный Платон. Описывая «демократического человека» и закон непреложного перерастания демократии в деспотию, он рассматривает катастрофы в языке — семантические и интонационные. «Тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство». «В демо-

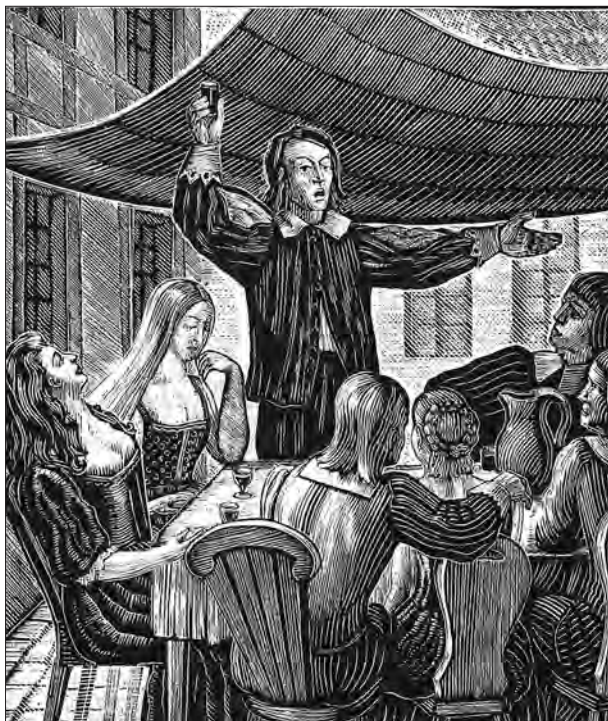

*Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина
«Пир во время чумы».
Художник В.А. Фаворский, 1960-е гг.*

кратическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить». Но как понимает свободу «демократический человек»? Его слова вывернуты наизнанку, кочевряжатся, как хотят: «наглость они будут называть просвещенностью, разнузданность — свободой, распутство — великолепием, бесстыдство — мужеством». Каков ум, такова и жизнь — в неразборчивости меж добром и злом: установлено «своеобразное равенство — уравнивающее равных и неравных». «Своих должностных лиц (государство) карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиня-

ет их в мерзком олигархическом уклоне». «Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов». «Отец привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын — значить больше отца». «Учитель боится школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей и наставников». «Вообще молодые начинают подражать взрослым и состязаться с ними в рассуждениях и в делах, а старшие, приспособляясь к молодым и подражая им, то и дело острят и балагурят, чтобы не казаться неприятными и властными». «Да, мы едва не забыли сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам...» (превозношения трансгендеров Платон провидеть не мог, — хирургия была не на уровне). «Душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами — писаными или неписаными, — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти»¹. Отсюда и вывод о неизбежности идущей следом деспотии. Не пророк ли Платон? Демократическим путем придут к власти Гитлер, Зеленский, голосованием измотанной буйством планеты будет избран в правители мира антихрист.

Почему гении — пророки? Вглядываясь в глубину, они видят скрытый ход истории. Вот Пушкин изумительно схватил нерв развратных эпох: по-

¹ Платон. Государство.

требность веселиться. Атмосфера распушенности алчет расширения, и деньги здесь не излишни.

«По свидетельству всех исторических записок ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностью и приличием, не оставили никаких следов». <...> «Оргии, <...> алчность к деньгам соединилась с жаждой наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей <...> Образованность и потребность веселиться сблизили все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, все, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое почтение»¹.

Не предсказал ли язык Германии 1930-х гг. катастрофу? Языковые сдвиги описаны лингвистами. Слова меняли окраску. «Фанатичный» — теперь уже не порицание, а высшая похвала и добродетель («фанатичная преданность»). «Rücksichtslos» (беспощадный) — тоже признак арийской доблести. Биологические термины возвышены: «здоровый инстинкт крови». Слово «ewig» («вечный»), наоборот, из религии съехало в политику, придавая государству сакральный статус. «Betreuung» («опека/уход») теперь характеризует тотальный контроль государства над каждым человеком. Слово из торговли «abwickeln» стал обозначать уничтожение учреждений. Бюрократический термин «решение вопросов» прикрыл жестокость в обращении с людьми. Приветствия ритуализированы, стали тестом на лояльность. Приветствие «хайль» (родственное словам со значением цельность, целить, святой, Спаситель) выродилось в железную формулу «Хайль Гитлер!» На тех, кто не приветствовал так (например, в магазине или на почте), тут же писались доносы. Эвфемизмы («безопасные» слова), пряча в себе жуткий смысл, успокаивали совесть: говорили «взять под стражу для защиты» имея в виду арест или убийство. Всякий разговор превращался в политический акт. Одеревенела интонация. Митинговый стиль (громко, с пафосом, как с трибуны) — проник в дома. Язык становился черно-белым, без цветовых оттенков. Подмечены изменения и в синтаксисе: короткие рубленные фразы вводили людей в транс, готовя их к подчинению. Обилие пассивных конструкций и безличных предложений («было решено», «приказано») как бы снимало ответственность с конкретных людей. Сделка с совестью делала людей бесчувственными к попранию правды. В отличие от времен Платона, языковые изменения теперь перестали быть спонтанными, но активно направлялись государством и его органами пропаганды. Главным методом пропаганды стала извечная поляризация свой-чужой. «Volksgenosse» («друг народа») — фильтр: кто не прошел — лишился прав.

Языковые распри — печаль нашей современности. У одних они рожают смущение и тревожные предчувствия, другие поляризуются охотно, с

¹ Пушкин А.С. Арап Петра Великого.

Кровавая «йюлка» на «Майдане Незалежности» в 2013–2014 гг., обвешанная антирусскими плакатами, похожая на Вавилонскую башню

радостью и злобой. Лингвисты будущего опишут путь ожесточения в подробностях на примере языка Украины 2010-х гг. (подброшенный лозунг «мы не братья» — запал; «русня», «ватники», «колорады», «москаляку на гиялку» — заполыхавший костер бесни).

Но довольно о печальном. Раз очевидно, что деградация языка система и направляется помутнением духа, что языковое отравление сознания предшествует боевым действиям, — то подробности уже не должны более отвлекать внимание от главного. Главное теперь — увидеть, как язык поднимает жизнь, становясь ресурсом лучшего будущего.

Ресурс в современном понимании — необходимые средства для тех или иных целей жизни. Ресурс не что, а кто. Прагматичное ныне слово «ресурс» имело раньше более высокое звучание. Родом оно из латыни, от глагола со значением «снова вставать». «Christus resurrexit!» — Христос воскрес! Вот сила, поднявшая великую цивилизацию, освятившая жизнь мира. Без нее не было бы шедевров Баха, Моцарта, Чайковского, Рахманинова.

Ресурсность человека в обычной жизни ограничена. От траты она уменьшается. Христос же даровал Земле ресурс жизни вечной, который, чем больше расходуется, тем стремительней возрастает. «Ищите же прежде Царства Божия» (Мф. 6:33). Остальное приложится. Потому это так, что Царство Божие — истинная реальность, мы тени без нее. Не может реальность причащаться тени. Наоборот! Тень призвана приобщиться реальности. Бог живет в вечности, человек — во времени, однако призван к вечности. В индоевропейской этимологии слово «вечность» искони означало жизнетворящую силу. Она не параллельна времени, а перпендикулярна ему и поднимает ввысь всякий миг или век, если люди возжелает того. Здесь ключ.

В момент настоящего времени (если оно настоящее, не призрачное) вечное Царство Божие, как последняя цель творения мира, соответственно, и

воля Божия, соединяется с волей человека. Апостол Павел назвал это соединение синергией, «соработничеством» (см.: 1 Кор. 3:9).

«Живу Я!» (Иез. 18:3) — несетя из Библии откровение Бога о Себе. Бог живет в любви Ипостасей. Соответственно, и в человека как образ и подобие Божие вложено свойство соборности (*«не хорошо человеку быть одному»* (Быт. 2:18)). Образ — данность, подобие — заданность, которая не принуждает, а предлагается. Все, что не по любви к Богу и ближним, — грех. Посреди раздраженных Бог не пребывает. От отсутствия любви падает в них ресурс жизни, и потемневший язык провещает катастрофу. Так действует логика «круга аввы Дорофея», рассмотренная нами в статье «Аксиомы фундаментальной педагогики человечества»¹.

Шлюз ресурсности открывается при условии отдачи. Любовь-красота-жизнь — не вещь. Копить ее в запасниках нельзя. Задержал в себе — вмиг обернулась она эгоизмом, и сердце оплыло жиром. Ресурс жизни растет вместе с его «тратой».

Парадокс понятен из аналогии с магнитным полем. Бог благодатно источает в мир «магнитное» поле Своей любви и святости. А мы, подобно крупинкам железа, намагничиваемся в нем. В физике это называется индукцией. Если же, прикинувшись бревном, скажем, что никакого молитвенно-благодатного поля любви не существует, — для нас же хуже. А если откликнемся, то, побывав в могучем поле, и сами станем магнетиками.

Нет равенства в намагниченности. Святые первыми насыщаются силой, а далее индуцируют других на причастность полю любви. Святыми не рождаются, а становятся в усилиях духа (по закону синергии). Намагниченное железо не теряет атомов, чтобы притягивать, — оно создает поле. В поле святости укрепляются и другие люди, жизнь теплеет. «Не стоит село без праведника и город без святого», — свидетельствует русская мудрость.

Мы помним школьный опыт с железным порошком: приблизили снизу магнит — и его невидимые силовые линии стали видны в образовавшемся узоры железных пылинок. Это образ узора судеб в поле Промысла Божия. Никакого броуновского движения! Вблизи угодников

Схимонахиня Антония
(Кавешникова; 1904–1998)

¹ См.: Родная Ладога. 2026. № 1. С. 251–264.

Божиих изгибы поля видимы и изумляют. Однажды пришла к схимонахине Антонии (Кавешниковой) Анна О. «Как же долго я тебя ждала!» — встретила ее старица. Та и сама была удивлена. Как невероятное могло случиться? «Ты попала в мое молитвенное поле». Господь задолго до встречи представил Анну старице в духе, и она послушно стала о ней молиться, согласовывая свое молитвенное поле с Промыслом Божиим. Можно долго рассказывать о том, как линии судеб окружавших матушку людей таинственно изгибались, сближались и пересекались между собой еще за годы до реальной встречи людей со старицей. Богу, живущему в вечности, открыты все времена разом.

Старица и сама вошла в невидимую связность бытия через труды жизни. Духом провидя святость, она и реально общалась со многими старцами России, собирая их опыт, дружила со старицами, духовным же отцом имела прп. Кукшу Одесского, а после его смерти — прп. Амфилохия Почаевского.

Слово «индукция» — латинская калька с гр. «εραγογε», этимологически родственного «мистагогии» и «педагогике» («тайноводительству» и «детоводительству»). Вести ведь можно не только за ручку, не только словами, но и духом. Это важно, если хотим понять глубину Фундаментальной педагогики — энергийного детоводительства человечества. Педагогика — не дискретность, хотя есть в ней слова и действия. Она энергийна, она волна в поле всемирного духовного тяготения. Но любовь Божия не действует насилием. Дар свободы вложен в нас для доброхотного выбора любви, которая не может быть принужденной. Потому кроткие веяния благодати коснутся лишь тех, кто не противится им. Видя зародыш влечения к вечности в душе упомянутой выше Анны (в контрасте с ее жизненной обстановкой), Господь и направил ее в молитвенное поле старицы Антонии, как в некий сад новой жизни.

Для духа же гордыни и зависти веяния благодати несносны, вызывают взрывы бешенства. Смог зависти стремится скрыть вершины.

Язык — тоже не одни лишь слова и грамматики. Он — энергийное образование, резко поляризованное ныне. Полнос негативности не только в националистических расприах, о чем шла речь выше, — он во всем. Кто, к примеру, научил детей тысячекратно превзойти грех Хама? Кто подсказал называть родителей, папу и маму, — «предками», «родаками», «конями» и прочими уничижительными кличками? Не тот ли самый дух, что вызвал эпидемию мата среди детей? И мы удивляемся «нескладухам» в нашей жизни?! Всеохватно прозорливая старица Антония в толпах слушателей, ходивших за ней, мгновенно выделяла тех, кто никогда не использует беспривлекательных слов, а использующих обличала.

Добрые тяготения слов друг к другу обычно не осознаются, но их можно увидеть, присмотревшись. Чему ж еще обучать детей в школах на уроках словесности, как не энергийному анализу красоты?

Возьмем для примера хрестоматийное стихотворение А. Фета, появившееся в Золотой век русской культуры (1843):

*Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;*

*Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;*

*Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;*

*Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.*

Где здесь центр всемирного духовного притяжения любви и красоты? Он в самом конце стихотворения. Почему в конце? Потому что глубина не видна сходу. Назначение предшествующих слов — пророчески готовить сердце к откровению. «Скрытая гармония сильнее явной», — говорит Гераклит. Но когда по прочтении стихотворения глубина приоткрылась, то в анализе с нее и нужно начать.

Песня зреет. Что за песня? Почему стихотворение закончилось, а песня только зреет? Потому что беспредельный ее предел — в Царстве Небесном, в селеньях райской красоты: в восхищениях славы Божией, совершенства всех Его совершенств. Красота — язык Божественной любви, которой готово служить сердце. Вот откуда веет весельем и где его Источник!

Неизреченное, неслыханное с непреложностью требует пророчества. Пророчество — следствие того, что будет. «Солнце встало!» Солнцем правды назвал пророк Малахия пришествие Христа. «*А для вас, благоговеющие пред именем Моим, взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его*» (Мал. 4:2).

Сбылось! Мир изменился. Время стало целестремительным. Миг «сейчас» — не детерминизм, не фатализм, и мы не безвольные следствия прошлых цепей детерминизма. Они пали. В миг настоящего излились из будущего потоки благодати и свободы, — лишь бы того восхотели и мы. «*Покайтесь, ибо приблизилось Царство Божие*» (Мф. 4:17). Близостью Царствия воспылали шедевры. Когда ж придет оно в силе? «*Царство Божие внутри вас есть*» (Лк. 17:21), — говорит Христос.

Обжигающие слова исторгнуты вдохновением из уст Фета: «Горячим светом по листьям затрепетало». Шедевры культуры похожи на древо, корни которого в земле современности, а крона обращена к небу вечности. В стихотворении Фета солнце бессмертной красоты не освещает только — оно затрепетало в нас! «Лес проснулся, / Весь проснулся». Как порывист слог! «Веткой каждой, / Каждой птицей встрепенулся / И весенней полон жаждой».

Синтаксические тяготенья обнажены, как в музыке. Тяготения — оплотнение синергийных движений бытия. Бытие диалогично, в глубине своей оно есть ликование вечной жизни. Все тяготенья мира устремлены к этой последней и вечной светозарной точке, которую в музыке называют тоникой.

Тон — от гр. «тейно», «тяну». Тон — синергичная натянутость струны меж Небом и сердцем. Музыка — самое духовно-энергичное и божественное из искусств. Поэзия недалеко от песни. Но слушатели в разной мере слышат небесные гимны. Многие ощутят в стихотворении Фета просто пантеистический восторг от природы с желанием им поделиться. А и он — откуда? Приставка «вос-» в «восторге» и «восхищении» — куда стремится взор? До третьего неба был восхищен апостол Павел и слышал там глаголы неизреченные, которые затем претворялись в мудрость его Посланий. Что мешает войти в лес, как в рай: благоговейно, с благодарением Богу, как это делали Адам и Ева, делясь друг с другом этой несказанной радостью любви Божией, от которой таяло их одно сердце на двоих? Что мешает жить с гимном в душе?..

Песня зреет... Да будет так во всех языках культуры! — ибо таков центральный тон Фундаментальной педагогики человечества. Ради этой вечной песни сотворен мир, и никто не поколеблет последней цели творения.

Но Земля движется к катастрофе? А. Майков пророчески ободряет: «Чем ночь темней, тем ярче звезды, / Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...». Китайская мудрость подметила: самое сильное искушение малодушием бывает перед победой. В самый тяжкий час всемирной истории Христос зовет нас: «*Восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше*» (Лк. 21:28). Мир в разброде, потому что ныне время выбора, которого не избежит никто. И если язык — это ответ будущего, то нужно ясно понимать, что в конечном счете он окажется отсветом либо рая, либо ада.

ВЫШЛА КНИГА

Юнгер Э.

Книга песочных часов / Пер. И. Глебовой. Тамбов: Ex Nord Lux, 2025. 212 с.

В «Книге песочные часов» Эрнст Юнгер обращается к одному из древнейших символов человеческого сознания: времени, отмеряемому падающим песком. В постепенном переходе от солнечных и водяных часов к колесным механизмам не только раскрывается история техники, но и становятся слышны отзвуки утраченной космической гармонии. Песочные часы как центральный образ выступают здесь одновременно инструментом, символом и зеркалом. Их присутствие повсеместно: на кафедрах ученых и на палубах кораблей, на гравюрах Дюрера и полотнах Гольбейна, в алхимических трактатах и судовых журналах. Но прежде всего — в уме человека, который сознает бренность и ищет меру. Цифровой эпохе «сейчас» Юнгер напоминает: истинное время не ускоряется и не исчезает — оно истекает, сосредотачиваясь в глубинном пространстве. И в этом течении — возможность освобождения.

Пути ПОЗНАНИЯ

Виталий ДАРЕНСКИЙ

ПУШКИН — МОНАРХИСТ

Виталий Юрьевич Даренский — родился в 1972 г. в Луганске. Член Союза писателей России, доктор философских наук. С 1999 г. преподает в университетах Луганска, в 2017 г. — в Дальневосточном Федеральном университете; в 2023–2024 гг. — в МГУТУ им. К. Разумовского. Первый сборник стихотворений «Тропа у обрыва» вышел в 1999 г. Автор поэтического сборника «Притяжение неба» (Владивосток, 2017; 2-е изд. — Москва, 2019), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (СПб., 2017). Публиковался в журналах «Москва», «Посев», «Подъем», «Родная Ладога», «Наш современник», «Дон», «Голос эпохи», «Александръ». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва». Живет в Луганске.

6 июня — день, когда начинают цвести липы, а все, кто любит Россию и русское слово, отмечают день рождения Поэта как свой собственный. Но есть в личности Пушкина одна черта, которую, к сожалению, мало кто знает, но она очень важна. Зрелый Пушкин был убежденным монархистом и верным слугой царя. Среди моря лжи, которая вливалась в головы людям в советское время, была и ложь о Пушкине как «друге декабристов». Да, Пушкин дружил в молодости с некоторыми будущими декабристами, поскольку просто по факту воспитывался и жил рядом с ними. Однако зрелый Пушкин был их полной противоположностью, причем сам мятеж очень повлиял на формирование его зрелых взглядов. Зрелый Пушкин — принципиальный враг любых переворотов и насильственной смены власти. Об этом он высказывался многократно. Но это было лишь началом поворота в его мировоззрении. В итоге Пушкин пришел к такому же православному почитанию царской власти, какое было во всем русском народе. В этом он тоже самый народный Поэт.

Напомним общую канву отношений поэта и царя. Летом 1826 г. Пушкин отправил письмо новому императору — Николаю I, в котором просил его прекратить ссылку и позволить вернуться к службе. В начале сентября пришел ответ. Император освободил поэта от воспитательной меры, разрешил свободно жить в обеих столицах и ожидал бывшего ссыльного в Чудовом дворце в Москве для личной аудиенции. 20 сентября (н. с.) 1826 г. в Москве Пушкин наедине встретился с государем Николаем I. «Император принял меня самым любезным образом», — писал Пушкин П.А. Осиповой.

Император объявил себя личным цензором поэта. Позже Николай I

Вид с колокольни Ивана Великого на Чудов монастырь и Малый Николаевский дворец, где 8 сентября 1826 г. состоялся исторический разговор государя Николая I с Александром Пушкиным после ссылки в Михайловское. Фото 1870-х гг.

дал ему доступ в архивы для написания «Истории Петра» и повести о пугачевском бунте, тем самым фактически сделав его официальным историографом, каким ранее был Н. Карамзин. Не раз император личным вмешательством спасал Пушкина от суда и наказания за слишком вольные произведения. Перед смертью Пушкина они с царем обменялись письмами. Пушкин просил прощения за то, что нарушил запрет на участие в дуэлях. Николай I ответил: «Если Бог не велит нам уже свидеться на здешнем свете, посылаю тебе мое прощение и мой последний совет умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свои руки». Император исполнил свое обещание, назначив семье пенсию, а детей определив в пажи. «Скажите государю, жаль, что умираю, весь был бы его...» — это были одни из последних слов поэта перед смертью. «Эти слова, — вспоминал П. Вяземский, — слышаны мною и врезались в память и сердце мое по чувству, с коим были произнесены»¹.

Как писал С.Л. Франк, «прежде всего Пушкин в отношении русской политической жизни — убежденный монархист... Этот монархизм Пушкина не есть просто преклонение перед незыблемым в тогдашнюю эпоху фактом, перед несокрушимой в то время мощью монархического начала (не говоря уже о том, что благородство, независимость и абсолютная правдивость

¹ Цит. по: *Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Т. 2. 1824–1837. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 491.*

Пушкина совершенно исключают подозрение о каких-либо личнокорыстных мотивах этого взгляда у Пушкина). Монархизм Пушкина есть глубокое внутреннее убеждение, основанное на историческом и политическом сознании необходимости и полезности монархии в России — свидетельство необычайной объективности поэта... Можно сказать, что этот взгляд Пушкина на прогрессивную роль монархии в России есть некоторый уникум в истории русской политической мысли XIX века... Вера Пушкина в монархию основана на историческом размышлении и государственной мудрости и связана с любовью к свободе и культуре»¹.

*Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин
на набережной Невы. Художники
В.В. Павлюченков и А.Ф. Павленко, 2012 г.*

Н.В. Гоголь оставил очень важное свидетельство из личного разговора с Пушкиным, из которого становятся очевидны глубоко христианские мотивы понимания Пушкиным православной монархии как учреждения не столько политического, сколько религиозного, имеющего (в идеале) определенный нравственный смысл. Н.В. Гоголь восхищался: «Как умно определял Пушкин значение полномочного монарха! И как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! “Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь, нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномочной власти... Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт... блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия!”»².

Отметим, что такой взгляд на принцип православной монархии Пушкин, как и все в то время, узнал еще в отрочестве — в лицее, поскольку

¹ *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель // *Франк С.Л.* Этюды о Пушкине. М., 1999. С. 70, 72.

² Разговоры Пушкина. М., 1991. С. 174.

такое церковно-каноническое определение входило в обязательную программу обучения. Однако оно опиралось и на личные, взрослые убеждения поэта, отразившиеся в ярких строчках:

*Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.*

*Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами...*

Монархические взгляды Пушкина укреплялись также и при его знакомстве с новым видом правления — демократией, которая появилась тогда на Западе. В одной из своих статей 1836 г. Пушкин писал об Америке: «С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество... родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подoboстрaстие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному ostraкизму... такова картина»¹. Это вырождение свободы и человеческого духа, которое несла с собой демократия, естественно, еще больше заставляли ценить монархию, особенно в высшем ее воплощении Православного Царства.

Понятие свободы для Пушкина принципиально внеполитическое. Его свобода — это пребывание в «естественном», до-политическом состоянии. В этом смысле и монархия воспринимается как способ защиты от политики. Отношение к монарху основано на принципе чести, служения и доверия, а не выгоды. Критика Пушкиным американской демократии основана именно на отвращении к принципу выгоды.

П.А. Вяземский писал о Пушкине: «На политическом поприще, если оно открылось бы пред ним, он, без сомнения, был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом. Так называемая либеральная, молодая пора поэзии его не может служить опровержением слов моих... эта пора сливается с порою либерализма, который, как поветрие, охватил многих из тогдашней молодежи... Многие из тогдашних так называемых либеральных стихов его были скорее отголоском того времени, нежели отголоском, исповедью внутренних чувств и убеждений его»². Однако в более зрелом возрасте эта ценность свободы уже «встраивается» в иной, более сложный и глубокий тип государственно-политических воззрений поэта — православный монархизм.

¹ Пушкин А.С. Джон Теннер // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1936. С. 234–235.

² Вяземский П.А. «Цыганы», поэма Пушкина // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М: Искусство, 1984. С. 80–81.

Особое значение для понимания монархизма Пушкина имеет одно его произведение, которое в наше время практически никто не читает и не исследует, и очень зря. Это «История Петра», в которой отражена эволюция его взглядов на Петра I и природу русской монархии вообще. Здесь Пушкин продемонстрировал весьма критическое отношение к Петру I, что показало полную свободу его взглядов и независимость от авторитетов¹.

Как пишет современный исследователь этой темы В.С. Листов, «материалы, компрометирующие Петра Великого, в архиве Пушкина накапливаются, и он уже очень много знает, и его уже воротит от эпизодов, где Петр I разбивает зубы на допросах, где он присутствует при казнях, где он пьянствует, где он участвует в деле царевича Алексея, т.е. катастрофа сознания Пушкина по отношению к Петру совершенно очевидна»².

В беседе с актером М.С. Щепкиным в 1836 г. Пушкин признался: «Я разобрал теперь много материалов о Петре и никогда не напишу его истории, потому что есть много фактов, которых я никак не могу согласить с личным моим к нему уважением»³. Или еще радикальнее: «Я не смогу ее представить государю, потому что мои знания о Петре не совместимы с моими понятиями о чести»⁴; или «эта работа убийственная <...> если бы я наперед знал, я бы не взялся за нее»⁵. Прочитав тетради Пушкина о Петре, Николай I вынес свой вердикт: «Сия рукопись издана быть не может по причине неприличных выражений на счет Петра Великого»⁶.

Как известно, «Пушкин готовил свой труд не как вольное сочинение вольного автора. Его заказчиком был сам император»⁷. Нессельроде — министр, которому подчинен был Государственный архив, — 12 января 1832 г. запрашивал, «благоугодно ли будет» царю, чтобы Пушкину «открыты были все секретные бумаги времен императора Петра I... как-то: о первой супруге его, о царевиче Алексее Петровиче; также дела бывшей Тайной канцелярии». Царь распорядился, чтобы эти исторические документы выдавались Пушкину «по назначению»⁸. Доступ в библиотеку Вольтера (в свое время купленную Екатериной II) в царствование Николая I был строго запрещен, но для Пушкина сделано было исключение, и он получил возможность ознакомиться с собранными Вольтером историческими материалами. Как видим, Пушкину были предоставлены царем совершенно эксклюзивные условия и возможности для работы, которые не имел ни один историк того времени.

¹ См.: Даренский В.Ю. «История Петра» А.С. Пушкина как история разочарования // Тетради по консерватизму. 2022. № 3.

² Листов В.С. История Петра и дуэльная история. URL: <https://magisteria.ru/pushkin/duelnaya-istoriya-i-istoriya-petra> (дата обращения: 12.06.2026).

³ Цит. по: Михаил Семенович Щепкин: жизнь и творчество. Т. 2: Современники о М.С. Щепкине: критика, из дневников и переписки, воспоминания. М.: Искусство, 1984. С. 341.

⁴ Листов В.С. История Петра и дуэльная история.

⁵ Цит. по: Абрамович С.Л. Пушкин: Последний год. Хроника. Январь 1836 — январь 1837. М.: Советский писатель, 1991. С. 478.

⁶ Цит. по: Фейнберг И.Л. Читая тетради Пушкина. М.: Советский писатель, 1985. С. 14.

⁷ Цит. по: Листов В.С. Пушкин: судьба коренного поэта: монография. Арзамас: АГПИ, 2012. С. 183.

⁸ Цит. по: Фейнберг И. Примечания // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 8: История Петра I. М.: ГИХЛ, 1962. С. 425.

*А.С. Пушкин и Петр I. Иллюстрация к поэме
А.С. Пушкина «Полтава».
Художник М.С. Родионов, 1951 г.*

Над составлением записей по Петру Пушкин работал стремительно: с 16 января по 15 декабря 1835 г. он заполнил своими записями 31 тетрадь¹. В июле 1831 г. Пушкин пригласил в сотрудники Погодина и писал ему 7 апреля 1834 г.: «к Петру приступаю со страхом и трепетом»². Характерна здесь и библейская лексика А.С. Пушкина, указывающая на важность предмета, — его слова отсылают к строке из Послания ап. Павла к Филиппийцам: «продолжайте творить свое спасение со страхом и трепетом» (Флп. 2:12), что, в свою очередь, является ссылкой на слова Моисея перед святыней: «я в страхе и трепете» (Втор. 9:19). Это показывает благоговение Пушкина перед самой

фигурой православного Государя — Помазанника Божия. Однако дальнейший ход работы привел к глубокому разочарованию Пушкина в Петре.

Историческая оценка Петра I у Пушкина была вполне самостоятельной уже в молодости. В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) он писал: «Петр I не страшился народной свободы... ибо доверял своему могуществу и презирал человечество может быть более, чем Наполеон. История представляет около его всеобщее рабство... все состояния, окованные без разбора, были равны пред его дубинкою. Все дрожало, все безмолвно повиновалось»³.

Что означают слова «Петр I не страшился народной свободы»? Прежние цари тоже не страшились народной свободы, но совсем по другой причине: не потому, что «доверяли своему могуществу и презирали человечество», а потому, что опирались на доверие и совесть народа, который почитал царей в соответствии с учением Церкви как Помазанников Божиих. Народ регулярно бунтовал по причине обид от отдельных чиновников и бояр, но это не имело отношения к царской власти, которая в сознании народа всегда была священной и неприкосновенной. В свою очередь, русские цари всегда

¹ Попов П. Пушкин в работе над историей Петра I // Александр Пушкин. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. С. 474—475 (Литературное наследие).

² Там же. С. 475.

³ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 14.

оправдывали доверие народа и были правителями мудрыми, праведными, а иногда даже святыми. Это взаимное доверие царя и народа, основанное на православной вере, и составляло основу того уникального политического строя, который И.Л. Солоневич назвал «народной монархией». Петр же впервые основал свою власть вовсе не на этом, а на своем могуществе.

Столь же глубоко и парадоксально молодой Пушкин мыслил и на концептуальном уровне. Он пишет: «Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие: к счастью, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных»¹.

По мысли Пушкина, история России прошла словно «между Сциллой и Харибдой» — то есть между боярской олигархией и «самовластьем». Поскольку после Петра I власть государя стала ассоциироваться с «деспотией» в духе европейского «абсолютизма», то это выглядело как выбор «меньшего зла». Проблема молодого Пушкина здесь была в том, что он мыслил в европейских категориях, поскольку не знал никаких иных.

В рамках народной монархии, существовавшей до Петра I, такой дилеммы вообще не существовало. Она возникала во время Ивана Грозного, но боярская смута была царем успешно подавлена. После смерти Грозного недобитая смута вновь подняла голову и разрушила государство, но была подавлена уже самоорганизовавшимся народом, затем восстановившим и самодержавие. Так эффективно работал принцип народной монархии, затем уже разрушенный Петром I.

А.П. Лисунов отмечает: «“История Петра” — наименее изученная часть пушкинского наследия... Не содержатся ли в “Истории Петра” выводы, которые либо противоречат культу Петра, либо не дают ясной положительной оценки его реформ? Не на этом ли основании ей отказывали в праве считаться полноценным пушкинским произведением?»². Классик европейского консерватизма Ж. де Местр называл Петра I «убийцей своей нации», отданной им «под иго чужеземных шарлатанов» и ставшей «игрушкой нескончаемых перемен»³. В текстах А.С. Пушкина содержится практически точно такой же вывод, но только в «скрытом» виде, требующем определенной «расшифровки». Слово «разрушитель» — как итоговая пушкинская характеристика Петра I соответствует всей внутренней логике «Истории Петра» как истории разочарования поэта — и в Петре I, и в Европе. Кроме этого важнейшего смысла данного текста, в нем есть глубокое историческое открытие Пушкина, вскоре развитое славянофилами, но принадлежащее Пушкину.

¹ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 11. М.: Воскресенье, 1996. С. 14–15.

² Лисунов А.П. Пушкин — историк Петра. М.: Информавтордор, 1997. С. 148.

³ Цит. по: Дегтярева М.И. Жозеф де Местр и Н.М. Карамзин // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 156.

Монархические взгляды Пушкина противостояли тогдашней моде на либерализм и преклонению перед Западом — они были одним из самых ярких выражений свободомыслия поэта. Они определялись в первую очередь не принятием каких-то готовых политических доктрин, а его самостоятельным осмыслением русской истории и феномена российской государственности. Благодаря этому политическое мышление Пушкина было абсолютно самостоятельным и оригинальным. Просвещенный монархизм зрелого Пушкина основан не на бездумном «верноподданничестве», а на трезвом понимании роли монархии в истории России и ее ключевой роли в русском Просвещении. Принцип мировоззрения Пушкина, который можно назвать «просвещенным консерватизмом», основан на ценностях личной свободы как свободы служения Отечеству и ответственности перед предками.

ВЫШЛА КНИГА

Величко А.М.

Всемирная история человечества. Библия и народы мира: В 2 т. М.: Вече, 2025. Т.1. 703 с.; Т. 2. 671 с.

Эта книга — не исторический труд и не богословский анализ текстов Священного Писания. Это — книга о человеке, как он жил до Потопа и после него, как заселял Землю, какой наша планета была в то время и как изменялась. Если в мире нет ничего случайного и каждый человек имеет свое историософическое, вселенское предназначение, то то же самое, очевидно, следует говорить и об этносах. Но в чем оно? Вот главный вопрос, на который пытается ответить эта книга, где история человечества и отдельных народов излагается на основе текстов Библии и традиционной библейской хронологии. Что, разумеется, совсем не случайно: где же еще следует искать ответ на вопрос о смысле истории, если не в Библии? Общеизвестно, что в течение тысячелетий Библия являлась надежной основой, на которой развивались история, география, правоведение, философия, лингвистика, историософия, антропология, этнография и многие другие научные дисциплины. Книга предназначена для преподавателей и студентов, а также всех интересующихся историей, историософией, богословием, философией, этнографией.

Пути ПОЗНАНИЯ

9.

Владимир МОЖЕГОВ

ПУШКИН КАК ИСТОРИОСОФ

Владимир Ильич Можегов — родился в 1968 г. в Воркуте. Историк, философ, политолог, футуролог, публицист. Область интересов — философия истории, философия культуры. Окончил Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения и аспирантуру Института философии РАН в Москве. Сотрудничал с журналом «Континент», с «Изборским клубом» и газетой «Завтра». Автор нескольких книг и совместных монографий. Живет в Санкт-Петербурге.

Итак, мир погружен в трагедию. Однако кто же эту трагедию реально переживает? Очевидно, что реально живут, бытийствуют не исторические факты, события, и даже не исторические эпохи. Живет и бытийствует Личность. Но Личность — совсем не тот атомарный, оторванный от всех оснований, индивид, о котором говорят просветители и картезианская философия; скорее, это вся целокупная цепь рода, идущая от Адама, или даже от самого Слова-Логоса, которое было *в начале* и которое будет в конце. Это Он, Логос, просиял в Адаме, а затем — в его сыне, а затем — в его сыне, и так — до самого крайнего потомка, сущего здесь и сейчас — *тебя*. Такова пушкинская интуиция и духовная основа его историософии, его «философии рода». Мир суть Род и подобен некоей дворцовой анфиладе комнат, где каждый новый потомок открывает двери в новую жизнь, и так — эпоха за эпохой — распространяется свет, который «тьма не объяла». Так и будет до самого конца, до *эсхатона, паруссии*, последнего присутствия здесь и сейчас, когда скрытый свет этот станет наконец явен всему и всем.

Но мир, который забыл этот свет (оккализм, картезианство, философия просветителей), обречен, как обречен Евгений «Медного всадника» в своей встрече с Большой историей¹.

¹ «Медный всадник» — недвусмысленное свидетельство тому, что, по Пушкину, человек, забывший свое родословие, свою генеалогию (а именно таков «Евгений бедный»), не способен на равных участвовать в исторической коллизии, обречен быть жертвой ее» (*Вироплайн М.Н.* Генеалогический принцип в истории (2001)).

Окончание. Начало см.: Родная Ладога. 2026. № 2 (76). С. 160–179.

Вот так можно было бы описать глубоко погруженное в стихию рода историческое мировоззрение Пушкина. Понятна ненависть поэта к демократии, уничтожающей не только все духовные иерархии бытия, но и, прежде всего, родовую память.

И совсем не случайно, что в момент написания «Маленьких трагедий» он постоянно обращается к теме рода и родовой памяти: «Моя родословная», «Два чувства дивно близки нам», «О втором томе “Истории русского народа” Полевого», «История села Горюхина», «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» и проч.

Могучий поток Истории, берущий начало от истока (от Адама, от Слова, которое было *в начале*), разносится на множество рек, чтобы сперва собраться в Христе, а затем устремится дальше единым потоком: *История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства¹. Но, одновременно, история новейшая — есть история разрушения и гибели христианской цивилизации. Решительный слом происходит в эпоху Средневековья. Именно он и становится предметом «драматического исследования» первой маленькой трагедии.*

10.

Идеал Средневековья — жертва. Его символ — вознесенный над землей крест. Вертикаль креста отражает геометрию средневекового сознания и средневекового мира: преисподняя — мир — небо. Сцены «Скупого рыцаря» повторяют ту же структуру: *башня — подвал — во дворце.*

Духовно, однако, геометрия этого мира полностью перевернута. Вместо возвышенного на холме креста — подвал с открытыми вокруг сундуками. Вместо смиренной жертвы — сверкающие сокровища, питающие гордый дух, упивающийся своим могуществом:

*Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм — и с высоты его
Могу взирать на все, что мне подвластно.
Что не подвластно мне? как некий демон
Отселе править миром я могу...*

И воля к власти этой столь велика, что простирается в мир иной и мыслится как продолжение этой бессонной стражи:

*О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!..*

Великие злодеи и великие святые лепятся, как мы уже заметили, из одного материала. Или, скажем иначе, — великая праведность и великое

¹ Пушкин А.С. О втором томе «Истории русского народа» Полевого (1830).

злодейство — производные одного алхимического субстрата. Подвал Барона приоткрывает нам эту таинственную алхимию: превращение чистой духовности в тяжелое материальное золото...

Но в чем причина этой чудовищной перемены?

Барон — рыцарь, друг старого монарха, некогда участник славных походов. Известно, что первые Крестовые походы были чистым порывом самопожертвования. Бывало, рыцари продавали все, что имели, чтобы получить возможность отправиться в далекую Азию освобождать Гроб Господень. («Этот поход [в Палестину] ему стоил двух замков и ротенфельдской рощи, которую продал он за бесценок какому-то епископу», — говорит герой пушкинских «Сцен из рыцарских времен»).

Однако же через столет все изменится уже настолько, что четвертый поход обратится в грабительское разбойничье предприятие, направляемое венецианскими купцами-ростовщиками.

Когда же чистая жертва сменяется страстью наживы и власти? Где чистый духовный порыв оказывается поражен «семью грехами Азии»? — вот вопрос, который задает Пушкин. — Очевидно, золото, привезенное из Крестовых походов, стало подножием того холма, на котором старый Барон возвел свой монумент, того золотого тельца, который перевесил в его сердце не только символ крестовой жертвы, но и священный зов рода.

*Я царствую... но кто вослед за мной
Приимет власть над нею? Мой наследник!
Он разобьет священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит —
Он расточит... А по какому праву?*

И, конечно, темный двойник Барона — еврей-ростовщик — в трагедии совсем не случаен. Если дух Барона столь неистово отказывает в

*Альбер и жид. Иллюстрация к трагедии
А.С. Пушкина «Скупой рыцарь».
Художник М.В. Нестеров, 1899 г.*

наследстве Альберу, то... кто же наследует все? Не он ли, полностью лишенный сантиментов *проклятый жид, любезный Соломон*? — В нем нет уже ни могучего духа Барона, ни, тем более, чистоты Альбера; лишь чистый расчет — бог демократии. Но заброшенная Соломоном в Альбера мысль уже дала всходы. Если в первой сцене наивный Альбер все никак не может понять, о чем хлопочет жид-ростовщик, намекая на своего друга-аптекаря, то в третьей уже сам готов совершить отцеубийство так же неистово и страстно, как нанес удар графу Делоржу, взбешенный поврежденным тем шлемом.

Дальнейшее понятно: течение духовного света от отца к сыну прервано; идеал Жертвы и вовсе померк. А значит, последним торжествовать будет он — еврей-ростовщик...

Так начинается история страстей Европы, мистерия ее страстей.

Эпоха за эпохой, каждая, захваченная своей собственной страстью, и — порождающая последующую...

*Не жадность, разврат, предательство,
Зависть, безделье, обжорство, гордыня:
Не они причина Крестовых походов,
Они причина их неудачи¹.*

11.

Из вертикального трехчастного (башня — подвал — дворец) мира «Скупого рыцаря» (название трагедии более чем говорящее) попадаем в горизонтальный мир Дон Гуана — мир Ренессанса.

В этом мире нет уже как будто никаких духовных основ, нет вертикальной оси. Мир развернут в плоскости, на которой лишь одна петляющая дорога без начал и концов, по которой мечется в поисках риска и наслаждений Дон Гуан. Похоже, это и есть столбовая дорога истории как прогресса (гедонизм «К Вельможе» или гедонизм Онегина), но сам Гуан вряд ли это осознает. Он выше прогресса. Он почти мистик — пограничное существо, любящее смотреть в глаза бездне и черпающее в этой игре со смертью жизненную энергию.

Гуан при этом совсем не зол, скорее быстр на все плохое (как, впрочем, возможно, и на все хорошее), прям, смел, готов каждый миг поставить на кон свою и чужие жизни. Наконец, он бесстрашен настолько, что не боится бросить вызов небесам. И в этом смысле он настоящий сверхчеловек.

Сама любовная страсть Гуана — больше чем чистый гедонизм. Точнее сказать, он каждую минуту находится в поисках полноты бытия, и каждая новая женщина для него — новый источник энергии для неизбывной страсти. Каждую новую женщину Гуан и правда любит и, кажется, мог бы повторить вслед за Лаурой: *Мне двух любить нельзя. Теперь люблю тебя*, и каждую «вырабатывает» как очередную нефтяную скважину.

Как и Барон, и Альбер, Гуан — рыцарь, и не так уж сильно отличается от того старого уходящего рыцарства. Разве что в нем меньше серьезности в его отношениях с миром (страсть Барона серьезна, муки Альбера серьезны).

¹ Элиот Т.С. Камень (Песнопения) (1934).

Гуан же плюет на любые условности: «Мой верный друг, мой ветреный любовник», — называет его Лаура. И даже: «Милый демон!»

Да, демоны Ренессанса — яркие, милые импровизаторы любовной песни (Донна Анна характеризует Гуана, впрочем, иначе: хитрый искуситель... безбожный развратитель, Вы суший демон...).

Но сам Гуан, в отличие от Скупого Рыцаря («Как некий демон / Отсе- ле править миром я могу»), едва ли назовет себя демоном. Страсть Скупого (править миром!) для Гуана слишком хлопотна. Его влечет власть над самой человеческой природой. Он торжествует над женщинами и мужчинами, никак не сознавая своего демонизма.

Да он и не демон, скорее легкокрылый дух. Дух далеко не Святой, однако явно стремящийся его подменить. Дух в разлитой повсюду легкости, прелести Ренессанса везде находящий себя и победно торжествующий над себе подобным — дух эпохи.

Однако основания этого мира, как оказывается, еще вполне костны и не лишены былой тяжести и серьезности.

Сколько бедных женщин Вы погубили? — этот вопрос Донны Анны Гуану конечно смешон; как мало волнуют его и мужчины, без счета пронзенные его легкокрылой «ангельской» шпагой. Однако пролитая кровь вопиет от земли, оставаясь без последствий, лишь пока, совершая свой бесконечный рейд от победы к победе, Гуан не совершит нечто выходящее за все пределы: сперва совращение вдовы у самого алтаря ее святыни; затем насмешка над самой святыней (отчасти, это интрига «Онегина»: страсть как-то слишком уж нагло покушается на любовь). Наконец, вызов, который бросает Гуан уже поверх жизни и смерти, глаза в глаза своей жертве, такому же как он рыцарю, самой рыцарской чести и священным узам.

Командор — представитель старого рыцарства, в котором еще не умерло чувство священного, и в пушкинской парадигме рода, несомненно, играет роль отца (в классическом сюжете о Дон Жуане Командор — отец Донны Анны). Посягнув на честь другого рыцаря — может быть последнее, что в этом мире осталось святого, — Гуан тем самым вызывает возмездие...

Замечательно, что имя Командора впервые всплывает у Лепорелло. В отличие от Гуана, его слуга еще не лишен того, что называется чувством священного, и именно из сердца Лепорелло, хотя и давно привычного ко всему, произвольно вырывается ужас от творимого Гуаном: *А командор? что скажет он об этом?*

Гуан же в своем презрении законов земли и неба идет до конца:

*Проси статую завтра к Доне Анне
Прійти попозже вечером и стать
У двери на часах.*

На что Лепорелло снова отвечает с нескрываемым ужасом: *Охота вам / Шутить, и с кем!* — понятно, что здесь слуга имеет в виду: Гуану охота шутить уже с самим небом, самой божественной правдой.

Но, если не на земле, то, во всяком случае, выше, правда в мире еще жива, и она сильнее законов материи (Ср. «если будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20)).

«Я, командор, прошу тебя прийти к твоей вдове, где завтра буду я...» Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость». Художник И.В. Симаков, 1907 г.

Правда, в нашем случае «гора», движется, не повинаясь слову веры Гуана, а «потрясенная» его сверхчеловеческим безверием: в апокалипсическом мире божественные законы предстают в чудовищном виде, но сущность их от этого не меняется. А вот рискованное легкомыслие, как это бывает, приводит к последствиям столь тяжким, которых вынести человеческому духу уже невмочь: *о, тяжело / Пожатье каменной его доски!*...

И еще одно: пушкинский Дон Гуан весьма похож на «Дон Жуана» Гофмана (1813). Дон Жуан Гофмана — настоящий сверхчеловек, избранник небес, «любимейшее дитяще природы», наделенный всем, что «роднит человека с божественным началом, что возвышает

его над посредственностью, над фабричными изделиями, которые пачками выпускаются из мастерской и перестают быть нулями, только когда перед ними ставят цифру» (ср. у Пушкина: «мы почитаем всех нолями, а единицами себя»).

Рожденный «победителем и властелином», гофмановский Дон Жуан, однако, «повинуясь своей божественной природе» и стремясь к совершенному, попадает в лапы дьявола: «Дон Жуан в любви искал утolenия той страстной тоски, которая теснила ему грудь, а дьявол именно тут и накинул ему петлю на шею», внушив мысль, что «уже здесь, на земле, может сбыться то, что живет в нашей душе как предвкушение неземного блаженства и порождает неизбывную страстную тоску, связующую нас с небесами».

Презирая человека и надеясь на земле обрести воплощение своего идеала, наш сверхчеловек дошел, наконец, до того, что «вся земная жизнь стала ему казаться тусклой и мелкой», так что, наконец, восстал он и на разочаровавшую его любовь. Теперь он «не только удовлетворял свою похоть, но и нечестиво глумился над природой и Творцом». А в конце стал видеть свое «торжество над природой, над Творцом» в разрушении чужого счастья. За что в конце концов и поплатился.

Как видим, Пушкин берет трактовку Гофмана, по своему обыкновению лишь очищая ее от всего второстепенного и доводя до кристального совер-

шенства. Пушкинский Дон Гуан — сверхчеловек, исполненный сознанием своей власти над природой, в своем попрании земного и небесного, переступающий последнюю черту.

Пушкинисты, правда, не уверены в том, что Пушкин знал гофмановского «Дон Жуана». Пушкин вообще нигде и никак не упоминает Гофмана. Однако же французское собрание сочинений, как и биография Гофмана, в пушкинской библиотеке имеются. Влияние Гофмана обнаруживается в «Пиковой даме», «Гробовщике», черновых попытках переложения новеллы из «Серрапионовых братьев». Вообще же влияние Гофмана на русскую литературу, начиная с Пушкина, Гоголя, Достоевского, кончая Булгаковым и сегодняшним нашим «магическим реализмом», колоссально. Говорить об этом можно долго. Но не будем уходить так далеко от нашей темы. Укажем лишь еще на один глубинный европейский сюжет.

Сила судьбы, убийство в неведении отца и совращение матери — это сюжет Эдипа. В пушкинской духовной парадигме, пушкинском мире как истории, а истории как *непрерывности рода, мире всечеловеческом*, этот сюжет, конечно, незримо присутствует. И оживает вновь — в глубокой неосознанности и слепоте Гуана. В последних же строках драмы перед нами и правда является Эдип, вдруг, во мгновение ока, сознающий весь ужас и глубину своих преступлений.

12.

Мир Моцарта и Сальери — это мир Пушкину почти современный: мир французской революции и демократии. Рыцарства здесь уже нет. Как нет, кажется, и чести. Начинается же трагедия с прямой констатации: правды больше нет. Ни здесь, ни выше. Что же есть? Искусство, музыка (*Одной*

Сальери сыплет яд в стакан Моцарта. Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Художник М.А. Врубель, 1884 г.

любви музыка уступает, — говорил приятель Лауры в «Каменном госте»). И это, кажется, — единственная сохранившаяся еще иерархия: «единого прекрасного жрецы», служители чистого искусства, возвышающиеся над сынами праха и «презренной пользы».

Мирового пространства, каковое мы застали еще в мире Гуана, тоже больше нет. В «Скупом рыцаре» ушла вертикаль; в «Каменном госте» свернулась горизонталь. Места действия «Моцарта и Сальери» обозначены предельно условно: «комната», «особая комната в трактире». Где-то за ними улица (пространство демократии — это ничем более не освященное *ничто*, пыль).

Зато *личное* предельно приближено. В центре драмы две личности: одна — будто отражение другой. А также их диалог (отчасти это напоминает сюжет «Сцены из Фауста»).

Сальери — человек Закона, человек Просвещения (...*Ремесло / Поставил я подножием искусству... / Звуки умертвив, / Музыку я разъял, как труп. Поверил / Я алгеброй гармонию*).

Моцарт — гений, который сам себе закон, в котором живет дух небесный (и то самое небо, где «правды нет»), что признает и сам Сальери: *как некий херувим / Он несколько занес нам песен райских... / Ты, Моцарт, бог...* Убить бога, изгнать херувима, последнее живое, что здесь, на земле, еще осталось — такова миссия Сальери, как сам он ее понимает. Точнее, как шепчет ему его снедаемый завистью и ревностью дух:

*...я избран, чтоб его
Остановить — не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки...
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем?*

Итак, наследника у этого мира уже не будет.

Силой и демонизмом своей страсти Сальери напоминает Барона. Даже удовлетворение страсти Сальери сопровождает почти теми же словами, что и Барон: *Эти слезы / Впервые лью: и больно и приятно* (ср.: *Когда я ключ в замок влагаю, то же / Я чувствую, что чувствовать должны / Они, вонзая в жертву нож: приятно / И страшно вместе*).

Так же в словах «Он расточит... А по какому праву? / Мне разве даром это все досталось, / Или шутя...?» — слышится невыносимая «неправда» Сальери. А в «ужель он прав, / И я не гений?» — усомнившийся дух Барона (*Я царствую... но кто вослед за мной / Примет власть...?*).

Оба они, и Барон, и Сальери — великие труженики. Оба не способны пережить мысль, что их труды, их гений, их плоды воспримет кто-то другой — величайшая несправедливость! В обоих случаях священный свет рода (свет, который во тьме светит) трагически прерывается.

В свою очередь Моцарт, наивностью своего гения схожий с Альбером, даже не подозревает о той низости, которая для Соломона и Сальери — норма.

Моцарт — последний след Божества в этом мире, последний взгляд оставляющего мир Духа: беззаконная комета, херувим, занесший в обезбоженный мир звуки мира иного, но этому миру уже совершенно чуждые.

Первая и третья драмы цикла связаны будто единой рифмой. Первая — начало конца; третья — его торжественная кода. В пушкинской духовной

«драме рода» Барон и Сальери — сыноубийцы, отцы, истребляющие своего наследника и пресекающие свой род. В пушкинской духовной парадигме «драмы рода» Сальери-труженик, очевидно, играет роль отца, который тяжким трудом и волей заслужил право родить *херувима*. Но вместо того, чтобы благословить небесный дар, истребляет его, тем самым уничтожая последнее будущее этого мира.

13.

Итак, память о прошлом мертва, свет рода погас, будущего больше не будет. Настоящее погружено в смерть.

Последняя драма цикла вводит нас в актуальный мир Апокалипсиса: история выходит на финишную прямую — в настоящее, а все прошедшие перед нами герои трагедий являются, обернувшись самим поэтом, скованным холерным карантинном, — здесь, в Болдино осени 1830-го.

Поток истории обретает выход в *здесь и сейчас*.

Апокалиптическое пространство «Пира во время чумы» — физическая реальность настоящего, но черный луч ее бьет в будущее. Можно сказать (да так и надо сказать), что и мы, читатели, находимся в «свете» этого луча. Или, точнее, так: трагедия открывает нам духовное пространство *Эсхатона*, последнего времени — нашего времени. Это мы, вместе с поэтом и его героями, сидим на улице за накрытым столом (в то время как в сакральном пространстве Дома — страны, государства, культуры, рода, народа — царствует смерть).

Надо ли говорить, что, как и в прочих «трагедиях», геометрия этого мира полностью перевернута. Пир — это праздник, свадьба, может быть, тайная вечеря, но — так или иначе, воспевание жизни: пир — это прообраз рая. Перед нами же — образы смерти, гимн смерти, и вся экспозиция являет собой прообраз ада.

К этому-то последнему пиршеству как будто сходятся герои и страсти уже

«Едет телега, наполненная мертвыми телами...»

Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина

«Пир во время чумы».

Художник Д.А. Дубинский, 1949 г.

прошедших перед нами сцен. Пир Барона у открытых сундуков с золотом (*Хочу себе сегодня пир устроить: / Зажгу свечу пред каждым сундуком*); пир бесстрашного сердца Дона Гуана, предвкушающего свидание с Донной Анной; сладостный пир Сальери в трактире с умирающим Моцартом (*Эти слезы / Впервые лью: и больно и приятно... / Друг Моцарт, эти слезы... / Не замечай их. Продолжай, спеши / Еще наполнить звуками мне душу...*).

И вот, наконец, — пир Вальсингама: мир уже вне истории, или — длящегося конца истории (не случайно из пьесы Вильсона тщательно вычищены все приметы конкретной эпохи).

Оборотная сторона всякого времени, всякой эпохи — пыльное дно посястороннего бытия. И — бездна за ним, время от времени высылающая сюда своих представителей, свои тени, своих «каменных гостей»...

Как и сам пушкинский *каменный гость* никакой конечно не гость, он — хозяин, тот, кто блюдет момент истины. Или, точнее, он и есть сама истина, являющаяся в тот момент, когда ее меньше всего ожидают. В «Пире» — два таких гостя, два «черных человека»: негр-возница, везущий груженую трупами телегу, испугавший до обморока Луизу (*Ужасный демон / Приснился мне: весь черный, белоглазый... / Он звал меня в свою тележку*); и — Священник, последний отец, возникающий в этой галерее священной драмы рода: *Отец мой, ради бога, / Оставь меня!* — таковы последние слова Вальсингама. Но самые последние слова (*Спаси тебя Господь! / Прости, мой сын*) принадлежат Священнику и ясно указывают на то, что и сама эта трагедия, обрывающаяся в бесконечное молчание, — не что иное, как мистерия, литания.

Так слова Священника и молчание Вальсингама становятся ключом ко всему циклу, вбирая в духовное пространство Эсхатона все прошедшие перед нами эпохи и их героев... И как дилеммой *сын и отец* начинается, той же дилеммой *отец и сын* завершается сей «опыт драматических исследований»: когда-то грех Барона толкал вагонетку христианской цивилизации вниз с обрыва... Опоздавшая проповедь Священника — последнее, что пыталось удержать ее над бездной...

Финал трагедии, впрочем, открыт...

И как в финале «Годунова» народ безмолвствовал в ужасе от осознания того, что ему снова предлагается кликать на царство цареубийцу, что цепь греха привела действие к началу и замкнула бытие в порочный круг, так же в финале «Пира» Председатель остается погруженным в глубокую задумчивость... Через это молчание и задумчивость вся прошедшая перед нами анфилада «Маленьких трагедий» разворачивается в молчащую вечность...

Ответа не будет. А потому не будет ни выводов, ни нравоучений. Как, впрочем, и всегда у метафизически безошибочного пушкинского гения¹.

«Принимать дьявола рядом с папой» — так называл С. Франк невероятно безмятежное приятие Пушкиным метафизических глубин зла (Пушкин, одновременно, и реалист, и идеалист). Достоевский говорил о «двух безднах рядом», называя эту мысль вообще главной своей мыслью (мыслью, несомненно, пушкинской).

¹ «Мудрость Пушкина в том, что он не берется выразить истину — он выражает ее невыразимость; он указывает на ее тайну — и тогда истина является сама: «Печаль моя светла»» (*Непомятый В.С. Пушкин «духовными глазами» (1999)*).

Так зреть inferнальные бездны, не усомнившись в высшей гармонии, дано лишь тому, кому дано эту высшую гармонию слышать. Внять «неба содроганью» и не поколебаться в основаниях — тому, кто под мрачной бездной зрит «некий свет». Так «демон мрачный и мятежный» зрит ангельский лик, познавая нечто отличное от привычных себе ненависти и презрения («В дверях Эдема ангел нежный»), так сходятся «две бездны»: та, что в глазах демона... И та, что в глазах серафима...

«Держи ум свой во аде и не отчаивайся» — такое откровение было получено одним подвижником эсхатологического XX в. Чему-то подобному учит нас и Пушкин.

В конце концов, не дело художника судить своих героев. Дело художника быть «беспристрастным как судьба», творя точные образы правды и отпуская на свободу. Как поступает и Сам Творец (Поэт неба и земли), Который так же точно творит — рискуя.

Пространство молчания, следующее за финалом пушкинских драм, само по себе — мощнейший поэтический инструмент, и само по себе предельно красноречиво: стихающее слово погружается в божественную свободу, упраздняя время и ставя читателя на ту грань, где только что был сам поэт... Так что и ты (пока молчание длится) невольно становишься участником диалога, участником этой мистерии...

Помолчим и мы. А вместо выводов напротив зеркала «Маленьких трагедий» поставим еще одно пушкинское зеркало...

14.

Есть у Пушкина еще один цикл, внутренне близкий «Трагедиям». Столкновение добра и зла в нем еще более непосредственно, герои — еще более выпуклы и красноречивы. Если герои «Трагедий» — сверхчеловеки, участники мистерии в священном пространстве мира-храма, то герои этого цикла — подобны фрескам на его стенах. Чистейшая иконография: по-детски наивная, но тем и важная: уже не сверхчеловеки, но — как будто сами персонификации пороков и добродетелей, данные в образах и символах. Конечно, мы говорим о пушкинских сказках.

Их всего пять, написанных скоро после «Маленьких трагедий» и в каком-то смысле фиксирующих «опыт драматических исследований» последних: «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о царе Салтане...» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне...» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834).

Что такое эти сказки? Скажем так: они относятся к трагедиям так, как миф относится к бытию. Миф, конечно, в лосевском смысле, миф как сверхбытие, без которого и само бытие лишается смысла.

Или в платоновской парадигме: чтобы «тип» имел место быть, должен быть «архетип», не так ли? Миф и есть икона бытия, то сакральное пространство в (обратной) перспективе которого жизнь обретает *плоть* (т.е. свою существенность, свою полноту). Пространство мифа — нечто, подобное открытию сферы неподвижных звезд, мира чистых идей.

Если творческим заданием Пушкина, как мы говорили, было написание продолжения «священной истории» обоих Заветов — осмысление истории Нового времени, или — трагедии Христианской цивилизации как таковой,

то естественным образом творческий луч поэта, высветивший «мистерию страстей», должен упасть на стену чистого символа. Создание фресок неизбежно должно увенчать мистериальное пространство. Так и случилось.

Может быть, я выражаюсь не очень понятно, но художник меня поймет: если предметом «Маленьких трагедий» были сверхчеловеческие страсти, характеризующие целые исторические эпохи, то предмет «Сказок» — те же страсти, которые обрели свои архетипы — по-пушкински легкие, чуть ироничные и, что абсолютно необходимо, — сверхъестественные¹.

Давайте взглянем. В «Сказке о попе» свет волшебного фонаря рисует на стене миниатюру о скаредности и хитрости, которые разбиваются о такую же простоватую (поэзия должна быть глуповата) удадь Балды. К тому же поп хитрит не только с Балдой. Оказывается, и черти (!) платят ему оброк: поп, похоже, глубоко погряз не только в материальном, но и отчасти инфернальном мире.

«И дивясь, перед собой видит город он большой...» Иллюстрация к «Сказке о царе Салтане» А.С. Пушкина. Художник И.Я. Билибин, 1905 г.

В «Сказке о царе Салтане...» торжественно звучит священная тема рода, преемственности бытия (икона матери и дитя), которую не способны разрушить никакие хитросплетения зависти и злобы.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» — притча о земном могуществе и власти: грех, который стремится прямо к солнцу и который ждет поэтому неминуемый крах.

В «Сказке о мертвой царевне...» звучит уже не столько священная тема рода, сколько любви, побеждающей самое изощренное, демонической природы зло...

Высшее измерение бытия мощно входит уже во второй сказке. Царевна-Лебедь — это сама София-Премудрость («месяц под косою блесит, а во лбу звезда горит»), чудеса которой открывают героям глаза на высшую реальность мира. Город, который

¹ Ср.: «Материал “Повестей Белкина” — “быт” (“естество”), “Маленьких трагедий” — “бытие” (“существо”), сказок — “сверхбытие” (“сверхъестество”)» (Непомнящий В.С. Несколько новых русских сказок (2019)).

творит Лебедь на волшебном острове, — является будто из запределья: то ли Китеж-град, то ли Новый Иерусалим, чистый дар духа, райское видение. Город встречает героя богослужением и венчает его «княжей шапкой». Вся сказка: икона семьи и Царства Божия, встречи отца и сына, Бога и человека, Парусии.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» грозно входит эсхатологический мотив. Безупречный вкус Пушкина не пустил в чистовой вариант сказки ту часть, в которой старуха требует сделать ее «римским папою» (а затем, возможно, и Богом — так в сюжете братьев Гримм):

*Воротился старик ко старухе —
Перед ним монастырь латынский,
По стенам латынские монахи
Поют латынскую обедню.
Перед ним Вавилонская башня;
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха,
На старухе сорочинская шапка,
На шапке венец латынский,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус птица.
Поклонился старик старухе,
Закричал ей голосом громким:
«Здравствуй ты, старая баба,
Я чай, твоя душенька довольна».*

Сверхчеловеческий дух старухи, оседлавший Вавилонскую башню (что логично), увенчан Строфилус-птицей — прародительницей всех птиц, которая, согласно «Голубиной книге», должна стать и предвестницей конца света:

*Страфиль птица вострепехнетца,
Все сине море восколыхнетца,
Тады будя время опоследняя...*

Перед нами законченный эсхатологический образ, взятый отчасти из библейского мифа, отчасти из славянской мифологии.

Но этот образ Пушкин, вероятно, посчитал чрезмерным и отказался от него, не желая выходить из самому себе положенных границ жанра: цикла «простонародных сказок» (как сам он его назвал). К тому же окончательный вариант с «владычицей морской» и золотой рыбкой «на посылках» — образ гораздо более уместный и не менее сильный.

Однако образ Строфилус-птицы все же воплотится отчасти в «Золотом петушке» (а план пьесы о «Папессе Иоанне» Пушкин набросает в 1835-м).

«Сказка о мертвой царевне...» — настоящий гимн русскому космизму. Образы царевича Елисея, разговаривающего с солнцем, месяцем, ветром, здесь совершенно чарующи, а иерархия мира незыблема. Человек, связанный с космосом, — центр мироздания. Мир — храм. Светила, каждое в свою очередь несущие свою службу, подобны космическому священству: *И, обычай твой любя, / Звезды смотрят на тебя.*

Конечно, в мире есть зло: сверхчеловеческая гордость царицы-мачехи, полной *черной зависти*. Однако любовь оказывается сильнее смерти. Перед нами сверхъестественный мир высшей реальности. Эта сказка — апогей всего цикла. И, казалось бы, — здесь и ставить точку. Но Пушкин пишет еще одну сказку, в которой весь этот сверкающий благоустроенный космос как будто оборачивается своей противоположностью.

15.

«Сказка о золотом петушке», вообще говоря, сплошная загадка. О чем она? На первый взгляд — о неисполненном обещании царя и расплате за нарушение клятвы. Есть здесь, очевидно, и автобиографический мотив, и сатира (так, например, интерпретирует сказку А. Ахматова): отношения Пушкина с властью в 1834 г. и правда претерпевают серьезный кризис. Но первый план у Пушкина никогда не бывает ни единственным, ни главным. (А гений его пишет порой еще более длинным стилем и проникает глубже, чем рассчитывает сам поэт.)

А еще последняя сказка цикла напоминает последнюю драму «трагедий»: выход из сказочной стихии (космизма, всечеловечности, радости сверхъестественного благоустроенного мира-храма) в голое, жутковатое и — апокалиптическое — настоящее.

Напоминает чем-то и «Годунова»: Дадон, конечно, главный здесь герой, но грозная реальность вокруг как будто ведет свою игру. Над всем пространством «Годунова» нависает тень убиенного царевича, и поток трагедии движется в незримом диалоге и отношениях всех лиц трагедии с этой тенью, так и здесь: Дадон лишь мнит себя свободным и своевольным, однако вокруг него зажжен круг и сжимается кольцо.

В «Пире во время чумы» героев предыдущих драм будто выносит в эсхатологическое пространство... В «Золотом петушке» упорядоченный идеальный сверхъестественный космос прежних сказок будто обретает инфернальное измерение...

Возможно, подсказку нам дает предыдущая сказка. И. Бродский заметил как-то, что у всякого лирика его «любимая» является по сути персонификацией собственной его души; и что так же дела обстоят и в мифе: что такое, например, путешествие Орфея в Аид за тенью Эвридики?

Если мы с этим согласимся, то можем смело интерпретировать «Сказку о мертвой царевне...» как притчу о сокровенном пути духа: в центре сказки — обретающий целостность *всечеловек* (сочетание Елисея и царевны), связанный со всем мирозданием энергиями понимания и любви. Всечеловеку внятен язык стихий, язык зверей, язык высших сфер. И не банальная человеческая любовь, но божественная любовь всего мироздания, дыхание всего пронизанного любовью космоса побеждают смерть.

«Сказка о золотом петушке» являет нам перевернутое инфернальное зеркало этого благоустроенного мира. Мир «Золотого петушка» — это мир, увиденный глазами полной черной завистью мачехи в своем волшебном зеркальце: начало, обратное *всечеловеческому*.

Дадон — идеальный эгоцентрик, и тем подобен героям «Маленьких трагедий». Разве что сверхчеловеческая страсть его никак себя не обнаруживает, кроме краткой ремарки: *Смолоду был грозен он / И соседям то*

и дело / Наносил обиды смело. Захиревший к старости «грозный царь» — архетип замкнутого на себя эгоцентрика. Сам эгоцентризм, очевидно, и исследуется здесь как целое, проявляясь в виде странной троицы, высвеченной как на рентгеновском снимке: звездочет — петушок — шамаханская царица.

Если путь открытого мирозданию *Всечеловека* — метафизическое восхождение к целостности (королевич Елисей, вопрошая божественные стихии и сферы, обретает царевну); то замкнутое само на себя неодолимое эго *Сверхчеловека* «царствует, лежа на боку», защищенное химерой магического механизма.

За все, однако, приходится платить. Всю свою жизнь Дадон прожил, полный самим собой и смело нанося обиды соседям. Но вот пришла старость, приближается вечность, и — божественный закон возмездия начинает говорить с ним. Теперь уже соседи беспокоят *«старого царя / Страшный вред ему творя»*. Дадону следовало бы смиренно принять эти удары судьбы. Тем более что у него есть и молодые сыновья, и, стало быть, будущее. Но Дадон лишь плачет *со злости*, обуянный, подобно мачехе с волшебным зеркальцем, тоской, обидой и неусыпной тревогой (*Что и жизнь в такой тревоге!*), и в конце концов призывает на помощь магию.

Но магический механизм не может изменить божественного закона возмездия, разве что на время отдалить неизбежность. И при том — немалой ценой.

В оплату магической механики с Дадона берется клятва, которой он отныне связан (*волю первую твою / Я исполню, как свою*). Иными словами, избегая искупленья, Дадон покупает время покоя, комфорта и возможность «царствовать, лежа на боку», отдавая взамен свою божественную свободу. Отныне Дадон — раб своего слова, раб Звездочета и оказывается целиком — в мире *мудреца, / Звездочета и скопца* и его магической механики.

Кто же такой Звездочет? Кто тот, кто способен прервать тяжбу Дадона с Богом и дать ему еще немного времени вожделенного покоя? Мы оказываемся в некоей фаустовской дилемме, не так ли? И, кстати, почему Звездочет — скопец? Согласно христианской традиции, и дьявол — скопец, поскольку лишен собственной креативной силы. Творить дано Богу и человеку, дьявол может лишь извращать творение Божие (потому он есть «обезьяна Бога»).

А Петушок? Дар Звездочета отправляет к апокалиптической Строфилус-птице, венчающей «вавилонскую» корону старухи-папессы («Сказка о рыбаке и рыбке»). Петушок — вестник Апокалипсиса. И именно он точнее всего указывает на природу Звездочета.

Нет, не то чтобы Звездочет — Мефистофель. *Весь как лебедь поседельный*, он — символ времени. И скопец он потому, что время это — последнее. Наследника у него уже не будет. И Петушок в его руке — вестник конца.

Кто же в таком случае Дадон? Ницшеанский «последний человек», для которого «Бог умер», а он даже не заметил утраты? Похоже на то. Дадон — первый из последних людей, торжество, так сказать, демократии в полном смысле.

А Шамаханская царица? Она не столько, конечно, душа Дадона (да и есть ли у Последнего человека душа?), сколько его вожделение. (Один из

Иллюстрация к «Сказке о Золотом петушке» А.С. Пушкина.
Художник И.Я. Билибин, 1907 г.

вожделениях и жезлом своей призрачной (исчезающей на глазах власти) надеется устранить преграду с пути. Но — тем самым лишь устраняет свою последнюю надежду на искупление (смирись он, отдай свою добычу — и был бы спасен). И Петушок, сорвавшись со спицы, ставит последнюю точку этой бесславной судьбе. Все герои сказки гибнут, после чего марево призрачного фаустовского мира исчезает без следа...

Итак, мы вернулись к Фаусту. «Сцену из Фауста» (написанную в 1825-м и опубликованную в 1828-м) часто сводят с «Маленькими трагедиями». И действительно, связь их кажется очевидной (еще более любопытно мнение, что «Сцена» Пушкина могла быть прочитана Гете и повлиять на вторую часть «Фауста»). Но сейчас не об этом. А о том, что *Маленькие трагедии Европы* действительно идеально заключены в «скорлупу ореха» пушкинской «Сцены из Фауста».

Начало пушкинского «Фауста» — настоящая (и по-своему гениальная, если слово здесь уместно) анти-молитва, обращенная к инферно: «Мне скучно, бес». Как бы еще мог человек обратиться за помощью к темной силе, выразив в двух словах всю свою немощь и безысходность? «Мне скучно, бес» — это одновременно и констатация бессилия, и стон или даже вопль отчаяния, обращенный к Ничто...

Для человека обычного скука — норма. Дитя праха, раб «презренной пользы», человек всю мировую историю спит, прозябая в полусонной скуке, и не видит в том особой печали. Для того ему и даны его страсти (замещающие чувство полноты бытия), а чаще — страстишки, дабы, прозябая от скуки к скуке, время от времени подпитывать их и удовлетворять, не впадая в отчаяние чрезмерное (которое может быть опасно для ада — из такого отчаяния человек может докричаться до Бога).

Но Пушкин знает, что такое полнота бытия. Ему знакомы мощные приливы вдохновенья (*признак Бога, вдохновенья*), как и состояние оставлен-

даров Мефистофеля Фаусту — Елена Прекрасная.)

Шамаханская царица — это то, чем и жил Дадон всю свою жизнь, чему служил, и чем намерен продолжать насыщать свое старческое полубытие, перешагнув и тут же забыв убитых сыновей (прервана священная цепь рода, будущее не наступит). Но это, конечно, иллюзия («душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12:18)), ибо пробил час, приходит последнее время и — требует свое.

Увы, даже сейчас глупец Дадон не понимает, что перед ним — итог его жизни. Он и дальше намерен утопать в своих

ности, которое может свети с ума. Отсюда — «Дар случайный, дар напрасный» (1828), «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» (1830), «Не дай мне, Бог, сойти с ума» (1833).

Не то, чтоб разумом моим / Я дорожил... — действительно отчаянно экзистенциальные строки, заставляющие вспомнить и «Бог умер» Ницше, и философию Хайдеггера...

И мы сейчас плавно движемся именно в эту сторону: когда из сердца уходит Бог, является скука, пустота. Никакие сокровища мира, никакое ощущение власти над миром (Скупой рыцарь) или высшее вождение (Дон Гуан), ни даже упоение «бездны мрачной на краю» не способны закрыть эту недостачу, покрыть долг и заполнить пустоту...

Итак, *уходит Бог* — является скука и всё, что за ней: целая галерея маленьких трагедий Европы. Все колоссальное предприятие человеческой цивилизации с ее единственной (но не выговариваемой) целью — *возместить утрату*. Конечно же — вполне безнадежное. Так что естественным и единственным итогом «смерти Бога» оказывается *последний человек* — земляная вошь, что живет дольше всех. Иллюзия же Сверхчеловека оборачивается химерой и безумием (что и доказывает великий Ницше всей сверхчеловеческой святостью своей жизни).

Пушкин же своей жизнью и творчеством доказывает нечто иное: единственно возможный, единственно подлинный способ человеческого бытия есть Всецеловек — человек, открытый всему мирозданию, ведущий нескончаемый диалог с космосом и его Создателем.

16.

Подведем итоги.

Каковы же историософские воззрения Пушкина? Каков взгляд Пушкина на мировую историю, ее смысл и ее финал?

На общественно-политическом плане мировая история есть история древних цивилизаций до явления Христа и история Христианской цивилизации после явления Богочеловека, считает Пушкин. Цивилизации и народы, оставшиеся вне христианского откровения, остались и вне истории, а значит, и вне ее смысла, вне Богочеловеческого синергического творчества. Единственный пусть спасения для этих периферийных народов — приобщение Логосу (*И назовет меня всяк сущий в ней язык...* — как скажет Пушкин в «Памятнике»).

О России. Россия — безусловно, европейская христианская страна, находящаяся на магистрали исторического процесса. Однако ввиду того, что начала Россия поздно, ввиду особенностей ее менталитета, истории и развития, она сохранила не только громадный потенциал развития («начать историю» — Чаадаев), но и ясный, чистый, непосредственный взгляд на мир, утерянный остальной Европой. Все это одновременно есть и колоссальное преимущество России, и колоссальная ответственность, и колоссальная опасность (русский бунт).

Россия видит полнее и глубже (*мы — судебный приказ Европы*) и осознает наличие у себя этого пророческого зренья (Чаадаев, Гоголь, Достоевский, Леонтьев). Что, впрочем, не означает какой-то ее особой святости и избранности. Мир «Бориса Годунова» и мир «Маленьких трагедий»

существуют параллельно и погружены в одни и те же инфернальные глубины греха. Уникальность России в том, что ее юный природный организм все еще сохраняет то единство и связь с небом (кровь царевича Дмитрия тяготеет над всем царством), которые разорванной на локуты Европой давно утрачены.

На самом же высоком — духовном и священном — плане история, согласно Пушкину, есть единый поток бытия «от Адама» и по сути своей является историей Всечеловека, то есть человечества в целом, взятого в его отношениях с Богом.

Не углубляясь сейчас в существо природы этого Всечеловека, заметим лишь, что, согласно христианской догматике, Христос есть Второй Адам и дело, которое совершает Он на земле, — восстановление достоинства Адама Первого, т.е. падшего человечества. Согласно христианской сотериологии (учению о спасении), смертью и воскресением Христа человек (все человечество) восстанавливается в своем царском достоинстве и возвращается на путь восхождения и синергии (совместного Богочеловеческого творчества). Путь этот лежит (или, точнее, все же восходит) к точке последнего единения Бога и человека в «небесном Иерусалиме».

Такова духовная ось священной истории: из начала начал, через грехопадение, через пришествие Христа — к финальной точке единения и спасения. Эта духовная ось, пронзая все уровни мироздания, проходя сквозь пространства мировой трагедии, является в своем эмпирее как ослепительная победа над временем и смертью («Памятник»). Однако свобода, данная человеку, и открытость инфернальных пространств приводят к тому, что и до, и после Христа мир в целом остается погруженным в трагедию. Так это и будет до самого конца, до самого последнего времени (*эсхатона*). Таково трагическое мировидение Пушкина, совпадающее с христианским мировидением в целом (см. Каменноостровский «евангельский» цикл).

Для Пушкина особенно важно и то, что в трагедию погружена не только большая история в целом, но и каждый маленький человек в частности. Человек не отделен от большой истории, ось которой проходит через его сердце (сюжет «Медного всадника»).

Однако выдержать историю, не сойдя с ума и не превратившись в «земляную вошь» (последнего человека Ницше), дано лишь тому, кто хранит в себе священный свет, переходящий от отца к сыну от самого Адама, от Слова-Логоса.

Человек, согласно Пушкину, не есть замкнутый сам на себя эгоцентричный индивид, монада, но — некая открытая в прошлое и будущее бесконечно раскрывающая себя потенция. Человек есть то, что исходит из самых глубин («пресветлого мрака», говоря словами христианских мистиков) бытия и что движется к историческому финалу. В этом непрерывном движении каждый отдельный человек есть некое актуализированное в настоящем продолжение поколений, бывших до и, вероятно, имеющих быть после него. В нем (каждом отдельном человеке) являет себя тот световой луч, который «тьма не объяла», который сохранили его отцы, деды и прадеды и передали ему, чтобы он нес его дальше — в новые пространства *ежемоментально продолжающегося творения*. И лишь в этой сплошной анфиладе рода, где каждое новое поколение распаивает двери в мир, наследующий прошлому, в каждое новое время, обретает человек смысл своего собственного бытия.

И лишь на этой священной памяти («в род и род» (Пс. 118), «во все роды, от века и до века» (Еф. 3:21))¹ основано... самостоянье человека, и лишь в ней обретает человек залог своего величия... Таково в самом кратком виде послание Пушкина.

17.

Наконец, в заключение зададим и такой вопрос: а какое же место в едином потоке большой истории занимает сам Пушкин?

Т.С. Элиот заметил как-то, что великие поэты стоят как бы на плечах друг у друга, так что следующий начинает там, где закончил предыдущий. Для самого Элиота существуют, кажется, лишь три таких безусловных классика: Гомер, Вергилий и Данте. Позволим себе добавить в этот ряд (по критерию всеохватности дара и оказанному ими влиянию) Шекспира, Гете и, наконец, самого Пушкина, которым его и завершим. Как завершитель классической эпохи, Пушкин — последний в ряду гениев, писания которых составляют единый великий классический гипертекст Европы, начатый Гомером².

Гомеровские «Иллиада» и «Одиссея» являют поэтический Первомиф Европы, и Пушкин несомненно ощущает свое с ним родство. Ощущает так, как конец ощущает свое сродство с началом. И как не случайны пушкинские обращения к Гомеру в «Онегине» («Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир!», «О ты, эпическая муза!»), так и сам «Онегин» есть эпос последнего времени в такой же мере, в какой гомеровский «Одиссей» — есть эпос первоначальный.

Гомер — это начало начал, утренний сон пробуждающейся Европы, классической арийской цивилизации. Что такое есть «Одиссея» — как не история человеческого духа, проходящего сквозь все обманчивые образы мира на путях своего возвращения домой?

И не то же ли самое пушкинский «Онегин»? Не тот же ли это Улисс, только порядком уже одряхлевший, познавший все соблазны мира, уставший от своего знания и так и не нашедший своего дома?

Если Улисс Гомера открывал мировую сцену, то пушкинский Онегин закрывает ее: он — дух конца мировой истории, пристально всматривающийся в свое начало. Туда, где, выходя из пожара гибнущей Трои, «дух Европы» сквозь океаны времени и истории плывет к воплощению своей судьбы...

¹ Ср. раздумья Басманова в «Борисе Годунове» о том, не предать ли ему наследника Годунова и не присоединиться ли к Самозванцу:

*...Не лучше ль
Предупредить разрыв потока бурный
И самому... Но изменить присяге!
Но заслужить бесчестье в род и род!...
Но смерть... но власть... но бедствия народны...*

² В этот ряд мы могли бы включить и гениев XX в., того же Т.С. Элиота и его друга, явно недооцененного Эзру Паунда. Но как великий поэт отличается от большого поэта (великому поэту мир открыт целиком, во всей целокупности космоса-истории: от «неба содроганья» до «гад морских подводный ход»), так и поэт-классик отличается от поэтов постклассической эры. Последние описывают мир в состоянии его гибели и распада, пользуясь соответствующим языком. Таковы «Бесплодная земля» и «Полые люди» самого Элиота.

Отец Запада, Вергилий, направляет своего героя из той же самой точки (пожара гибнущей Трои), откуда отчалил Улисс — к основанию Рима, началу европейской (христианской) истории, как мы ее знаем. Тем самым являя судьбу Европы...

Через тысячу лет Данте берет в поводыри Вергилия, чтобы явить духовный космос центральных веков, совершенную хрустальную сферу иерархически гармоничного мира, сияющая ось которой — человеческий дух, возносящийся к Абсолюту... Но уже ясно, что кинетическую энергию этого неукротимого духа не смирит даже «любовь, что движет солнца и светила», не удержат границы герметичного средневекового космоса...

И вот, хрустальная сфера разбита. Переступив сакральную грань, всечеловеческий дух обнаруживает себя в странном месте: осколки хрустальной сферы, сокрушенной взрывами *Возрождения* и *Реформации*, еще отражают его смятение, но уже складываются в какую-то совершенно иную «географию» совершенно иного (после-сакрального, рационального) мира.

Гений Шекспира опишет эту новую географию как сумму человеческих страстей (отныне мир — не духовная сфера, а физический глобус) мирового театра...

А еще через пару веков «сумрачный гений» Иоганна фон Гете положит предел стремлений фаустовского человека в его сделке с Мефистофелем...

Пушкин кажется последним в этом ряду. Он встает на закате классической Европы, как вечерняя заря против утренней, в духе и силе Гомера... Явившись, кажется, лишь для того, чтобы, потрянув эмпирическую пыль, «краски чуждые», «ветхую чешую», обновить на миг зраки образа священной истории мира и вывести «созданье гения... с прежней красотой». Увидеть мир как в первый день творения, чтобы в последний раз указать на «сердце его сердца» (как сказал бы Шекспир), на его сущностную суть.

Прощальным осенним взглядом окидывает Пушкин историю мира, описывая гибель души Европы в «Маленьких трагедиях», описывая архетип русской истории в «Годунове», описывая столкновение маленького человека с большой историей в «Медном всаднике»... Открывая грань чуда и небесного присутствия в самой обыденной прозе жизни («Повести Белкина») и символическую глубину бытия в цикле «простонародных русских сказок»... Чтобы, наконец, в последнем восхождении «Каменноостровского цикла» явить величие человеческого духа в завершающем «Памятнике».

Таким образом, духовный остов всей европейской цивилизации двух с половиной тысяч лет оказывается запечатлен Пушкиным. Запечатлен накануне ее истребления...

Пушкиным кончается классическая эпоха и начинается эпоха разрушения и гибели традиционного мира. Вся великая русская литература после Пушкина — это литература, смотрящая в бездну, летопись эсхатологического крушения.

Уже Гоголь — не классик. Его оптика — сложная система телескопических линз, его зрение — циклопично, психоделично, причудливо. Через свои микро- и макроскопы он смотрит в адские разломы земной коры, в которых отражаются райские бездны, как в глазах панночки-ведьмы («Вий») отражались луковки киевских церквей.

Достоевский и Толстой будто делят душу русского Всечеловека: одному досталась ее вертикаль — бездонные, призывающие друг друга бездны,

другому — горизонталь: вся ее космическая широта и безбрежность. Но сам этот разрыв уже безнадежен, неустрашим и смертелен.

А дальше — лишь констатация *смерти человека* доктором Чеховым (естественный исход, следующий за «смертью Бога»), и — ряд загробных путешествий души в духе шумерских сказаний о Гильгамеше (Платонов и его наследники)...

Должны ли мы дойти еще до наскальных росписей (Европа сегодня уже вся почти там, в пещерах), или нам все-таки удастся найти выход из Лазаревого гроба? Посмотрим. Но то, что наша эпоха глубоко эсхатологична по своей сути, а мир, как мы его знали, стремительно движется к финалу, кажется очевидным. Возможно, Пушкин и дан нам как последний маяк в исчезающем на глазах пространстве цивилизации, как наш последний спасительный ориентир в надвигающейся ночи духа.

ВЫШЛА КНИГА

Бобров Г.Л.

Тень цикады. М.: Яуза-каталог, 2025.
512 с. (Военная проза XXI века).

Глеб Леонидович Бобров — воин-афганец, современный российский писатель. В 2008 г. им был опубликован пророческий роман «Эпоха мертворожденных», в котором была предсказана война на Украине. В новую книгу Глеба Боброва вошли пьеса «Тень цикады», а также повести «Ржавый тромбон», «Запрети ему», «Группа Векслера», «Миронова проба», «Поцелуй рыси», «Исход Гарегина», «Крамово причастие».

Дмитрий ВОЛОДИХИН

БЕЛИНСКИЙ ПРОТИВ ПУШКИНА: КТО КОГО?

Дмитрий Михайлович Володихин — историк, писатель, критик, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, проректор по научной работе МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Член СП России, автор 14 книг романов и 32 монографий. Лауреат Президентской премии в сфере образования, Патриаршей литературной премии, Макариевской премии, кавалер Карамзинского креста. **Живет в Москве.**

Драма в истории и в критике

Здесь противопоставляются две правды: правда родовитого дворянина и, при всех его озорствах, истинно верующего христианина — против правды дерзкого разночинца с бурлящим свободомыслием в голове.

Виссарион Григорьевич Белинский «обругал» пушкинского «Бориса Годунова». Но брань его чудесным образом составила плодородную почву, на которой выросло древо поклонения пушкинскому величию.

Виссарион Григорьевич напал на Пушкина по двум основным позициям. Вот обширный отрывок из его критики, являющий первую претензию Белинского: «Прежде всего, скажем, что “Борис Годунов” Пушкина — совсем не драма, а разве что эпическая поэма в разговорной форме. Действующие лица, вообще слабо очерченные, только говорят и местами говорят превосходно; но они не живут, не действуют. Слышишь слова, часто исполненные высокой поэзии, но не видишь ни страстей, ни борьбы, ни действий. Это один из первых и главных недостатков драмы Пушкина; но этот недостаток — не вина поэта: его причина — в русской истории, из которой поэт заимствовал содержание своей драмы. Русская история до Петра Великого тем и отличается от истории западноевропейских государств, что в ней преобладает чисто эпический, или, скорее, квинтический характер, тогда как в тех преобладает характер чисто драматический. До Петра Великого в России развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаков развития личного: а может ли существовать драма без сильного развития индивидуальностей и личностей? Что составляет содержание шекспировских драматических хроник? Борьба личностей, которые

стремятся к власти и оспаривают ее друг у друга. Это бывало и у нас: весь удельный период есть не что иное, как ожесточенная борьба за великокняжеский и за удельные престолы; в период Московского царства мы видим сряду трех претендентов такого рода, но все-таки не видим никакого драматического движения. В период уделов один князь свергал другого и овладевал его уделом, потом, побежденный им, снова уступал ему его владение, потом опять захватывал его; но в уделе от этого ровно ничего не изменялось: переменялись лица, а ход и сущность дел оставались те же, потому что ни одно новое лицо не приносило с собою никакой новой идеи, никакого нового принципа». И, далее: «Иоанн III обнаружил в этом деле гениальную односторонность, переходившую почти в ограниченность, твердую волю, силу характера. Он постоянно стремился к одной цели, действовал неослабно, но не боролся, потому что не встретил никакого действительного и энергического сопротивления. Дело обошлось без борьбы, и, таким образом, одно из самых драматических событий древней русской истории совершилось без всякого драматизма. Драматизм, как поэтический элемент жизни, заключается в столкновении и сшибке (коллизии) противоположно и враждебно направленных друг против друга идей, которые проявляются как страсть, как пафос. Идея самодержавного единства Московского царства, в лице Иоанна III торжествующая над умирающей удельной системой, встретила в своем безусловно победоносном шествии не противников сильных и ожесточенных, на все готовых, а разве что нескольких бессильных и жалких жертв. Роды удельных князей, потомков Рюрика, скоро выродились в простую боярщину, которая перед престолом была покорна наравне с народом, но которая стала между престолом и народом не как посредник, а как непроницаемая ограда, разделившая царя с народом. Разрядные книги служат неоспоримым доказательством, что в древней России личность никогда и ничего не значила, но все значил род, и торжество боярина было торжеством целого рода боярского. Таким образом, удельная борьба княжеских родов переродилась в дворскую борьбу боярских родов. Но эта борьба не представляет никакого содержания для драматического поэта, потому что при дворе московском один род торжествовал над другим в милости царской, но ни один из торжествующих родов не вносил ни в думу, ни в администрацию никакой новой идеи, никакого нового принципа, никакого нового элемента».

Плоха Белинскому русская история! Вот беда...

Кабы Виссарион Григорьевич действительно знал ее так, как пытается показать, кабы он говорил добросовестно, а не все подчиняя своей идее, сминая и корежа факты, руша истину ради концепции, честь бы ему и слава. Но он всего лишь публицист-полузнайка с блистательным чувством литературного языка и ничтожным чувством исторического процесса.

Проблема далеко не только в том, что Белинский, западник из западников, хулит русскую историю, априорно ставя ее ниже западноевропейской. Если б только это, говорить было бы не о чем. Хуже другое: он с наслаждением выкручивает русской истории руки, ломает ей ребра и «отсекает лишнее», если это «лишнее» не укладывается в его личную прокрустову постель.

Что ж, сыграем по правилам самого Виссариона Григорьевича. Поработаем на его поле.

Главная ошибка, а вернее, подтасовка Белинского состоит в том, что до Петра I в России якобы не развивается индивидуальное начало, совершенно задавленное родовым. Виссарион Григорьевич не видит (не хочет видеть) никаких «признаков личного», ибо, по его собственным словам, даже ожесточенная борьба за власть не ознаменована внесением участников ее «новой идеи... нового принципа... нового элемента». Конечно же, родовое начало получило в России мощное развитие: до Петра I оно не господствовало, поскольку основу его, местничество, отменил еще царь Федор Алексеевич, но вообще отрицать его силу невозможно. Однако... сказать, что оно вчистую задушило начало личное, уничтожало всякую возможность персоне, даже и представляющей какой-либо могущественный род, высказать собственную программу, собственную идею относительно устройства русского социума, — это даже не преувеличение, это слепота. Притом слепота, думается, намеренная.

Надо очень постараться, чтобы не заметить князя Андрея Курбского, просвещенного аристократа, сделавшегося перебежчиком. Его предательство подчинено идее особых прав и привилегий родовой знати, нарушенных царем, что дало изменнику почву для самооправдания и даже прокламирования особой правды «великих людей во Израиле».

Памятник Великому князю Иоанну III в селе Дворцы Калужской области, на месте знаменитого Стояния на Угре, где в 1480 г. хан Большой Орды Ахмат не решился вступить в битву с войском Иоанна III. Скульптор Н.Н. Анциферов, 2017 г.

Трудно пройти мимо Заруцкого с его маниакальной идеей казачьей вольницы, разбившейся о державное чувство русского народа на финальном этапе Смуты.

Фантастически тяжело пройти мимо князя Мстиславского, который сформировал в 1610 г. семибоярщину и стал во главе ее, желая для русской знати положения магнатории в Речи Посполитой. Сильная была идея! Ради нее князь пошел на то, чтобы впустить в Кремль польско-литовский гарнизон.

Ясно, что Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо, принесшие на Русь идею византийского единодержавия и строго проводившие ее в хаосе междоусобных войн, — не герои для Белинского.

А Дмитрий Донской, вынесший идею сопротив-

ления Орде из опыта предыдущих поколений, — опять не тот человек. Не той, разумеется, системы его идея.

Наконец, князь Василий Васильевич Голицын, фаворит царевны Софьи, вроде бы, явный носитель идеи великого союза с католическими державами и уступок папскому престолу в России. Зря старался, и его «прошли», не увидев.

Но уж Ивана-то Грозного Виссарион Григорьевич мог бы заметить — с его весьма нетривиальной по тем временам идеей опричнины как инструмента для замены родового начала на государственное. Что ж, и тут «ничего нового», если судить по грозному пафосу Белинского.

Всех этих личностей, с их идеями, как и многих других, не менее своеобразных, Виссарион Григорьевич умудрился не заметить. Надо было очень постараться, но у него все получилось.

Даже в том случае, когда новая идея очевидна — а именно создание из разрозненных русских земель единого Московского государства при Иване III — Белинский, не умея обойти препятствие тонко, простовато лукавит, словно продавец тухлого товара на рынке. Белинскому приходится отрицать очевидное, и он готов отрицать очевидное. Иван III, видите ли, «не встретил никакого действительного и энергического сопротивления». Дело создания России, по Белинскому, «обошлось без борьбы». То-то удивился бы государь Иван, давший четыре больших сражения Новгородской республике, осаждавший Тверь, дравшийся с Литвой за русские города и рисковавший всей державой своей, а заодно и родным сыном-воеводой, когда выставлял полки на Угру против хана Ахмата, что всю его титаническую борьбу критик XIX в. поставил ни во что.

То-то удивилась бы «боярщина», виднейшие представители которой то бегали за литовский рубеж, то составляли «Избранную раду», желая потеснить власть самодержца, что ей инкриминировали покорность...

Не стоит даже упоминать о таких мелочах, как «разрядные книги», по которым якобы видно, что «в древней России личность никогда и ничего не значила». Разрядные книги вообще ничего не говорят на сей счет, это просто списки назначений на высокие должности, делопроизводство XVI—XVII веков. Этак можно и на основе современных зарплатных ведомостей рассуждать о наличии или отсутствии в России Третьего Рима. Или по билету в кино выводить теорию о наступлении новой цивилизационной стадии в России.

Впрочем, Белинский — образованный человек, все-таки учился в Московском императорском университете. Так что нет оснований говорить о его безграмотности в вопросах истории. Нет, Виссарион Григорьевич осознанно искажает историю своей страны, он намеренно энергичен в роли Прокруста.

Историческая правда состоит в том, что при сильнейшем развитии родового начала на Руси, а позднее — в России, индивидуальное начало также получило глубокое, сильное выражение.

Средневековая Россия была богата социальными идеями и яркими личностями. Так что мнение Белинского, утверждавшего прямо противоположное, мягко говоря, плод его личной фантазии.

А вот вторая претензия Белинского к «Борису Годунову» имеет составной характер и отчасти относится к Пушкину, отчасти же — к материалу, на основе которого Александр Сергеевич творил пьесу, а именно «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина.

Послушаем же критика: «Поэту необходимо было самостоятельно проникнуть в тайну личности Годунова и поэтическим инстинктом разгадать тайну его исторического значения, не увлекаясь никаким авторитетом, никаким влиянием. Но Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, — и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов у него вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя из нее сделать!..».

У Карамзина Борис Годунов — злодей, который, без сомнений, сгубил отрока Дмитрия — брата царя Федора Ивановича — в Угличе, в 1591 г., руками подсланных мерзавцев. И тот же Годунов, позднее, во всем сиянии своей власти и своего таланта к державным делам «...должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда небесного». По Карамзину, своего рода предзнаменованиями грядущих бедствий стали «внутреннее беспокойство Борисова сердца и разные бедственные случаи, коим он еще усиленно противоборствовал твердостью духа, чтобы вдруг оказать себя слабым и как бы беспомощным в последнем явлении своей судьбы...». А под этим самым «последним явлением судьбы» надо понимать вторжение самозванца и тяжелую войну с ним. В то же время Борис Федорович у Карамзина вовсе не раскаивается в содеянном злодеянии. Но в молчании источников историк милосердно допускает возможность покаяния — стоя одной ногой в гробу, чувствуя скорую кончину, Годунов как бы окидывает мутнеющим взором свои владения и видит: «Пред ним трон, венец и могила, супруга, дети, ближние, уже обреченные жертвы судьбы; рабы неблагодарные уже с готовою изменою в сердце; пред ним и святое знамение христианства: образ Того, Кто не отвергнет, может быть, и позднего раскаяния».

Белинский сомневается в суде Карамзина: действительно ли Годунов виновен в угличском убийстве? При всем уме этого деятеля преступление совершенно топорно, гнусно, глупо. Вот и винит Белинский Карамзина в небеспристрастности: да не могло ли быть так, что Годунову труп мальчика «подарили» его лизоблюды-доброжелатели?! Ужели такой разумный человек не совершил бы зверства осмотрительнее, в полном разуме и расчете? Определенно, не он, — сомневается Белинский, — определенно, виновны лица, искавшие его расположения или же просто без меры преданные ему.

Наука ответить на эти укоризны может лишь с величайшей осторожностью.

По сию пору специалисты делятся на тех, кто уверен, как и Карамзин, в убийстве, подстроенном Борисом Годуновым; тех, кто видит в смерти царевича несчастный случай; тех, кто согласен с Белинским и допускает организацию убийства некими доброжелателями Бориса Федоровича.

Так, например, с подачи доктора исторических наук Н.С. Борисова, в сериал «Годунов» пришла версия о причастности к смерти Дмитрия Угличского жены Бориса Федоровича. А ваш покорный слуга предположил в книге «Царь Федор Иванович», что за убийством стоит дядя Бориса Годунова, боярин Дмитрий Годунов.

Карамзин высказал свою версию и держался ее твердо, поскольку основанием для нее служат многочисленные показания источников. Иначе говоря, эта версия до сих пор «почтенная», можно сказать, основная, что

бы ни говорил Белинский и каких бы гипотез ни строил автор этих строк. Но допустим, Карамзин неправ.

Отчего же Пушкин должен был сам, без опоры на труды столь блистательного историка, как Карамзин, «проникнуть в тайну личности Годунова»? Да вовсе не потому, что теория Карамзина насчет угличского злодеяния не единственно возможная, а потому, думается, что гений Пушкина взлетел с аэродрома Карамзина не туда, куда хотелось бы Белинскому.

Виссариону Григорьевичу страшно не нравится «злодей, которого мучает совесть». Он бы предпочел другого злодея.

Ах, видите ли, как «избито»!

«Трагическое лицо, — пишет Белинский, — непременно должно возбуждать к себе участие. Сам Ричард III — это чудовище злодейства, возбуждает к себе участие исполинскою мощью духа. Как злодей, Борис не возбуждает к себе никакого участия, потому что он — злодей мелкий, малодушный; но, как человек замечательный, так сказать, увлеченный судьбою взять роль не по себе, он очень и очень возбуждает к себе участие: видишь необходимость его падения и все-таки жалеешь о нем...» И далее, еще откровеннее: «Какая бедная мысль — заставить злодея читать самому себе мораль, вместо того чтобы заставить его всеми мерами оправдывать свое злодейство в собственных глазах! На этот раз историк сыграл с поэтом плохую шутку...».

Вот она, квинтэссенция высказывания Белинского; она-то и разделяет его с Пушкиным и Карамзиным. Слава Богу, что разделяет! Александр Сергеевич и Николай Михайлович справедливо стоят в русской культуре на пьедесталах неизмеримо более высоких, нежели Виссарион Григорьевич.

Все это — желание видеть «кипучие страсти», неподвластные вере, представляющие собой бунт не только против нравственности, но и, по большому счету, против Бога. А потому создающие впечатление «исполинской мощи духа» — такой ужасающий, пошлый, унылый, примитивный провинциализм! Как будто актер детского театра из глубинки выходит на арену во «взрослом» спектакле, пытается играть серьезного драматического персонажа и вдруг, чтобы придать себе значительности, заливается «мефистофелевским» смехом. Зал сначала молчит, пораженный его идиотизмом, потом заливается смехом — самым простым и искренним, а не мефистофелевским — в ответ. А напоследок кто-нибудь еще добавляет: «Хо-хо-хо», — совершенно как Санта-Клаус, мол, Санта-Клаус тут столь же уместен.

Супермегазлодей — это ведь шаблон, пропись, фигура из бондианы или какого-нибудь марвеловского комикса. У Шекспира он мог быть хорош и уместен, а прочее — перепевы Шекспира, «избитые» уже ко времени Виссариона Григорьевича намного более, чем «скучная» мораль.

Какая в безудержном, оправдывающем себя, концентрированном злодействе «исполинская сила духа»? Ричард III у Шекспира — храбрый подлец, сочувствовать ему можно лишь в одном: умен и смел, но ведь до какой степени ущербная личность! Жаль, жаль. Если есть иное сочувствие, то это либо, как у Белинского, глубокий, любующийся собой провинциализм, либо душевное нездоровье.

Пушкин же какое-то время действительно двигается в канве Карамзина. Заготовлены у него приметы карамзинского «внутреннего беспокойства Борисова сердца». Таков знаменитый монолог Царя о тщетности собственных

*Умиравший Борис Годунов и царевич Федор.
Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Борис
Годунов». Художник В.А. Фаворский, 1955 г.*

достижений: гордыня привела его на трон, а совесть уничтожает плоды деятельной гордыни...

Именно здесь Борис Годунов произносит знаменитую фразу об окровавленных мальчиках...

И... «Мальчики кровавые в глазах» — это ли избито?! Да это один из глубинных кодов всей русской культуры, фраза на века!

Совесть отрицает благие плоды злодейства, а совестью двигает образ Божий, которым наделен человек от Сотворения мира. И православное общество видит, чувствует это, живет этим.

Гениальные Карамзин и Пушкин при всем своем вольномыслии в молодые годы — истинные христиане, притом глубоко верующие.

Их души пронизаны знанием: восседает Бог над людской суетой, суд Его неотвратим, гнев Его ужасен, любовь Его безгранична.

И каждый босяк с верой в душе и крестиком на груди совершенно так же, как Карамзин и Пушкин, знает это, живи он хоть «на задворках великой империи», там, «где рельсы вылезают из кармана страны».

А Виссарион Григорьевич сего не знает, вернее, знать не хочет, ему милее картонные короны безбожия и безнравственности.

Глубинно русский, глубинно народный, если угодно, краеугольно-национальный сюжет нашей литературы, наших песен, нашего искусства в целом — кающийся разбойник, бегущий от грехов своих в монастырь. То же самое: невинная девушка, идущая в монастырь, под защиту Бога, если ей нужно не совершить греха, но и брака нежеланного избежать. Борису Годунову идти в монастырь поздно. Он Царь. В 1605 г. он на пороге смерти. Что ему осталось, злодею, венценосному разбойнику, в начале дороги, ведущей к небесному судилищу? Наставить сына (зная, в сущности, что убереечь его он уже не в состоянии), а пуще верить его Господу: «Бог велик! Он умудряет юность, Он слабости дарует силу...»; а потом все-таки покаяться, все-таки просить прощения за грехи, пусть и кратко, пусть и с оговорками, да и уйти в монахи:

*Умираю;
Обнимемся, прощай, мой сын: сейчас
Ты царствовать начнешь... о боже, боже!*

*Сейчас явлюсь перед тобой — и душу
Мне некогда очистить покаяньем.
Но чувствую — мой сын, ты мне дороже
Душевного спасенья... так и быть!
Я подданным рожден и умереть
Мне подданным во мраке б надлежало;
Но я достиг верховной власти... чем?
Не спрашивай. Довольно: ты невинен...*

Царь мечется, царь тщетно ищет спасения сыну, а не себе. Хотел бы покаяния, да времени нет. Но хотя бы совершается работа души, и совесть внушает Борису Федоровичу: он грешен, ему нужно покаяние.

И в финале он все-таки принимает постриг, объявляя (последняя реплика царя во всей пьесе):

*Простите ж мне соблазны и грехи
И вольные и тайные обиды...
Святой отец, приблизься, я готов.*

Что говорит людям и Богу царь-злодей, мучимый совестью?

*«Простите».
Простите! Слово произнесено.*

Простите грехи, соблазны, обиды вольные и невольные, известные и тайные.

А потом все земное в судьбе династии Годунов рушится, ибо срок истек, и Господь подводит черту. Но это — уже за пределами личной судьбы самого Бориса Федоровича.

Да что же еще надо русскому человеку, когда он сознает свою греховность, греховность глубокую, греховность страшную, греховность, которую самостоятельно преодолеть невозможно, когда он видит, что грехи его — словно пена морская, что? Прокричать, хотя бы на 59-й минуте 24-го часа своей жизни: «Я каюсь! Я нуждаюсь в прощении! Уповаю на любовь, которой сам я лишен...»

* * *

Борис Годунов в трактовке Александра Сергеевича Пушкина не только невероятно, поразительно точен с исторической точки зрения, он еще и образец грешника, кающегося в последний миг, — как евангельский разбойник на кресте, — и не теряющего последней надежды на спасение.

Это не избито, это гениально.

И это будет жить до скончания Русской цивилизации.

Пути ПОЗНАНИЯ

Протоиерей
Владимир ВАСИЛИК

«НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ», ИЛИ КОМЕДИЯ ОБ АНТИХРИСТЕ И ПРЕД- АНТИХРИСТОВЫХ ВРЕМЕНАХ

*О простоте и мудрости
А.Н. Островского*

*К 140-летию со дня
смерти писателя
(1886–2026)*

Поверхностный читатель может скользнуть по заголовку и пожалеть плечами: какой антихрист, какие антихристовы времена? Обычный водовильчик или история о карьеристе и подлеце, который сам всему миру поведал о своей подлости. «Вечно отец протоиерей все за уши к антихристовым временам притягивает». Не скажите. Александр Николаевич Островский был глубоко верующим человеком, состоял в переписке с митрополитом Филаретом, и во многих его произведениях ощущается мощный религиозный подтекст. Разве драма «Гроза» не говорит о «закваске фарисейской», об обрядоверии без любви, раздавившем Екатерину? Разве драма «Бесприданница» не повествует о «закваске саддукейской», о страшной силе денег, сломавшей судьбу Ларисы Огудаловой и едва не погубившей ее бессмертную душу? Почему же комедия «На всякого мудреца довольно простоты» не может нести религиозных смыслов? Если она их несет, то наша задача — их раскрыть.

Сюжет, казалось бы, достаточно прост.

Молодой человек, дворянин Егор Дмитриевич Глумов, желает выбиться в люди. С этой целью он втирается в доверие к своему дядюшке Мамаеву и через него выходит на высоких покровителей — отставного генерала Крутицкого

Владимир Владимирович Василек — родился в 1970 г. в Ленинграде. Историк-византист, протоиерей РПЦ, клирик храма Покрова Божией Матери на пр. Косыгина. Окончил филологический факультет СПбГУ. Профессор СПбГУ, профессор Сретенской духовной академии, профессор Николо-Угreshской духовной семинарии. Доктор исторических наук, член СП России. Участвует в гуманитарных миссиях в Донбассе. Автор многих статей и книг. **Живет в Санкт-Петербурге.**

и судейского чиновника Городулина, с помощью которых успешно сватается к богатой невесте Машеньке Турусиной, дискредитировав ее жениха — гусара Егора Курчаева. Машенька — сирота, живущая у богатой и сумасбродной тетки Турусиной, которая в свое время пожила достаточно весело (если не сказать более) и сейчас замаливает грехи. Но делает она это весьма своеобразно, поскольку верит первому встречному, окружила себя сонмом жуликоватых приживалок и безоговорочно доверяет кликуше Манефе — полупьяной бабе, которую использует Глумов в своих целях. Казалось бы, он на пороге триумфа, однако вмешивается его тетушка, Клеопатра Львовна Мамаева, приревновавшая Глумова к его невесте. В руки Мамаевой попадает дневник Глумова, в котором он едко издевается за глаза над теми, кому льстит в глаза. Этот дневник она посылает Турусиной, его зачитывают все его «герои», и свадьба Глумова и Машеньки расстраивается: невеста возвращается к своему первому жениху Курчаеву. Глумова с позором изгоняют из круга Мамаева, Крутицкого и Городулина. Но в конце происходит неожиданное: Глумов убеждает всех в своей необходимости, и его собираются вернуть.

Однако, если мы внимательно рассмотрим этот сюжет, то увидим много любопытного. Начнем с имени Егора Дмитриевича Глумова. С одной стороны, имя «Егор» в народном сознании связано с Георгием Победоносцем, с Егорием Храбрым. С другой стороны, учитывая жульническую деятельность главного героя комедии, стоит вспомнить русское народное выражение «объегорить». Возникло оно не случайно: наемные работники нанимались на Егория вешнего (23 апреля), а завершали свои труды на Егория осеннего (19 ноября). Очень часто наниматели обманывали наемников, вчиняя им иски на большие суммы по всяким пустякам. Егор Дмитриевич Глумов объегоривает всех и даже самого себя, думая, что он сможет утаить свою злобу и свой сатирический настрой от своих жертв. Далее, показательно отчество «Дмитриевич». Здесь явно ощущается связь со Смутным временем и самозванчеством — с образом Лжедмитрия. То, что Островский интересовался Смутой и Лжедмитрием, показывают его стихотворные драмы-хроники, такие как «Кузьма Захарыч Минин-Сухорук» и, в особенности, «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». И, наконец, его фамилия «Глумов». Явно она образована от глагола «глумиться». В русском языке его значение понятно — «издеваться, насмехаться». В пьесе действительно Глумов издевается над всеми, а, в конечном счете, больше всех над самим собой.

Однако все не так просто в древнерусском и церковнославянском языке. Глагол «глумиться» означает «забавляться, играть, актерствовать»¹. Слово «глум»² означает забаву, актерство, а также сцену. «Глумец» в древнерусском языке означает актера³. Соответственно, имя Глумова наполняется новым смыслом — актер и лицемер. Он действительно делается таковым, поскольку актерствует в течение всей пьесы: перед ретроградным генералом Крутицким притворяется консерватором, перед богомольной Турусиной — благочестивейшим человеком, перед либеральным чиновником Городулиным — воль-

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. С. 521.

² Там же. С. 522.

³ Там же.

нодумцем, перед тетушкой Мамаевой — пламенным любовником, перед Машенькой Турусиной — нежным женихом. Отметим, что это его роднит с другим «подлецом» русской литературы — Павлом Ивановичем Чичиковым, который, по словам Гоголя, овладел великим секретом нравиться людям.

Единственно, когда он не актерствует, — когда пишет свой дневник, куда «изливает всю желчь». Сам Глумов в этом признается в конце пьесы: «Но знайте, господа, что пока я был между вами, в вашем обществе, — я только тогда и был честен, когда писал этот дневник». Глумов является каким-то изумительным и невероятным синтезом Чацкого и Молчалина, так сказать — Молчацкий¹. Вот как он объясняет свое, казалось бы, неожиданное перевоплощение: «Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь — карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты — с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам, и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать, им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха». Вот это сочетание презрения к людям и умения пользоваться их слабостями живо напоминает одного корсиканского офицера, ставшего императором. Вот что говорил сам Наполеон: «Что значит для такого человека, как я, какой-то миллион жизней? Самое важное в политике — следовать своей цели. Средства ничего не значат. Религия — отличное средство держать чернь в страхе... Природой брак не предусмотрен... Проститутки — это необходимость. Иначе мужчины набрасывались на порядочных женщин прямо на улицах. Я бываю то львом, то лисой, весь вопрос — когда и кем становиться». Об умении Наполеона пользоваться слабостями своих подчиненных ходили легенды. Однажды любимец армии, храбрец маршал Ланн, попросил у Наполеона денег взаймы. Наполеон денег не дал, но намекнул: «В вашем распоряжении, генерал, дивизионная казна». Ланн намек понял и запустил лапу в казенную кормушку, хапнув около 2 000 000 золотых франков. А Наполеон, как только узнал о растрате, устроил тщательную финансовую проверку в дивизии Ланна, послав генерала Берсьера, который стал его смертельным врагом. Маршалу грозило обвинение в казнокрадстве с соответствующими последствиями, и он бросился к Наполеону: «Ваше Величество, мне грозит суд...». — «А я тут при чем?» — «Но вы же сами разрешили мне воспользоваться казной». — «Но не в таких же размерах». — «Но что же мне делать, Ваше Величество?» — «Одолжите денег у маршала Массена». А Ланн Массена просто ненавидел и, скрепя сердце, пошел к нему на поклон из-за денег. Таким образом, Наполеон повязал своих маршалов железным узлом: теперь у них исчезла возможность сговориться против него. Правда, подобный макиавеллизм сработал не в пользу Наполеона во время

¹ О сочетании образов Чацкого и Молчалина в характере Глумова см., в частности: *Михновец Н.Г.* Факторы усложнения структуры драматического образа («На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского) // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 122–143.

поражений 1814 и 1815 гг., когда от него отвернулись его генералы и маршалы, не желая больше терпеть его деспотизм.

Наполеон прославился как актер, время от времени устраивавший перед своими придворными настоящие театральные сцены; при этом зачастую за внешней яростью и эмоциональностью скрывался холодный расчет. Таким, к примеру, явился эпизод с Талейраном зимой 1809 г., когда Наполеон обвинил своего министра иностранных дел в измене, пообещал повесить его на решетке Карусельской площади в Париже, назвал его «грязью в шелку», а после... оставил при всех почестях. А свою знаменитую фразу «Что для меня значит миллион убитых?» Наполеон произнес во время бурной сцены с Меттернихом, когда в бешенстве топтал свою шляпу, оскорблял Меттерниха, кричал на него: «Сколько заплатили Вам англичане?». Император настолько увлекся, что австрийский посол имел полное основание заявить свидетелям этой сцены: «Ваш повелитель, очевидно, сошел с ума».

Отметим, что в своем актерстве Глумов, как и Наполеон, зачастую пересаливает, в чем и признается перед самим собой: «Я, кажется, в разговоре с ним пересоллил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну да это не мешает, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня прелесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся. Это дело уж не шуточное! Тут надо держать ухо востро». Его игру видят даже такие не очень далекие люди, как генерал Крутицкий, но до поры до времени она их устраивает: «Он лъстит и немного подленек, ну да это лучше, чем грубость».

Единственное отличие состоит в том, что игра Наполеона строилась на самовозвеличивании, а игра Глумова — на самоуничтожении, которое на поверку оказывается паче гордости.

С Наполеоном Глумова связывает многое. Во-первых, его решительность в действиях. Вот что он говорит своей матери: «Идти напролом, да и кончено дело...». А с другой стороны, он проявляет системную предусмотрительность. Наставляя мать, как вести себя в доме Турусиной, тетушки своей будущей невесты, он замечает: «Блюдите все входы и выходы, чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу, у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор». Отметим, что с матерью он разговаривает по большей части в императиве, в духе наполеоновских приказов¹. Он проводит целый ряд поразительных по своей технике и своей подлости спецопераций, напоминающих по-своему искусство, военные и дипломатические победы Наполеона. Это и устранение гусара Курчаева благодаря неосторожно оставленной им карикатуре на его дядюшку Нила Федосеевича Мамаева. Это и сватовство к Машеньке Турусиной с помощью Манефы и приживалок, когда Глумов на все 100% использует суеверия Турусиной. В общем, Егор Дмитриевич прекрасно соответствует пушкинским словам:

*Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас — орудие одно.*

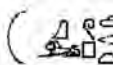
¹ Филипенкова Н.Н. Речевое поведение Глумова в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» // Вестник Хакасского государственного университета. 2024.

Александр Николаевич Островский
(1823–1886)

С Наполеоном Глумова связывает еще один след — египетский. Тетушка, за которой учит ухаживать Глумова его дядюшка Нил Федосеевич Мамаев, носит характерное имя — Клеопатра Львовна, говорящее о великой египетской царице, так сказать, подруге Гая Юлия Цезаря. Учитывая, что в иероглифическом написании имени Клеопатра присутствовал знак льва¹, что А.Н. Островский, при своей античной образованности, мог знать², а также общий египетский символизм льва, связь со знаменитой египетской царицей можно считать установленной. В этом случае та тонкая месть, которой оскорбленная Мамаева подвергает обманувшего ее Глумова, напоминает изощрен-

ную жестокость царицы Клеопатры по отношению к ее любовникам. По словам римского историка Аврелия Виктора (320–390), «Клеопатра была так развратна, что часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи»³. Однако из этого вытекают следующие выводы. Первое: если оказывается справедливой аналогия «Мамаева — царица Клеопатра», то возникает следующая параллель: «Глумов — Юлий Цезарь». Соответственно, подкрепляется наполеоновская версия, поскольку для Наполеона римский полководец и диктатор явился одним из его прототипов и образцов для подражания⁴. Французский император часто изображался в виде Цезаря. Второе: в случае аналогии «Глумов — Мамаева» и «Цезарь — Клеопатра» получается забавная конструкция: Цезарь бросает Клеопатру, и

¹ () (Κλεοπάτρα θεά φιλοπάτωρ) — Клеопатра, богиня отцелюбивая.

² А.Н. Островский известен как переводчик Плавта, Теренция, Сенеки и знаток античности. К шестидесятым годам XIX в. иероглифическая египетская система, благодаря трудам Ф. Шампольона и других, была в основном расшифрована, и Островский, при его широкой эрудиции, мог быть знаком с ней.

³ Аврелий Виктор. О замечательных людях. Клеопатра. В «Поэме о битве при Акции» предлагаются образцы еще более утонченной жестокости Клеопатры по отношению к ее любовникам: «Другого поражает дыханием, без укуса, короткая змея; иного быстрее убивает малая толика яда, намазанная на неглубокую рану; часть тугие петли заставляют испустить из сдавленных жил остановленное дыхание; погруженным в море волны перекрыли дыхание в глотке». См.: Антонец Е.В. Введение в римскую палеографию. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. С. 151. Фрагменты из «Поэмы о битве при Акции» были опубликованы еще в 1809 году.

⁴ Уже на острове св. Елены Наполеон диктует свои «Комментарии на Записки о Галльской войне Юлия Цезаря», где восхищается его талантом полководца и целиком оправдывает его диктатуру.

она ему утонченно мстит, однако при этом рассчитывает на его возвращение. Вспомним ее слова: «Какой кроткой овечкой он ко мне приползет». И в самом конце, когда речь идет о возвращении Глумова в круг мамаевского общества: «Уж это я беру на себя». Иными словами, хотя в конце комедии разгромленного и все потерявшего Глумова выгоняют из «приличного» общества и как бы отправляют в ссылку, тем не менее готовится его триумфальное возвращение, подобное наполеоновскому с острова Эльбы.

Переходим к главной теме нашей статьи — образу Глумова как антихриста. В наших предыдущих публикациях мы говорили об образе Наполеона как антихриста¹. Черты антихриста присущи и Лжедмитрию, как нам, надеемся, удалось показать в наших предыдущих публикациях. Мы видим, что Глумов обладает чертами и того, и другого «антигероя». Однако одного этого недостаточно для признания в Глумове прообраза антихриста. Тем не менее в персонаже Островского присутствуют явные черты «человека беззакония» Священного Писания и Предания. Во-первых, антихрист — обманщик, который в начале своего правления будет притворяться благостным и для всех угодным и лишь впоследствии покажет жестокость и бесчеловечие. Как пишет святитель Кирилл Иерусалимский: «Сперва он будет показывать приличное человеку, славному и разумному, здравомыслие и человеколюбие; и, обольстивши иудеев, как ожидаемый Христос, знамениями и чудесами, обманчивым и лъстивым волхвованием, после ознаменует себя всеми злыми делами бесчеловечия и беззакония»². Глумов, как мы видели, угоден всем: и консерватору Крутицкому, и либералу Городулину, и глубоко верующей Турусиной, несколько легкомысленной в религиозных вопросах. В его обаянии есть нечто мистическое. Вот что говорит Машенька Турусина о своем женихе: «Он явился каким-то неотразимым. Все за него. Все знакомые тетушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать — выходит он, гадалыщицы указывают на него, странницы тоже; наконец Манефа, которую тетушка считает чуть не за святую, никогда не выдав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тетушки, а она им совершенно очарована». Правда, очарование рассеивается, как только «благородное общество» узнает, что видения были куплены за соответствующее количество целковых. С антихристом «Откровения Иоанна Богослова» Глумова роднит не только глумление над верой, но и убежденность в том, что все можно пробить «копейкой» — и откровения, и пророчества. Кстати, у Егора Дмитриевича это общая черта с Павлом Ивановичем Чичиковым, которого отец еще в детстве убедил, что-де «всё копеечкой прошибешь, а потому копи копеечку». Эта черта напоминает нам о том, что владычество Зверя связано с экономической диктатурой и его властью над деньгами: *«И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть»* (Откр. 13:16, 18). Обыкновенно внимание обращают на «печать Зверя», при этом зачастую забывая о

¹ *Василик В.В.* Образ Наполеона-Антихриста в русском общественном сознании первой трети XIX века // *Василик В.В.* Россия и европейский империализм. СПб., 2018. С. 100.

² *Кирилл Иерусалимский, свт.* Огласительные слова. М., 1991. С. 250.

ее финансовом аспекте. Соответственно, Глумов — человек «века-торгаша», железного века и, в известном смысле, прообразует антихриста.

Скептики могут пожать плечами: в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» слишком много параллелей с «Ревизором» Гоголя, в частности — чтение дневника Глумова его героями, напоминающее чтение письма Хлестакова обсмеянными им чиновниками. Соответственно, Глумов — не только синтез Чацкого и Молчалина или Лжедмитрий, но и Хлестаков, «сосулька, тряпка». Однако еще Гоголь предупреждал о том, что на самом деле Хлестаков — лицо важное. В наших публикациях мы показали, что Хлестаков несет черты антихриста как в силу его самозванства, так и виртуальности. Соответственно, «хлестаковские мотивы» в комедии «На всякого мудреца довольно простоты» также работают на нашу гипотезу относительно Глумова как прообраза антихриста.

Однако для антихриста нужна и соответствующая среда — люди последнего времени, о которых апостол Павел в Послании к Фессалоникийцам написал: *«Того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду»* (2 Фес. 2:9–12). Общество, в котором действует Глумов, вряд ли может быть названо христианским, если, к примеру, дядюшка Глумова Нил Федосеевич Мамаев учит племянника ухлестывать за своей тетушкой:

Мамаев. Ну да, ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Все это немножко щекочет их самолюбие.

Глумов. Покорнейше вас благодарю.

Примечательна та мотивация, которую предлагает Мамаев племяннику: «Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом; черт его знает, что за механик попадется, может быть, совсем каторжный. В этих прихвостнях Бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы. Ха-ха-ха! Понял?». Перед нами почти уголовная логика: не мы, так другой кто украдет. Так пусть уж любимый племянничек окажется ухажером. Характерен и взгляд Мамаева на нравственные качества своей супруги — мягко говоря, невысокие.

Жесткие, но правдивые слова о героях мамаевского общества высказал Глумов в конце, обращаясь, в частности, к генералу Крутицкому: «Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете, с глазу на глаз, с вами молодой человек стоит навытяжку и, униженно поддакивая, после каждого слова говорит: “ваше превосходительство”, — у вас по всем членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову». Особенно значимо для нас его обличение Софьи Игнатьевны Турусиной: «Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берете с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает

*Людмила Максакова, Юрий Яковлев.
Кадр из телеверсии спектакля Театра имени Вахтангова*

ваша Манефа, кого она может назвать? Разумеется, того, кто ей больше денег дает. Хорошо, что еще попался я; Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало». Конечно, в рассуждениях Глумова присутствует та же уголовная логика («Хорошо, что еще попался я»): «Лучше уж мы, культурные и приличные, украдем, чем другие», — но в главном он прав: религиозность Турусиной зиждется на муках совести, связанных с прошлыми грехами, и самым грубом суеверии. Она верит во встречи, в сны, в гадания и готова доверять себя и племянницу пьяницам, аферистам и пустосвятам.

В целом общество Мамаевых, Крутицкого, Городулина соответствует состоянию обскурации по Гумилеву, то есть неспособности защищать себя и удовлетворять свои потребности, за исключением желудочных и половых. Мамаевы, Городулины и Крутицкие неспособны выражать собственные мысли, даже произнести тост в клубе. Не случайно Глумов говорит: «Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: “Эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый...” И вам, Иван Иванович, я нужен».

Городулин. *Нужен, нужен.*

Глумов. *И умных фраз позаимствоваться для спича...*

Городулин. *И умных фраз для спича.*

Глумов. *И критику вместе написать.*

Городулин. *И критику вместе написать.*

К Мамаево-Крутицко-Городулинско-Турусинскому обществу вполне приложимы горькие, но правдивые слова замечательного дореволюционно-

го мыслителя и публициста Михаила Меншикова о том дворянстве, которое у нас сегодня, к сожалению, зачастую принято безоглядно и некритично идеализировать: «Тарас Скотинин, Митрофанушка — сразу два поколения свино-человеков, занятых только желудочными, только половыми вопросами. Пусть наряду с ними еще возможны благородные типы: накопленная сила духа тратится не тотчас, — но уже значительная, может быть, преобладающая часть дворянства пала со своей служилой высоты. Чуть послужив, дождавшись чина поручика или корнета, дворяне выходили в отставку, ехали в родовые усадьбы, опускались в перины и пуховые подушки, толстели, брюхатели среди дворовых гаремов. От лютой скуки пили, ели, спали, зевали, кутили, доходили до беспробудного пьянства и непотребства. Ведь в самом деле все это было. Старики это еще помнят из живых воспоминаний, молодежь может прочесть миллион свидетельств, не оставляющих сомнения. Разве только огромные таланты вроде Пушкина и его школы не поддавались растлевающему влиянию крепостного свинства...»¹.

Читатель может сказать, что для пореформенной России это уже не актуально. На самом деле последствия крепостничества сыграли свою роковую роль в русской жизни второй половины XIX — начала XX вв. и в развитии революционного движения. Немного ниже Меншиков пишет: «Заметьте, кому в “Бесах” принадлежит первая скрипка злодейства: сыну старого эстета и эпикурейца, сыну изящнейшей, строго выхоленной свиньи, если позволено сказать правду. Это родство знаменательно. Оно обдуманно Достоевским как страшный вывод его эпохи. Мистик и — как всякий мистик — символист, Достоевский не мог не видеть, что нашествие бесов стало возможным лишь на почве полного маразма старых поколений, совершенной их неспособности отстоять культуру, которой, будучи представителями ее, они первые изменили. Глубоко омещанившееся общество, утратившее все рыцарское, все сильное, все двигавшее на подвиг, непременно должно было сделаться добычей чужих идей, ибо утратило свои».

Глумов — образ капиталистического агрессивного хищника, для которого все средства хороши. Как и для Наполеона. Глумов — своего рода проекция Чичикова на шестидесятые годы XIX в. (кстати, их роднит умение нравиться самым разным людям). А в наполеоновской генеалогии Чичикова вряд ли кто-то сомневается. И к тому же здесь смыкаются две линии — самозванческая и наполеоновская (как неоднократно происходило в русской литературе: самозванец в «Борисе Годунове», Хлестаков в «Ревизоре», Чичиков как сбежавший Наполеон и «человек без лица» и т.д.).

Соответственно, общество, окружающее Глумова, в целом напоминает гадаринских свиней, в которых вот-вот войдут бесы (не столь уж важно, революционные или иные). Иначе говоря, это общество предантихристово времени. И в этом контексте «возвращение» Глумова подозрительно напоминает сюжет не только о возвратившемся Наполеоне, но и о вернувшемся или воскресшем Нероне, каковым явится будущий антихрист.

Учитывая то, что наше современное общество во многом напоминает до-революционное по своим бедам и порокам (прежде всего — по мамонизму, или сребролюбию), уроки комедии «На всякого мудреца довольно простоты» в высшей степени актуальны в наше время.

¹ Меншиков М. Свиньи и бесы // Меншиков М. Письма к русской нации. М., 1999. С. 52–53.

Пути ПОЗНАНИЯ

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

ЖАЖДА ПРАВДЫ И ПРАВА

*К 205-летию
со дня рождения
(1821–2026)*

и

*145-летию
со дня кончины
(1881–2026)*

Ф.М. Достоевского

Творчество Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) — одно из вершинных достижений русской классической литературы — справедливо уподобляют космосу. Созданный писателем художественный мир столь грандиозен по масштабам мысли и чувства, глубине духовных проникновений, что представляет собой своего рода необъятную вселенную.

Феномен Достоевского заключается в том, что интерес к нему во всем мире не только не ослабевает, но со временем все более возрастает. Ведущие университеты Западной Европы, США, Японии и других стран уже давно и достаточно глубоко изучают творчество великого русского классика не только на факультетах филологии, но и философии, психологии, юриспруденции, социологии, смежных дисциплин. Но в своем Отечестве Достоевского-пророка вспоминают по преимуществу в годы «круглых» дат. С сожалением приходится признать, что Россия в этом отношении выступает в парадоксальной трагикомической ситуации «сапожника без сапог», оставляя труды своего выдающегося соотечественника, равно как и многие другие духовные ценности, на периферии общественного сознания.

Алла Анатольевна Новикова-Строганова — родилась в Орле. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России. Автор четырех монографий и свыше 500 работ о классиках мировой литературы. Труды опубликованы во многих журналах и газетах в России и за рубежом. Удостоена Золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь». Лауреат премий изданий «Наш современник», «Российский писатель», «Литературные известия» и др. **Живет в Орле.**

В то же время освоение открытий писателя может принести не умозраительные, а практически насущные результаты для создания прочного духовно-нравственного фундамента современного общества.

В своих трудах Достоевский остро поставил ряд кардинальных для человечества тем и проблем: какова природа добра и зла; как уживаются в душе человека стремление к саморазрушению и самовосстановлению — «идеал содомский» с «идеалом Мадонны»; в чем сущность и назначение жизни; как преобразовать мир на основах духовности, нравственности, уважения достоинства личности; как соединить в нераздельное целое справедливость, законность, правосудие. Ответы на эти и другие «вечные» вопросы, над которыми издревле бьется человеческое сознание, выдающийся художник и мыслитель оставил в своих произведениях, которые сегодня воспринимаются как пророчество, провозвестие, как дар и задание непрестанного совершенствования.

«Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей», — говорил Достоевский. Он выражал твердое убеждение в том, что «люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле». В новом тысячелетии современное человечество живет все теми же грядущими упованиями. «А между тем так это просто: в один бы день, в один бы час все бы сразу устроилось! — утверждает писатель устами героя своего «фантастического рассказа» «Сон смешного человека» (1877). — **Главное — люби других как себя, вот что главное, и это все, больше ровно ничего не надо: тотчас найдешь, как устроиться. А между тем ведь это только — старая истина, которую биллион раз повторяли и читали, да ведь не ужилась же!**» Выраженный в предельно простой и всякому понятной форме христианский идеал, заповеданный в

Первый памятник Ф.М. Достоевскому, открытый 7 ноября 1918 г. в Москве на Цветном бульваре. Скульптор С.Д. Меркуров. С 1936 г. перенесен в сквер Марининской больницы для бедных, в здании которой писатель родился и провел детство

*Алеша Карамазов. Иллюстрация к роману Ф.М. Достоевского
«Братья Карамазовы». Художник И.С. Глазунов, 1982 г.*

Евангелии, к которому обращается классик, — «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мк. 12:31), — по высоте духовного задания оказывается до сих пор непосильным, недостижимым и непревзойденным. Новый Завет вечно нов и все так же принадлежит горизонту нездешнего бытия.

Исследуя духовную природу человека и состояние общества, писатель-пророк в своих открытиях предвосхищал будущее. Его предвидения и предчувствия подтверждаются движением истории. В.Ф. Переверзев в статье к 100-летию классика проводил мысль об острой современности его творчества в «в момент катастрофического разрушения» старого мира: «Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни <...>. Читайте Достоевского, и вы многое поймете». Пережив в очередной раз катастрофическое разрушение устоявшегося, сегодня мы также можем присоединиться к этой оценке.

Хаотическое состояние капиталистической России в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, охарактеризовано в романе «Бесы» (1872): «точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул». Прочную опору в этом шатком мире писатель обрел в Православной вере с ее идеалами жертвенной любви к Богу и ближнему, «потому что Православие — все». Эту отточенную формулу заносит Достоевский в свои записные книжки, хранящие столь же заветные мысли: «Нации живут великим чувством и великою, все освещающей снаружи и внутри мыслью, а не одною лишь биржевой спекуляцией и ценою рубля»; «В Европе — выгода, у нас — жертва...»;

«Русский народ весь в Православии и идее его». Писатель усматривал в Православии не одну только догматику, но главное — живое чувство, живую силу: «Вникните в Православие, это вовсе не одна только церковность и обрядность, это живое чувство, обратившееся у народа нашего в одну из тех основных живых сил, без которых не живут нации. В русском христианстве <...> есть одно человеколюбие, один Христов образ — по крайней мере это главное».

Формально-показная, официозная набожность, во многом принятая в настоящее время, ведет к тому, что от Бога остается «мертвый образ, которому поклоняются в церквях по праздникам, но которому нет места в жизни». Об этом размышлял писатель в своем последнем романе «Братья Карамазовы» (1881). Герой романа — чистый сердцем и помыслами Алеша Карамазов — старается следовать евангельскому завету «раздай все и иди за Мной». В отличие от фарисействующих псевдопоследователей Христа, пытающихся с выгодой приспособлять «под себя» Божьи заветы, Алеша стремится к абсолютному идеалу — Христу: «Не могу я отдать вместо “все-го” два рубля, а вместо “иди за Мной” ходить лишь к обедне».

Идейно-художественная система Достоевского в целом сформировалась на почве его глубоко религиозного мировоззрения. Основы христианского мировидения и нравственного развития личности изначально закладывались в традициях семейного воспитания. Русская семья имела утраченный ныне статус «малой церкви», где дом — храм; очаг — алтарь; семейный уклад — благочестие; идеал — любовь к Богу и ближнему; дружелюбие и взаимопонимание между чадами и домочадцами. Достоевский вспоминал: «...я происходил из семейства русского и благочестивого... Мы в семействе нашем знали Евангелие, чуть ли не с первого года». Самые ранние детские переживания религиозного характера писатель хранил всю жизнь. Он запомнил, как около трех лет отроду прочел при гостях молитву: *«Все упование, Господи, на Тя возлагаю, Матерь Божия, сохрани мя под кровом своим»*, — чем привел всех в состояние радостного умиления; как в церкви мать причащала его, двухлетнего, и как «голубок пролетел из одного окна в другое». Возможно, эти первые сокровенные впечатления способствовали пробуждению в ребенке «нового, уже сознающего себя и мир человека».

Детская непосредственная религиозность, примиряющая веру с рассудком, впоследствии укрепились осознанным убеждением. «Записная книжка» писателя содержит глубоко выстраданное признание: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла».

В своей собственной семье Достоевский был нежным и заботливым отцом, талантливым педагогом и воспитателем, внимательным ко всем проявлениям детской натуры. Он делал все, «что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно было бы достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером». «Главная педагогия — родительский дом», — уверен писатель. Основой его воспитательной системы явилась религиозно-философская идея о человеке как «венце творения», об уникальности и неповторимой ценности каждой человеческой личности. О своем первенце — дочери Соне — Достоевский писал поэту А.Н. Майкову в мае 1868 г.: «Это маленькое трехмесячное <создание>, такое бедное, такое крошечное — для

Евангелие Достоевского, подаренное ему женами декабристов в Тобольске, по пути в омскую каторгу, и впоследствии сопровождавшее его всю жизнь. На фото открыто на месте, которое жена Анна Григорьевна читала писателю в день его смерти

меня было уже и лицо, и характер». В очерке «Фантастическая речь председателя суда» (1877) читаем: «у ребенка, даже у самого малого, есть тоже и уже сформировавшееся человеческое достоинство». Этот тезис получил глубокую разработку в трудах Достоевского задолго до принятия Всеобщей декларации прав человека (1948), где в первой же статье утверждается право каждого на достоинство от рождения: **«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».**

Указанный декларативный призыв к мировому сообществу до сих пор остается нереализованным благим пожеланием. Во многом потому, что во главу угла человеческих взаимосвязей ставятся товарно-денежные отношения, расчет, эгоистический интерес, что в свою очередь влечет подмену Бога ложными кумирами и бездушными идолами. Служение «золотому тельцу» неизбежно ведет к звериным установкам типа «глотаи других, пока тебя не проглотили», в итоге — к духовно-нравственному одичанию и вырождению.

Современное прочтение романа «Братья Карамазовы» — художественного и духовного завещания писателя — показывает, что его тревожные предчувствия сбываются с поразительной точностью. Вот одно из текстуальных подтверждений: «не исказился ли в нем <мире. — А.Н.-С.> лик Божий и правда Его? У них наука, а в науке лишь то, что подвержено чувствам. Мир же духовный, высшая половина существа человеческого отвергнута вовсе, изгнана с неким торжеством, даже с ненавистью. Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство! Ибо мир говорит: “Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как у знатнейших

и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай” <...> И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали. <...> куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же навывдумывал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

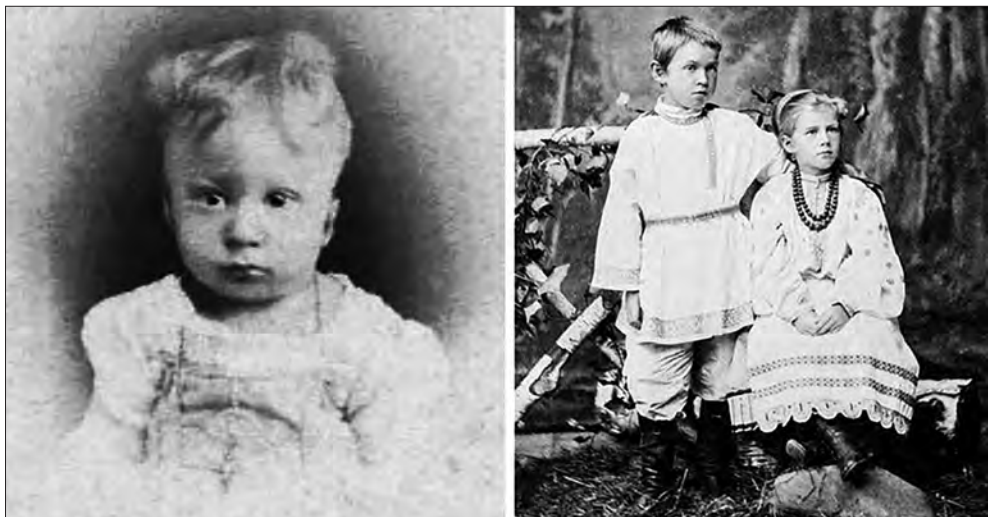
Ни наука, ни социальные реформы не способны вывести человека и общество из разъедающего состояния всеобщей уединенности. На бессилие рациональных, прагматических подходов, их духовно-нравственную несостоятельность указывал писатель: «Никогда люди никакою наукой и никакою выгодой не сумеют безобидно разделиться в собственности своей и в правах своих. Все будет для каждого мало, и все будут роптать, завидовать и истреблять друг друга». Достоевский предупреждал о том, что поглощенность материальными интересами, рост индивидуализма и катастрофический распад личности при утрате высших идеалов и веры в Бога приведут человечество к антропофагии (людоедству).

Духовное начало, «искра Божья» — первостепенное, что выделяет человека среди других существ. В то же время **«сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека»**. Писатель справедливо полагал, что для становления личности одного разума, образованности недостаточно, поскольку «образованный человек — не всегда человек честный и что наука еще не гарантирует в человеке доблести». Более того — «образование уживается иногда с таким варварством, с таким цинизмом, что вам мерзит».

Родителям, наставникам, учителям — всем тем, кому доверено воспитание юных душ, — необходимо постоянно заботиться о самовоспитании и самодисциплине: «ревностный отец даже должен иногда совсем перевоспитать себя для детей своих». «Мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже, — говорил писатель. — И если мы учим их чему-нибудь, чтобы сделать их лучше, то и они нас делают лучше нашим соприкосновением с ними. Они очеловечивают душу нашу». В «Братьях Карамазовых» выражена заветная мысль об особенной, «еще в ангельском чине», природе ребенка: «Дети, пока дети, до семи лет, например, страшно отстоят от людей: совсем будто другое существо и с другою природой». Все это обращает к евангельской заповеди «Будьте как дети». Христос говорит ученикам: *«если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»* (Мф. 18: 3).

Писатель следил за религиозно-нравственным формированием своих детей и указывал на громадное универсально-воспитательное воздействие Священного Писания: «Библия принадлежит всем, атеистам и верующим равно. Это книга человечества». На пороге инобытия он читал детям новозаветную притчу о блудном сыне. И умер с Евангелием в руках. Новый Завет, провожая писателя в вечность, открылся на словах Христа: **«не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду»**.

Современники Достоевского сохранили воспоминания о его отношении не только к собственным, но и к чужим детям. Их судьбы постоянно тревожили сознание и душу: «Дети — странный народ. Они сняты и мерещатся». Христианское воспитательное credo Достоевского получило

Дети Ф.М. Достоевского. Слева — Алеша (1875–1878), справа — Федор (1871–1922) и Любовь (1869–1926). Фото Н. Лоренкович, 1878 г.

многообразное воплощение в письмах, дневниках, заметках, публицистике; наиболее глубокую разработку — в художественном творчестве, во всех без исключения произведениях. Можно утверждать, что творчество писателя в целом — своего рода «религиозно-педагогическая поэма».

Так, «Подросток» (1875) — в полной мере «роман воспитания». Главный герой — вступающий в жизнь юноша Аркадий Долгорукий — поработен ложной идеей «стать Ротшильдом». Он считает, что «деньги — это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество». В черновиках к «Подростку» охарактеризована ситуация, на почве которой вырастают идеи преступной наживы: «Треснули основы общества под революцией реформ. Замутилось море. Исчезли и стерлись определения и границы добра и зла. <...> Нынче честно не проживешь». В то же время, по убеждению писателя, «основные нравственные сокровища духа, в основной сущности по крайней мере, не зависят от экономической силы». Подросток постепенно освобождается от маниакальной цели обогащения, достигаемого любыми способами. **В стремлении к праведной жизни происходит «восстановление падшего человека».**

В «Подростке» и «Дневнике писателя» Достоевский исследовал также проблему «разложения семейного начала» и пришел к выводу, что «случайность современного русского семейства <...> состоит в утрате современными отцами всякой общей идеи в отношении к своим семействам, общей для всех отцов, связующей их самих между собою, в которую бы они сами верили и научили бы так верить детей своих, передали бы им эту веру в жизнь. <...> самое присутствие этой общей, связующей общество и семейство идеи — есть уже начало порядка, то есть нравственного порядка, конечно, подверженного изменению, прогрессу, поправке, положим так, — но порядка».

С утратой общей идеи и идеалов также изнутри подрывается лад современной семьи. Понятия: супружество, семья, отцовство, материнство,

детство — духовно опустошаются, становятся лишь правовыми категориями и терминами Семейного и Гражданского кодексов. Отношения в семье зачастую строятся не на незыблемом «камне» духовно-нравственного фундамента, а на «песке» формальной юридической связи сторон брачного контракта, гражданско-правового договора, наследственного права и т.п. Если нет глубинной духовной опоры, скрепляющей семейный очаг, то семья неизбежно становится ненадежной, зыбкой, «случайным семейством» — по определению Достоевского.

«Больные» вопросы: «как и чем и кто виноват?»; как прекратить детские страдания; как «сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дите» — с особенной силой поставлены в «великом пятикнижии» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»). Среди основных идей последнего романа — сокровенная мысль: достижение мировой гармонии «не стоит <...> слезинки хотя бы одного только <...> замученного ребенка».

По воспоминаниям известного русского юриста, литератора и общественного деятеля А.Ф. Кони, Достоевский «безгранично любил детей и старался своим словом и нередко делом ограждать их и от насилия, и от дурного примера. <...> Но с детьми для юриста связан, помимо святой задачи их защиты от насилия и нравственной порчи, еще один из важнейших и труднейших вопросов <...> — о применении к ним уголовной кары». Знаменитый адвокат настоятельно советовал коллегам-юристам сверяться в своих решениях с Достоевским: «...всякий, кто захочет вдумчиво подвергать детей карательному исправлению, не раз должен будет искать совета, разъяснения, поучения на страницах, написанных их <...> другом и заступником».

Посещая колонию малолетних преступников, Достоевский приходит к выводу о том, что именно «зверски равнодушное» отношение государства и общества к молодому поколению вытравляет в юных душах «всякие следы человечности и гражданственности». Писатель нашел «недостаточными» имеющиеся в арсенале юридической системы «средства к переделке порочных душ в непорочные».

«Если что и охраняет общество даже в наше время и даже самого преступника исправляет и в другого человека перерождает, то это опять-таки единственно лишь закон Христов, сказывающийся в сознании собственной совести», — размышлял Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Свои чаяния он выразил устами «русского инока» старца Зосимы: «...если бы все общество обратилось лишь в церковь, то не только суд церкви повлиял бы на исправление преступника так, как никогда не влияет ныне, но, может быть, и вправду самые преступления уменьшились бы в невероятную долю. Да и церковь, сомнения нет, понимала бы будущего преступника и будущее преступление во многих случаях совсем иначе, чем ныне, и сумела бы возратить отлученного, предупредить замышляющего и возродить падшего».

Утрата веры в Бога и бессмертие, заглушающая голос совести, ведет к преступной теории «все позволено», к власти «элиты» над «муравейником», «слабосильными бунтовщиками», которые под конец «станут послушными». «Покорное стадо» не в силах вынести свободы, а значит — и нравственной ответственности, данной Христом, и принесет эту свободу к ногам «избранных». В легенде Ивана Карамазова о «великом инквизиторе» этот наследник

Великий Инквизитор. Иллюстрация к роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Художник И.С. Глазунов, 1985 г.

Римской империи строит свою власть на «чуде, тайне, авторитете» — на всем том, что отверг Христос, преодолевая дьявольские искушения. Инквизитор по-прежнему манит людей идеалом Христа: **«...мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе»**. В действительности власть отреклась от Бога и служит силе, противоположно направленной: **«Мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! <...> мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными»**.

Современная Европа, считает Достоевский, пошла по пути «великого инквизитора»: «...во многих случаях там церквей уже и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть. Так, кажется, по крайней мере в лютеранских землях. В Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство». Церкви в государстве отводится «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, — и это повсеместно в наше время в современных европейских землях». В том же направлении развиваются нынешние российские государственно-церковные отношения.

Путь православной России, по Достоевскому, должен быть иным: «По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не Церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь Церковью и ничем иным более».

В дискуссии о Церкви и государстве старец Зосима, несмотря на скепсис оппонентов («это, стало быть, осуществление какого-то идеала, бесконечно далекого, во втором пришествии. <...> Прекрасная утопическая мечта об исчезновении войн, дипломатов, банков и проч.»), выражает несомненную веру в преображение жизни: «Правда, <...> теперь общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же незыблемо, в ожидании своего полного преображения из общества как союза почти еще языческого во единую вселенскую и владычествующую Церковь. Сие и буди, буди, хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении Его и в любви Его. И что по расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях».

Одна из важнейших в системе идей Достоевского — мысль о личной нравственной ответственности каждого за состояние собственной души и за судьбы целого мира: ***«...всякий человек за всех и за вся виноват, помимо своих грехов <...> И воистину верно, что когда люди эту мысль поймут, то настанет для них Царствие Небесное уже не в мечте, а в самом деле».*** С точки зрения писателя, заниматься социально-политическими преобразованиями прежде христианского преобразования души человеческой — все равно, что ставить телегу впереди лошади: ***«Чтобы переделать мир по-новому, надо, чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу. Раньше, чем не сделаешься в самом деле всякому братом, не наступит братства».***

На упреки в утопизме писатель отвечал, что он лишь «реалист в высшем смысле». Все сбывается по Достоевскому. Жизнь подтверждает глубокую правоту его заветных идей. Писатель оставил неординарные и не легкие для исполнения заветы: не дать «низложить ту веру, ту религию, из которой вышли нравственные основания, сделавшие Россию святой и великой»; «войти в борьбу» с «ужасными впечатлениями», «мрачными картинами», «искоренить их и насадить новые» — «чистые, святые и прекрасные». За прошедшее время значимость этих задач нисколько не уменьшилась.

Опыт писателя по религиозно-философскому, социально-психологическому, этико-эстетическому осмыслению проблем бытия — «Жажда правды и права», как формулировал Достоевский, — по-прежнему требует серьезного освоения и может сыграть неоценимую роль в духовно-нравственном развитии наших соотечественников, если они прекратят уподобляться библейским иудеям, гнавшим «пророков в своем Отечестве».

Иван ЩИТОВ

«КАЖДЫЙ МИР ОГРОМНЫЙ МЕРИТ МАЛОЙ РОДИНОЙ СВОЕЙ»

Иван Григорьевич Щитов — родился в 1989 г. в селе Усть-Ишим Омской обл. Обучался в Омском государственном аграрном университете. Автор сборника стихотворений «Мое Отечество — деревня». Победитель Всероссийской поэтической премии им. Николая Рубцова «Звезда полей» (г. Вологда, 2021 г); Четвертого всероссийского конкурса молодых поэтов им. Бориса Богаткова (г. Новосибирск, 2020 г.); Всероссийского открытого литературного конкурса, посвященного 150-летию И.А. Бунина, «Вернись на Родину, душа!» (г. Орел, 2020 г.) и др. Лауреат и финалист десятков крупных Всероссийских литературных конкурсов и фестивалей. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

КАМЕНЬ

Пусть говорят, что камень мертв;
Окаменелость — суть сохрана...
Но камень потому и тверд,
Что сохранял всех дольше раны.

Он — ленинградская стена,
Что помнит всё —
с рожденья, с детства:
Когда... какие времена
Плевали в каменное сердце.

И пусть он холоден и груб,
Холодное молчанье ложно.
В нем миллион остывших губ
Безмолвно говорит о прошлом.

Чтоб для грядущего хранить
Свободы негасимый пламень,
Он будет жить и говорить,
Немой растрескавшийся камень.

Не ждать... не плакать...
не грустить...
Земная твердая порода —
Лишь камень может уместить
Всю боль великого народа.

РАТЬ

Лишь выйдет ночь лихим дозором
В просторы сумрачных полей,
Встает над Русью рать соборов
С величием богатырей.

Стоит решительно и немо
На страже сёл и городов —
Мечи крестов подняты к небу,
Массивны шлемы куполов,

Недвижны каменные выи,
Кольчуг кирпичных не пробить,
Уста тяжелые, литые
Безмолвия скрепила нить.

Взметнулись копыя колоколен,
Готовы ринуться вдруг в бой...
Спи мирно, русское раздолье!
Господь не дремлет над тобой.

Из века в век, от ночи к ночи,
Поставив небо на кресты,
Глядят недремлющие очи
В бескрайность русской темноты.

В зловещем сумрачном пространстве
Святая каменная рать
Ожить готова... вмиг сорваться —
И сокрушать... и умирать.

СТАРИК

Старик сидел, бровей не хмурия, —
Не веселился, не ворчал.
Не веря в праздничную бурю,
Многозначительно молчал.

Что в счастье беглом и незрячем
Опять не слушала отца...
Любовь была ненастоящей,
С неотвратимостью конца.

Гуляла свадьба с молодыми,
Кружился в танце ресторан.
И в громкой музыке, как в дыме,
Веселье плыло по столам.

Всё знал старик и всё предвидел:
Измены, исповеди, плач...
Но был не более чем зритель
В театре скорых неудач.

Кричали спьяну: «Горько! Горько!»
Чтоб горечь жизни превозмочь.
Старик спокоен был и только
Смотрел на радостную дочь.

Гуляй же, свадьба, грусть сметая!
И ложе брачное готовь...
Здесь есть любовь! Любовь святая...
Одна — отцовская любовь.

БРЕВЕНЧАТЫЙ ПОЛК

Слепая деревня лежит вдоль дорог,
Поросших густым мелколесьем,
Как будто разбитый бревенчатый полк,
Уткнувшись в брезент поднебесья.

Иссохшие ребра в извечном плену
У поросли мшисто-отшельной.
Бревенчатый полк, проигравший войну,
Остался на поле сраженья.

И я, как потомок его кочевой,
Брожу средь безвременно павших.
На братской могиле ветров плач и вой
Стоит обелиском над пашней.

От ржавого плуга не дрогнет трава...
Как пламя, крапива объяла
Избушки, сараи и троп рукава
Бескрайним цветным одеялом.

Шум жизни в деревне навеки умолк,
Лишь пчелы гудят над сиренью...
Покойся же с миром, бревенчатый полк,
Забывший пастушьей свирелью.

КРАСНЫЕ МАКИ

У красных маков черные сердца —
Обманчива их пламенная внешность...

И лгут легко красивые глаза,
Скрывая мир бессовестный и грешный.

Черна натура яркого огня,
И волчья мгла за красочным закатом.
Нет, не обманет нежностью меня
Та, у которой ночь души за взглядом.

Порой двулична, двойственна краса,
И грязь дорог жива под белым снегом.
У красных маков черные сердца...
Как после них поверить человеку?

РОДИНКИ УРМАНА

Спозаранку травы лягут
Мне ковром под сапоги.
Наберу в шапчонку ягод —
Дивных родинок тайги.

Я под каждый куст залезу
С невесомым рюкзаком,
Разговаривая с лесом,
Как с веселым стариком.

Солнце рыжие веснушки
Рассыпает в лес грибной.
Не волнуйся так, волнушка!
Я пришел не за тобой.

Для того и встал я рано
(Хоть и подвиг не велик) —
Видеть родинки урмана
На живых руках земли.

ИЛЛЮЗИЯ ДВИЖЕНИЯ

Как случай искажения
Реальности привычной —
Иллюзия движения
В стоящей электричке.

И для тебя немислим
Набор бесцельных действий —
Пример статичных истин:
Что все стоят на месте,

Вагонное затмение
В незыблемости станций,
Как будто откровение
О сущности пространства.

Что время беспредельно,
И жизнь как электричка,
Что ты вагон отдельный,
Стоящий, как обычно...

Не так ли иллюзорно
Всё мироощущение?
И веруешь бесспорно,
Что жизнь твоя — движение.

И суть всех достижений,
Богатств и мест в ранжире —
Иллюзия движения
В непреходящем мире.

ДУША

Как птица, что летает над жнивьем,
В смятении не ведая покоя,
Твоя душа тебя переживет,
Земное продуваемое поле.

Ни разумом ты это не поймешь,
Ни принципом житейского подхода,

Что жизнь твоя — не вызревшая рожь,
А вечная небесная свобода.

Как ни роднят знакомые места
С путем земным, привычным и резонным,
Но улетают птицы из гнезда
В немую высь к незримым горизонтам.

И ты взлетишь, и спорить надоест,
Увидев птицей за чертой смертельной
Не урожай, не поле... Только крест,
Летающий за тобой крылатой тенью.

ТИХИЙ БЕРЕГ

Тихий берег... дальний берег...
Есть ли что-нибудь родней?
Каждый мир огромный мерит
Малой родиной своей.

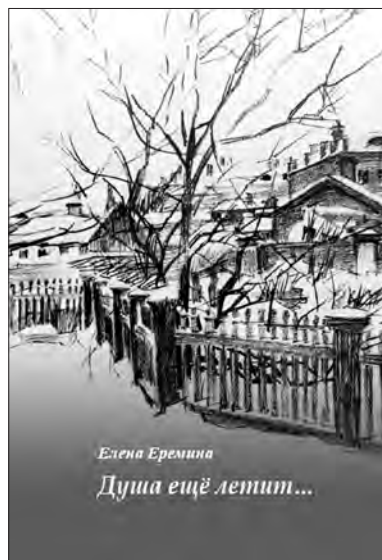
И какие бы потоки
Не меняли русла рек,
Помнят все свои истоки —
И река, и человек.

ВЫШЛА КНИГА

Еремина Е.

Душа еще летит... Стихотворения разных лет. Воронеж: Воронежская областная типография, 2025. 144 с.

На страницах сборника, в который вошли стихи разных лет, поэтесса предстает перед читателем автором чрезвычайно зрелым. Форму произведения она чувствует почти на уровне «звериной интуиции» и при этом умеет безошибочно найти единственные слова, что передают измучившее ее сердце содержание. Поэтический образ у Ереминой рождается как будто сам собой, извлекаемый из небытия точной речью, которая, кажется, знает, куда она течет. В прозрачных строках отчетливо, но совсем не декларативно проявляется чувство рода, и это обстоятельство придает ереминским стихам духовную твердость. В них растворено и кристаллизировано авторское понимание всего происходящего во внешнем мире вкупе с чувством личного долга перед прошлым и будущим.

Валентина КУРИЦИНА

ФЕВРОНИЯ

Валентина Алексеевна Курицина — родилась в 1979 г. в Москве. Кандидат филологических наук. Сотрудница аппарата Издательского совета Русской Православной Церкви (исполнительный редактор). Основной лектор передвижного культурно-просветительского проекта «Русские писатели: путь к Богу». Статьи, обзоры и рецензии публиковались в журналах «Православное книжное обозрение», «Православный христианин», «Батя» (интернет-издание). Награждена Патриаршим знаком «700-летие Преподобного Сергия Радонежского» и медалью преподобного Епифания Премудрого III степени. **Живет в Москве и в Боровском районе Калужской области.**

ФЕВРОНИЯ

Встреча с Петром

Ты помнишь небо на рассвете,
Пятно от солнца на стене,
По лугу пролетевший ветер
И капли ливня на окне?

Ты помнишь, как тропинка вьется,
И шум воды из родника,
Как пахнет кожа после солнца,
Как льется тихая река?

Ты помнишь россыпь
звезд небесных,
Росу наутро на тропе
И запах хвои в чаще тесной,
Где дождь грибы полить успел?

Ты улыбался, жмурясь, солнцу?
Ты верил в то, что вечен мир,
Что целый мир тебе дается —
Лишь руку протяни — возьми?

А в ясный день дышал ты стужей?
Ловил снежинки на рукав?
В весенних отражаясь лужах,
Летали птицы в облаках?

Ты помнишь, как совсем ребенком
Смотрел вокруг, весь мир любя?
Шиповник цвел,
пел зяблик звонко...
Вот так я вспомнила тебя.

ЛАДЬЯ

(время, когда бояре изгнали)

Отплывая из Мурома

Ты им сказал, что без меня — никак.
И знаешь сам:

мне без тебя тем более.
Князь Петр, хороша у нас Ока.
По берегам то лес, то луг, то поле.

Дни проводил в трудах ты и делах,
И допоздна всегда горели свечи.
Не видел даже, как сирень цвела —
Весна вся пробежала незамеченной.

Мой князь, не отдыхал ты так давно:
Шум, суета... А здесь намного тише.

И запах ранних ягод, как вино,
Разлит вдоль речки, и июнь им дышит.

Толкует что-то выпь коростелю,
И чаек крик утят слегка тревожит.
Ты шепчешь еле слышно мне: «Люблю».
Я отвечаю тихо-тихо: «Тоже».

Ночь

Устало дремлет в стороне ладья.
Воробышки притихли под карнизом.
Ночь — время тайн, мечтаний, забытья.
Спи, князь мой, спи: день новый очень близок.
А с ним придут и новые дела,
И суета сует, и цепь событий.
Набраться сил нам время ночь дала.
Спит солнце. И река всем шепчет: «Спите».
И только ты не хочешь, князь, заснуть.
Заботы? Озаренья? Мыслей нити?
Шуршит трава, как ткани в старину.
И в этом шорохе (ты слышишь?): «Спите, спите...»

День

Ромашки распускались, увядали,
Был нежно-бел ковер их лепестков.
Ты покупал мне шелковые шали,
А я хотела шаль из васильков.

И ты дарил. В лугах трава по пояс,
Пыльца вилась у самых рукавов.
Был слышен близкой речки тихий голос,
И шаль ткалась из трав, цветов и слов.

Мы дальше шли. Лучи терялись в блеске.
Ты раздвигал у берега кусты.
И расходились ветки — занавеской —
Средь голубой стрекозой суеты.

Когда закат близок

Мы будем жить с тобою долго-долго...
Под звездами, под общим небосводом.
Снег много раз травы сменится шелком,
И сад все выше будет с каждым годом.

Мы будем жить. Пройдут десятилетия.
Морщинки возле глаз станут заметней.
В который раз июль и разноцветье...
А ты — седой старик, почти столетний.

Как быстро правнуки растут — на удивленье:
Вчера малыш, сегодня — юный отрок.
А кажется: прошло всего мгновенье
С тех пор, как мы детей катали с горок.

А ты порой, как прежде, струны тронешь
И напеваешь тихо те же песни.
Опять звезда зажглась на небосклоне,
Как много лет назад, и не исчезнет.

У родника с живой водой

Ладья у берега усыпана листвою.
И месяц в небе, будто сам не свой,
Ночами пересчитывает звезды.
Не успевает: много их, и поздно...
Рассвет. Уже светлеет небосвод,
И солнце просыпается, встает,
Хотя пока, гвоздик и роз белей,
Мороз ночной — хозяин всех полей.
Но отряхает капельки трава.
И, тонкий лед сломав едва-едва,
Освобождаются от гнета лужи.
И в них глядятся ягоды и день,
И облака. Темнеть им нынче лень,
Но гонит, гонит ветер их простуженный.
Неподалеку, словно лед, родник.
Меды и сладости в местечке потаенном.
И, словно руки, листья рослых кленов,
И птиц, таких пугливых, близкий крик.
У родника стоит он, чуть склонясь,
И пьет горстями воду, утоляя
Все жажды: воли, слова, бытия.
И силы придает вода живая.
Он помнит древней рукописи вязь,
И беды прошлого, и смутные надежды.
И знает: будет тяжелей, чем прежде.
Но все ж идет к ладье он, не таясь,
Властитель здешний, славный Игорь-князь...

ИЗ ВЕКА В ВЕК

Кот укатил клубок.
Февраль засыпал дверь.
Метель скреблась у окон, словно кошка.
Летя наискосок,
Снег, верь или не верь,
Все заметал до крыш — не понарошку.

Тянулась нить,
И прибавлялся шарф.

Шептала вьюга песни и былины.
Нам — сохранить.
Ей — хлопьями шуршать
И продолжать тянуть напев старинный.

И сотню лет,
И пять веков назад
Прабабушки в руках с вязаньем, с шалью
Смотрели вслед
Иль, проглядев глаза,
Из снежной пелены кого-то ждали.

А пальцы слушались,
Проворен был крючок.
Не мудрствуя: что свяжешь — то согреет.
Снаружи стужа,
В печке горячо.
Кот на плече, и хлеб в духовке зреет.

Вновь снег идет
И засыпает сад.
И хлопья шелестят над низкой крышей.
В век нынешний,
Как пять веков назад,
В избушках ждут и каждый шорох слышат.

ВЫШЛА КНИГА

Минаков С.А.

«Мнемозина с гвардейской лентой...»: «Русская война» и стихи нового века. Мотивы, образы, имена. СПб.: Алетейя, 2025. 236 с.

По мнению автора этой книги, поэта и публициста Станислава Минакова, самые внятные, существенные и порой прекрасные стихи, касающиеся проблемы бывшей СССР, «странной войны», идущей для кого-то с 2014, а для кого-то если не с 1991, то с 2004 г., написали поэты, представленные в этом обзоре. Автор не только вчитывается в произведения предлагаемых авторов, но и показывает генезис нынешней войны от Великой Отечественной войны, а сегодняшних сочинений — от произведений той войны.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КАМКИН

ТЕХНОФАШИЗМ: АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Александр Константинович Камкин — канд. филос. наук. Родился в 1978 г. в Москве. Окончил Московский государственный лингвистический университет по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация», а также Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «Международная экономика». Политолог, историк, переводчик, преподаватель, доцент Финансового университета при Правительстве РФ. Постоянный участник политических ток-шоу, а также различных аналитических программ на федеральных каналах. Живет в Москве.

В своей книге «Банальность зла» политический философ Ханна Арендт описывает психотип убийцы миллионов людей — Адольфа Эйхмана. По ее мнению, одна из величайших трагедий XX в. стала возможна благодаря педантичной работе по своей сути ничтожных личностей, бездумно выполнявших свои рутинные служебные обязанности. Эйхман на страницах ее книги предстает как своего рода «человек в футляре», биоробот, ведущий бухгалтерский учет миллионов замученных людей, словно это были мешки с цементом в строительном гипермаркете Obi. Исследователь творчества Ханны Арендт А.С. Московская отмечает, что «радикальность зла тоталитаризма заключена в том, что он деперсонализирует личность, сводит личность на «нет»¹. Обезличенный человек в свою очередь порождает феномен банальности зла, то есть зла, бездумно совершаемого личностями без идентичности и облика — своего рода «винтиками» тоталитарной системы. Так выглядел фашизм образца 1930–1940 гг.: бездушная машина убийства и расчеловечивания.

Прошло почти сто лет, и фашизм снова поднимает голову, и не только на Украине в виде тупых подражателей Гитлера. Ранее точно так же реинкарнация фашизма наблюдалась в Хорватии, где идейные наследники Павелича и Артуковича вели геноцид сербов в 1990-х годах.

Однако истинная реинкарнация фашизма происходит вовсе не во Львове или Сплите. Традиционно нацистский англосаксонский мир, предвидя неминуемый глобаль-

¹ *Московская Е.С.* Понятие «банальность зла» в этике Ханны Арендт: автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. М.: МГУ им. Ломоносова, 2015. С. 4.

ный экономический кризис, пытается сохранить основы своего господства. А инструментами господства «белого человека» во все века было технологическое и военное превосходство. Грубые колонисты из Англии, Франции и Голландии, которые едва умели читать и писать, уничтожали бесценные культурные сокровища Индии, Китая, аутентичной культуры Северной Америки и Африки. Позднее, начитавшись английских расологов, немецкие последователи Киплинга и Хьюстона Чемберлена сказали себе: «Раз такая культурная нация, как англичане, вела себя так, то и мы можем. Хайль Гитлер!»

Сегодня мир стоит на пороге судьбоносных трансформаций. Начинается большая восходящая волна нового экономического макроцикла Кондратьева, который учил, что этот период макроцикла всегда связан с технологическими прорывами и войнами, в ходе которых технологические лидеры всячески пытаются закрепить свое доминирование для эксплуатации остального мира. Более того, смена экономического и технологического уклада влечет за собой и изменение политической модели.

И симптомы такого технологического прорыва очевидны. Еще несколько лет назад «Кассандра» глобализма, доктор Шваб, бывший глава Всемирного экономического форума в Давосе, провозгласил эпоху глобальных трансформаций: «У людей не будет собственности, не будет культурной, этнической, религиозной идентичности, и все будут счастливы». Наверное, о таком же счастливом бытии узников Дахау, Заксенхаузена, Бухенвальда писала нацистская пропаганда. Этот момент, кстати, блестяще обыгран в художественном фильме «Мальчик в полосатой пижаме».

Сегодня та же банальность зла наблюдается в действиях сионистского образования в Палестине. Откровенные нацисты Смотрич, Нетаньяху, Бен-Гвир ведут геноцид палестинского и иранского народов, солдаты ЦАХАЛа разрушают как мусульманские, так и христианские святыни, проявляя себя слугами антихриста. Примечательно, что Бен-Гвир является учеником израильского нациста Меира Кахане, который считался радикалом даже для израильских правых. А Нетаньяху — дальний потомок сиониста-фанатика Жаботинского, который в 1930-х гг. провозглашал: «Германия — Гитлеру, Италия — Муссолини, Палестина нам!»

Фанатикам в Тель-Авиве вторят такие же кровавые отморожки, как Трамп, Хегсет, Рубио и прочие, которые всячески поощряют нацистские режимы Зеленского и Нетаньяху, будучи, по сути, прислужниками радикальных сионистов.

Эти геополитические драмы проходят на фоне тектонических сдвигов в технологиях, которые именуются критиками системной работой по созданию глобального цифрового концлагеря.

Сегодняшний ажиотаж вокруг искусственного интеллекта раскрывает горизонты технологических и связанных с ними политических трансформаций. Каста техноолигархов, владельцев глобальных технологических компаний — Маск, Тиль, Безос, Цукерберг и другие, — мнит себя не просто хозяевами жизни, но и архитекторами нового человечества.

В этом контексте необходимо дать определение терминам «технофеодализм» и «технофашизм», которые часто будут использоваться в данном тексте.

Под технофеодализмом мы понимаем такую систему государственного управления (governance), при которой ключевые полномочия и атрибуты суверенитета и государственной власти будут перетекать от национального государства к транснациональным компаниям в индустрии высоких технологий. Такие акторы будут не только ставить своих людей во властных структурах, но за счет повсеместного внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в системе госуправления будут становиться его операторами, владея дата-центрами и ключевыми технологиями. Фактически номинальная власть в государстве будет подобна средневековому монарху, который опирался на феодалов с большой степенью независимости¹.

Технофашизм — это идеология, на которую будет опираться государственное управление в новом обществе. Инструменты исторического фашизма — тоталитаризм, примат государства и коллективного над личным, диктатура финансового капитала — будут соединены с инструментами тотального контроля над личностью, что обеспечит внедрение ИИ во все сферы общественной и частной жизни, а также в сфере национальной безопасности. Социальный рейтинг, контроль человека в режиме онлайн, программируемые поведенческие модели — это все инструменты технофашизма, очертания которых видны уже сейчас. Технофашизм основан на национал-либеральных воззрениях таких акторов бизнеса и политики, как Питер Тиль², Александр Карп, Илон Маск и прочие. Именно этот круг лиц претендует на роль технофеодалов в будущей «большой Америке», границы которой распространяются на Канаду, Гренландию, Мексику, Венесуэлу и прочее.

Несколько недель назад мир активно обсуждал так называемый манифест компании Palantir — выжимку в виде 22 пунктов из книги Александра Карпа и Николаса Замиски «Технологическая республика. Жесткая сила, мягкие убеждения и будущее Запада». В этой книге авторы, совладельцы компании Palantir, лидера военного программного обеспечения, излагают свое видение будущего США и всего западного мира.

Книга собрала большое количество рецензий со стороны представителей научной, политической и военной элиты США и стран НАТО. Так, профессор Нил Фергюссон отозвался о ней следующим образом: «Книга “Технологическая республика” сочетает в себе увлекательные сведения о методах работы Palantir ... и бескомпромиссную национально-либеральную

¹ В этой связи примечательна Война баронов в Англии в XIII в., в результате чего власть короля оказалась серьезно ограничена.

² Петер Андреас Тиль (родился 11 октября 1967 г.) — немецко-американский предприниматель, венчурный инвестор и консервативный политический активист. Он является соучредителем компаний PayPal (1998), Palantir Technologies (2003) и Founders Fund (2005), а также был первым внешним инвестором в Facebook (2004). По данным The New York Times, по состоянию на декабрь 2025 г. чистая стоимость активов Тили оценивалась в 27,5 млрд долларов США, что ставило его в число 100 самых богатых людей в мире. Родившийся в Германии, Тиль в раннем детстве был перевезен родителями в США. После окончания Стэнфорда Тиль работал клерком, юристом по ценным бумагам, автором речей и трейдером по производным инструментам в Credit Suisse. В 1996 г. он основал Thiel Capital Management, а в 1998 г. вместе с Максом Левчиным и Люком Носеком стал соучредителем PayPal. Он был генеральным директором PayPal до момента ее продажи eBay в 2002 году. В настоящее время он является соуправляющим Palantir Technologies, фонда Mithrili Capital и стипендиальной программы Thiel's Fellowship.

политическую философию Карпа. Это волнующий манифест нового Манхэттенского проекта, призванного обеспечить победу США в войнах будущего с использованием ИИ»¹. Публичный интеллектуал Уолтер Айзексон в своей рецензии отметил: «Эта книга — призыв к возвращению в эпоху Второй мировой войны, в эпоху сотрудничества между технологической индустрией и правительством»².

Рассмотрим эти тезисы подробно:

1. Претензии на участие технологической элиты в государственном строительстве, в том числе в оборонных аспектах. Это прямой намек на технологические возможности Palantir.

2. Из первого тезиса вытекает второй. Одного повсеместного внедрения мобильных приложений мало, сейчас они ограничивают возможности технологий. Авторы требуют повсеместного внедрения ИИ и больших данных в повседневность. Сбывается пророчество Оруэлла о «большом брате», следящем за своими подданными.

3. Третий тезис близок к предыдущему. Просто бесплатных приложений и программ мало. Правящая элита должна взять в свои руки решение вопросов экономического роста и безопасности общества. Иными словами, передача функций правоохранительных органов искусственному интеллекту, производителем и оператором которого будет каста технофеодалов, — вопрос времени.

4. Для победы в грядущих конфликтах и противостояниях мало набившей оскомину «мягкой силы». Авторы призывают к возврату к примату «жесткой силы», которая будет опираться на ИИ.

5. Призыв к скорейшему созданию всевозможных видов вооружений на основе военного искусственного интеллекта, поскольку враги Америки не будут ждать. И тут Palantir может предложить уже множество готовых решений и платформ. Достаточно как следует напугать общественность, что злые русские готовят агрессию против Америки.

6. Призыв к отказу от профессиональной армии и к возврату всеобщей воинской повинности. Консолидация всего общества в случае будущей войны. В этой связи сразу вспоминается пронзительный возглас Йозефа Геббельса в Рейхстаге зимой 1942–1943 гг. после поражения под Сталинградом: «Вам нужна тотальная война???».

7. Безусловная поддержка ВПК и военных операций США по всему миру. США должны быть гегемоном в военном плане, и бизнес должен безоговорочно поддерживать армию (не без прибыли для себя, разумеется).

8. Призыв к ограничению общественного положения чиновников: «Государственные служащие не должны быть нашими священниками»³. Сравнение системы госуправления и частного бизнеса, проводимое авторами, незаметно подводит аудиторию к тезису о несовершенстве чиновников и необходимости их замены на ИИ.

¹ *Карп А., Замиска Н.* Жесткая сила, слабая вера и будущее Запада. URL: <https://geochronic.ru> (дата обращения: 20.06.2026).

² Там же.

³ URL: <https://www.businessinsider.com/palantir-manifesto-alex-karp-technological-republic-summary-2026-4> (дата обращения: 15.04.2026).

9. Призыв к снисходительности к политикам и общественным деятелям в плане их бэкграунда. Даже если политик участвовал в оргиях Эпштейна, какая разница? Все люди слабы и несовершенны.

10. Критика «психологизации» современной политики. Политика нового типа не должна быть эмпатичной и человеческой. «Винтик в системе банального зла» абсолютно лишен эмоций. А если учесть, что в будущем апологеты технофашизма собираются передать глобальное управление ИИ, этот тезис более чем актуален.

11. Критика нетерпеливости американского общества, требующего быстрой победы и расправы над врагом, чтобы можно было в режиме реального времени насладиться кадрами расправы над Каддафи, казнью Саддама Хусейна и прочими. Технофашизм не терпит суеты, а установление нового мирового порядка тем более.

12. Основным инструментом глобального сдерживания в XXI в. должно стать технологическое превосходство, основанное на искусственном интеллекте. ИИ станет «атомным оружием» XXI в., и в этой сфере США стремятся обеспечить себе глобальное лидерство.

13. Авторы утверждают, что у каждого в Америке есть возможность добиться высот в бизнесе и политике, независимо от происхождения. Для этого Питер Тиль создал свой образовательный проект Thiel Fellowship, в который отбираются наиболее талантливые и целеустремленные молодые люди. Тиль прямо противопоставляет свой проект традиционным университетам. Называя их «кузницей кадров технофашизма» и «аналогом национально-политических школ в гитлеровской Германии»¹.

14. Авторы сетуют, что на планете был слишком долгий период мира. Как заявляет А. Карп в своей книге, «три поколения — миллиарды людей, их дети, а теперь и внуки — никогда не знали, что такое мировая война»².

15. Критика послевоенного ослабления Германии и Японии. «Лишение Германии ядерного оружия было чрезмерной мерой, за которую Европа теперь платит высокую цену»³. Прямой призыв к милитаризации Германии и Японии, включая потенциальное обладание собственным ядерным оружием. Это полностью соответствует принципам, изложенным в Доктрине национальной безопасности США (2025). Если брать во внимание этот факт, то одержимость правительства ФРГ военным строительством и переводом затухающей экономики на военные рельсы, вопреки позиции большей части немецкого народа, уже не выглядит блажью спятивших реваншистов типа госпожи Штрак-Циммерманн из СвДП или канцлера Мерца. Голос Вашингтона всегда с придыханием слушали в Берлине и без колебаний исполняли. Германию в третий раз за сто лет готовят к роли военного тарана Европы, направленного на Восток.

¹ Национально-политические школы (NAPOLA Schulen) — сеть партийных учебных заведений-интернатов в гитлеровской Германии, куда поступали подростки 14–15 лет. В течение нескольких лет обучения из них готовили кадры НСДАП, партийных пропагандистов, работников СМИ. Основная задача таких школ заключалась в формировании абсолютно преданных идеологии национал-социализма исполнителей.

² URL: <https://www.businessinsider.com/palantir-manifesto-alex-karp-technological-republic-summary-2026-4> (дата обращения: 04.02.2026).

³ Там же.

16. Открытие пути технофеодам в разных сферах предпринимательства, поскольку общество пассивно воспринимает их визионерство. Фактически, это претензии на роль особой касты в бизнес-сообществе.

17. Рост роли Кремниевой долины в борьбе с насильственными преступлениями. Усилении участия ИИ в контроле общественной жизни под предлогом борьбы с преступностью.

18. Запрет на раскрытие деталей личной жизни, ибо «беспощадное раскрытие подробностей личной жизни публичных персон отпугивает слишком многих талантливых людей от государственной службы»¹. Иными словами — не дело плебса лезть в дело Эпштейна и прочих сильных мира сего.

19. Увеличение активности в общественной жизни для консолидации общества. Каждый индивид должен быть вовлечен в общественную жизнь. Это типичный тезис национал-либералов, начиная с XIX века.

20. Противостояние повсеместной нетерпимости политической и медийной элиты к религиозным убеждениям в определенных кругах. Опять же возникает вопрос: какие религиозные убеждения имеет в виду Карп? Учение своего босса об Антихристе?

21. Некоторые культуры добились значительных успехов, в то время как другие остаются неэффективными и регрессивными. Некоторые культуры (как славяне и евреи, по Гитлеру) оказались посредственными, а то и вовсе регрессивными и вредными.

22. Противостояние «поверхностному искушению пустого и бессмысленного плюрализма»². В этой связи возникают вопросы: что теперь придет вместо него? Диктатура единственной позиции технологического феодализма?

Иными словами, авторы манифеста и «катехизиса» технофашизма прямо призывают передать ИИ полномочия национальной безопасности, а хайтек-компании США и Запада — участвовать в этом глобальном проекте технологического лидерства США. Одновременно виден призыв вернуть военную составляющую Германии и Японии как сателлитам США для способности вести конвенциональную войну на восточном фланге НАТО (против России) и на Тихоокеанском театре военных действий. Сами же США будут стремиться обеспечивать тотальное технологическое превосходство. Поэтому не случайно, что в Германии в наше время наблюдается не только тенденция милитаризации, но и прямой фашизации: изменение законов, борьба с инакомыслием, объявление террористами тех, кто не поддерживает военную помощь киевскому режиму, и прочее. Точно так же американский финансовый капитал продвигал во власть Адольфа Гитлера и НСДАП. Примечательно, что именно после 1922 г. — подписания соглашения в Рапалло между Советской Россией и Веймарской Германией — начинается взлет нацистской партии и интерес к Гитлеру со стороны банкиров Лондона и Нью-Йорка. Для англо-американцев сотрудничество России и Германии всегда было геополитическим кошмаром. Об этом писали и Макиндер, и Мэхэн в своих теоретических выкладках. И в наше время подход США, при всей видимости противоречий с глобальным Лондоном, не изменился.

¹ URL: <https://www.businessinsider.com/palantir-manifesto-alex-karp-technological-republic-summary-2026-4> (дата обращения: 04.02.2026).

² Там же.

Изменился лишь технологический уклад, и стремительно меняется политическая форма в самих Соединенных Штатах.

Именно для этого Питер Тиль, глава компаний Palantir Technologies¹, Mithril Capital², Thiel Fellowship³, активно участвует в американской политике, спонсируя Республиканскую партию и, в частности, движение MAGA, продвигая своих доверенных лиц. В частности, именно он убедил Трампа взять в вице-президенты Джей Ди Вэнса, который является выходцем из его бизнес-империи⁴.

В этом контексте нужно обратить внимание на синергию бизнес-проектов Тилиа и его политических убеждений. Компания Palantir Technologies занимается разработкой платформ больших данных и искусственного интеллекта для всего комплекса ВПК США, ФБР и различных спецслужб. Венчурный фонд Mithril Capital привлекает денежные средства частных инвесторов под проекты Palantir Technologies. В свою очередь, проект Thiel Fellowship привлекает крупными стипендиями молодых ученых и разработчиков, формируя из них круг преданных лично Тиллю и Карпу технологических преторианцев, которые ставят превыше всего лояльность корпорации, — и только потом лояльность государству. Хотя сам Карп в своей книге не ставит под сомнение суверенитет США, решающим фактором для его укрепления он видит именно прослойку бизнес-сообщества, разделяющую его ценности.

Говоря о ценностях технофеодалов, мы не можем пройти мимо учения Питера Тилиа об Антихристе, которое он проповедует в ходе закрытых лекций. Последняя лекция, прочитанная им, состоялась не где-нибудь, а в самом Ватикане. Следует отметить, что сам Святой Престол достаточно скептически отнесся к этому мероприятию, но открыто препятствовать ему не стал.

Что так заинтересовало Питера Тилиа, открытого содомита, в фигуре Антихриста, который будет противостоять Иисусу Христу перед Вторым пришествием?

Тиль ранее писал и читал лекции на эту тему, утверждая, что Антихрист не обязательно является конкретной личностью, а может проявиться в виде глобальной системы управления. По его мнению, он захватит власть, используя страхи людей, связанные с искусственным интеллектом, изменением климата или ядерной войной. Соответственно, Питер Тиль предлагает противопоставить пришествию Антихриста искусственный интеллект, трансгуманизм и попытку создать сверхчеловека путем антиэйджинга, пересадки человеческого мозга в новое тело и прочее.

Необходимо отметить, что данная концепция Тилиа не имеет никакого отношения к традиционному христианству, но очень близка оккультному течению нью-эйдж, которое охватило страны Запада. Сами названия его компаний — прямая отсылка к фэнтезийным романам Д. Толкина, которые переносят читателя в альтернативные вселенные и являются настольными книгами нескольких поколений адептов данного квазирелигиозного учения.

¹ URL: <https://www.palantir.com/> (дата обращения: 02.03.2026).

² URL: <https://www.mithril.com/our-founders/peter-thiel/> (дата обращения: 02.03.2026).

³ URL: <https://thielfellowship.org/> (дата обращения: 02.03.2026).

⁴ URL: <https://rossaprimavera.ru/article/5db90c00?ysclid=mov6l4t58u480217628> (дата обращения: 02.03.2026).

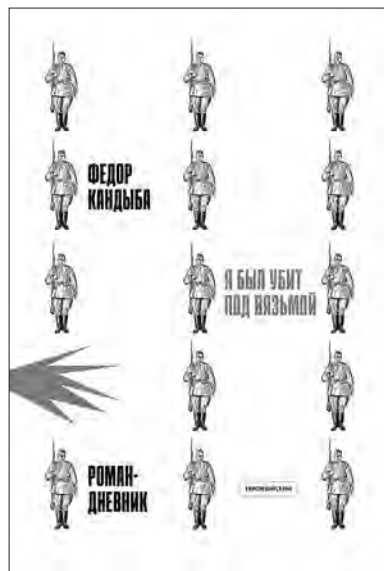
Беря на себя роль публичного оратора и популяризатора подобной доктрины, Тиль вышел за рамки транснационального предпринимателя, который финансирует существующие политические институты. Ему, как и прочим лидерам IT-отрасли, тесно в рамках постепенно разрушающейся Вестфальской системы национальных государств. Видя идеологический вакуум в странах Запада, он пытается предложить свою доктрину, завернув ее в привлекательные для западного общества обертки. Но за ними проступают мрачные очертания общества будущего, в котором человек будет низведен до обезличенной сущности с порядковым номером, а определяющим фактором будет банальность зла искусственного интеллекта. Если в XX в. банальность зла символизировали охранники концлагерей с собаками и крематории Освенцима, то в XXI в. банальность зла будет проявляться в цифровом концлагере. Вопрос выживания человечества заключается в том, сможет ли плюрализм цивилизационного развития сформулировать более сильную в идеологическом плане альтернативу данному новому тоталитаризму. От того, будет ли водружено знамя победы над дата-центрами технофашистов, зависит будущее всего человечества.

ВЫШЛА КНИГА

Кандыба Ф.Л.

Я был убит под Вязьмой: роман-дневник. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2026. 428 с.

Эта книга готовилась к публикации в 1944 г., но была запрещена. Ее автор — Федор Львович Кандыба (1903–1948), уроженец Харькова, выходец из дворянского рода, очеркист, прозаик. Его литературная деятельность начиналась в Харькове, где он трудился в редакциях газет, печатал статьи о науке и технике. Позже, получив предложение работать в Москве, Кандыба перебрался в столицу. В 1941 г. он ушел на фронт, вступив в Московское ополчение. Его дивизия была разбита в Вяземском окружении, а сам писатель, пережив марш обреченных на гибель пленных, чудом бежал и совершил невероятное — пробрался к семье в Харьков, в одиночку пешком пройдя тысячу километров и восемь кругов ада. Девятый, и самый долгий, круг ожидал его в выгоревшем и оголодавшем «украинском Ленинграде». Впереди были почти два года ежедневных терзаний и мучительного выбора: между жизнью и небытием, между выживанием и прислуживанием, между личным спасением и советским воспитанием. Спустя восемь десятилетий извлеченный словно из капсулы времени нетронутый подлинник с беспощадной силой передает чувства и мысли очевидца, одинокой щепкой угодившего в прорву войны и оккупации.

Национальное самосознание

Чеслав КИРВЕЛЬ

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РОССИИ КАК УГРОЗА ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОМУ БЫТИЮ

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор филос. наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, заслуженный деятель науки Республики Беларусь. Автор более 350 научных работ, в том числе нескольких монографий, учебников и учебных пособий. Лауреат многих премий. Живет в г. Гродно, Республика Беларусь.

Демографическое поведение — это индикатор духовного здоровья нации, состояния ее ценностных ориентиров, перспектив ее исторического бытия и способности к самосохранению.

В наиболее острой форме и в специфическом преломлении проблема демографии обнаруживает себя в России. Этнодемографические процессы в России, пожалуй, быстрее, чем где-либо, могут кардинально изменить ее облик и историческую судьбу. Фундаментальная слабость и уязвимость России — низкая рождаемость. Можно утверждать, что при отсутствии мудрой, взвешенной и вместе с тем радикально жесткой политики одни только демографические проблемы (не говоря уже о других) могут оказаться разрушительными для российского государства и даже выступить причиной его гибели.

Феномен быстро нарастающей депопуляции в России: угрозы и последствия

В России проблема состоит не в перенаселенности, как это имеет место во многих государствах нашей планеты, особенно в странах «третьего мира», а в ужасающе низкой плотности населения на охватываемой ею огромной территории и все снижающейся репродуктивности новых поколений, входящих во взрослую жизнь. Многие территориальные образования России отличаются чрезвычайно малой заселенностью, а в некоторых из них население почти отсутствует. Даже европейские страны, в которых уже не первое десятилетие наблюдается интенсивный процесс депопуляции, сохраняют на своих территориях вы-

сокую плотность населения. Фактические данные на этот счет таковы: «Уже сейчас плотность населения в азиатской части Российской Федерации, составляющей 75% территории страны, не превышает 3 человека на 1 кв. км. Между тем на 1 кв. км в США проживает 29 человек, а в Европе и вовсе 119»¹. Более развернутые данные о сложившейся географической системе расселения в Российской Федерации по результатам переписи населения 2010 года выглядят следующим образом²:

РФ в целом	8,4
Центральный федеральный округ	59,1
Московская область	155,0
г. Москва	10588,1
Северо-Западный федеральный округ	8,1
Ленинградская область	20,4
г. Санкт-Петербург	3480,0
Сибирский федеральный округ	3,7
Красноярский край	1,2
Дальневосточный федеральный округ	1,0
Магаданская область	0,3

Если 50 лет назад РСФСР занимала четвертое место в мире по численности населения, уступая по этому показателю лишь трем странам — Китаю, Индии и США, то уже к концу XX в. она оказалась на девятом месте, отстав от Индонезии, Пакистана, Нигерии, Бангладеш.

В принципе, та нация, которая к концу XXI в. сможет успешно решить проблему рождаемости, станет доминирующей, господствующей в мире.

По прогнозам ООН, к 2030 г. численность населения России, составляющая ныне 146 млн человек, сократится до 143 млн, а к 2050 г. — до 126 млн³. А если акцентировать внимание на возрастной структуре в 2020 г., особенно на численность населения, подлежащего призыву на военную службу, то мужчин в возрасте 35–39 лет было 6 млн, мужчин в возрасте 30–34 лет — 6,3 млн, мужчин в возрасте 25–29 лет — 4,6 млн, а мужчин 20–24 лет — 3,6 млн. Данные цифры — не прогнозы, а реальные на текущий момент. Россия вступила в фазу сокращения своего потенциально мобилизуемого населения — 40% для этих возрастных групп⁴. В этой связи французский исследователь Эммануэль Тодд в своей весьма интересной и содержательной книге «Поражение Запада» (2025) пишет: «Вот почему упоминание о России как покорительнице, способной вторгнуться в Европу после того, как она победит Украину, является фантазией или пропагандой. Правда в том, что Россия с сокращающимся населением и территорией в 17 млн кв. километров далека от стремлений к завоеванию новых территорий, перед ней стоит задача:

¹ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 50.

² Лемешев М. Экологические деревни — альтернатива урбанизации // Наш современник. 2016. № 2.

³ Тодд Э. Поражение Запада. М., 2025. С. 56.

⁴ Там же.

сохранить те, на которые ее суверенитет сегодня распространяется»¹. Э. Тодд отмечает: «Приоритет России — не захватывать максимум территории, а терять минимум живой силы. Во время украинского контрнаступления осенью 2022 г., предпринятого после массовой мобилизации, россияне, оказавшись в ситуации “одного против трех” противников, предпочли отказаться от контролируемой ими части Харьковской области на востоке, а на юге — отступить без боя на левый берег Днепра. Генерал Суворовикин, который принял это решение, объяснял, что война будет выиграна иначе, чем путем ненужного жертвоприношения живой силы»².

Что же будет дальше? Согласно долгосрочному прогнозу ООН, «к 2050 г. Российская Федерация по показателю численности населения будет находиться на 14-й позиции в мире, а в 2100 г. — на 20-м месте»³. В этой связи известный российский исследователь В. Багдасарян задается вопросом: «Станет ли страдающее от перенаселения мировое сообщество спокойно взирать на малозаселенную богатую природными ресурсами Россию?»⁴. И отвечает: «Следует прогнозировать выдвижение со временем требований о “справедливом” перераспределении принадлежащих всему человечеству территорий земного шара в соответствии с численностью населения»⁵. Отсюда следует, что для России данная ситуация «фактически означает геополитическую смерть»⁶.

Феномен быстро нарастающей депопуляции в России получил в публицистике образное определение «русский крест» (пересечение снижающейся кривой рождаемости и возрастающей кривой смертности). Особую тревогу вызывает тот факт, что, по мнению ряда исследователей, демографическая ситуация в России оценивается не просто как депопуляционная, но как катастрофическая⁷. Катастрофичность эта заключается не только в количественных показателях убыли населения, но и в качественных изменениях — разрушении традиционных семейных ценностей, утрате репродуктивных установок, распространении идеологии бездетности. Дополнительным фактором, усугубляющим демографическую ситуацию, является кризис самого института брака. В российской ситуации кризис брачности накладывается на общую тенденцию депопуляции. Как отмечает Л.Л. Рыбаковский, «депопуляция в России обладает особыми чертами, имеющими принципиальный характер с точки зрения геополитических интересов страны не только в настоящее время, но и в обозримом будущем»⁸. К числу таких особых черт относится и неустойчивость семейных отношений, высокий уровень разводов и распространение альтернативных форм брачности.

Что получается? Огромная страна, почти две трети территории которой — Север, невозможный с точки зрения многих других народов для

¹ Тодд Э. Поражение Запада. М., 2025. С. 56.

² Там же. С. 57.

³ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Избровский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 49.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Крылова И.А. Демографическое бедствие // Пути безопасности. 2006. № 1 (29). С. 47–57.

⁸ Захарова О.Д. Геополитические аспекты депопуляции в России // Социологические исследования. 1997. № 6. С. 48.

нормальной жизни, но освоенный и заселенный русскими людьми, может к концу XXI в. вообще уйти из мировой истории; и не исключено, что навсегда может опуститься занавес истории. Можно ли такое допустить?

Россия находится в мире миллиардных цивилизаций. Она со своими 146 миллионами, которые, согласно прогнозам, при существующих демографических тенденциях через три поколения могут сократиться до 60–70 миллионов человек, вряд ли долго сможет устоять на занимаемой ею восьмой части мировой суши, не будучи вытесненной другими цивилизациями (исламской, китайской, англосаксонской и др.), даже если и их население снизится в полтора-два раза.

В принципе, избежать быстро нарастающего демографического кризиса возможно лишь в результате восстановления многодетных семей в качестве общественной нормы. Расчеты показывают, что для «преодоления депопуляции и поддержания численности населения хотя бы на уже имеющемся уровне необходимо, чтобы на каждую семью приходилось 2–3 ребенка. Это компенсирует естественные потери, а также случаи бездетности по объективным причинам»¹. А.И. Антонов в этой связи отмечает, что «теоретическая модель однодетности в семейной структуре реальных поколений, состоящая из 85% однодетных, 5% двухдетных и столько же бездетных, ведет к сокращению численности населения наполовину через каждые 25 лет»².

Как противостоять такому развороту событий, как остановить угасание репродуктивных установок у новых поколений в современном обществе с его непрерывной рекламой гламура, пробудившимся вкусом к комфорту, к этике наслаждений, удовольствиям и развлечениям? Несомненно, быстро нарастающая депопуляция, явно угрожающая историческому бытию России, жестко требует новой демографической политики и формирования новой демографической теории.

От традиционной урбанизации к урбанизации нового типа

В свое время известный российский социолог и демограф И.В. Бестужев-Лада обосновал мысль о том, что основной причиной падения рождаемости в Советском Союзе является урбанизация. При этом он писал, что урбанизация представляет собой не только переселение в многоэтажные дома, но и разрушение патриархальной семьи. С его точки зрения, со времени переселения в город многодетная семья стала уходить в прошлое.

Действительно, в результате модернизационных процессов, индустриализации и урбанизации в последние столетия институт семьи претерпел изменения фундаментального характера: традиционная большая семья была заменена нуклеарной. В деревенской традиционной семье дети воспринимались как помощники в хозяйстве, продолжатели рода, гарантия благополучия родителей в старости. Поэтому, с чисто экономической точки зрения, рождение детей и их воспитание были выгодной долгосрочной инвестицией в будущее. Важно понимать, что в традиционном обществе семья — это

¹ Антонов А.А. Демографическая ситуация в стране: проблемы, перспективы // Демография и глобальные вызовы: III Международный демографический форум. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. Т. 1. С. 37.

² Там же.

автономная хозяйственно-производственная единица, целостная многофункциональная система, обеспечивающая практически все потребности индивида. В условиях же современной городской жизни дети вольно или невольно начинают рассматриваться как «обуза»: они требуют немалых дополнительных финансовых расходов, жертв и времени. Они ограничивают возможности путешествовать, наслаждаться жизнью, строить карьеру; их необходимо долго воспитывать, давать им качественное образование, прежде чем они начнут самостоятельную жизнь. Следует особо подчеркнуть, что в традиционном обществе деторождение имело сакральный смысл и характер, рассматривалось как религиозная обязанность, как выполнение божественного замысла. Религия осуждала произвольный характер бездетности, ограничивала и запрещала применение контрацепции, формировала установку на высокую рождаемость. В принципе, во всех традиционных религиях деторождение мыслилось как благо и долг. Секуляризм как продукт модернизации разрушил эту систему сакральных смыслов, существовавшую на протяжении целого ряда столетий. В традиционном обществе человек вообще не воспринимался как исключительно автономная единица, а преимущественно рассматривался как часть целого — семьи, рода, общины. Демографическое поведение в данном обществе было подчинено жестким социальным нормам. Вопрос же о рождении детей воспринимался в этом обществе не столько как результат личного решения супругов, сколько как присущая природе человека естественная потребность в продолжении рода. В то время жизненный путь человека, включая вступление в брак и рождение детей, практически не оставлял места для индивидуального выбора и был жестко предопределен традицией.

Здесь необходимо отметить, что индустриальная революция и последовавшая за ней урбанизация постепенно вывели производство за пределы дома, а образование стало делом государства. Кроме того, государство предложило более надежный способ обеспечения старости, чем рождение детей, — пенсионную систему. Все эти изменения принципиально важны для понимания и объяснения депопуляции в современном мире. Рассуждая в данном контексте, следует подчеркнуть, что важнейшей причиной падения рождаемости явились в первую очередь крупные города-миллионники, мегаполисы. Сегодня насчитывается 1009 городских агломераций численностью более 0,5 млн человек с совокупным населением 2,06 млрд человек, или 53% глобальной городской популяции¹. Если в 1990 г. в мире насчитывалось 270 мегаполисов с населением свыше 1 млн человек, то в 2014 г. их число возросло до 486, а в 2030 г. прогнозируется 662 мегаполиса. И если общее количество городов-миллионников в 1990–2030 гг. возрастает в 2,45 раза, то число городов с населением свыше 10 млн жителей увеличится с 10 до 41, или в 4,1 раза².

В настоящее время культу города, феномену городской жизни, привержено множество не только простых людей, но и немалое количество политиков и исследователей. Примером этому может служить концепция американского социолога Саскии Сассен: с одной стороны, уже ставший

¹ Demographia World Urban Areas. 11th Annual Edition: January 2015. URL: <http://www.demographia.com/db-worldua.pdf> (дата обращения: 04.04.2026).

² Revision of the World Urbanization Prospects. URL: <http://esa.un.org/unpd/wup/Highlights/Wup2014-Highlights.pdf> (дата обращения: 04.04.2026).

традиционным абсолютистский культ города, а с другой — максимально обобщенный глобализационный дискурс. В ее прогностическом видении «глобальные города» (global cities), сосредоточившие в себе наукоемкие производства, финансовые и коммуникационные центры, транспортные хабы, опоянут сетями взаимных связей весь земной шар. При этом весь еще остающийся внегородской мир будет втягиваться в эти «глобальные города», определяющие социальную и географическую картину завтрашнего дня¹. Данного рода взглядам присуще пафосное, иррационально-восторженное отношение к городской цивилизации. «В современном мире мы привыкли к бесконечному воспеванию города, его комфорта, культуры, урбанизма как такового... Подчас привязанность к городу приобретает черты религиозного культа... Таков был и во многом остается универсум восприятия современной цивилизации большинством населения: все, что не город, — это “недогород”, который рано или поздно превратится (“должен превратиться”) в город»².

В действительности же города, особенно «города-миллионники», демонстрируют противоестественное, подверженное росту внутренних противоречий чрезмерное скопление людей на ограниченном пространстве. Они в изобилии продуцируют загрязнение окружающей среды, становятся рассадниками болезней, нравственного неблагополучия, лживой информации, вульгарной поп-культуры и жажды обогащения. Известный западный исследователь Л. Вирт, характеризуя современные крупные города, утверждает: «Еще нигде человечество не отрывалось от органической природы так, как в тех жизненных условиях, которые свойственны крупным городам»³.

Неудивительно, что в наше время в крупных городских агломерациях рекордно упала рождаемость. Если учесть факт ускоряющегося количественного роста данных агломераций и постоянно возрастающую в них численность жителей, то неизбежно столкнешься не только с проблемой оттока и снижения плотности населения на больших пространствах, занимаемых малыми провинциальными городами, селами и деревнями, но и с чрезвычайно сложной демографической ситуацией в целом. Данная ситуация особенно касается России, обладающей самой большой территорией в мире. Демография — «ахиллесова пята» России.

Что реально происходит? Современный город, особенно крупный, чрезвычайно уплотняет время. Мегapolis — это гигантская машина, ускоряющая ритмы жизни людей и резко сокращающая их темпоральную суверенность. Женщине ныне, чтобы родить и воспитать более одного ребенка, попросту не хватает ни времени, ни сил. В современных условиях она, как и мужчина, находится в постоянной карьерной гонке; ей, как и ему, присуще стремление к «достижительству», успеху и новым свершениям. «Современное общество, рекрутировавшее женщину как работника, не дает ей того времени — точнее, заботы — для беременной и кормящей матери. Поэтому

¹ *Saskia S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton University Press, 2001. P. 22.*

² *Покровский Н.Е. Постаграрность и дезурбанизация: новый взгляд на перспективы внегородских территорий: история, модели, теоретические подходы // Человек. 2025. Т. 36. № 4. С. 9–10.*

³ *Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М., 2016. С. 7.*

беременность не принимается, женщины ее избегают, 40% беременностей заканчиваются абортами»¹.

Особую остроту этой проблеме придает тот факт, что демографический кризис в России усугубляется беспрецедентным ростом смертности, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Как отмечается в анализе демографической ситуации, «ухудшение здоровья и беспрецедентный рост смертности населения (особенно трудоспособного возраста), стремительное снижение количества рождений детей, уменьшение ожидаемой продолжительности жизни до крайне низкого уровня, высокая младенческая смертность, рост общей и повозрастной заболеваемости на фоне увеличения масштабов вынужденной миграции и абсолютного сокращения численности населения Российской Федерации»² — таковы реалии современной России. Высокая смертность мужчин означает, что женщины не только несут двойную нагрузку в семье («двойная занятость»), но и часто остаются одинокими матерями, что еще больше снижает их репродуктивные возможности.

Чтобы изменить ситуацию, необходимо, чтобы мужчина мог зарабатывать такое количество денег, которое позволяет ему содержать всю семью. Женщина не хочет работать — не работает, хочет — работает. Это, пожалуй, исходная программа материального характера, достичь реализации которой чрезвычайно важно. Реализация данной программы усилит роль отца, позволит ему выйти из ситуации, когда только женщина принимает решение — сохранить ребенка или прибегнуть к аборту, то есть, по сути дела, даст женщине реальную возможность естественного, органического материнства. Когда возрастет рождаемость, тогда старики — люди четвертого возраста — не окажутся, как это часто бывает, в абсолютном одиночестве.

Как это ни удивительно, утвердившаяся после развала СССР «либеральная» власть взяла курс на мегаполисизацию всей страны — огромной страны, в границах которой имеется практически не имеющее аналогов во всем современном мире большое количество гигантских, чрезвычайно малозаселенных территорий. Была выдвинута идея создания 20 гигантских агломераций вместо сотен малых городов. Вот что пишет в этой связи российский исследователь М. Лемешев: «В основе разработки этого опасного для жизни страны проекта лежит лживое утверждение о том, что в городах с населением менее 100 тысяч человек из-за **“отсутствия ресурсов”** (в их понимании — денег. — *М.Л.*) якобы невозможно создавать новые рабочие места и объекты социально-бытовой инфраструктуры. Другими словами, утверждается невозможность проживания людей в таких городах».

Наиболее активным автором этой акции была и остается поклонница гайдаровской шоковой терапии Э.С. Набиуллина, которая ранее возглавляла Министерство экономического развития РФ, а теперь — Центральный банк. Именно под ее руководством, как я полагаю, вместо **развития** осуществлялся **развал** экономической и социальной жизни страны³.

¹ Чесноков С. Вторая Россия возродит страну. Семинар 1. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 10.

² Крылова И.А. Современная демографическая ситуация в России как объект социальной философии // Новые идеи в социальной философии. М.: ИФ РАН, 2006. С. 289.

³ Лемешев М. Экологические деревни — альтернатива урбанизации // Наш современник. 2016. № 2. С. 172.

Лемешев, подвергая критике точку зрения Э.С. Набиуллиной, отмечает: «В мегаполисах (урбанизированных резервациях — городах-миллионниках. — *М.Л.*) создание инфраструктуры обходится **дешевле**, чем в городах и весях, разбросанных по стране. Э.С. Набиуллиной не дано понять, что возделенные ею миллионники — это **раковые метастазы** на прекрасном природном теле России... Теперь ими ставится задача уничтожения малых городов посредством переселения проживающих в них людей в города-миллионники, жизнь в которых становится все более тяжелой и опасной из-за экологического и социального неблагополучия. **По решению Министерства экономического развития РФ 462 города объявлены бесперспективными и нежизнеспособными.** Таким образом, уничтожается **самая созидательная часть** российского общества, в которой еще сохраняются православная вера, доброта, трудолюбие, взаимопомощь, любовь к родной земле и Отечеству»¹.

Все это в «перестроечной» России происходило не просто по недомыслию и не случайно. В современном мире на решение многих проблем, в том числе демографических, оказывается давление со стороны глобалистских структур. Как известно, мировая финансовая олигархия стремится утвердить «мировое правительство» с целью получения возможности управлять миром из одного центра. Достижение этой цели требует решения двух задач фундаментальной важности: 1) радикального сокращения численности населения нашей планеты (восемью миллиардами человек невозможно управлять из одного центра); 2) демонтажа национальных государств и замены их корпорациями.

Определенно можно утверждать, что демографический спад в России, помимо всего прочего, связан с влиянием политического фактора и имеет управляемый характер. Так, сегодня известно содержание плана NSS-200 — Меморандума национальной безопасности США. «Текст меморандума дает основание утверждать, что снижение репродуктивности населения в мире являлось целевым политическим ориентиром. Среди инструментов этой политики использовалось, в частности, продвижение на уровне национальных государств программ планирования семьи».

Наибольшей активностью в деятельности по провоцированию демографических кризисов отличился Фонд Дж. Сороса. Сорос процессы демографического спада напрямую связывал с насаждением концепта ЛГБТ-пропаганды и концепта планирования семьи, а также с падением уровня образования, пропагандой смены пола и ювенальной юстиции. В целом для Фонда Сороса характерны следующие установки: «право выбора гендерной идентичности, декриминализация проституции, депатологизация транссексуализма, сексуальное образование на основе гендерного равенства, самоопределения и принятия разнообразия, право на аборт, свобода миграции — и все это сопряжено и определяется революцией новой волны и миром без границ, который стирает цивилизационное пространство»².

Для западных политических элит, в первую очередь элит США, задача сокращения населения в других странах, прежде всего в России, является приоритетным ориентиром в сфере демографической политики.

¹ Лемешев М. Экологические деревни — альтернатива урбанизации // Наш современник. 2016. № 2. С. 173.

² Багдасарян В. Кризис депопуляции как цивилизационный кризис: историко-демографический анализ // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути решения. 2016. Т. 19. № 1. С. 32.

Реакция российской перестроечной власти на эту программу сокращения населения в мире вызывает немалое удивление: «Несмотря на крайне удручающую демографическую ситуацию в стране, Российское государство целенаправленно и последовательно реализовывало стратегию сокращения рождаемости. Еще в декабре 1991 г., при прямом содействии правительства, была учреждена Российская ассоциация “Планирование семьи”. Активно реализовывалась Федеральная целевая программа “Планирование семьи”, получившая с 1994 г. статус президентской. Соответствующие региональные программы были приняты более чем в 50 субъектах Федерации»¹. Просто удивительно, какого рода люди тогда овладели властью в России. Похоже, они тогда вовсе не думали об исторической судьбе своей страны, ее будущем бытии, а слепо следовали либеральным установкам Запада. Неудивительно, что российский философ В. Багдасарян назвал данную программу планирования семьи «самоликвидацией».

Только в 1997–1998 гг. Государственная дума лишила программу «Планирование семьи» финансирования из федерального бюджета. Также было приостановлено внедрение программ сексуального образования в школах. Таким образом, демографический кризис в России в тот период был в существенной степени рукотворным.

Традиция рассматривать урбанизацию в качестве одной из основных причин депопуляции стала, с легкой руки Бестужева-Лады, весьма устойчивой. И действительно, тот факт, что избыточная урбанизация определенным образом влияет на рождаемость, бесспорен.

Урбанизация явилась существенным фактором, подавляющим рождаемость. Она кардинально изменила репродуктивное поведение населения и стала значимой причиной, препятствующей высокой рождаемости, и, судя по всему, будет действовать до тех пор, пока сложившаяся к сегодняшнему дню модель городского образа жизни не будет существенно трансформирована.

Тем не менее в вопросе урбанизации далеко не все так однозначно, как кажется на первый взгляд.

Валить все грехи на урбанизацию как таковую вряд ли оправдано. Процесс урбанизации объективен. Отказаться от нее в наше время в принципе невозможно. Требования отказаться от урбанизации опрокидывают нас в далекое прошлое, в архаику, содержат в себе импульс возвращения в доцивилизационное состояние.

В действительности, как считают многие авторы, задача состоит в том, чтобы трансформировать нынешнюю урбанизацию в урбанизацию другого рода, урбанизацию нового типа. Данная урбанизация, что особенно важно подчеркнуть, должна быть альтернативной «умному городу», идея создания которого активно пропагандируется на Западе и нередко подхватывается нашими западниками. Верно пишет Максим Калашников: «Что такое умный город? Тот же человекий с домами-термитниками, тотальный электронный концлагерь. Этот умный город не работает на рождаемость, на наше национальное возрождение. Наша альтернатива — это усадебный русский футурополис, город-сад»². Согласно Калашникову, речь идет об ином куль-

¹ Багдасарян В. Путь к возрождению // Завтра. 2025. № 28 (1642).

² Калашников А. Вторая Россия возродит страну. Семинар 1. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 44.

турном формате: «Вокруг новых и старых, возрожденных заводов и фабрик должны возникать усадебные города-“футурополисы”, или “города-сады”. И в футурополисах, этих самоуправляемых городах, должна развиваться именно русская концепция»¹.

И здесь не все так просто. Следует отметить, что современная урбанизация — весьма противоречивый и парадоксальный феномен. Что касается крупных городов, мегаполисов, то именно в эти города направляется преобладающее количество ресурсов развития, хотя эти города и демонстрируют самую низкую рождаемость. Но при этом статистика подтверждает, что именно в этих городах производительность труда и объем ВВП в расчете на душу населения выше, чем в среднем по национальной экономике. И в целом крупные города выступают важнейшим драйвером модернизации и развития национальных экономик, зонами экономического и инвестиционного развития. И в то же время эти города являются главными источниками демографических проблем и целого ряда других проблем, связанных с национальной и социокультурной идентичностью, излишним подражательством Западу, космополитизмом и т.п. Как ни относиться к этому парадоксу, он — очевидное свидетельство трудности решения проблем, связанных с демографией, с замедлением ритмов жизни, эскалацией перемен в современном технократическом обществе.

Именно в этой связи много говорится и пишется о принципиальной альтернативе — о ландшафтно-усадебной малоэтажной урбанизации как реальной оппозиции мегаполисной урбанизации, неотвратимо ведущей к депопуляции. Нам, однако, представляется, что совершенно недостаточно говорить о деурбанизации как о главном, ключевом решении демографических проблем. Необходимо рассматривать вопрос в комплексе. В самом деле, уже примерно в течение 5–7 лет в деревнях суммарный коэффициент рождаемости ниже, чем в городах. Отсюда вопрос: а в урбанизации ли только дело? Может, здесь действуют и какие-то другие факторы?

Как справедливо пишет С. Чесноков: «У нас даже на селе крупногородская культура. Если зайти в дом к селянам, то мы увидим ту же самую “Икею”, потребление тех же самых идеологических продуктов ТВ, интернет и соцсети, ту же роль гаджетов, особенно среди молодежи.

Поэтому сейчас роль села стирается: вроде бы село, но ориентируется оно на мегаполис. И, соответственно, вопрос не в том, чтобы создать альтернативу крупногородской культуре, а в том, где найти точки нового роста, грибницу, на основе которой можно вернуться к другой модели»². В этой связи российский автор Е. Савченко утверждает: «Проект усадебизации России по своей значимости — исторической, геополитической, экономической, социальной, градостроительной, расселенческой, духовно-нравственной — не имеет аналогов в истории России. Если российский народ с помощью верховной власти — президента — запустит этот вот проект, то через 10 лет, а может быть, и раньше, мы Россию не узнаем»³. Наверное,

¹ *Калашиников А.* Вторая Россия возродит страну. Семинар 1. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 44.

² *Чесноков С.* Вторая Россия возродит страну. Семинар 1. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 17.

³ *Савченко Е.* Усадебный образ жизни — ключ к решению. Семинар 3. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 34.

это слишком оптимистичное утверждение. С нашей точки зрения, усадебная урбанизация России может поспособствовать решению ее демографических проблем в весьма ограниченной мере, только отчасти, поскольку урбанизация как таковая является лишь поверхностной, не исходной, не ключевой причиной падения рождаемости.

Духовные факторы как глубинная причина кризисных демографических ситуаций

Все дело здесь в том, что глубинная причина кризисных демографических ситуаций коренится в сфере сознания, в сфере духа. Падение рождаемости начинается с утраты идеала, оптимистического образа будущего, смысловых ориентаций, с разрушения ценностных основ жизни. В этой связи отметим, что и доиндустриальные общества нередко сталкивались с процессами устойчивого сокращения рождаемости. Обычно спад роста населения в цивилизациях прошлого имел место в период их кризиса и гибели. Наиболее ярким примером депопуляции выступила Римская империя периода своего заката. В данном случае падение рождаемости, как это всегда и происходит, было прежде всего обусловлено деградацией тех духовных основ, потенций и идеалов, которые в свое время выдвинули Рим на авансцену мировой истории. Население Римской империи, покорившее и ограбившее множество племен и народов, разбогатев и разжирев, подверглось воздействию вируса потребительства и искусству гедонизма, впало в разврат без границ. На смену воину-стойку и аскету пришел другой человеческий психотип — гедонист, изнеженный и размягченный. Женщины, матроны Рима, стали рожать детей в несколько раз меньше по сравнению с периодом возвышения империи. В результате коренное римское население стало быстрыми темпами сокращаться, к власти начали приходить инородцы, бывшие рабы-вольноотпущенники. Началось, по сути дела, саморазложение римской цивилизации. Все эти факторы в своей совокупности и обусловили падение Римской империи.

Представляется, что Запад, установивший к началу XX в. свое господство почти над всем миром, ныне, ноздря в ноздрю, капля в каплю, повторяет сценарий заката Римской империи.

Интересен тот факт, что Франция, в которой еще с начала XVIII в. обнаружилась устойчивая тенденция к сокращению рождаемости, по степени урбанизации значительно отставала от других ведущих стран Запада. Поэтому урбанизация далеко не исчерпывала причин снижения демографической динамики. «Процесс депопуляции во Франции коррелировался с “передовыми” форсированными темпами секуляризации французского общества. Рубежный характер в смене репродуктивной парадигмы у французов XVIII столетия неслучаен. Он был отражением влияния на демографические процессы просветительской дехристианизации. Франция долгое время являлась своеобразным символом полового аморализма, разрушения семейных ценностей»¹. «Представление, что снижение рождаемости обусловлено технологическим и социальным прогрессом, а потому надо выбирать между

¹ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 51.

прогрессом и рождаемостью, является ошибочным. Реальные механизмы современного репродуктивного кризиса лежат глубже — в ценностных основаниях сознания»¹.

Сказанное означает, что за конкретными причинами сознательного отказа от деторождения (финансовые затраты, карьерные устремления, ускорение ритмов жизни и т.д.) стоит более глубокий феномен — общество потребления, гедонистические установки на получение удовольствия здесь и сейчас, на индивидуальный комфорт. Нынешний демографический кризис — это прежде всего результат глубинных сдвигов в общественном сознании, в мировоззрении человека. Он отражает духовное состояние общества, его ценностные ориентации.

Поскольку, в отличие от прошлых эпох, в современном обществе усиливается стремление к индивидуальному комфорту и счастью (здесь достаточно обратить внимание на назойливую рекламу с ее бесконечными призывами: «бери от жизни все», «испытай райское наслаждение» и т.п.), дети при такого рода навязываемых интенциях и в самом деле выступают как препятствие всему этому и перестают быть источником смысложизненных целей.

Заметим, что демографический кризис и быстрое снижение демографического потенциала той или иной страны невозможно объяснить только причинами материального характера.

В современных условиях экономоцентризм, высокий уровень жизни, богатство не только не способствуют рождаемости, но, напротив, выступают фактором, ее снижающим.

Важнейшим фактором демографического неблагополучия выступает «демон» потребительства, гедонизм, стремление «пожить для себя», «пожить в свое удовольствие». Значит, существует только один путь восстановления высокой рождаемости — это прежде всего изменение устремлений человека, его мотиваций, его способов самоосуществления и самореализации.

Именно потребительский образ жизни в весьма значимой мере провоцирует сокращение населения. Известный западный автор Дж. Бьюкенен в своем бестселлере «Смерть Запада» пишет: «Чем богаче становится страна, тем меньше у нее детей, и тем скорее ее народ начинает вымирать. Общество, создаваемое с целью обеспечить своим членам максимум удовольствия, свободы и счастья, в то же время готовит этим людям похороны»².

Другой западный автор, Ж. Бодрийяр, в своей книге «Общество потребления» отмечает: «Потребление же не является прометеевским, оно гедонистично и репрессивно. Его процесс не является более процессом труда, это процесс поглощения знаков и поглощения знаками»³.

Любое общество динамично развивается только тогда, когда идеальное, духовное ставится выше материального. Возвышение материального над идеальным — первый признак грядущей гибели любого народа и любой страны.

¹ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 52.

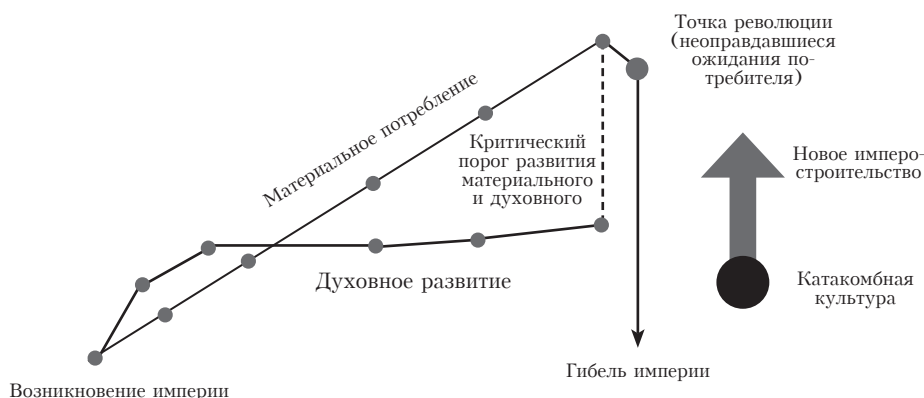
² Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. С. 56.

³ Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с франц. Е.А. Самарской. М.: АСТ, 2020. С. 305.

«Много раз по одной и той же схеме повторялся алгоритм развития и гибели цивилизационных систем и периоды доминирования именно потребительских ценностей».

Российский исследователь В.И. Якунин справедливо пишет: «На стадии возникновения великих государств духовная компонента мотивации деятельности и развития общества и государства всегда преобладала над материальной. Выдвигалась новая ценностно-мировоззренческая парадигма. Духовное развитие тянуло за собой развитие материальное. Обратное соотношение не наблюдалось никогда. Но на определенном этапе материальное целеполагание начинает доминировать над духовным. Достигается критический порог разрыва материального и духовного развития. Система начинает деградировать и распадаться. Достаточно небольшого сбоя в динамике потребительского роста, чтобы вся система государственности рассыпалась. Материальный двигатель прогресса ограничен, а в футурологическом отношении безысходен»¹.

При этом исследователь в качестве иллюстрации выдвинутого положения приводит следующую графическую схему.

Как только разрыв между духовным и материальным потенциалами эволюции общества достигает исторического максимума, неизбежно наступает эпоха смены господствующей модели (парадигмы) развития. Духовная деградация и разложение неизбежно ведут к физическому вырождению, к гибели народов и цивилизаций. Данный алгоритм гибели великих империй и государств еще в более явном и рельефном виде распространяется на современный коллективный Запад.

Показатель рождаемости не может быть высоким, если нет уверенности в будущем, если будущее пугает. Образ будущего является важнейшим фактором демографии. В православный и в советский периоды российского общества позитивное восприятие будущего было. А вот сейчас у нас с восприятием будущего далеко не все ладно. Ныне даже нет попыток сфор-

¹ Якунин В.И. Новый мировой класс — вызов для человечества // Свободная мысль. 2012. № 5—6. С. 9.

мировать какой-либо позитивный образ будущего, выдвинуть социальный идеал, к достижению которого необходимо стремиться. Нынешние власти по существу не обсуждают эту тему, всячески уклоняются от ее постановки. Они полностью погрязли в противоречиях современности. Сегодня «в прессе и в электронных СМИ слово “будущее” не звучит. Плана как такового нет. Собственно говоря, перспектива — “живи и наслаждайся сейчас”. Но человек-потребитель рано или поздно станет человеком-свиньей и, соответственно, свиньей для чужого ножа. Возможно ли в наше время выдать тот большой план бытия, большую веру — в Бога, в Абсолют, веру в ценность своей жизни, которая могла бы способствовать тому великому прорыву, который был бы сравним со сталинским?»¹. И далее: «Навязывание плоскостной потребительской модели, в которой все “здесь и сейчас”, жевать надо сейчас, а о будущем не думать, в конечном счете погубило Советский Союз и губит сейчас нас. И, соответственно, сама демографическая проблема, малодетность-бездетность, связана с принципиальным отсутствием горизонта будущего»².

Между тем без притягательного образа будущего, без позитивного социального идеала, без понимания, к достижению какого общественного устройства мы должны стремиться, без четких ориентиров, ценностей и смыслов невозможно в школах и вузах адекватно воспитывать подрастающее поколение, готовить его к самостоятельной жизни. Это полный провал, тупик, путь в никуда.

В этой связи весьма интересен вопрос: почему в СССР в послевоенные годы, вопреки распространенным стереотипам о сталинизме, фиксируется устойчивое снижение смертности и рост продолжительности жизни? В этот период Советский Союз «впервые в отечественной истории приблизился к европейскому уровню продолжительности жизни при “сталинской кровавой диктатуре”. Но с 1960-х гг. начинается движение в противоположную сторону. Смертность растет, продолжительность жизни у женщин перестает расти, а у мужчин снижается»³.

Этот цивилизационный надлом в Советском Союзе выпадает на период власти Хрущева. Именно с этого периода начинается устойчивое падение суммарного коэффициента рождаемости. Следует также отметить, что в Советском Союзе в довоенный период, несмотря на все трудности того времени, в том числе и годы голода, наблюдался не имеющий аналогов среди крупных государств интенсивный рост населения. Статистика такова: население из 120 миллионов в 1922 г. увеличилось к 1937 г. до 167 миллионов⁴.

А почему? Потому что был притягательный образ будущего, был идеал и вера, что этот идеал будет достигнут. Тогда была душа, был дух. В эпоху Хрущева эта вера и дух стали угасать. Постепенно стала набирать силу ценностная эрозия, девальвация позитивного образа будущего, утрата веры в «прекрасное далекое».

¹ *Василик В.* Аборты в России. Параллели с политикой нацистов. Семинар 4. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 60.

² Там же.

³ *Багдасарян В.* Путь к возрождению // Завтра. 2025. № 28 (1642).

⁴ *Василик В.* Аборты в России. Параллели с политикой нацистов. Семинар 4. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 38.

В современном мире чрезвычайно интенсивно возрастает уровень разводов. В результате огромное количество мальчиков воспитывается матери-одиночками без участия отца, без мужчины, без его образа и примера. Что касается дедушек и бабушек, то численность дедушек существенно уступает количеству бабушек, поскольку продолжительность жизни у женщин намного превосходит продолжительность жизни у мужчин. Данное обстоятельство резко усиливает женское начало в воспитании будущих мужчин. Количество здесь имеет большое значение.

Кроме того, здесь необходимо учесть то, что мужчины в своей жизни в любом обществе чаще, чем женщины, попадают в разного рода рискогенные ситуации. Именно мужчины в первую очередь гибнут в войнах, драках и во множестве других жизненных обстоятельств. Поэтому, хотя мужчин и женщин рождается примерно одинаковое количество, во взрослой жизни численность женщин во многих странах существенно превосходит численность мужчин, что в конечном счете неизбежно увеличивает число матерей-одиночек.

В детских садах и яслях воспитание детишек дошкольного возраста осуществляется исключительно женщинами. И это происходит в тот период, когда закладываются глубинные основания характера, половой идентичности и особенности ценностных установок. В школах, а теперь и в высших учебных заведениях и средствах массовой информации, также доминируют женщины. А кого может воспитать женщина? Только женщину. В итоге в каждом новом поколении все возрастающее количество мальчиков проходит через женское воспитание. Здесь также следует отметить, что воспитание мальчиков и девочек не должно быть одинаковым, унифицированным. Мужчины и женщины — это своего рода противоположности, их природа, модели поведения и предназначение различны. Тем не менее у нас, как в Республике Беларусь, так и в России, мальчиков и девочек воспитывают и обучают в одном и том же школьном классе. Это контрпродуктивно. В частности, у девочек половое созревание наступает раньше, чем у мальчиков. И в целом девочки взрослеют быстрее мальчиков, что позволяет им лидировать и верховодить в классе. В результате у мальчиков в той или иной степени может формироваться уязвленное сознание, комплекс неполноценности, нерешительность и запуганность.

Унификация воспитания мальчиков и девочек ведет к стиранию половой идентичности, а стало быть, и к подрыву основ будущей семьи, что неизбежно негативно скажется на демографических показателях. Поэтому необходимо восстановить раздельное обучение мальчиков и девочек, прерванное в 1954 г. в ходе разрушительных хрущевских реформ.

Для того чтобы эффективно и быстро изменить показатели рождаемости, требовалась перестройка общества в его основаниях, а именно: выдвинуть во главу угла ничем не ограниченную автономность индивида и тем самым окончательно разрушить социоцентричность и теоцентричность в движении социума. Полная же автономность индивида объективно и неизбежно оборачивается резким сокращением рождаемости. В этом суть либерального проекта, направленного на сокращение населения в глобальном масштабе. «Либеральный проект строится вокруг центральной фигуры — человека-индивидуума, чья свобода трактуется как освобождение от любых форм коллективной идентичности и принадлежности. Это предполагало

последовательное освобождение — от религии, этноса, класса, гражданственности, семьи, пола и, наконец, от самого человеческого в человеке»¹.

Обязательным и, пожалуй, наиболее значимым элементом данного проекта выступает разрушение семьи как важнейшей структурной ячейки любого национального государства.

И что здесь интересно: главной ударной силой разрушения семьи была избрана женщина. В условиях традиционного общества женщина в решающей степени являлась хранительницей семейного очага. Прежде всего от нее зависело сохранение обычаев, традиций, ритуалов и в целом уклада жизни традиционного общества. Именно поэтому, в соответствии с либеральным проектом, было важно настолько женщину эмансипировать и феминизировать и, вместе с тем, сориентировать ее на гедонистические ценности, на стремление «пожить для себя», чтобы ей решительно не хотелось обременять себя рождением детей и семейными заботами. И действительно, если женщине привить такого рода устремления — семья не устоит.

Следует отметить, что идеология феминизма, ныне глубоко укоренившаяся в сознании многих женщин, стала одной из существенных причин бракоразводности. Деструктивная роль феминизма в современных демографических процессах огромна. Вполне можно согласиться с определением феминизма как идеологии «демографического отречения». В феминизме «лежит отказ от двух базовых социокультурных ориентиров, которые традиционно определяли роль женщины в обществе, — предписаний быть матерью и хранительницей домашнего очага. Вместо них на первый план выдвигаются карьера и развлечения, воспринимаемые как главные цели жизни и мерило личной успешности. Из этой установки естественным образом следует малодетность и бездетность — не как исключение, а как идеологически поощряемая норма. Женская реализация связывается не с продолжением жизни, а с самореализацией в сферах, оторванных от семьи и детства».

«Современная социология фиксирует, что именно женщины чаще всего принимают решение о рождении ребенка, чаще всего инициируют развод, чаще всего распоряжаются семейным бюджетом. Но при этом под влиянием феминистского дискурса из сознания уходит установка на материнство и семейную преемственность»².

В наше время эмансипация женщин и последующие за ней изменения гендерных ролей явились одним из существенных факторов, определяющих современное демографическое поведение.

Если говорить о нарастающем стирании, смешении половой идентичности в современном мире, прежде всего в богатых развитых странах белой расы, нельзя обойти вниманием процесс насаждения содомии и развернувшейся пропаганды ЛГБТ, которые В. Багдасарян квалифицирует как вектор «цивилизационного демонтажа». Он пишет: «Этот процесс не стихийный, а форсированный, что наглядно видно по хронологии: еще сравнительно недавно гомосексуализм был уголовно наказуем в большинстве западных стран, но менее чем за полвека произошла радикальная инверсия нормативности. Считать, что подобная философия не влияет на рождаемость, наивно: она ее подрывает фундаментально».

¹ Багдасарян В. Путь к возрождению // Завтра. 2025. № 28 (1642).

² Там же.

«Ричард Флорида, один из главных идеологов “креативной экономики”, напрямую связывает развитие города с числом представителей ЛГБТ-сообщества. Чем больше в городе геев и лесбиянок, тем выше, по его мнению, его инновационный потенциал.

Так формируется новый образ нормы: семейность и ориентированность на детей — признак отсталости и архаики (“отстоя”), тогда как бездетность, нестандартность, разрыв с традицией — символ передовитости. Происходит инверсия культурных ориентиров: не те, кто продолжает жизнь, считаются главными субъектами будущего, а те, кто сознательно отказывается от воспроизводства»¹.

Совершенно очевидно, что в рамках существующей в настоящее время социально-экономической системы решить чрезвычайно обострившиеся демографические проблемы невозможно. Материнский капитал, посредством которого правительство России стремится смягчить демографические проблемы, не дает нужного эффекта. С его помощью не получается повысить рождаемость до нужного уровня.

Материальные факторы играют определенную роль в стимулировании рождаемости, но не главную, не решающую. Методы материального стимулирования рождаемости мало способствуют преодолению убыли населения в Российской Федерации. В частности, материнский капитал оказывает далеко не такое значительное влияние, как это ожидалось при разработке данной меры социальной поддержки. Так, одной из реакций населения на принятие закона о «материнском капитале» оказался перенос так называемых «отложенных» рождений на более ранний срок. В итоге эти внеплановые роды никак не повлияли на увеличение рождаемости в поколении².

Показательно в этом отношении исследование В.И. Якунина, С.С. Сулакшина, В.Э. Багдасаряна и др. «Государственная политика вывода России из демографического кризиса». В данном исследовании «была выстроена четырехфакторная модель демографического развития, предпринята попытка оцифровать посредством привлечения математического инструментария вклад каждого из факторов. На первом месте оказался фактор, условно определенный как идейно-духовный. На втором — фактор цивилизационной идентичности, игнорируемый, как правило, традиционной демографической наукой. На третьем месте — качество государственного управления. И лишь на четвертом месте — материальные условия жизни»³.

Россия — страна величайшего этнического разнообразия

Говоря о проблеме материнского стимулирования рождаемости и в целом о демографической политике, не следует забывать, что Россия — это страна величайшего этнического разнообразия, не имеющего аналогов в других государствах планеты. Поэтому в России не может быть единой, одинаковой для всех ее регионов и всех ее граждан демографической политики.

¹ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 55.

² Хен Ю.В. Демографическая политика в контексте экономического кризиса // Вопросы философии. 2024. № 11. С. 39.

³ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 53.

Демографические процессы в России, как правило, разнонаправлены, в различных ее регионах протекают с разными скоростями и со своей спецификой. Отсюда ясно, что по отношению к малонаселенным областям Сибири и перенаселенным мегаполисам требуется дифференцированный подход и дотационная политика. Продуманная и грамотная демографическая политика должна контролировать процессы, происходящие с населением, управлять рождаемостью, социальным составом и региональным расселением. Например, можно было бы способствовать переселению людей из регионов с высокой плотностью населения в малонаселенные области, которых в нашей стране предостаточно, о чем неоднократно говорили и продолжают говорить политики, социологи и экономисты¹. Однако здесь возникают и проблемы другого, более сложного характера. Так, В.Л. Бабурин утверждает, что «депопуляция — это не проблема России в целом, это проблема исключительно русского, украинского, белорусского и финно-угорского народов»². С его точки зрения, российское руководство придает слишком большое значение временным проблемам «депопуляции» посредством обеспечения искусственного роста рождаемости и численности населения за счет выдачи российского гражданства выходцам из Центральной Азии и, в меньшей степени, с Кавказа. Такой подход к решению проблем депопуляции представляет собой не что иное, как контрпродуктивную попытку «купить детей», но не изменить демографическое поведение и атмосферу в целом. Миграция способна лишь временно «залатать дыры» в демографической структуре, но не решает проблему в принципе и несет в себе огромные риски для этнокультурной идентичности. Массовая миграция меняет этнокультурный облик принимающих стран. Когда миграция перестает быть дополнением к собственному воспроизводству населения и становится его заменой, встает вопрос о сохранении национальной идентичности.

Сегодня проблема миграции приобрела глобальный характер. Так, в странах Западной Европы удельный вес неевропейского населения стремительно растет, в то время как европейского — снижается. Начиная с 60-х гг. западные нации перестали воспроизводиться, их численность катастрофически быстро сокращается. «По прогнозам к 2050 г. от 50 до 60% населения Европы окажется людьми не европейского происхождения»³.

Все это ныне напрямую касается и России. В своей совокупности это создает экзистенциальную угрозу для российской идентичности и, прежде всего, для русского народа, который рискует оказаться в меньшинстве на своей родине (повторив сербскую катастрофу в Косово) уже во второй половине XXI века⁴.

И в самом деле, мы являемся свидетелями протекания тяжелейших, драматических и апокалиптических процессов в недрах русской нации.

¹ Бабурин В.Л. Экзистенциальные угрозы России: миграционный кризис // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. Т. 1. С. 59.

² Там же.

³ Полонкоева Ф.М. Демографический кризис современности // Естественнo-гуманитарные исследования. 2022. № 41 (3). С. 234–237, С. 235.

⁴ Бабурин В.Л. Экзистенциальные угрозы России: миграционный кризис // III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. Т. 1.

Самое быстрое убывание населения, его интенсивная депопуляция, наблюдается именно на территориях, традиционно населенных русскими. Можно даже утверждать, что мы сегодня сталкиваемся с феноменом практической реализации политики русофобии как внутри России, так и вокруг нее¹. Поэтому Бабурин считает, что необходимо ввести трансферы регионам с сокращающейся численностью населения, пропорционально масштабам популяции. Он также выступает против особой поддержки многодетных семей (более трех детей), поскольку чаще всего речь идет о семьях мигрантов. Здесь, похоже, с ним спорить не приходится.

Часто говорят и пишут о том, что с точки зрения социального прогресса важнее повышать производительность труда, чем создавать новые рабочие места, усиливающие потребность в привлечении новых трудовых мигрантов. Конечно, повышение производительности труда и масштабная, успешная подготовка высококлассных специалистов может в определенной степени способствовать сокращению эмигрантских потоков, но в целом не приведут к успешному решению демографических проблем России, не поспособствуют увеличению плотности населения и возрастанию количества ее граждан, соразмерных ее огромной территории. В сложившейся в России ситуации фундаментального замедления демографического роста именно количество населения является ключевой проблемой, при которой, напомним, на 75% ее азиатской территории проживает не более трех человек на 1 кв. км. Необходимо, как представляется, ее демографический потенциал увеличить в два раза по отношению к ныне существующему. Причем «сбережение народа» в России должно иметь не только демографическое, количественное, но и энергетическое значение. Необходимо самым серьезным образом заботиться о качественных характеристиках населения, о параметрах его медико-биологического состояния, о его здоровье, пассионарности, энергетике. Говоря о «сбережении народа», важно учитывать нарастающую убыль населения не только по субъективным, но и по объективным, естественным причинам. При ближайшем рассмотрении данного вопроса обнаруживается, что в России, как и в современном мире в целом, существенной помехой к зачатию и рождаемости выступает бесплодие. Причиной последнего чаще всего является возрастание мутагенных факторов вследствие прямого воздействия загрязненной среды, химические и радиоактивные воздействия, а также косвенного — через появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов, в результате чего возникает «опасность изменения генофонда человечества, деградация биосферной телесности человека»². Имеются данные, что способность к зачатию потеряли 20% американских семей. К середине XXI столетия, согласно этим данным, ожидается, что таких семей будет уже 50%³. В смягчении и преодолении данной ситуации должна сыграть свою роль наука, как раньше она, к примеру, «внесла большую лепту в минимизацию смертности младенцев при родах и в целом младенческой смертности»⁴. Следует также отметить, что существенной причиной сокращения рождаемости в наше время

¹ Подробнее об этом: *Кирвель Ч.С.* Мир без России: возможный сценарий планетарных трансформаций // Родная Ладога. 2009. № 4 (10). С. 116–122.

² *Стетин В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 21.

³ Человек и его среда обитания. М., 2003. С. 148.

⁴ *Багдасарян В.* Путь к возрождению // Завтра. 2025. № 28 (1642).

явилась широкая доступность средств контрацепции. Но в этом вопросе требуются обоснованные и оптимальные административные решения, мудрая демографическая политика государства.

В Российской Федерации аборты легализованы, хотя во многих других государствах это далеко не так. Здесь следует отметить, что Запад, став секулярным, а затем постмодернистским, в значительной мере смог навязать свои подходы остальному человечеству. «Приоритетным в этой повестке оказалось право женщины распоряжаться собственным телом по принципу феминистского лозунга “мое тело — мой выбор” (“мое тело — мое дело”). Тем не менее в 47% государств мира аборты либо запрещены, либо ограничены. Из них есть группа стран — 18,5% — с полным запрещением абортивной практики»¹. Весьма показательна в этом плане демографическая политика Китайской Народной Республики, в которой с 1979 г. реализовывался курс на «одного ребенка». Аборты в КНР не только разрешались, но даже пропагандировались, поскольку была развернута борьба с перенаселением. В результате Китай столкнулся с нарастающим демографическим спадом, уступив свое первенство по численности населения Индии. В итоге аборты с 2021 г. в немедицинских целях запрещены.

В России аборты пока не запрещены, но по этому вопросу идут весьма жесткие дискуссии. Следует, однако, напомнить, что «в СССР имелся разнотипный исторический опыт отношения к абортам, и этот опыт показывает высокую степень корреляции с уровнем рождаемости. Напротив, отмена запрета при Н.С. Хрущеве четко совпадает с началом устойчивого снижения»².

«Безусловно, сталинский указ сохранил жизни миллионам, а может быть, и десяткам миллионов человек. По крайней мере, это никак не менее 5 миллионов жизней»³. Вполне можно согласиться с предложением В. Василика: «Принять общероссийский закон об ответственности за склонение к аборту и прописать, что является склонением... Ввести законодательное запрещение абортов, кроме неизбежных по медицинским показаниям. При этом речь идет только об опасности для жизни роженицы, но никак не о потенциальном качестве плода. Нужно законодательно определить, что ребенок, находящийся во чреве матери, уже является живым существом, подлежащим защите, и, по сути дела, гражданином Российской Федерации, согласно римскому праву, которое защищает интересы еще не рожденного ребенка»⁴.

Возможные пути преодоления демографической катастрофы в России

Совершенно очевидно, что в условиях существующей ныне в России экономической системы в принципе невозможно остановить демографическую катастрофу. Прав М. Калашников, говоря, что нам нужна качествен-

¹ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 54.

² Багдасарян В. Путь к возрождению // Завтра. 2025. № 28 (1642).

³ Василик В. Аборты в России. Параллели с политикой нацистов. Семинар 4. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 38.

⁴ Там же. С. 41.

но новая социально-экономическая модель, «где во главе угла — демография, сбережение народа, и где все увязано воедино. Нет отдельных вопросов промышленности и промышленного развития, финансовой политики и т.п. Все увязано со всем, все должно работать на конечную цель... То есть нужно построить систему с очень сильными элементами социализма, когда каждый новый ребенок семью материально и статусно поднимает, а не опускает»¹. И главное — необходимо прекращение либеральных реформ в экономике и возвращение к практике централизованного планирования.

В условиях же господствующей ныне в России буржуазной идеологии любой инструментарий, любые способы и методы решения демографических проблем не сработают. В России, несмотря на свою тупиковость, до сих пор господствует искусственно навязанный ей, неорганический и противоестественный, подражательный Западу характер капиталистического строя. России сегодня навязывается религия золотого тельца, религия прибыли. Поэтому, какие бы способы и методы ни изобретать, какую бы пропаганду ни разворачивать, все равно в рамках системы, ориентированной на прибыль частных лиц, демографические проблемы не решить. Справедливо пишет С. Батчиков, что он «...до сих пор не слышит, чтобы хотя бы мелкими шажками, очень робко президент признал, что нынешний путь, даже в его **22-летнее президентство**, был ошибочным. А ведь это чистый капитализм, либеральный»². Причем российская модель капитализма не только более несправедливая и антинародная, чем в странах с развитой рыночной экономикой, но и в принципе не приспособлена для решения демографических проблем.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в России даже сама природа, география, ее огромная территория выступают как препятствие на пути ее вестернизации. Российская земля («трудная земля»), ее природно-географическая среда содержат в себе своего рода предпосылки, благоприятствующие формированию общества социалистического типа. Социализм как общественный строй наиболее органичен и имманентен для России. Полный же слом социалистической системы в 90-х годах прошлого века, хотя она уже и нуждалась в конструктивном реформировании и усовершенствовании, в целом представлял собой ничто иное, как волюнтаристический произвол и насилие над внутренней социально-исторической логикой развития России. Смеем утверждать, что успешный капитализм как общественный строй никогда не смог и не сможет в будущем естественно, основательно и глубоко утвердиться в России. Интересны рассуждения на этот счет французского исследователя Э. Тодда. В его книге «Поражение Запада» (раздел «Слепота к разнообразию мира») он отмечает: «Во Франции мы уже в 1890 г. сталкивались со словом “коммунист” по отношению к российскому народу... Мы знали, вступая в союз с Россией, что наш партнер — царская империя, страна с общинным, если не сказать коммунистическим, характером»³. И далее в целом ряде мест он пишет о глубинном отличии России от стран Запада.

¹ Калашников А. Вторая Россия возродит страну. Семинар 1. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 43.

² Батчиков С. Удобный образ жизни — ключ к решению. Семинар 3. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 35.

³ Тодд Э. Поражение Запада. М., 2025. С. 49.

Однако следует отметить, что социализм как общественный строй может проявлять себя на мировой арене в разных ипостасях. Если он резко порывает с религией, с веками сложившимися обычаями и традициями народной жизни, то может оказаться деструктивным в плане решения демографических проблем. Но если он в ходе трансформационных процессов окажется способным органически соединить основные принципы социалистического устройства с религией и традициями, то положительный эффект в демографической сфере не заставит себя долго ждать. Понятно, почему ныне, как и раньше, в современной специальной литературе немало рассуждений относительно «христианского социализма».

Какие же должны быть приняты меры, способные переломить сложившуюся в России ситуацию депопуляции и демографического угасания? Ситуация такова, что от характера и направленности данных мер будет зависеть само существование России. В последнее время российская власть принимает немало мер, направленных на прекращение вымирания народа. В России уже на государственном уровне провозглашен принцип семейноцентричности. Как отметила председатель Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре Лилия Гумерова, члены Совета при Президенте по реализации государственной демографической и семейной политики и ученые во главе с президентом РАН едины во мнении, что «принцип семейноцентричности должен пронизывать все сферы жизни общества и государства»¹. Президент РФ подчеркнул, что поддержка семьи — «сквозное направление всех национальных проектов, стратегических планов развития»². Осознание данной проблемы характерно на самом высоком уровне и в Республике Беларусь. В Республике Беларусь, как отмечает заместитель премьер-министра Наталья Петкевич, разработаны государственные программы с «революционными мерами», многие из которых инициированы главой государства. Они направлены на стимулирование рождаемости и модернизацию поддержки женщин и семей с детьми³. Разработана программа «Развитие демографического потенциала», направленная на поддержку семей при рождении и воспитании детей, а также на укрепление духовно-нравственных ценностей брака и материнства. Цель программы — «переформатировать текущие тренды, изменить общественные установки, вернув уважение к семье как к опоре государства»⁴. Это стратегия, ориентированная на собственное воспроизводство, а не на замещение населения мигрантами.

Но все эти меры, к сожалению, не дают ожидаемого эффекта. Значит, должны быть найдены какие-то оригинальные, нестандартные решения и меры принципиального характера, радикально выходящие за пределы чисто материальных факторов — в сфере ценностного вектора, формирования новой этики и нового смысла семьи, сочетающие современные представления о самореализации с традиционными ценностями родительства.

¹ Гумерова Л. Совет по демографии работает в тесной координации с РАН // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2025. 27 октября.

² Там же.

³ Петкевич Н. В госпрограммах учитываем каждый элемент: об основных аспектах в решении демографического вопроса // Всебелорусское народное собрание. 2025. 19 декабря.

⁴ Каждая корректировка госпрограммы — шаг к более высоким результатам // Всебелорусское народное собрание. 2025. 26 сентября.

Для того чтобы преодолеть демографическую апатию и разбудить у народа инстинкт самосохранения, необходимо вовлечь людей в общее дело, открывающее новые горизонты будущего — захватывающего, вдохновляющего и объединяющего. В действительности только рывок пассионарного характера может кардинально изменить демографическую ситуацию, но рывок этот возможен лишь при наличии всенационального идеала, вносящего смысл в существование всех и каждого человека в отдельности. Кроме того, для преодоления демографической катастрофы чрезвычайно важно сосредоточить и привлечь лучшие научные силы, элитарные группы, подвижников и героев. А с организационной точки зрения имеет смысл учредить должность вице-президента, деятельность которого всецело будет посвящена решению демографических проблем.

Тринадцать стратегических шагов демографической политики¹

Известный российский философ В. Багдасарян считает, что невозможно изменить тренд угасания репродуктивных установок у подрастающих поколений посредством мер, применяемых в рамках сложившейся системы нормальности. Нужны меры сверхрадикальные, выходящие за рамки привычных современных. «Диагноз “Россия вымирает” должен снять все табу с радикальных средств, так как и сама проблема предельно радикальна: угроза цивилизационной и геополитической смерти»². В. Багдасарян считает, что для того, «чтобы изменить показатели рождаемости, требуется изменить систему общества в его ядре. Ядром же этим является автономность индивидуума. При автономности индивидуума рождаемость и будет объективно снижаться. Для того чтобы рождаемость росла, должно быть общество социоцентричное или теоцентричное. А для того чтобы к такому обществу перейти, надо радикально менять все. Сложно? Да, насколько

¹ Багдасарян В. Время радикальных решений. Семинар 6. Как преодолеть убывание народа? // Изборский клуб. 2025. № 4–5 (132–133). С. 57.

² Там же. С. 47.

сложна любая системная трансформация. Возможно?»¹ Исследователь полагает, что «нет ничего невозможного». Вопрос здесь лишь о воле субъекта стратегического действия. При этом он считает целесообразным приступить к реализации комплекса мер («Стратегия жизни»), включающего в себя 13 шагов демографической политики, направленных на репродуктивную активизацию демографических потенциалов России. «Все они в совокупности и многие по отдельности могут показаться радикальными и несовременными. Да, они радикальны и несовременны, если иметь в виду, что парадигма современности завела человечество в тупик и ее следует менять».

Полагаем, что выдвинутая и обоснованная известным российским философом В. Багдасаряном программа «Стратегия жизни» может стать ключевой в решении драматически сложных демографических проблем, стоящих перед Россией и в целом перед восточнославянской цивилизацией.

Однако отметим, что только тогда можно будет избежать реализации самых мрачных оценок в движении социума, в том числе и в демографической сфере, когда субъектом глобального производства и присвоения прибыли будет выступать все человечество, а точнее сказать — учреждения и организации, реализующие его интересы, а не отдельные корпорации, группы, частные лица, преследующие исключительно свои корыстные интересы. Неудивительно, что ныне все большее количество исследователей и экспертов стали усматривать выход из этого стремительно раскручивающегося клубка противоречий в обращении к использованию в обновленном виде идей социалистической направленности. Мы убеждены в том, что новая, альтернативная современному жизнеустройству модель развития социума, которая утвердится в будущем, при любой своей конфигурации неизбежно будет содержать в себе элементы социалистической идеи и опыта ее практической реализации в Советском Союзе. Новый социализм, фундаментальные ценности которого будут ориентированы на равенство, станет ответом на патологическим образом нарастающее неравенство в современном обществе. Разумеется, новый социализм будет сильно отличаться от классического. История не любит повторяться. Тем не менее его существенные элементы и в новых условиях жизни будут, несомненно, иметь место.

¹ Багдасарян В. Кризис депопуляции как кризис цивилизационный: историко-демографический анализ // Здоровье — основа человеческого потенциала: проблемы и пути решения. Т. 19. № 1. С. 27–36.

Точка ЗРЕНИЯ

Александр КАЗИН ПРАВОСЛАВНЫЙ МОНАРХО- СОЦИАЛИЗМ КАК РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ИДЕАЛ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. И. о. директора Российского института истории искусств, заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Автор многих книг и статей по философии культуры. Книга «Великая Россия. Религия. Культура. Политика» удостоена в 2008 г. Всероссийской литературной премии «Александр Невский». **Живет в Санкт-Петербурге.**

Будущее непредсказуемо — об этом еще раз напомнили события первых месяцев 2026 г. с их эсхатологическими войнами, концептами технофашизма в США («манифест Палантир») и другие. История скорее случается, чем происходит — этот афоризм Бердяева, адресованный матушке-России, сегодня с очевидностью применим ко всему миру. Однако есть определенный *диапазон возможностей*, ограничивающий мыслимое будущее и делающий его более или менее вероятным. Одной из таких возможностей и даже вероятностей для нашей страны является *русский православный социализм*, опирающийся, с одной стороны, на давнюю традицию народного «общего дела» и осваивающий, с другой стороны, новейшие технологии именно в интересах этого общего — веры, страны, Отечества.

Традиция в русском цивилизационном пространстве — это прежде всего народное восприятие/переживание — чаще всего бессознательное — той христианской по истоку духовной энергии, которая не покидала Россию со времен Крещения и до сегодняшнего дня, вопреки всем изломам и драмам нашей национальной истории. А *революция* — подлинная, онтологическая — есть попытка *уничтожить* это духовно-энергетическое ядро, заменить его чем-либо другим или просто забыть о нем. Попытаемся рассмотреть их противоречивые взаимоотношения в связи с понятием *социализма* — еще одного ключевого слова русской жизни XX–XXI веков.

Словосочетание «православный социализм» включает в себя, по меньшей мере, три смысла — собственно религиозный, мировоззренческий и социальный. Начнем с первого.

Любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником

блага и бытия — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в земной жизни. Заповеди, предназначенные для общенародного исполнения, в традиционных (классических) цивилизациях являются религиозными основами общественного и национального существования. Таково, например, почитание предков в конфуцианстве, кастовое устройство общества в индуизме, идеальное государство Платона (на деле, правда, не удавшееся). Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, социальная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Тысячи богословов Востока день и ночь думают, как наилучшим образом жить народам в соответствии с богоданными законами. Не случайно святой равноапостольный князь Владимир спрашивал при «испытании вер»: какой у вас закон? Закон Бога (правило, норма) в дохристианских и нехристианских исповеданиях — это и есть их религиозный «социализм», то есть совокупность уложений, обязательных для каждого члена соответствующей общины и всей общины в целом (за отказ — по меньшей мере презрение). Всякая цивилизационная — развернутая по вертикали — деятельность человека, в конечном счете, религиозна, даже еда и питье, в чем сомневаются только «исторические материалисты».

Однако христианство радикально обновило эти древнейшие вероисповедные правила. В отличие от языческих и «имманентистских» религий, фактический идеал которых здесь, на земле, достигается исполнением закона, Христос пришел с благой вестью о Царстве Небесном, достижимом любовью и благодатью. Цель христианства трансцендентна, а не имманентна, она за гробом, по ту сторону сущего. В этом плане прав Розанов — христиане действительно «люди лунного света», града земного не имеющие, града грядущего взыскующие. Каждый, кто хотя бы раз читал Евангелие, знает, чем оно кончается — Страшным Судом и концом света, а вовсе не хилиастическими «молочными реками в кисельных берегах». Тысячелетнее царство праведников — не земное царство, а небесный Иерусалим. С этой точки зрения, любое прагматическое социальное устройство ветхого Адама «мелко плавает» на фоне грозного финала изгнанников рая, и более того, идейно противоречит ему. «Не собирайте себе сокровищ на земле» — прямо сказано. История богатого юноши, отказавшегося следовать за Богочеловеком, казалось бы, навсегда должна отучить христиан размышлять о том, как бы удобнее устроиться в этом падшем мире. Христианство — это подвиг, духовный и телесный, это прорыв к Новому небу и Новой — безгрешной — земле. Первых христиан травили львами, они уходили в пустыню и питались акридами — какой уж тут социализм? Разве что катакомбный...

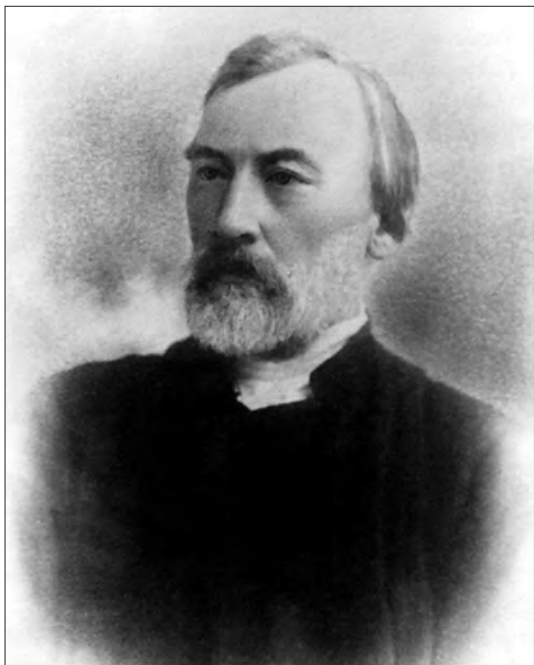
Исходя из сказанного, православный социализм следует признать религиозной мечтой, своего рода мифом о земном рае, когда все люди станут христианами и будут жить по-христиански, как лично, так и соборно (общинно). Образ этой мечты — деяния апостолов и ранние христианские братства, когда пришествия Христа во славе ждали со дня на день и имели все общее. В последующей христианской истории приближение к «православному социализму» осуществлялось, прежде всего, в общежительных монастырях, киновиях, от Пахомия Великого и Феодосия Печерского до Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого. Если в религиях бытия — например, в иудаизме — предполагается относительная реализация идеала в натуральной

плоти (племенной и национальной в том числе), то благовестие Христа требует преобразования плоти, преодоления ее наличного (вождедующего и смертного) состояния, для чего безличная (пусть даже освященная) традиционная социальная практика оказывается скорее препятствием и соблазном, чем условием (фарисейство). Некоторые русские националисты даже выводят отсюда, что христианство есть иудейская выдумка для того, чтобы ослабить соперников в борьбе за власть над миром.

Любопытно, что когда К.Н. Леонтьев в 70-х гг. позапрошлого века громко напомнил эту, казалось бы, самоочевидную мысль о загробной цели христианства, на него обрушились многие православные авторы. «Христианство есть спасение жизни, а

не спасение от жизни», — говорили ему, как будто он лично предсказал, что «восстанет народ на народ, и царство на царство», и *«по причине умножения беззакония во многих охладает любовь»* (Мф. 24). И хотя последние годы этого замечательного мыслителя прошли в тяжелом пессимизме относительно судьбы человечества вообще и России в особенности, все же он до конца жизни разрабатывал свою концепцию спасения православно-русской цивилизации, которую можно назвать не то что «социализмом», а прямо соборно-монархическим коммунизмом. Так или иначе, Леонтьев считал свои долгом по возможности отдалить, оттянуть торжество антихриста, предлагая свой план спасения Святой Руси от антихриста путем соединения православной монархии с идеальным корпоративно-общинным строем:

«Для задержания народов на пути антихристианского прогресса, для удаления срока пришествия антихриста (т.е. того могущественного человека, который возьмет в свои руки все противохристианское движение) необходима сильная царская власть. Для того же, чтобы эта царская власть была долго сильна, не только не нужно, чтобы она опиралась прямо и непосредственно на простонародные толпы, своекорыстные, страстные, глупые, подвижные, легко развратимые; но — напротив того — необходимо, чтобы между этими толпами и Престолом Царским возвышались прочные сословные ступени; необходимы боковые опоры для здания долговечного монархизма»¹.

Константин Николаевич Леонтьев
(1831–1891)

¹ Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // К. Леонтьев, наш современник: Сб. / Сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский; вступ. ст. Б. Адрианова. СПб.: Чернышев, 1993. С. 146–151.

Вот так пытался этот умный человек «задержать народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному своеверию»¹. Разумеется, никто не предлагает буквально перенести его рекомендации в наш XXI век. Однако это хороший урок для нас, особенно при обсуждении вопроса, что такое православный социализм. С точки зрения строгой христианской догматики — химера и утопия, но в плане естественного для верующего человека/народа стремления к совпадению слова и дела — мощный, хотя, разумеется, несовершенный проект совместной (национальной, государственной, культурной) христианской жизни людей в мире, а не только в монастыре. Хотя Гоголь и восклицал в свое время: «Монастырь наш, Россия!». Конечно, все христианские конфессии и тем более секты проектировали свой «земной рай», от католической «Утопии» Томаса Мора до «теологии освобождения» и либерально-протестантских сект. Не так давно отмечалось 500-летие Яна Гуса и его «таборитов» — что это, как не ранний «предпротестантский социализм»? Лютеранство, в свою очередь, породило социальную философию немецкого идеализма, от идеи «вечного мира» Канта до гегелевского апофеоза просвещенной монархической государственности, которую профессор усмотрел в современной ему Пруссии (позднее тут и Бисмарк со своим «прусским социализмом»). Я уже не говорю о многочисленных европейских попытках учредить тот или иной «Город Солнца» под знаменем религиозной праведности. Перед глазами у нас, жителей XXI в., т.н. шведский социализм — поистине «последняя правда буржуазности».

Все это осталось утопией, потому что было основано на ложной — католической или протестантской — вероисповедной установке и порождаемых ею мировоззренческих фантомах. Строилось на стихиях мира сего, а не по Христу. Выражаясь более категорично, это были «человеческие, слишком человеческие» усилия установить рай на земле средствами европейской буржуазной цивилизации, уже вступившей на нисходящий путь антропоцентрического модерна. Как характерно выразился по поводу Европы Петр Чаадаев, «искали Бога, нашли свободу и процветание». К сожалению, Чаадаев периода «Философических писем» еще не признавал, что тем самым гуманистическая ренессансно-романтическая Европа покончила с христианством (это, между прочим, прекрасно понял его друг Герцен, возненавидевший мещанскую Европу, как только в ней оказался, и метко назвавший собор святого Петра знаком расстрижения Запада).

Иначе произошло в России. «Москва—Третий Рим» — религиозная реальность, а не виртуальный двор короля Артура и не бесплодное соперничество гвельфов с гибеллинами. Напротив, «Священная Римская империя германской нации» — это, прежде всего, военно-политическая структура. И сказать «государство — это я!» не пришлось бы в голову ни одному русскому царю. Не буду повторять здесь аргументацию отечественной православной мысли, от старца Филофея до XXI в.: Святая Русь не переставала быть таковой ни с ордынцами, ни с западником Петром, ни с коммунистом Лениным. Ее духовная история непрерывна, вопреки трагическим псевдо-

¹ *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // К. Леонтьев, наш современник: Сб. / Сост. Б. Адрианов, Н. Мальчевский; вступ. ст. Б. Адрианова. СПб.: Чернышев, 1993. С. 146–151.

морфозам вроде февральского предательства или троцкистского интернационал-коммунизма. Незримая миру энергия православия уберегла ее от модернистского и постмодернистского вырождения в холодное чудовище, рисующее карикатуры на пророков и законодательно поощряющее содом. (Подробнее см. об этом мою книгу «Последнее Царство. Русская православная цивилизация», изданную по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго)¹. Именно такая Россия (в государственной форме СССР) победила оккультный нордический рейх и первой вышла в космос. Как писал в 1993 г. блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, «при всей противоречивости народной жизни в ее безмерном разнообразии, она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты — жертвенность, самоотверженность, терпение — позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия»².

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) (1927–1995)

Сказанное означает, что «христианского капитализма» в России не может быть, также как и «христианской демократии» — для этого Русь слишком глубоко приняла в себя Спасителя. У русских именно православное, а не протестантское отношение к труду, к прибыли, ко времени: они рассматривают эти ценности не как собственность, а как дар. В отношении к собственности как Божьему дару («земля — богова») издавна коренилась драма русского купечества и предпринимательства: отсюда и знаменитая купеческая гульба, и миллионы на монастыри или... на революцию. Даже нынешние «новые русские» в глубине души знают, что они «разбойники»: большинство из всех вовсе не собираются строить в России цивилизованный капитализм, а переводят деньги на Запад. В метафизическом смысле слова национальная буржуазия в России как бы подвешена между храмом и тюрьмой; во всяком случае, вплоть до настоящего времени капитал («бешеные деньги») переживается в России как неправда, как грех: от трудов правед-

¹ Электронная версия: <http://www.wco.ru/biblio/books/kazin1/main.htm>.

² *Иоанн (Снычев), митр.* Битва за Россию. СПб.: Союз Православных Братств Санкт-Петербурга, 1993. С. 33.

ных не наживешь палат каменных. Отсюда и чудовищная коррупция, которая в ближайшие годы способна, грубо говоря, сожрать нашу государственность, если деньги останутся, как сейчас, главной ценностью повседневного существования.

Нравится нам это или нет, Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных отличий православного-русского культурно-исторического типа является отсутствие соглашения (компромисса) между религиозными полюсами жизни. В отличие от Запада русская духовность делит мир не на три (рай — мир — ад), а на два (рай — ад), а все земное как бы растянато между божественным и бесовским; особенно это касается богатства, власти и культуры. Духовная вертикаль, как, впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, по этой причине всегда имеет некоего «темного спутника» в виде мозаичной, невыстроенной, пренебрегаемой поверхности наличного бытия, служащего как бы гарантом земного неблагополучия России, ее нежелания и неспособности удобно устроиться на земле («странничество»). «Евангелие процветания» по-русски звучит неприлично, вроде «христианского блуда». Отечественные «капиталисты» — от Чичикова и Штольца до нынешних компраторов — всегда представляли капитал именно как силу мировой похоти («оргон»), воздевающей телесного обладания сотворенной Богом вселенной...

Из всего сказанного вытекает, что либерализм западного типа в России является искусственным образованием и изначально обречен на неудачу. Подобную функциональную, машинообразную власть в России никто не будет уважать, люди не станут исполнять ее законов. Быть может, Россия вообще не способна к республиканскому строю: на протяжении всей своей истории она колебалась между самодержавием и самозванством (диктатурой). По-видимому, наилучшей общественной формацией для России является православная народная (соборная) монархия с открытым сословно-корпоративным устройством государства и широким народоправием земли (земщина). Это и есть православный социализм. Только такое социальное устройство, в принципе, в состоянии справиться с антиномичностью русского душевного строя, где истина, собственность, власть постоянно располагаются на рубеже света и тьмы, «правого» и «левого» и потому чреваты историческим оборотничеством (тем или иным видом «земного рая»). Русская цивилизация требует иной формулы, чем европейская, индийская, китайская или американская, и потому попытка 1990-х гг. (вторая после Февраля 1917) построить капитализм (банкократию) на православно-эсхатологической почве России может привести лишь к всеобщей цинизации ее жизни, что чревато серьезной опасностью для всего мира. Выбор между американизированным «мировым сообществом» и обветшавшим красным мавзолеем — это ложная альтернатива для России. Формирование гражданского общества здесь может быть ориентировано только на иерархическую организацию, в которой народ («земля») внутренне связан с монархической державностью власти (независимо от того, как будет называться пока носитель этой власти). Именно это имел в виду К.Д. Кавелин, когда писал (правда, со ссылкой на славянофила Ю.Ф. Самарина), что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политиче-

ский строй, для которого не подыщешь другого названия, как — самодержавной республики»¹, в рамках которой гражданские сословия, хозяйственные классы и политические партии определяются по отношению к духовно и социально превосходящему целому. Человеку нужен хлеб, но не хлебом единым жив человек. Обществу нужны деньги, но нет ничего опаснее для России, чем власть денег. Мир находимся под мощной — внутренней и внешней — демонической инволюцией. Сдача ей без боя означает признание господства темных сил.

Таким образом, православный социализм — единственно возможный и желательный национальный проект для России. Более того, именно такого — цивилизационно альтернативного, «иначе возможного», как сказал бы А.С. Панарин — шага ждет от нее незападный мир (да и немало людей в Европе). Это не химера и не «розовое христианство», а трезвая констатация ее духовной судьбы. Русская идея есть осуществленная и осуществляемая отечественная история, и плод ее, подобно зерну, растет медленно и прикровенно. Она всегда уже-но-еще-не. Не претендуя на исполнение рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, православный монархо-социализм есть ценностный (социологический и культурологический) символ русского пути, каким он являет себя в действительности уже тысячу лет. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная — церковная и государственная — установка на смысл народной жизни, на индивидуальном уровне часто не осознаваемая («коллективное бессознательное»). Православный социализм реализуется как направление и *идеал*, а не достигнутый раз навсегда материальный результат («хорошая жизнь» в обывательском значении этого слова). Все, что способствует описанному состоянию/движению России — хорошо; все, что препятствует ему — плохо. *В таком понимании православный монархо-социализм и есть наша искомая государственная идеология XXI в.*, которая не должна зависеть ни от откровенных агентов антицеркви, ни от высокомерных «уранопатриотов». Тому, кто не хочет или не может это осознать, придется пересмотреть свое мировоззрение, или уйти в «малый народ», или покинуть страну. Насильно ни свят, ни мил не будешь, и свобода личной совести неприкосновенна. Точкой отсчета в любом случае остается выбор «большого народа». Поэтому следует приветствовать поддерживаемую 80% населения попытку Президента Путина и его команды вывести российское государство из-под внешнего управления, в котором оно находилось после 1991 года. В случае ее неудачи нашей страной завладеет оппозиционная «пятая колонна» («релоканты»), идеологи которой обеспечивают активную круглосуточную работу соответствующих радио/телеканалов и интернет-ресурсов. Тогда Россия очень быстро перестанет существовать, а вдобавок еще может родить антихриста, как об этом и предупреждал более ста лет назад Константин Николаевич Леонтьев.

В отличие от советского коммунизма, это должна быть гибкая система взаимосвязей частных, групповых и государственных видов собственности, при доминировании, в конечном счете, общенациональных интересов («об-

¹ *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 995–1020.

щего дела», по выражению Н.Ф. Федорова). Народный многоукладный социализм — это одновременно идеология и хозяйственная практика, которая в состоянии гарантировать российское будущее в современном тревожно-нестабильном мире. Социалистический характер подобного общества определяется верховенством государства как общенародной политической организации, по отношению к которой все формы экономических отношений (в том числе спекулятивно-финансовых) вторичны. Частная собственность и товарный рынок функционируют относительно свободно, но в рамках общих (соборных) ценностей и целей, и могут быть ограничены в правах в случае противоречия указанным целям. В таком обществе «деньги от власти», а не «власть от денег». Соответственно, правящая (в том числе информационная, культурная и художественная) элита такого общества является «служилым классом», ответственным перед верховной властью и Церковью как носителями ценностно-смыслового ядра нации. Свои семьи и капиталы такая элита располагает на Родине. Прямые или косвенные попытки сбросить с себя заботу о народе и империи (отказ от социальной и национальной ответственности капитала и таланта) рассматриваются как предательство. Любые другие проекты «наших плюралистов» — либерально-западнические, ортодоксально-коммунистические, язычески-националистические — суть утопии, снова подставляющие Россию под удары внутренних и внешних чуждых сил.

Подводя итог, замечу, что капиталистическая система вообще, а современная капиталистическая система спекулятивной банкокрации в особенности, есть самая антихристианская. Как писал в свое время Н.А. Бердяев, коммунизм прав в своей критике капитализма. Другое дело, что советский эксперимент рухнул, потому что ориентировался на марксистский материализм, располагающий онтологический базис человека и общества на уровне их производственно-потребительской активности. Народный монархо-социализм будущего будет лишен этих недостатков, так как его опорой станет вечная истина христианства, подкрепленная опытом великой и трагической русской истории. Не повторяя прошлых ошибок и крайностей, надо взять от нее лучшее, что в ней было. Во всяком случае, к этому следует стремиться.

Анна РЕТЕЮМ

«ЧТО ДАЕШЬ ТЫ, ТО Я И ПРИМУ»

Анна Борисовна Ретеюм — родилась в г. Балашове Саратовской области, филолог, окончила аспирантуру Московского педагогического государственного университета и Московский государственный университет печати. Работала в издательствах, преподавала, имеет многие публикации в периодической печати и на сайтах. Лауреат всероссийских поэтических конкурсов имени А.С. Грибоедова, С.А. Есенина, Международной премии имени А.П. Платонова «Умное сердце». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ЖАВОРОНОК

Трепещет жаворонок нежный
над лугом, целится в зенит —
такой наивный и потешный,
но как молитвенно звенит!

Всей птичьей жизнью истекая
на высшей ноте чистоты,
он только музыка святая,
где шепчут травы и цветы...

Как будто стряхивая тело
в священном трепете, чиста,
и я бы так звенеть хотела
пред ликом Господа Христа.

* * *

Достать чернил и плакать!

Б. Пастернак

Нет, не пером веду гусиным,
но все ж эпистолу — о том,
как жутко кленам и осинам
остаться в воздухе пустом.

А дождь украдкой забивает
гвоздочки мелкие с утра,
душа проснуться забывает,
и то — унылая пора.

И время слез, немых истерик
безликой движется стеной —
о расставаньях, о потерях,
о неизбежности земной...

СИРОТСТВО

Кружит Земля, а в ней —
отец и мать,
и хочется припасть и обнимать
холмы, пролесся, луговины те,
раскинув руки вдоль по широте.

РАССУДОК

Снует на ощупь, и темнит, и крутит,
как мышь в подвале,
колесо в распутье,
о судьбах рассуждая наперед...
Лишь глупости своей не разберет.

* * *

Сквозь меня пролетают столетья,
бесконечные полчища неба —
колесницы, знамена, штыки,
их становий туманы, веретья
и обозов поклажи, тюки.

Все кочевья и переселенья,
непокорное русло людское —
как стихия живая, сквозит.
Величаво Небес дуновенье,
неогляден далекий транзит.

КОВЧЕГ

Памяти отца, Бориса Александровича Кругова

Твой мир, отец, руками сотворенный,
объятый сердцем — истинно ковчег,

в котором дом и спуск к реке зеленый,
и щедрый сад, и детства птичий век;

живые книги, в ящиках рассада,
верстак старинный, улы, чертежи,

терраса в цепкой неге винограда,
холмы степные, струны теплой ржи...

Но дрогнул,
покачнулся, словно воздух, —
ковчег твой светоносный и родной,

чтоб в горних океанах, синих звездах
найти причал божественный, иной.

* * *

Земля моя, прекрасная, живая,
умел ли кто сильнее тебя любить?
Из космоса я будто прозреваю
то время, что даровано здесь быть:

великое, несметное богатство —
алмазы гор и вечные моря,
и леса платоническое братство,
и сердца путь, назначенный не зря.

То — солнечной, а то — дорожкой лунной
восходит он, мерцаньем окружен,
и всякий шаг, не слишком-то разумный, —
исправлен Небом и преображен.

* * *

Я тебя выбираю опять и опять,
хоть не время давно нам в приглядки играть.

Слышишь, Моцарт звучит между нами, смеясь —
несерьезная, легкая, звонкая связь.

И повсюду весна, и опять соловьи
сочиняют воздушные замки свои,
изумленной сирени колышется круг.
Я тебя выбираю, единственный друг!

ДИВЕЕВСКАЯ СИРЕНЬ

Попробуй опиши сирени голос яркий,
названия найди оттенкам молодым...
Не выразить души без горестной помарки,
Дыхания Небес — свидетельством земным.

ВЕГЕТАТИВНАЯ ЖИЗНЬ

Пока ты хочешь время провести,
расслабленное сердце утоляя,
трава растет — не может не расти,
работу ни на миг не оставляя:

незримые ворсинки, коготки
цепляются и тянутся непраздно,
обыденному мнению вопреки —
их жизнь духовна, целесообразна.

Неспешен фотосинтез тонких тел,
но все-таки стремительно развитие:
веселый одуванчик поседел,
а хмель увил ложбину по наитью,

мучнистый наливается овсюг,
пока ты свой планируешь досуг, —
тростник речной стал выше человека,
расслабленного до скончания века.

* * *

Что даешь Ты, то я и приму,
словно ветра тугие объятья
и сквозящей листвы полутьму,
пташью негу — могу не принять я?

Бережка золотистую взвесь
и воды ледяное лобзание...
Все приму, что дается мне здесь, —
и креста, и любви возрастанье.

* * *

Душа растет — растут ее сады,
бескрайние уголья и левады,
и дом растет, что в нем затеял ты —
открытые для света анфилады.

Витают всюду ветер, детский смех,
и рощи к нам заходят без помех,

холмы и виноградники, смотри, —
в пространстве, возрастающем внутри.

Кружит небес отвесных глубина —
в любви, что возрастая обречена,
священным окормляема огнем,
растет она — душа моя и дом.

* * *

С чего ты взял, что совершенна
должна быть жизнь — увы, отнюдь.

Но в сердце теплится блаженно
надежда всякий круг замкнуть,

срастить поломанные ветки,
сложить разорванный мотив,
и росчерк боли древний, ветхий,
изгладить, тихо запретив,
не ведать глупых согрешений
в небесной ласковой горсти, —

и сколько можно искушений
в такой надежде обрести!

С чего ты взял, что совершенна
должна быть жизнь?

* * *

Смотрит осень — темная, немая,
сердце выбирая наугад...
Можем ли, друг друга обнимая,
отвести ее кромешный взгляд?

И под чай домашний, разговоры,
голоса свирельные детей

обхитрить ненастные просторы,
черный дождь, зияние смертей?

Снова осень, снова страхи эти —
хищник древний чудится вокруг...
О любви, о светозарном лете
говори, сердечный, милый друг!

ПРИЧАСТИЕ

Запомни сейчас и на все времена,
как чисто поет глубины глубина
и полнится звонкой живой высотой
Твоей —

бесконечной, ужасной, святой.
Запомни, прошу, вот такую меня —
сейчас
и до самого Судного дня.

КВШЛА КНИГА

Рыбакова С.Р.

О великом русском правдолюбце: книга памяти Михаила Петровича Лобанова и очерки о русских литераторах. М.: 6. и., 2025. 231 с.

В начале своего повествования автор перемещается в детство Михаила Петровича и вместе с маленьким Мишей Лобановым смотрит сквозь щели драной крыши сеновала на одинокие звезды, уносясь мыслью в неизведанные, манящие и одновременно ужасающие пространства. Потом разделяет с юным Михаилом его первые впечатления от поэзии Есенина и счастье получение первого гонорара за публикацию в районной газете. Война, ранение, постоянная необходимость совершать нравственный выбор, смена времен и экономических формаций, стремление при любой власти оставаться честным человеком и честным автором, насколько это вообще возможно, приход к вере — все эти пережитки человеческой и писательской судьбы своего наставника Светлана Рыбакова постаралась пропустить через свои разум и сердце.

О ВЕЛИКОМ РУССКОМ ПРАВДОЛЮБЦЕ

Памяти
Михаила
Петровича
Лобанова

ТИТ ГОРСКИЙ
(священник
Иоанн КАЗАДОВЕВ)

«ВСТАВАЯ В РЯД ИКОНОСТАСА...»

Тит Горский (священник Иоанн Казадов) — родился в 1985 г. в Литовской ССР (ЛССР), г. Клайпеда. До сентября 2009 г. проживал в Литве, затем переехал в Ирландию. Окончил факультет химии Вильнюсского государственного университета, факультет химии Кортского университета и Институт дистанционного образования по программе «Теология» на базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Священник Русской Православной Церкви Московского Патриархата Сурожской епархии (Ирландия) и ст. научн. сотрудник в международной компании, разрабатывающей мед. оборудование. Автор ряда литературных публикаций (г. Ставрополь, г. Таллин, Эстония) и др.

БЛАГОВЕШЕНИЕ

Я полюбил тебя,
 многострадальный, —
Твои печально-одинокие глаза,
Фонарный свет
 и рокот привокзальный...
В часы, когда линяет в небе бирюза
И просыпаются забытые надежды,
Ты, облачаясь
 в неприметные одежды,
Бредешь один в пустой
 холодный сквер
И ждешь луны, так обреченно сер.

Как непросты и неисповедимы
Бесценных жизней
параллельные пути!..
Вас любят ночь, и звезды-пилигримы,
И Тот, Кто не согнет
надломленной трости.
И полнотой таких живых
многообразий,
Перебирая струны
незаметных связей,
Он навсегда преображает нас,
Запечатлев в един иконостас.

Апрельский вечер —
друг моей печали
И собеседник кроткий
ищущих сердец.
О сколько раз мы бережно качали
Над колыбелью музы
северный венец!
И кто же знал,
что в череде святых созвездий
Ты прогморишь трубой
бессмертных благовестий,
Когда в огне заоблачных светил
Служитель чуда к Деве нисходил.

ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА

Ясный и цветущий летний полдень,
Теплый, как отцовская ладонь,
По которой нынче Дух Господень,
Тайнообразующий Огонь,
Пишет образа, сменив каноны,
Где черты Предвечного Лица
Будут вековечить не иконы,
А нерукотворные сердца.

Будет вековечить свет вечерний,
На воде зардевшийся багрец
И порезы на челе от терний,
Заплетенных в царственный венец.
А еще — немая ширь простора,
Дождь в лесу и нежный детский смех,
Тишина под сводами собора,
Где врачуют боль и всякий грех.
И, дивясь явленному размаху,
Скинув с сердца гнет былых оков,
Чувствуя, как в душу, под рубаху,
Льется перезвон колоколов,
Естество метнется вдруг пичугой
Вслед за проходящим посолонь,
Чтоб в полях за крохотной лачугой
Целовать Отцовскую ладонь!

* * *

Лишь вскину взор — и полыхнет в груди.
Мгновение — и задушевно крикну:
«Какие Ты мне начертал пути?
Позволь подпеть Отческому гимну!»
Холмы, холмы, горбатый горизонт,
Как жизнь моя — восходы и паденья.
Трещит по швам нерукотворный фронт,
И близится момент преполовенья
Отмеренных рассветов и шагов
Средь эха угасающего стука.
С такой душой — каких еще врагов?..
Ужель всё — пошлость и больная скука?
Ужель всё — тлен и разудалый грай
Бесплодных споров и ночных застолий?..
А все ж играй, гармонь души, играй
На пыльных тропах русских богомолий!
И пусть мой век — желтеющая снить,
Но я успел вкусить сего раздолья,
И мне теперь вовеки не забыть
Разительных просторов Ставрополя!

* * *

Вечерний луг — под саваном тумана.
Приник ковыль к земле, и, чуть дыша,
Та шепчет мне: «Откройся без обмана.
Чего ты ищешь, русская душа?

Чего томишься в тонком полумраке,
Когда вода зеркалит желтизну,
И, уподобясь раненой собаке,
Скулишь на побледневшую луну?

Что видишь ты — отеческое поле?..
Деревья — как проросшие кресты?..
Ах, ты скорбишь о неподвластной доле
И о шагах несбывшейся версты!

Ты огрубел под гнетом ожиданий,
Что, стало быть, отнюдь не мудроно,
Когда в порыве умственных скитаний
Взыскуют руки терпкое вино.

Но ободрись!.. “Покой нам только снится”.
И не руби сей промысл с плеча!
Ты здесь — не завершенная страница,
А тлеющая русская свеча».

* * *

Расколота ваза неба.
Разбросанный букет заката.
Здесь храм стоит Бориса-Глеба.
Здесь брат оплакивает брата.

Здесь Ангел, взяв на караул,
Под скорбный стих шестого гласа
Смотрел, как в вечность тот шагнул,
Вставая в ряд иконостаса.

Какие честные глаза
У предстоящих нынче в храме!
И слез живая бирюза...
И свет в парящем фимиаме...
И смотрит ласково на мать
Сыновий образ в черной раме.

* * *

Терабиты и терабайты
Возведут миру новый храм.
И оформят там копирайты
Новый Каин и новых Хам.
«Путь дорожка ты, фронтовая» —
В генетический вбито код.
Только, кольцами дым пуская,
Все безмолвствует наш народ.

Что ж ты бродишь, мужик, по кругу,
Не признав родовых икон?
Ведь супругу, а не подругу,
Выбирают себе в канон!
Чтобы в силу больной отместки
Внутрь страны не тянулся фронт.
Вот и дожили: на повестке —
Вымирающий генофонд.

Ах-ты-рнетная паутинка —
Оцифрованный монастырь.
«Номо homini est — скотинка» —
Здесь читают свою псалтирь!
Виртуальные исихасты
День и ночь неустанно бдят,

Чтоб факт-чекинги, копи-пасты
Просвещали родных ребят:
Чтобы радужно улыбались,
Чтобы чтили заморский слог.
А коль выкликнут: «Убер-аллес!»,
То — «блестящий» трудам итог!

И пока депутат в загуле
Заедает икрой беду,
Я в строфическом карауле
Буду громко дудеть в дуду!
Дура-дара, дура-дара,
Нет у Вани самовара.
«Пей, — кричат, — баварское,
Рож пролетарская!»
Ду-руру, ду-руру,
Не несите вы муру.
С Волги до Амура
Наш народ — не шкура.
Дура-дор, дура-дор,
Вот такой вот коленкор.
Эй, брат, под зачало —
Начинай сначала!

* * *

*Вот, мы оставили все и последовали за Тобою;
что же будет нам?*

Мф. 9:27

«А что же будет, что же будет нам?»
А будет все обыденно и просто:
Скамейка за оградой у погоста
И в отдаленье — деревенский Храм.

«А что же будет, что же будет им?»
А будет все, как их душа хотела, —
Опустят в землю высохшее тело,
Поморщат лоб и выдохнут за сим.

«А как же стало, как же стало так,
Что эта серость северного края
Одним казалась предначатком Рая,
Иным была что беспросветный мрак?»

А стало так, а было оттого,
Что чувства пишат форму от избытка.
И для кого-то жертвенность — не пытка,
А заповеди вечной торжество.

А что же будет, что же будет нам?

ВЫШЛА КНИГА

Филиппов Д.С.

Промка. М.: АСТ; Редакция «КПД»,
2026. 320 с. (Русская Реконкиста).

В новом романе Дмитрия Филиппова рассказывается об одном из самых тяжелых и кровавых эпизодов Специальной военной операции: о штурме авдеевской промзоны. Великолепный эффект дает соединение боевой динамики, скупой и жесткой стилистики, функциональной лексики. Читатель словно участвует в боевой работе, выживает и теряет товарищей вместе с автором. И убеждается в мистической природе «промки», которая не только требует жертв, но и манипулирует сознанием в духе Зоны из «Сталкера» или разумного океана в «Солярисе».

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Григорий ИВЛИЕВ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК: ОТ ШКОЛЫ И ДО БУНДЕСТАГА

Григорий Петрович Ивлиев — родился в 1957 г. в селе Паники Рязанской области. Государственный деятель, писатель. Окончил юридический факультет МГУ. Президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации (ЕАПО), заслуженный юрист РФ, действительный государственный советник первого класса. Был депутатом ГД РФ от партии «Единая Россия», работал в Правовом управлении аппарата ГД РФ, был председателем Комитета по культуре. Работал в аппарате Правительства РФ. Автор многих книг, в том числе: «Священник Василий Ивлиев. Виновным себя... НЕ признаю», «Храм Святого Великомученика Димитрия Солунского села Паники Сараевского района Рязанской области» и других. **Живет в Москве.**

Привлекательный своей старинностью немецкий город Бонн выстроился на берегу Рейна. В тишине улиц сохраняется история, замершая в ликах архитектуры; впрочем, не пренебрегает он и современными постройками. Над ровной линией деревьев и домов возвышаются башни кафедрального собора Святого Мартина, возведенного в XIII в., а несколько в стороне от него — знаменитый Langer Eugen («Длинный Ойген»), родившийся на свет в 1969 г. и с тех пор являющийся самым большим домом в Бонне. В этом здании размещался немецкий бундестаг. В 1993 г. здесь началась моя стажировка в качестве помощника депутата бундестага Дитриха Шперлинга (Dietrich Sperling). Тогда уже было принято решение о возвращении резиденции правительства и парламента в Берлин. Для немецкого парламента это время было завершением боннского периода работы, для меня же этот год стал еще одной вехой, которая сегодня предстает очень ярким воспоминанием.

Однако мое боннское восприятие действительности — только часть моего общения с Германией. Прежде чем подробнее остановиться на «германских» страницах биографии, замечу: их могло бы и не быть, не случись в моем детстве учительницы немецкого языка — Гудковой Раисы Георгиевны. Повезло, судьба, жизнь, удача. А главное, я отношусь к той части учеников, которым посчастливилось сказать «спасибо» своему учителю за тот профессиональный путь, которому она положила начало.

Я до сих пор удивляюсь: как случилось, что в общем-то в небольшом рязанском поселке, в провинциальной школе, во мне пробудили такой интерес к немецкому языку?!

Это сделал не кто-то из родных или близких — не было у нас в семье немецкоязычных традиций, — это сделал именно учитель. В нашей школе издавна иностранный язык преподавали немцы — носители языка. Про таких учителей мне рассказывала еще моя мама, которую немецкому обучала немка. Поэтому к иностранному языку здесь относились серьезно.

Деревенского мальчишку переход из начальной школы небольшого села в среднюю школу районного центра поражает, должно быть, ровно так, как впервые попавшего к морю поражает простор, бурлящий характер, бездонная синева: и в первом, и во втором случае будто оказываешься в новом мире. В средней школе с тобой общается много взрослых — учителей различных дисциплин. Это общение становится важным.

Учительница немецкого преподавала нам необычно: с интересом, желанием научить, продвинуть. В своем преподавании, осознанно или нет, она будто придерживалась формулы В.О. Ключевского: преподавателям «слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а для того, чтобы будить чужую». Раиса Георгиевна была женой первого секретаря райкома КПСС и относилась ко всем свободно и покровительственно. С ней мы почувствовали, что немецкий язык к знанию как к таковому одновременно добавляет еще одно: звучание и выражение жизни в другой вербальной системе, а это расширяет и углубляет твои взаимоотношения с миром.

Другие мои учителя тоже были очень хорошими. Но ни на каких уроках, кроме уроков музыки, никто никогда не пел. А на уроках немецкого, что для 60-х гг. было неким чудачеством, мы пели немецкие песенки, вели разговоры на немецком, слушали поэзию. Казалось бы, мы проходили школьную программу, но подход к преподаванию будто стер границы и создал ощущение собственной причастности к большой немецкой культуре.

Это при том, что немецкий язык в то время был языком послевоенным. Отношение к Германии как к вражеской стране было еще живо. Но вот ты за школьной партией, и тебе говорят: фашизм — это не И.В. Гете и не Г. Гейне. Фашизм, напротив, извращает, попирает те великие ценности немецкого народа, созданные им. В такой простоте общения вырабатывалось правильное отношение к культуре в общем. Думаю, по этой причине в будущем мне было легче осваиваться в новой среде, потому что основы мирного отношения к другим людям из других стран впитались в кровь. Когда прикасаешься к великому, очень явно ощущаешь, как из провинции ты попадаешь в мировую культуру!

Думаю, для подростка имел значение еще один момент: моя учительница была роскошная русская красавица — молодая, высокая, с крупными красивыми чертами: большие выразительные глаза, хорошие волосы, фигура. Это было детское восприятие взрослой женщины, но оно также вызывало дополнительные эмоции и формировало положительный фон вокруг образовательного процесса.

Интерес к немецкому языку, наверное, выразился в том числе и через интерес к истории военных событий, в атмосфере которых все мы жили.

Сейчас, читая мемуары немецкого разведчика Р. Гелена, который был генерал-лейтенантом вермахта в период Второй мировой войны, руководителем разведки на Восточном фронте, создателем и первым президентом Федеральной разведывательной службы Германии (BND), я ловлю себя на воспоминаниях о своей учительнице немецкого языка... Почему так происходит?

Почему одних помнишь, а с другими нет такой связи?

Наверное, это так, потому что одним предметам или вопросам уделяешь больше внимания и сил, а к другим относишься проще. Мне было важно учиться на отлично. С амбициями отличника я всегда двигался вперед.

Помню, как, поступив в университет, я случайно встретил школьного преподавателя алгебры — Пахоменко Ольгу Михайловну, которая поинтересовалась, как прошли мои вступительные экзамены. Я начал рассказывать, она перебила меня: «Как алгебру сдал?». Я отвечаю, что не сдавал алгебру! А она опять: «Какую оценку тебе поставили?»... Уверенность педагога в том, что я пойду по стезе, связанной с точными науками, была настолько велика, что она не сразу восприняла тот факт, что для выбранной специальности алгебра не пригодилась.

А немецкий язык я сдавал и много им занимался.

Следы providения ли? Ведь они скрываются в человеческих шагах и решениях, а раскрываются в исторических вехах... Но, подумать только, после 10-го класса я стал работать учителем немецкого языка в селе Максы Сараевского района. Я никогда не планировал быть преподавателем, у меня были другие планы. Но сложилось именно так. Важно и показательно здесь то, что моих знаний хватало, чтобы обучать детей в деревенской школе! Педагогику я освоил заочно. Как гласит одна латинская поговорка, «природа начинает, искусство направляет, практика завершает». Я также читал ученикам стихи и пел с ними песенки, как это делала моя учительница. Мне казалось все происходящее естественным. Я только сейчас понимаю, что все это было благодаря тому, что кто-то дал мне это направление.

Немецкий язык с этих пор стал для меня очень важным.

А с Раисой Георгиевной мы и сегодня поддерживаем общение.

На момент написания этого очерка уважаемой Р.Г. Гудковой — 89 лет. Несмотря на свой возраст, она не отказалась поделиться воспоминаниями о своем ученике: «Когда в середине 1960-х я начала работать в Сараевской средней школе, почувствовала разницу между городскими и сельскими учениками. В городских школах был выбор в изучении иностранного языка (английский, немецкий, французский), а в большинстве сельских школ немецкий был единственным преподаваемым языком. Ребята не понимали, где им может пригодиться знание иностранного языка, и не связывали с ним свой будущий профессиональный путь. Большинство поступающих в вузы выбирали сельскохозяйственные, инженерные, педагогические специальности.

Поэтому мне как педагогу хотелось заинтересовать своих учеников. На наших уроках помимо школьных учебников появлялись яркие картинки, газеты и книги на немецком языке, мы учили небольшие стихи.

Осенью 1968 г. в школу пришли новые ученики, был сформирован 5 “В” класс. На первом же уроке я отметила для себя большеглазого русоволосого мальчика с внимательным взглядом — это был Гриша Ивлиев. Он отличался старанием, заинтересованностью, серьезным отношением к учебе. Для Гриши не составляло труда читать и переводить тексты из детских книг и газеты “Neues Leben” (советская центральная газета на немецком языке, издававшаяся в 1957—1991 гг. для немецкого населения СССР).

Я видела, что из мальчика выйдет толк».

Инструмент, который всегда помогал

Есть краткое мгновение, которое отделяет раннюю юность от поздней, совпадая с двумя следующими друг за другом статусами. Вот ты абитуриент, и все мироощущение сводится к тому, что ты становишься миром желаний. Совсем скоро — ты студент, и тебя наполняет осознание, что мир вокруг и мир в тебе — это мир возможностей.

Вступительные экзамены в Московский государственный университет имени Ломоносова надо было сдать на отлично. Они не вызвали у меня проблем, хотя требования для поступающих на юридический факультет МГУ были очень высокие. Мне ставят «отлично» за вступительный экзамен по немецкому языку. Это важно: я смог набрать проходной балл, потому что именно по этому предмету у меня была достаточная подготовка, чтобы получить максимальную оценку.

Цепь везений с немецким языком не прерывалась. Хотя везение может прийти к любому, а удача, как говорят, предпочитает упорных. Я — в МГУ. В моей группе немецкий преподает Нина Алексеевна Баскакова. Моя одноклассница — девушка из интеллигентной семьи Ирина Павлова — окончила в Москве спецшколу с немецким уклоном. Так вот, Н.А. Баскакова отличала нас обоих.

Плановое обучение проходило по спокойному сценарию, хотя молодому человеку, приехавшему из рязанской глубинки, обжиться в Москве — непростое дело. Окончив стандартный курс немецкого языка по программе юрфака, я понял, что мне не хватает знаний в этой области: «границы моего языка означают границы моего мира», — определил Людвиг Витгенштейн. Я стал осваивать специальный курс для подготовки переводчиков отделения иностранных языков филологического факультета.

Изучение языка — это в первую очередь терпение. Нужно, чтобы информация не просто была воспринята, но проникла в сознание. Поэтому пребывание в лингафонном кабинете длилось часами. Правда, и здесь меня не оставило везение: лингафонный кабинет располагался на восьмом этаже, там же, где и юридический факультет. Кафедра преподавания иностранных языков соседствовала с кафедрой уголовного процесса, на которой я учился.

Заведующая кафедрой иностранных языков и есть та самая Н.А. Баскакова, которая два года преподавала мне немецкий и хорошо знала мой уровень. Обучение проходило с какой-то радостью. На курсе были студенты с разных факультетов, нас готовили с учетом советской специфики, а также давали общекультурную составляющую. По тем временам чтение на немецком языке Ф. Шиллера, Б. Брехта, Г.Э. Лессинга создавало ощущение, что получаешь настоящее образование.

Для углубленного изучения языка был дополнительный стимул. Всем нам пообещали, что мы будем работать на XXII летних Олимпийских играх 1980 г. с туристическими группами. Это, безусловно, вдохновляло. К тому времени я дважды побывал в ГДР в качестве переводчика. Практический перевод для меня — не проблема. Все знают, что у меня есть опыт, что ко мне нет нареканий — одни похвалы. Мне дают право выбрать, в какой группе из какой страны я буду работать. И я выбираю ФРГ.

Приближается 1980-й год. «Уже пылает сосед Укалегон» («Энеида» Вергилия). Катастрофа. Мы узнаем о том, что ряд стран объявляют

Олимпиаде бойкот, в их числе Западная Германия. Команда из ФРГ, группа туристов не приезжают.

Я бегу к своему руководителю, прошу перевести меня в группу ГДР. В ответ слышу: «Извините, все места уже закреплены». В результате я не попадаю ни на Олимпиаду, ни в группу туристов. Это сложный психологический момент: твой немецкий становится невостребованным.

Но проходит время... 1981 год. Я поступаю в аспирантуру. Поступление конкурсное. Наряду с профильными предметами сдается иностранный язык. Серьезная конкуренция: достойные кандидаты со всей страны, в том числе из Москвы. Мои конкуренты неплохо знают специальность, возможно, даже лучше меня. Они не выпускники, как я, а какое-то время работают в профессии. Кроме иностранного языка, мы сдаем профильный предмет и философию. По результатам испытаний принимают меня!

Почему я акцентирую на этом внимание? Потому что я лучше знал немецкий. Мой свободный немецкий в 1981 г. дал мне возможность обойти конкурентов! Возможно, они лучше знали специальность, но по баллам прохожу я. Хотя у меня уже были студенческие публикации в «Вестнике Московского университета», меня хорошо знали на кафедре, и у меня была поддержка моего научного руководителя Михаила Львовича Якуба.

Клише о том, что знание иностранного языка открывает весь мир, дает множество преимуществ, хоть раз в жизни слышал каждый. У меня была совершенно конкретная ситуация: мой немецкий помогал мне преодолевать барьеры. И было это не единожды. Вернемся в 1979 год. Тогда волейбольная команда юридического факультета МГУ поехала в Берлин на соревнования. Им требовался переводчик. Этот переводчик — я. Еще через несколько месяцев группа студентов отправилась на практику в Берлинский университет имени Гумбольдта. Им также нужен переводчик. Этот переводчик опять я, потому что у меня уже есть и опыт, и хорошие отзывы: я на отличном счету. А это и есть преодоление барьеров. К слову, выехать за границу в советское время было совсем непросто, но все комиссии райкома я успешно прошел.

Немецкий язык, приведший меня в конечном итоге в Германию, был инструментом, который по жизни очень помогал.

Предложение, от которого нельзя отказаться...

Аспирантура. Мой преподаватель немецкого языка в аспирантуре — в прошлом переводчик Нюрнбергского процесса — Литвак Роза Борисовна. Она также отмечала мой сильный немецкий. И вновь мы с моей одногруппницей Ириной Павловой блистаем в аспирантской группе своими знаниями. Но здесь уже другой уровень работы: мы читаем газеты, периодику, делаем доклады на немецком языке. Однажды ко мне обратился заведующий кафедрой криминалистики Николай Павлович Яблоков. Он попросил меня перевести ему главы из немецкой книги по социалистической криминалистике, изданной в Берлине. Он знает, что у меня свободный немецкий, доверяет моему переводу, так как пару лет тому назад, когда он возглавлял группу, проходящую практику в Берлине, я был его переводчиком.

День и ночь я сижу, делаю переводы для Николая Павловича, потому что он к тому же председатель ученого совета, в котором мне предстоит

защищаться. Этот труд привел меня к убеждению в том, что я больше никогда не буду заниматься переводом. Это очень тяжелая работа. Да, она была для меня полезна — уголовный процесс и криминалистика в чем-то близки. В диссертационном совете, где я защищался, были и криминалисты, и процессуалисты. Когда защищаешь диссертацию и ссылаешься на немецкоязычные источники, то, например, у Николая Павловича не было сомнений относительно основательности проведенного анализа. В этом я ему очень признателен.

Учителя, которых я встречал, были не просто учителями: они передавали мне часть творческого наследия, взгляды на мир и многое другое.

1984 год. Я окончил аспирантуру, перешел на работу во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ, а ныне МГЮА), и немецкий язык оказался невостребованным. Я терял квалификацию. Безусловно, я читал литературу, если попадались фильмы на немецком языке — смотрел их. Но какой-либо целенаправленности не было аж до 1993 г., когда ректор Всесоюзного юридического заочного института предложил мне поехать на стажировку в Германию.

Это было такое предложение, от которого нельзя отказаться. Опять конкурсная основа — нужно было пройти собеседование с комиссией бундестага, приехавшей в Россию, в Совет Федерации РФ. Желающих масса. Из нескольких десятков человек отобраны пять! Я в их числе.

Впереди Германия, стажировка в бундестаге, но с одним деликатным дополнением. Оставалось какое-то время до отъезда. Все вопросы уже были решены. Я занимаюсь рабочими делами, провожу консультации для студентов. Их очень много. Всех в лицо не упомнишь. Встреча со студентами завершается, я всех отпускаю, и тут ко мне подходит молодой человек.

— Что у вас? — спрашиваю я.

Он представляется. А далее сообщает, что он из специальных органов, сообщает, что ему известно о моей будущей поездке в Германию, и добавляет, что его задача — объяснить мне необходимость помочь Родине.

На самом деле передо мной не стоял вопрос: отказаться или нет. Я был рад, что мне предложили поработать на страну, сделать что-то полезное. Тогда вопросы безопасности стояли остро, даже острее, чем сейчас. 1993 г. — период материальной неустроенности во всех слоях общества. Зарплата небольшая. Дефицит продовольствия ощущался остро. Весь быт был скованный, сложный.

Предложение поехать в Германию совпало с естественным желанием пожить в обществе, в котором нет дефицита... Дефицита продуктов, услуг. Но главное все же состояло в том, что это обещало мне новые открытия, встречу с пока еще неизвестным мне миром — с Западной Германией. Мне нужно было как-то расширить жизненное пространство. И это произошло, даже в несколько большем масштабе, потому что уважаемые коллеги, как было отмечено выше, включили меня в государственную работу. Кстати, эта работа выглядела совершенно не так, как ее представляют. Это вовсе не тайник с цепью приключений, не диверсионные действия... Это анализ, получение и работа с информацией, определение различных политических векторов, оценка людей, с которыми работаешь, а также проведение определенной линии со всеми, с кем взаимодействуешь.

Западная Германия. Бундестаг

Все события в жизни проживаются как минимум дважды. Впервые — непосредственно в момент, когда они случаются, а после — в воспоминаниях. Событие одно, а их оценка совершенно разная. О Западной Германии осталось не так много важных воспоминаний, но те, что живы, сегодня развернулись глобальным звучанием.

Я становлюсь помощником депутата бундестага Дитриха Шперлинга. Он известный политик с большим стажем, обаятельнейший человек, придерживающийся интернациональных позиций. Руководитель общества (до 1990-х гг.) «Советско-германской дружбы», которое в 1993 г. стало называться обществом «Российско-германской дружбы». Также возглавлял группу депутатов по взаимодействию со странами СНГ. Он не страдал русофобией, уважительно и с пониманием относился к общей ситуации.

Я, как мне кажется, был хорошим помощником депутата: готовил ответы на обращения немецких бюргеров. Научился работе с компьютером. По тем временам компьютеры уже были оснащены редакторскими программами. Это был совершеннейший прогресс: написать грамотное письмо мне не составляло труда. Если вдруг у меня и случались какие-то ошибки — немецкий язык сложен причастными оборотами, склонениями и спряжениями, — компьютер показывал, что нужно поправить.

В моей программе стажировки было много интересного. В ней участвовало около 50 человек из разных стран: от Кореи до Бразилии. Большинство из них были профессиональными разведчиками. Я был непрофессиональным, но, надеюсь, все же хорошим сотрудником. Я до сих пор благодарен людям, которые поручили мне работать на этом поприще.

Будапештский меморандум

Кто-то заметил, что у человеческой памяти есть охранительное свойство. Суть его состоит в том, что забывается то, что достойно забвения.

Ряд переговоров, целью которых было принятие исторического Будапештского меморандума, разворачивался при мне. Казахстан и Украина должны были передать имеющееся ядерное оружие России. Казахстан в лице Н.А. Назарбаева быстро решил эту проблему, получив и от США, и от России необходимые гарантии и средства. Там были свои неувязки, но лидер Казахстана нашел подходы, устраивающие всех. Тогда, 24 октября 1993 г., газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала материал под названием «Казах использует Америку для повышения своей репутации», в котором было отмечено: «Президент Казахстана сыграл в политику сегодня с Соединенными Штатами и победил»¹.

Украина упорствовала.

Россия, США, Франция, Великобритания официально вели переговоры. Германия была дополнительным переговорщиком. В 1993 г. Германию все воспринимали еще как бывших нацистов. Они не имели права голоса. Но Германия была больше и активнее Франции, поэтому в бундестаге так-

¹ Видова О.И. Феномен Назарбаева. Москва: Эксмо, 2020. С. 163.

же обсуждали эти вопросы. Там была создана рабочая группа, участники которой проводили встречи с Украиной.

Вот он, своеобразный калейдоскоп истории, о котором упоминал Артур Шопенгауэр. При каждом повороте этот оптический прибор дает новую конфигурацию из стеклышек, а по сути, перед глазами происходит одно и то же...

Та конструкция из стран-участниц переговоров примечательна тем, что отчасти напоминает наши дни.

Сегодня тоже на мировой арене идет переговорный процесс и звучат голоса США, европейских стран, Украины, России. Конечно, сама суть этих отношений совершенно другая, и переговоры другие. Но от невольного сравнения впечатлений сложно удержаться.

Однако тогда было единство: все страны были одинаково заинтересованы в том, чтобы ядерное оружие было передано России. Все сомневались в том, что Украина в быстрые сроки сможет обрести такую государственность, которая позволит гарантировать, что ядерное оружие не будет использовано противоправно, что подходы к его хранению и отношению к нему будут надежными.

Теперь, когда мы стали очевидцами событий 2014 и 2022 гг., могу без колебаний сказать, что те кураторы, которые занимались темой Будапештского меморандума и придавали ему огромное значение — мои кураторы, люди в посольстве, люди в разведке, контрразведке, люди, окружавшие меня в то переломное время, — это умнейшие люди мира. Они предвидели эту ситуацию! Они не представляли конкретной формы 2014 г. или нынешних лет, но они ощущали потенциальную опасность в ситуации наличия ядерного оружия в неокрепшей стране.

Очень памятно, как депутаты буквально уговаривали украинских дипломатов прийти к положительному решению. Последние связаны позицией со своим правительством: они постоянно уходят от вопросов, оперируют размытыми, «резиновыми» формулировками. Обсуждения тяжелые, вязкие, бесконечные. На очередном заседании, когда вновь поднимаются аргументы, формы, подходы, способы, гарантии, финансовые средства, необходимые для реализации будущего меморандума, депутат Дитрих Шперлинг спрашивает украинского посла:

— Вы все же четко сформулируйте: для чего вам нужно ядерное оружие?!

— Zur Abschreckung! — говорит украинская сторона.

(Уже 30 лет, как я знаю это слово, но его многогранность не позволяет мне определить его каким-то одним переводом; понимать его можно так: для острастки, отпугивания, для угрозы, устрашения).

— Кому вы собираетесь угрожать? По отношению к кому производить «abschreckung»?

Тишина. Не отвечают оппоненты...

— России угрожать будете?

— Нет, — говорят представители Украины, — с Россией у нас прекрасные отношения. (Идет осень 1993 г., путч позади, у Б.Н. Ельцина и Л.М. Кравчука товарищеские отношения).

— Тогда кого устрашать будете? Францию? Нас?

— Нет! Ни в коем случае!

Господин Дитрих резюмирует:

— В таком случае о чем вы вообще спорите? Лучше бы вы украинский язык продвигали. Мы на каком языке ведем переговоры?

Действительно, украинская делегация вела переговоры на русском языке. Они знали родной язык, но перевод с украинского по тем временам был невозможен: переводчиков, которые могли бы это обеспечить, не было.

Я, как человек, который присутствовал на этом процессе, понимал информацию, позиции сторон, в том числе позицию украинских дипломатов. Думаю, моя информация была достаточно интересной и полезной. Но само решение принималось где-то там... Для меня до сих пор остается тайной, как Украина пошла на это?! Тем не менее 5 декабря 1994 г. меморандум был подписан Украиной, Россией, Великобританией и США.

Мне всегда был интересен вопрос в контексте того, как бы развивались события, если бы Украина не передала оружие? Если бы тогда группа профессионалов — разведок всех стран, дипломатов — не работала так усиленно над этой проблемой?

Очевидно, последующее развитие Украины не сформировало в ней достаточно ответственного гражданского общества, должного государственного мышления, сильной политики, действующей и принимающей решения в интересах своей страны.

Война с более сильным противником — это политическая ошибка, уничтожение своих граждан. Какого бы тысячелетия до нашей эры мы ни коснулись, тех правителей, что обрекли свою страну, завели ее в тупик, начав войну с более сильным противником, история называет неудачными политиками! Народ всегда будет защищать свои ценности, но политики должны делать все, чтобы страна не попадала в такие ситуации.

Сегодня, всякий раз, когда слышу, что украинские власти обстреливают Запорожскую АЭС, желая вызвать ее повреждение, которое чревато катастрофическими последствиями, я настораживаюсь. Это делают люди, которые знают и помнят, что такое Чернобыль. При этом они все равно допускают такие риски. А при наличии ядерного оружия?! Какой бы масштаб угроз в руках этих политиков оно приобрело бы?

Думаю, что работа Д. Шперлинга и других дипломатов и разведчиков, задействованных в этом вопросе, еще недостаточно оценена.

Господин Дитрих для меня — это светлый луч: он предполагал будущность, осознавал ее и упорно работал над тем, чтобы скорректировать потенциальные риски, вложив много сил в это дело. Его потом несколько раз обвиняли во взаимодействии со Штази (нем. Ministerium für Staatssicherheit), но ничего предъявить ему так и не смогли. Наверное, он был человеком, который поддерживал отношения с представителями спецслужб. Например, был у него стажер — Ивлиев Григорий Петрович, который что-то знал... С другой стороны, всем было известно, что программа стажировки — инициатива Риты Зюссмут (*Rita Süßmuth — немецкий политик, президент Бундестага в 1988–1998 гг.*) — способ вырастить поколение людей, которое будет контактировать со страной. Сейчас бы это назвали мягкой силой.

После этой стажировки я еще лет пять по несколько раз в год посещал конференции в Германии. Работая в Госдуме РФ и в Правительстве РФ, я был спикером, которого немцы постоянно приглашали на правовые и политические конференции. У меня есть публикации на немецком языке. Тогда

языком владели многие, но чтобы это был действующий профессор или политик, способный выступать на научные темы, — таких людей были единицы. Я гордился, что какое-то время был в их числе. Знаковыми были мои пересечения в этом направлении, скажем, с бывшим министром экономики РФ А.А. Нечаевым, с профессором С.А. Авакьяном из МГУ, профессором В.А. Тумановым, которые тоже свободно владели немецким языком. Потом эти связи уходили, жизнь занимали другие направления работы.

«Тематические узоры» в судьбе...

С периодом 1993 г. связаны и другие воспоминания. Однажды меня попросили поехать в Дюссельдорф на процесс Маркуса Вольфа (Markus Wolf — легендарный руководитель службы безопасности ГДР). Он потрясаяще вел себя на этом процессе: достойно, мог ответить на все вопросы, своей вины не признавал. Все вымыслы, которые ему вменяли, в суде доказаны не были, как и не было в процессе ничего порочащего. Верховный земельный суд Дюссельдорфа признал его виновным за преступление, которое он не совершал, и приговорил к шести годам лишения свободы. Позднее приговор был отменен Верховным судом Германии...

Обнаружить развитие и повторение тематических узоров в судьбе — такую цель поставил Владимир Набоков в сборнике «Другие берега». Интересно, что в судьбе каждого человека происходит повторение некоторых тем. Это схожие эпизоды с большой разницей во времени. Разгадать их смысл сложно, даже бессмысленно. Рассказать о них — приятно.

Бонн и Дюссельдорф находятся не очень далеко друг от друга. Между городами курсируют поезда, похожие на привычные нам электрички. Я возвращался в Бонн после упомянутого процесса. Обычное полукупе. Со мной едет дама средних лет. Она оказалась разговорчивой и быстро вовлекла меня в беседу на разные темы. В какой-то момент она неожиданно спрашивает:

— Вы из какого региона?

Я ответил, что из Москвы.

— Что вы там делаете? В командировке?

— Нет. Я там живу. Я — русский.

— Как русский? Не может быть! Вы так свободно говорите по-немецки!

Мой свободный немецкий — без акцента. Это литературный немецкий — Hochdeutsch, по нему нельзя определить регион проживания.

В 2021 г., когда я с женой отдыхал в одном немецком санатории, мы разговорились с одной постоялицей: о погоде, докторам, о процедурах, пользе голодания...

— Из какого вы региона? — вдруг спрашивает меня наша новая знакомая.

— Из Москвы, — отвечаю я.

Следующий ее вопрос также звучит эхом прошлого:

— Вы там в командировке?

Представьте только: 1993 г. и 2021-й. Между ними 28 лет! Две разные женщины в разных районах Германии задают мне идентичные вопросы!

Конечно, я горжусь тем, что могу свободно говорить по-немецки. И в основе этой свободы — имя моей первой учительницы.

Во всех поездках за границу немецкий язык всегда помогал общаться. В любой компании есть американцы или англичане, которые владеют немецким.

Когда я работал в Госдуме и мне приходилось бывать в Совете Европы, я тоже всегда находил партнеров, с которыми мог общаться на немецком языке. Для меня немецкий был и остается языком общения и преодоления.

Идиомы

Во время стажировки в бундестаге я параллельно учился в Боннском университете: изучал курс риторики на немецком языке, а также идиоматические выражения.

Признаюсь, я до конца так и не освоил названия экзотических трав и деревьев — к ним логически не подойдешь, — и, возможно, пропустил какие-то идиомы. Изучение идиом — глубинное погружение в язык, когда вскрывается смысл образных выражений. После этих занятий я приходил в свое жилище — это была комната в большой квартире университетского общежития. Вместе со мной жили четыре девушки со своими парнями. У нас была общая кухня. Меня всегда ждали к ужину, чтобы спросить, какие идиомы я сегодня проходил. Я был постарше моих соседей, и меня воспринимали как «гуру». Я делился новыми знаниями; это были атмосферные, добрые беседы.

С тех пор полюбилась идиома — *Im Großen und Ganzen*, которую можно перевести как «в общем и в целом». Зачем говорится два синонимичных слова? Затем, что в немецком они имеют разное пространственное обозначение. Это не просто что-то стоящее рядом, это совокупность, в которой есть еще и множественные связи, и все это в целом составляет гармонию. Если единства нет, немец не будет использовать это выражение.

Путч из «окна» бундестага

Совершенно отдельными, не стоящими рядом ни с какими событиями в период моей стажировки, стали ощущения, связанные с путчем в России в 1993 году.

Я занимаюсь текущими делами в кабинете бундестага, у меня есть доступ к компьютеру и новостным лентам, в частности к сообщениям агентства «Рейтер». Во всех новостных сводках — Белый дом. За одной программой идет другая. Закончилась хроника, следуют оценки событий, и так беспрестанно. Бесконечный поток. Я слежу за всем, что происходит, и тоска охватывает: я далеко от своей жены, своей дочери, от друзей. По депутатскому телефону я мог совершать международные звонки, чем и воспользовался.

Звоню в Москву, жене. Она рассказывает мне, как ходила на работу сквозь строй милиции, как слышала стрельбу. Тревожно.

Позже связываюсь со своим товарищем. Он в 1993 г. работал в Белом доме. Задаю ему вопросы, он отвечает общими фразами... Остается чувство растерянности.

Тогда за 24 часа только по «Рейтер» прошло более тысячи информационных сообщений о путче.

Это было страшное, неприятное зрелище, которое наблюдаешь издали, а твои родные и близкие — в гуще событий. Оценки происходящего до конца не понятны... Сделать ничего не можешь.

Прошло много лет. Тот старший товарищ — Евгений Сергеевич Фролов, которому в дни путча я звонил из бундестага и к которому потом, в 1998 г., я пришел на работу в Правительство РФ, — приоткрыл «завесу тайны» относительно туманных фраз во время телефонного разговора в 1993-м.

— Помнишь, ты мне звонил? — начал он разговор с воспоминаний в одну из редких встреч. — В это время я был в кабинете на Старой площади. Мы не знали, чем все это закончится. Вокруг меня были мешки с наличными для специальных целей. Я должен был финансировать мероприятия, выполнять указания (прим.: он был на стороне президента, действующей власти). Были опасения, что будет более глубокое проникновение, и необходимо сосредоточить ресурс.

За этими краткими, лаконичными фразами скрывалось сложное ощущение. Евгений Фролов был юристом с большой буквы. Он все осознавал. Переживал за страну. Был на стороне избранного президента. Будущего. Светлого будущего, которое провозглашалось тогда...

Парламентские традиции

Моя стажировка завершилась. Еще одно впечатление, которое не покидало меня, оставили парламентские традиции Германии. Они отличаются значимостью и отработанностью процедур. Наверное, на меня это настолько повлияло, что, вернувшись из Германии, я пошел работать в Государственную Думу РФ. Тогда приобретенный немецкий опыт стал для меня бесценным.

Михаил ЗАРУБИН

СЪЕЗД ПОСЛЕДНИЙ И СЪЕЗД ПЕРВЫЙ

Михаил Константинович Зарубин (1946–2021) — родился в деревне Кеуль Нижнеилимского района Иркутской области. После окончания строительного института работал мастером, начальником участка на строительстве комплекса зданий Сибирского отделения АН СССР. Более 20 лет возглавлял 47-й строительный трест. Заслуженный строитель России. Действительный член трех международных академий. Награжден орденами и медалями РФ. Член Общественного Совета Санкт-Петербурга. Действительный член Академии Российской словесности. Член СП России. Автор многих книг прозы и публицистики. Лауреат всероссийских литературных премий «Имперская культура», имени Н.С. Лескова, «Золотой Витязь», Премии правительства Санкт-Петербурга и др.

По складу своего характера я не политик. Конечно, жизнь страны всегда интересовала меня, и я, безусловно, принимал в ней участие, но я — строитель, человек практики, дела, опыта и научного поиска. Я видел и понимал, какая ожесточенная борьба ведется на политическом Олимпе, однако все эти перестроечные лозунги-софизмы, бряцание словесами, как я называю пустую болтовню, претили мне. В российской политике меня всегда отталкивали две вещи: неискренность и постоянное вранье.

Перестройка была далеко от меня, за высокими кремлевскими стенами, где обитали уже новые российские лидеры, которые только говорили, говорили, говорили, коверкая русскую речь стилистическими ошибками, неправильными ударениями. Слова были пустыми, необязательными к исполнению, следовательно — вредными.

Иногда приходила крамольная мысль: что, если все происходящее — простая случайность, и к власти в России пришли случайные люди, которые случайно вышли из дома и случайно оказались в нужное время в нужном месте? Но — стоп! — здесь уже начинается территория философских категорий «случайностей и закономерностей». Забираться в научные дебри я не стану по причине недостаточной теоретической подготовки. И потому просто расскажу, как я был делегатом последнего, XXVIII съезда КПСС.

Помню до мельчайших подробностей: я в Кремле, в зрительном зале Кремлевского дворца съездов, который специалисты считают одним из лучших в мире. Он вмещает шесть тысяч человек, но не подавляет размерами, а создает чувство

комфорта и свободы. Раньше на этом месте стояло старое здание Оружейной палаты, а «во времена былинные» располагались постройки двора Бориса Годунова.

На фоне этого современного здания из белого уральского мрамора особенно хорошо смотрятся затейливые очертания древних крепостных башен, золотые купола соборов и церквей. Внутренние стены отделаны красным гранитом, мрамором и узорчатым бакинским туфом. В интерьерах использованы ясень, дуб, бук, граб, тихоокеанский орех. Во всем — логичное сочетание старых и современных стилей. В кремлевский комплекс дворец вписался тактично и незаметно, он не выделяется по высоте из основной массы окружающих строений.

Год 1990-й. Уже вовсю шла перестройка. Правда, что и зачем перестраивалось, мало кто из нас тогда представлял ясно. Говорили все обо всем, и очень горячо, благо было дозволено. Клеймили административно-командную систему, проповедовали «социализм с человеческим лицом», но главным образом пытались ответить на два извечных российских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?», забывая пристально посмотреть на собственную личность.

Михаил Сергеевич Горбачев казался спокойным, уверенным в себе, во всяком случае внешне. К тому времени это был уже не тот всемогущий Генеральный секретарь, чьи указания выполнялись немедленно и беспрекословно. Сказывалась тяжелая внутрипартийная борьба, порожденная его же собственными реформами. Перед ним стояла трудная задача: справиться с противниками перестройки и удержаться у власти.

Относительно молодой по сравнению с недавними «кремлевскими старцами», он буквально излучал энергию и уверенность в правоте своих слов и поступков. поприветствовав делегатов, Горбачев немедля перешел к формированию руководящих органов съезда. Как истинный демократ, спросил у делегатов совета: какие будут соображения относительно состава президиума? Предполагалось, что все пойдет по накатанной дорожке. Но вдруг, не думаю, что это было заранее спланировано, микрофон взял шахтер из Магаданской области Блудов. У меня сохранилась стенограмма его выступления.

«Прошу принять следующее предложение: на основании параграфа 31 действующего Устава КПСС съезд объявляет о переходе всей полноты партийной власти в его ведение как высшего органа партии и постановляет:

1. Гарантировать неприкосновенность делегатов, продлить их полномочия до XXIX съезда КПСС.

2. Объявить отставку ЦК КПСС во главе с Политбюро и не избирать в члены руководящих органов съезда за развал работы по выполнению Программы, решений XXVII съезда КПСС и XIX партконференции.

Персональную оценку каждому секретарю ЦК, каждому члену Политбюро дать на съезде.

Прошу поставить вопрос на голосование».

Зал затих. Растерялся и Горбачев, но быстро справился с собой:

— Думаю, что к этому вопросу мы еще вернемся. А сейчас будем продолжать работать по программе. Так, товарищи?

Кто-то из первого ряда громко поддакнул:

— Да!

Михаил Сергеевич удовлетворенно кивнул, мне показалось, что он обрадовался даже такой поддержке.

— Хорошо. Относительно президиума можно ставить на голосование?

Тот же голос немедленно поддержал генсека, хотя остальные помалкивали. Но генсеку было достаточно и этого. Съезд пошел своим чередом. А жаль. Революционное предложение рабочего Блудова мне понравилось, хотя и я, и многие другие делегаты понимали, что не по собственной инициативе простой магаданский шахтер озвучил столь радикальное предложение, за ним стоят определенные и весьма влиятельные люди.

Заседал съезд почти две недели, со 2 по 13 июля. Первые семь дней я бы определил, по аппаратной терминологии, периодом «убалтывания» делегатов. То есть доведения их до крайней степени физического и морального утомления, когда у человека остается только одно желание — побыстрее вырваться из этого партийного театра и вернуться домой.

Мы детально обсуждали всевозможные резолюции, ломали копыя вокруг программного заявления съезда под названием «К гуманному, демократическому социализму»: в кулуарах его именовали «туманным». Мы заслушивали многословные и нудные отчеты членов Политбюро, заседали в разного рода секциях, создавали какие-то комиссии, пытались разобраться в лавине бумаг, обрушившейся на делегатов. Бумаги эти были отпечатаны тиражом 130 тысяч экземпляров, а их общий объем составлял свыше миллиона страниц!

На московских улицах стояла жара. Делегаты получали известия о зреющем небывалом урожае. Всем хотелось домой, уже сочинили стишки, которые зашелестели по рядам: «Травы не скошены, бабы заброшены, зерно опадает... съезд заседает».

Вечером 9 июля началась заключительная фаза съезда, продолжавшаяся до вечера следующего дня. Горбачев предложил делегатам новую редакцию Устава КПСС, что, по сути, означало: в стране провозглашается новая партия федералистского типа. Республиканские организации самостоятельны в разработке программных и нормативных документов, структура вертикального соподчинения упраздняется, партийные комитеты из органов «руководящих» переводятся в «исполнительные», лишь «координирующие» деятельность первичных парторганизаций. Генеральный секретарь ЦК избирается на съезде, что выводило Горбачева из-под опеки Пленума ЦК и качественно усиливало его контроль над КПСС.

Началось выдвижение кандидатур. Появились и альтернативные кандидаты, но больше для отвода глаз: никаких реальных перспектив у них не было. Самые отчаянные прямо с мест выказывали недоверие Горбачеву. Он все же победил, но далеко не с прежней легкостью: из 4683 делегатов 1116 проголосовали — против. На предыдущем съезде такое было бы просто немыслимо.

При закрытии съезда Горбачев сказал: «Тот, кто рассчитывал, что это последний съезд и на нем состоятся похороны КПСС, тот опять просчитался. КПСС живет и будет жить».

Его пророчество не сбылось? Как знать.

Что еще запомнилось? Переполненный зал Дворца съездов. Кроме делегатов, здесь бродили несколько сотен приглашенных рабочих и крестьян с

неясными полномочиями; они вели себя как экскурсанты, усиливая общую сумятицу в зале. А еще — иностранные гости, помощники народных депутатов, сотрудники аппарата ЦК КПСС, журналисты, переводчики, технический персонал. Шеститысячный зал заседаний был упакован под завязку. Общая атмосфера: напряжение, какая-то неясная тревога, постоянное ожидание чего-то чрезвычайного, вплоть до отдельных истерик и провокаций.

Я смотрю старые записи, сделанные мною на съезде. Это первые впечатления, первые вопросы, которые уже тогда мучили меня. Я говорил о Блудове, который заставил Горбачева на мгновение утратить дар речи. Но вот у микрофона делегат — Юрий Болдырев, ленинградец. Он предлагает внести в повестку дня съезда еще более экстравагантный, чем у Блудова, вопрос: «О политической ответственности КПСС перед народом». Удивительно! Горбачев ставит на голосование; больше тысячи «за»!

Не принято, но ясно: почти четверть общего числа делегатов являются наиболее радикальными «перестройщиками», они — опора Горбачева и на этом съезде, и, судя по всему, в дальнейшей политической жизни.

Не обошлось и без скандалов. Самый яркий устроил Борис Николаевич Ельцин. Сначала предложил переименовать КПСС в партию «демократического централизма» и разрешить свободу фракций, запрещенную с 1921 года. Предложение было освистано «агрессивно-послушным большинством». И тогда Ельцин громогласно заявил о своем выходе из КПСС. С трибуны он сошел уже беспартийным. Помимо «боли в сердце от расставания с партийным билетом», он, похоже, испытывал при этом плохо скрываемое удовольствие от очередного удачного «фитиля» Горбачеву, которого уже тогда считал основным политическим конкурентом.

А потом был разлад в команде Горбачева, жестокая борьба Яковлева с Лигачевым, Рыжков, свалившийся с инфарктом, конфронтация с Ельциным.

Я видел, как делегаты съезда в массовом порядке вместе с мандатами сдавали свои партийные билеты и уезжали домой. Для меня тогда это было удивительно, я расценивал это как малодушие и предательство.

Что еще запомнилось? Конечно, встречи. Их было много, самых разных. Да и могло ли быть по-другому? Весь цвет страны собрался тогда во Дворце съездов. Расскажу о некоторых.

Там же я подружился с ленинградцем Александром Демидовым.

В конце восьмидесятых его имя было у всех на устах: на съезде народных депутатов СССР он стал первым, избранным на альтернативной основе, причем в жесткой конкурентной борьбе. Он рассказывал мне, как это произошло. Выборы были настоящие. Во всяком случае, больше на них походили, чем сейчас.

Саша Демидов пошел на Невский и за десять рублей у свободного уличного художника сделал свой портрет с призывом «Голосуйте за А.И. Демидова». Затем в редакционно-издательском отделе института напечатал двести экземпляров, и с этой простенькой агитацией победил.

Победил Демидов, став народным депутатом СССР. Он по-прежнему работает в объединении ЛОМО, не захотел воспользоваться открывшимися возможностями, как некоторые «лаборанты», попав во власть. Я горжусь дружкой с ним, хотя встречаемся, к сожалению, редко.

Яркими, волнующими, хотя и мимолетными были встречи с Михаилом Ульяновым, Владиславом Стржельчиком, Валентиной Терешковой.

Я задавал вопросы Горбачеву, Лукьянову, Рыжкову, Лигачеву, Яковлеву, Шеварднадзе...

В верхней части Дворца съездов был великолепный банкетный зал; он был такой величины, что мог сразу принять шесть тысяч человек, чтобы они могли довольно быстро поесть. Именно здесь я и встретился с Михаилом Александровичем Ульяновым.

Любили его все без исключения, а знали в основном по кино. Но среди героев экрана, которых он сыграл, больше всех, по-моему, запомнился маршал Жуков. В этой роли он снимался в общей сложности больше четверти века. Когда в одном из российских городов возникла идея поставить прославленному полководцу памятник, местный скульптор не стал усложнять себе задачу: он вылепил маршала с Михаила Ульянова. Так и стоит теперь на центральной площади провинциального российского города бронзовый актер, а на постаменте выбито золотом: «Великому полководцу Георгию Жукову».

Встреча наша произошла так.

Утром в гостинице «Россия», где мы жили, у нас был легкий, почти на бегу, завтрак. И сразу — в Кремлевский дворец. После утреннего заседания, долгого и нудного, отчаянно хотелось есть. Справедливости ради скажу: кормили нас не бесплатно, как утверждали в народе, но деньги мы платили такие «смешные», что об этом не стоит и говорить. Ассортимент же был необыкновенно богатый, особенно по тем временам — это же был девяностый год, магазины зияли пустыми прилавками, страна сидела на карточках.

В тот день я с кем-то заговорился в зале заседаний и в столовую попал уже в конце перерыва. Только расположился за столом, зазвенел звонок. Зал быстро опустел. Я оглянулся: по соседству допивал чай Михаил Александрович Ульянов. Я поставил на поднос свой легкий обед и подошел к нему.

— Здравствуйте, Михаил Александрович! Можно к вам?

Он внимательно посмотрел на меня. Вид у него был сосредоточенно-мрачный.

— Можно.

Мы молча пили чай, торопиться было некуда. Я знал, что двери в партер, где сидела наша делегация, уже закрыты. А на балкон можно было свободно зайти в любое время.

Я придумывал, как начать разговор. Но первым спросил он:

— Вы откуда?

— Из Ленинграда.

— Прекрасный город, у меня там много друзей...

— Я хотел бы быть в их числе...

Почему я это сказал, и сам не знаю. Сказал — и испугался, вдруг подумает: нахал, любитель автографов...

Он улыбнулся:

— Как вас звать, новый друг?

— Как и вас — Михаил, только отчество — Константинович.

— Где работаете?

— Я строитель, управляющий трестом.

— Завидую.

— Чему, Михаил Александрович?

— Как чему? Вашей работе!

— А я вашей завидую...

Он поморщился, как от зубной боли.

— Если бы вы знали, хотя бы отчасти, закулисную жизнь актеров, вы бы так не говорили. Ну, бог с ними! Как вам здесь работается?

— Тяжело. Долго, а главное — много пустословия, болтовни.

Ульянов немного помолчал, потом сказал, никому, в пространство:

— Да, спектакль этот затянулся.

Мы вышли из банкетного зала, он протянул мне руку.

— Всего хорошего!

— До встречи, — ответил я, и он улыбнулся во второй раз.

Для меня эта случайная встреча была радостью, я долго не мог успокоиться и, как мальчишка, рассказывал о ней всем, с кем удавалось поделиться моим восторгом.

Шли годы, я видел Ульянова только в кино. Его роль в картине «Ворошиловский стрелок» потрясла меня. Михаил Александрович сыграл ее как всегда талантливо, пронзительно и достоверно. «Всю жизнь живу впрок — сначала хлеб, потом спички, теперь вот оружие», — с горькой иронией говорит его персонаж, и в этих словах суть фильма, как я ее понимаю. Не только старый машинист, униженный и оскорбленный, жил тогда «впрок» — так жила вся страна...

Вторая наша встреча все-таки состоялась, и в обстановке, которую тогда, на съезде, было даже трудно себе представить.

В сентябре 2005 г. Кириллу Юрьевичу Лаврову, художественному руководителю БДТ, исполнилось восемьдесят лет. В числе приглашенных я участвовал в подготовке поздравления юбиляра, потому что к тому времени уже был в театре «своим» человеком — мы построили для театра здание учебной студии. Войдя в кабинет Лаврова, я увидел сидящего на диванчике Ульянова. Они беседовали, вероятно, о студии, потому что Кирилл Юрьевич, как только я показался на пороге, сказал своему московскому гостю:

— Вот, Михаил Александрович, человек, который построил то, что вы только что видели...

Ульянов посмотрел на меня и удивленно приподнял брови:

— Здравствуйте, мой ленинградский друг! Помнится — Михаил Константинович?

Лавров удивился, да и я, признаться, тоже.

— Вы знакомы?

— Давно, — сказал Ульянов, пожимая мне руку. — Молодец, доброе дело сотворил для театра...

Мне было приятно, что через столько лет человек не забыл нашей мимолетной встречи, каких у него в жизни было великое множество.

Наверное, многие видели эксцентричную комедию Дмитрия Астрахана «Все будет хорошо». Снимали ее под Питером, в старом полуразрушенном доме, большинство жителей которого были законченными алкоголиками или немощными стариками. На съемочную группу они никакого внимания не обращали — веселье здесь продолжалось и днем, и ночью. И лишь единственный раз эта компания воздержалась от выпивки, когда на съемки приехал Михаил Ульянов. Ради любимого артиста жители коммуналок скинулись и купили чудовищно бесполезную, в их понимании, вещь — огромный

букет цветов. Они вручили цветы Ульянову, явившись в полном составе пообщаться с актером.

Всех героев Ульянова, и положительных, и даже отрицательных, всегда отличала прямота суждений. В жизни он был такой же.

При Советской власти был членом ЦК партии, заседал на съездах, имел звание Героя Социалистического Труда. Потом страна стала другой, и люди стали другими, а он оставался прежним. Его любили люди самых разных идейных убеждений, и даже не имеющие таковых вовсе. Он был востребованным до конца своих дней. Он был добрым человеком, добро являлось для него целью, потребностью, смыслом жизни. Таким он мне и запомнился.

В составе ленинградской делегации на съезде было много интересных людей. Некоторых политиков мы знали еще по прямым телерепортажам со Съезда народных депутатов, которые смотрелись как телевизионные шоу. Но среди всей нашей делегации выделялся Владислав Игнатьевич Стржельчик. Он таким был — его нельзя было не заметить. Сразу же запомнились его выразительный бархатный голос, его деликатность, общительность, юмор. В гостинице «Россия» наши номера были рядом. Помню каждодневное утреннее приветствие: «Здравствуйте, Михаил! Давайте подзаправимся и пойдем решать судьбу страны». В то время я, как и многие его зрители, мог даже не знать всех его званий и регалий, но было достаточно увидеть его имя на афише, чтобы обязательно пойти на спектакль. Я ходил «на Стржельчика» много-много раз.

Как никому другому, ему удавались роли князей, вельмож, генералов и царей. Его отличали великолепная осанка, барственный облик, умение носить мундиры и камзолы. В его послужном списке — Александр II, Наполеон, Нарышкин... Оглушительный успех получила картина Евгения Ташкова «Адьютант его превосходительства», в которой Стржельчик сыграл роль генерала Ковалевского.

На съезде мы встречались почти каждый день. Вроде бы ничего особенного, выдающегося он не говорил, но актерская натура заставляла его и тут владеть вниманием окружающих. Он смешно рассказывал театральные и околотеатральные истории, каких знал неисчислимое множество. Очень точно изображал своих коллег, а попутно и политических деятелей. Это как-то разряжало напряженную обстановку, которая царил в зале. На память остались наша совместная фотография и автограф Владислава Игнатьевича в моей делегатской книжке.

В моей памяти он остался удивительно простым человеком. Мне, как прежде, хочется выпить с ним чашечку кофе и поговорить. О чем угодно, тем более сейчас достаточно тем для разговора. В первую очередь о театре, его любимом БДТ, в театральную студию при котором он поступил еще до войны. Только пройдя всю войну, окончив ее, он стал актером театра. Всю жизнь он хранил благодарность своим учителям — Борису Андреевичу Бабочкину и Юлию Яковлевичу Райзману, не мыслил своего творчества без театрального кудесника Товстоногова, без режиссера Ташкова, без актера Черкасова, без композитора Шостаковича...

Встреч и событий на съезде было множество. Были необыкновенно смелые выступления, были скандалы, «захлопывания», рождались крылатые выражения и афоризмы. А по сути — рождалась наша новая жизнь, рождалась в муках, сомнениях и поисках, которые продолжают до сих пор.

Съезд последний и съезд первый

Перед началом работы XXVIII съезда КПСС было решено собрать российских коммунистов и обсудить вопрос об образовании Коммунистической партии РСФСР. Конференция длилась недолго: буквально через пару часов собравшиеся назвали конференцию первым съездом Коммунистической партии РСФСР. А это значило, что с данной минуты можно было принимать важные, как многим казалось, глобальные решения. Что глобального стали обсуждать? Да трудно сказать. Братья-демократы оседлали своего коня критики: там — не то, и тут — не так. Запомнить невозможно: каждый следующий оратор первым делом пытался зачеркнуть все, что было сказано до него. Время настало такое — говори, что хочешь.

Микрофоны были нарасхват, возле них выстраивались в очередь неравнодушные коммунисты, развивая фабулу спектакля, который уже все видели на съездах народных депутатов нового времени. Мне было интересно: те лица, которые я прежде видел по телевизору, теперь все наяву, рядом со мной, и я среди них.

И всем другим тоже было любопытно, хотя мотивы могли быть разные и интересы тоже. И с трибуны, точнее, из-за стола президиума, Горбачев взывал к чему-то такому возвышенному, вроде: «Мы — одна страна, мы — одна семья, надо жить вместе, дружно». Но уже одно то, что он говорил без бумажки, для многих было ошеломляющим фактом. Это много позже начало доходить: говорит-то говорит... «А воз и ныне там».

Но тогда был всеобщий восторг, эйфория от новизны. «Дождались!» Ходим как зачарованные. Ликуем, плачем, что-то горячо, точнее, горячечно обсуждаем, вечером выпиваем — некоторые понемногу, некоторые помногу. Поэтому, когда делегаты утром, направляясь во Дворец съездов, проходили сквозь кремлевскую башню, где стояла охрана, то под ее сводами стоял такой выразительный запах, что не оставалось сомнений по поводу едкой шутки: «Этот съезд партию пропил!» Принципиально так и случилось.

Конференцию, если будет позволительно сказать, конституировали в съезд с простой, в общем-то, задачей: создать в России свою коммунистическую партию. Идея была понятна: у всех республик есть свои компартии, и только у самой крупной, у РСФСР, ее почему-то нет. Но дебаты об этом очевидном деле шли день, второй, третий, неделю, другую... В президиуме, было видно, теряли терпение; Лукьянов, Горбачев настойчиво требовали: «Давайте принимать решение». Зал же, как стадо, ревел, гудел, топал ногами. Все хотели высказаться. Говорили у микрофона и без микрофона, и по несколько раз. Если кто-то не мог остановиться, его по-пионерски затапывали. Другие требовали: «Пусть человек скажет!». У меня сохранилась вся стенограмма съезда, но лучше здесь и остановиться. Добавлю только: грешен — и я был у микрофона, и выступал.

Первый съезд компартии Российской Федерации — его стоит, наверное, назвать учредительным — должен был завершиться созданием руководящих органов. Я тоже чуть было не попал в «руководящие», но допустил, как мне потом объяснили, какую-то оплошность, и поруководить мне не удалось. Но это, скорее всего, к лучшему. Возложить руководство Российской компартией предполагалось на Ивана Кузьмича Полозкова, первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС — на этом настаивали Горба-

чев и Лукьянов. Мне Полозков не нравился, да и внешностью обладал, на мой взгляд, отталкивающей. Другие делегаты выдвинули Лобова — в нем, как секретаре Свердловского обкома партии, видели сподвижника Ельцина. Мне тоже хотелось, чтобы был Лобов, но этот, когда надо было выступать, не мог произнести ни «тя-тя», ни «мама», как сказали бы наши илимские мужики. Поэтому народ его не понял — проголосовал за Полозкова.

Дело было сделано, и Первый съезд Российской компартии плавно перетек в XXVIII съезд КПСС. И для нас началось то же самое, только с бóльшим размахом.

Все так же выстраивались очереди у микрофона, по-прежнему шаблонно все критиковали всех. Новую мятежную ноту внесли литовцы, эстонцы, латыши. Хотя, по сути, музыка была старая — они так же ругали Советский Союз и Россию, как мы уже видели на съезде народных депутатов, только теперь делали это как «честные коммунисты».

А в самом начале завязалась чуть ли не настоящая рукопашная схватка. Наши умные организаторские головы догадались посадить рядом азербайджанскую делегацию и делегацию Армении, и они немедленно стали обсуждать вопрос Нагорного Карабаха. Ожесточение было такое, что пришлось бросать все партийные дела и разводить делегации по разным — чуть не сказал «углам» — по разным секторам Дворца съездов. Более того, потребовалось найти особое место для карабахских делегатов, которые не желали сидеть вместе с делегацией Азербайджана, но и рядом с армянской сажать их было нельзя.

Пересадку закончили, но эмоциональный настрой был нарушен, вдохновения поубавилось, и теперь все делегации лишились постоянных мест. От этого у меня произошли неожиданные встречи. Но пока — о спектакле.

Главный «спектакль» преподнес претенциозный Ельцин. Его речь была посвящена тому, что с этой партией ему — спасителю России — не по пути. Время позволяло каждому выбирать свой путь. Но когда ты — председатель Верховного Совета Российской Федерации, то у тебя есть трибуна, с которой ты можешь спокойно пояснить все свои несогласия. Или — зачем, спрашивается, надо было вообще ехать на партийный съезд? Можно ведь было и сразу сказать коммунистам из Свердловской области, а это несколько тысяч человек, что с ними тебе не по пути. Тебя бы тогда не избрали. Но Ельцин этого не допустил, слишком был хитер и алчен.

Закончив выступление, Борис Николаевич гордо устремился через весь зал к выходу. Он шел по центральному проходу, а делегаты должны были, — говорили, что так предполагалось по сценарию, — вставать и примыкать к этому шествию. Но шествия не получилось — я не видел, чтобы хоть один человек присоединился. Правда, на другой день выступил Шестаковский, ректор Высшей партийной школы. Он говорил не только от собственного имени, и смысл был такой, что им тоже не по пути. Шестаковского поддержал Собчак. Но тема эта для меня уже утратила интерес.

На съезде было много и других событий, осталось много разных воспоминаний. Но одну примету съезда считаю себя обязанным не забывать — как самостоятельную страницу и как наиболее яркое впечатление. На первое место, вспоминая съезд, я бы поставил общение — в нем была необычайная и потому удивительная простота.

Такой штрих: на XXVIII съезде были все члены Политбюро, но не было никакой охраны. Никого, за исключением Горбачева, не сопровождали секьюрити, при том, что во время перерывов генсек вместе со всеми ходил по кулуарам, по залу. В один из таких перерывов я заметил, что отводят, освобождая проход, удочки микрофонов. А это значило, что сейчас пойдет Горбачев. И действительно — он вошел в зал. Смотрю — направляется в сторону сцены. Охрана не дремлет, как бы невзначай плечиком оттирает тех, кто оказался сбоку или пытается подойти поближе. А я как раз пошел по проходу, и получилось, что иду навстречу Горбачеву. Тут мы с ним встречаемся лицом к лицу:

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

Ну а как же — демократия на полную катушку?

Он отвечает:

— Здравствуйте, — и, приобнимая меня за плечо, вроде как приглашая двигаться за собой, спрашивает, откуда я, кто такой? Когда я сказал, что из ленинградской делегации, Горбачев отреагировал добросердечно:

— Замечательно, что из ленинградской, как и Анатолий Александрович, мой друг.

И подзывает стоящего неподалеку Собчака. И мы втроем начинаем о чем-то говорить — о чем, теперь даже не вспомнить. Какие-то общие слова и темы. И у меня-то в тот момент мысли шальные: вот бы сфотографироваться, память бы осталась, а то ведь не поверят.

А с Собчаком мы много тогда общались. Ни до съезда, ни после, даже в своем городе, так часто встречаться не удавалось. Я видел перед собой умного, масштабно мыслящего человека, хотя и не очень понимал некоторые его идеи, вроде обещания сделать из Ленинграда город-сад, или некоторые его шаги, например, итальянский проект, о котором я писал. Собственно, по прожектам Собчака я и попал в командировку в Италию, и начало этого было до съезда, а завершение — уже после него.

Продолжение следует

ПРОЗА

Виктор ПОТАНИН

БЕСПЛАТНАЯ ЛЕКЦИЯ

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, Литературный институт им. М. Горького; работал в областной газете Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

В моих тетрадках уже много историй, и все они сроднились со мной и остались в душе. Но вот что странно: проходят дни и недели, а я никак не могу прерваться — отдохнуть от писательства, и потому часто спрашиваю себя: что стоит за твоими страничками, дорогой наш Семен Петрович, есть ли здесь какая-то цель? Но этот вопрос у меня без ответа. Правда, иногда мне кажется, что я пишу какую-то большую, длинную повесть под названием «Прощания и встречи», и эта повесть закончится лишь тогда, когда закончится сама жизнь. А моя Аннушка по этому поводу выразилась еще точнее: «Твои, мол, тетради, Сенечка, это, конечно, дневник, и нечего тут гадать». А может быть, так и есть. Ведь я пишу о тех, кого уважал и любил, с кем делил многие свои печали и радости, — и это сущая правда. И примеров этому — океан. И о многих из этих людях я уже написал. Но таких историй не убывает, и у меня еще много сил. Вот и сейчас я думаю: с кого мне сегодня начать? Но что думать — начинай с долгожителей. К примеру, Расскажи о Паниной Марии Прокопьевне, ведь ей скоро исполнится восемьдесят лет. Конечно, это редкий возраст по нынешним временам, но она — молодец! К тому же все еще живет одна, без помощников, — и сама топит печи, и стряпает хлеб, и даже сажает немного картошки — надо же что-то на зиму... И вот однажды эта старушка меня здорово удивила. Но это даже не удивление, а что-то побольше, и я об этом не забываю. А ведь прошло с того дня два десятка лет. Но, пожалуй, расскажу обо всем по порядку. И начну, как говорится, издаека. Ведь сделать это очень легко, потому что и сам я, как ни крути, — долгожитель. Да и с памятью у меня — все в порядке, слава Богу, — не жалуясь.

Так вот, помнится, еще в советские времена в наши деревни приезжали очень странные люди. Их называли лекторами. В те годы еще не было в сельском быту телевизоров, и потому лекторы у моих земляков пользовались уважением и даже почетом. А все начиналось с объявлений, то есть с афиш. Правда, это слишком громко сказано, — в жизни все было проще. И занимались этим наши сельские активисты, а это, как правило, учителя. И вот кто-нибудь из них находил большой лист бумаги и на нем крупными буквами выводил: «Сегодня, в шесть часов вечера, в клубе состоится лекция о международном положении». Лектор обкома партии такой-то... Вход бесплатный. И все это вывешивалось возле нашего магазина на старом дощатом заборе.

И вот — лекция. Клуб, как всегда, переполнен. Деревенский народ любит всякие зрелища, представления. И лекции всегда слушали со вниманием, а потом начинались вопросы. В связи с этим случались часто смешные истории. Помню, один лектор каждые две-три минуты наливал в стакан воды и эту воду с каким-то остервенением выплескивал в горло. Наверное, в этом горле что-то пересыхало, а может быть, волновался. И вот лекция закончилась, пришло время вопросов. И сразу же с первого ряда напористый голос:

— Товарищ лектор, у тебя стаканчик не освободился?

В зале, конечно же, громкий смех, оживление. Доволен и тот, кто задавал вопрос. А это был Колька Полудинцев — наш деревенский пьяница и балагур. Но странное дело, сам лектор почему-то юмора не понял и стал извиняться:

— Прости, дорогой, я стакан, видимо, задержал. Но нет проблем — я его мигом освобожу.

И освободил. Допил остатки воды и даже крикнул от удовольствия. А после этого в зале снова веселье, и даже раздались аплодисменты. Словом, лекция удалась.

А в другой раз лектор рассказывал о Есенине. Но стихи поэта, видимо, не держал в памяти, а читал их по книге. Это, конечно, всем не понравилось. Но народ у нас добрый, и потому никто не шумел. Зато после лекции не возникло вопросов, и это смутило лектора. И тогда он сам решил задавать вопросы. А в зале сидели в основном школьники, зато первый ряд, как всегда, был особенный. Там расположились наши старички-пенсионеры. Вот к ним и обратился лектор:

— А теперь признавайтесь — кто из вас тоже балуется стихами?

В зале гробовое молчание. И тогда он спросил по-другому:

— Я хочу узнать, кто из вас сочиняет стихи и рассказы, а может, даже сказки про какую-нибудь Бабу-Ягу или Емелю-дурачка?

Но в зале продолжалась тишина, и тогда лектор достал платочек и стал протирать очки. Делал это он долго, старательно и, наконец, снова заговорил:

— Значит, играем в молчанку? Но я понима-а-а-ю...

Последнее слово он вытянул в какую-то насмешливую веревочку, но не успокоился. И стал давать всем советы:

— Если стишки кому-то не по зубам — не унывайте. А лучше вырастите огурец или морковку. Земля у вас — голымый чернозем. Брось в нее камень — и вылупится арбуз. Так что выше голову, милые. Есенин тоже

был из деревни, а мы его — рядом с Пушкиным... Вы не согласны? Кто не согласен — пишите заявление. Ну, что?

Но в зале по-прежнему тихо, люди точно окаменели. И тогда лектор поднял правую руку — видно, просил внимания. И сразу же из зала выкрик:

— Че замолчал, не тяни резину!

Передние ряды зашумели, и лектор вскочил со стула. А голос сердитый:

— Резина тут ни при чем, так что подведем итоги.

И в этот миг у него свалились очки, но он их поймал на лету и стал энергично протирать и дышать на оправу. И при этом что-то шептал про себя и гримасничал. А потом все изменилось: к его столу вдруг подошла какая-то старая женщина в очень странной одежде. На ней было тяжелое темное платье, а на голове такой же темный платок. И платок был надвинут на лоб и почти закрывал глаза. Но все равно я узнал ее. Это была Мария Прокопьевна Панина — старенькая колхозница-инвалид. Ее избенка стояла от моего дома в каких-нибудь ста шагах. И вот старушка оказалась у самого столика, а потом посмотрела в зал. И сразу заговорила. А голос какой-то робкий, униженный — и еще с хрипотцой, как будто в горле что-то мешает. И вот что она сказала:

— Люди добрые, простите меня, не ругайте, но я тоже... тоже... — И она запнулась, наверно, разволновалась. И лектор пошел ей навстречу:

— Но что значит «тоже»? Правда, догадываюсь. Вы, значит, тоже пишете стихи? Ну как? Угадал?..

— Какой ты бойкий, догадливой, а я вот не бойка, но давно уж пишу. Да, да, я не вру, — такой грех на себе таскаю...

— Это не грех. В тюрьму за это не попадают... — Лектор засмеялся, а в зале зашумели. И этот шум почему-то ободрил старушку. Она даже поманила кому-то рукой и сказала громко, уверенно:

— В тюрьме я еще не бывала, а вот бумагу давно мараю, и сейчас я вам почитаю...

— И правильно сделаете, а мы послушаем, — лектор поправил очки и еще хотел что-то добавить, но старушка его перебила:

— А меня не надо упрашивать. Так что послушайте... — И она начала читать, а голос стал звонким, напористым, как у молоденькой:

*— Я из простой семьи — хорошей,
Отца моего звали Прошей,
А жила я трудно, одиноко —
За мной глядели — око в око...*

Ну как?

— Ну что вам сказать, — лектор снова многозначительно поправил очки, — рифмой вы овладели, но о вашей жизни я мало узнал. А хотелось побольше. Да и стиль у вас — одни кочки. Кстати, вы знакомы с этим словом? Я о стиле, опять...

— Кого ты сказал? У меня ведь пять классов всего да шестой коридор. Я там полы мыла, техничкой устроилась, меня из жалости взяли, ведь в деревне голодуха была. И я едва берега нехватила, а сколько наших-то примерло. Таку войну пережили...

И тут лектор ее остановил:

— А вот это, милая, к стихам не относится. Понимаете?!

Последнее слово он произнес как-то зло и напористо, и старушка сразу сникла, ужала плечи, а потом робко, почти заискивающе, попросила:

— Можно еще почитать? У меня и о жизни есть, я вам немножко по-быстрому...

— Ну, раз по-быстрому, то читайте, — лектор рассмеялся, и старушка тоже приободрилась. И голосок направился, стал еще громче, уверенней:

— А вы меня не ругайте. Я ведь за всяко просто, так что послушайте. Это будет про жизнь... — И она повернулась к залу, и голос снова зазвенел:

— *Я Богу не крестилась, не молилась,
А на широком поле, на колхозном
С Божьей помощью очутилась...*

Она вдруг оборвала себя, может, разволновалась. И голос сразу угас:

— Ладно, пора заканчивать. Хорошего, как говорят, понемногу... — Она хмыкнула и поправила платок на голове. А лектор разулыбался:

— Я вас хорошо понимаю, да, да. Вы себя в обиду — ни в коем разе. Вот и Есенин наш был не из робких. Считал себя великим, единственным...

Но старушка опять его перебила:

— Ты меня шибко-то не ругай, я ведь и частушки могу, сочиняю. Хочешь списать?

— Но если сочиняете, то почитайте. А лучше всего пропойте!

— Это че ты удумал? Кака я тебе певица? Это вон Зыкина с нами с утра до вечера, а мы и довольны. Да и че говорить: мы люди маленькие, ниже мыши...

И в зале опять зашумели, кто-то даже начал свистеть. Это, наверно, с самых задних рядов. А лектор в это время занялся очками — протирал их платочком, примеривал. Наконец, вспомнил про старушку:

— Ну, где ваши частушки? Покажите хотя бы одну...

— Одну можно, но осторожно. Она у меня зубастая... — Старушка расправила плечи и стала рубить воздух ладонью:

— *Вся милиция знакома,
Вся милиция — родня,
Давали мне четыре года,
А просидел всего два дня...*

Ну, как? Могу и еще...

В зале смех, кто-то зааплодировал, зато лектор сделался серьезным, прямо воинственным. И заговорил строгим голосом:

— Если ждете моей оценки — откройте уши. Во-первых, про милицию — это зря. Ваша частушка порочит честных людей. Наша советская милиция — верный помощник партии, а вы... а вы... — он прямо задохнулся от гнева. И старушка поникла и опустила голову, а потом чуть слышно спросила:

— Можно еще почитать? Может, че-то поглянется. Разрешаете?

— Не разрешаю. Хорошего, как говорят, понемногу. Так вы недавно выразились. А пока — мой совет...

— Какой? — напряглась старушка и даже про платок забыла. Он сполз ей на плечи. А лектор вдруг стал смеяться. Вроде и причин никаких, а он сдержаться не может. Как говорят, закатилась горошинка... Наконец, остановился и произнес нараспев:

«За мной гляде-е-е-ли око в око...» Это я вас цитирую. Прямо классика!

— Кого ты сказал?

— Не кого, а чего... — поправил лектор и опять рассмеялся, но теперь уже зло, с раздражением. И такие же выдал из себя слова:

— А совет мой такой: давайте-ка закружляйтесь со своими стишками. Да и не по возрасту вам. А лучше займитесь огородом — посадите огурцы, лучок, можно даже морковочку. Я эту тему уже озвучивал двадцать минут назад. И думаю, повторяться не стоит... — и он посмотрел на старушку долгим пристальным взглядом, точно увидел впервые. А та совсем поникла, и голосок — опять тихий, придавленный:

— Я все, миленький, поняла. Я ведь ишо в уме. Только не суди меня, не казни... — и у нее затряслись плечи, и она стала всхлипывать. А потом осторожно, еле-еле переступая ногами, точно приговоренная к какой-то пытке, стала пробираться к двери. В зале наступила тягучая, зловеющая тишина.

И тут возник опять Колька Полудинцев:

— Товарищ лектор, зачем обругал старуху?! У нас за это штрафуют...

Его голос потонул в шуме и криках, кто-то стал выходить из зала. И я тоже вышел вместе со всеми. А на улице, как сейчас вижу, стояла весна. Цвела черемуха и вся была в белом сиянии, в каких-то немыслимых ароматах. И надо было радоваться, но куда там. Моя душа просто мучилась, изнемогала, точно я в чем-то виноват перед этой старушкой, а из-за нее — виноват перед всем белым светом. И я сжал горло ладонью, будто я какой-то предатель. Да, да, предатель, а кто же еще? Ведь мог бы за нее заступиться, мог бы, мог бы, но почему промолчал, почему?.. Господи, я же виноват перед ней, навсегда виноват. И тут я увидел ее. Она еще далеко не ушла, а теперь даже остановилась возле скверика у самого клуба. Рядом была скамейка, и она на нее присела. А я подошел поближе, и она сразу меня заметила и спросила:

— Ты пошто за мной увязался? Как будто я кака-то воровка или баба дурна. А всего делов-то — пишу стишки, сама себя веселю, а может, бегу от смерти...

— Не надо об этом. Нам еще жить да жить, а вы...

И тут она меня остановила:

— А ты, я погляжу, человек сердобольной. Я как-то тебя не сильно знаю. В одной деревне, а точно поврозь. Да и время нонешно ахово — все по норам да по углам. А то давай — посиди со мной, — и она передвинулась на скамейке и опять попросила:

— Посидим рядком да поговорим ладком, — она задышала тяжело и как будто заплакала. Так и есть, — она промокнула платочком глаза. И я попробовал ее успокоить:

— Не надо себя убивать. Этот лектор — дурачок, недоумок. А вы плачете, а зачем? Он не стоит вашей слезинки.

— Ну че, я, видно, старуха слезлива. Я и в доме старости всем мешала... — Она затихла, а я сразу спросил:

— Вас разве туда отправляли? Я живу рядом, а, выходит, не знал.

— Кого узнать-то? Меня ведь туда родная сестра упекла. Я не хотела, вся изревелась, но она — ни в какую. Видно, напужалась, что стану нахлебницей. А если, мол, расхвораюсь, то меня с ложечки надо кормить. Вот и сдала меня, да. Но мне в этом доме не ложилось. Да и куда там, хуже не бывает. Если только в тюрьме. Но там еще, слава богу, не побывала... А ты че замолчал? Я вот трещу, как сорока, и, поди, надоела?

— Нет, нет, я слушаю.

— А раз слушаешь, то слушай дальше. Значит, не пожилось мне там, не схотелось. Да и как? Ведь все по команде. Пойдешь в столовую, и там приказ — снимай с головы платки и шапки! И только потом за стол. А как поешь — так опять кричат — верхнюю одежду можно одеть, аха. Так и жили, милый, — снять да одеть!.. А в баню если, то опять строим, — прямо стыдоба. А как зайдешь в парну — так снова не слава богу, — горячу воду, мол, экономьте, на вас-де не напасешься. А лечили нас — сроду не догадаешься...

— Ну, как?

— А всех подряд валидолом. — Она схохотнула и поправила платок на голове. Потом глубоко-глубоко вздохнула, точно заболело в груди. И голосок притих — еле слышно:

— Так вот, — голова заболит — суют валидол. А сдыханья не станет — опять таблетка. И фельдшер ишо грозит — не станешь глотать — откреплю от столовой. Но я все равно хитрила. Возьму в рот эту белу лепешку и пожую для вида, а потом выплюну со слюной. Так что всего там натерпелась, потому и ушла...

— Пешком, что ли? Это, поди, далеко?

— Зачем пешком — на автобусе, на колесах. У меня деньжонки скопились от пенсии. На билет хватило да ишо осталось. Вот и заявила домой, а дом-то ветерком сдуло. Его племянничек разобрал на дрова. Чего, мол, гнилушки. И всю зиму этим топил. А по весне сам куда-то слинял. Говорят, в Тюмень убрался за длинным рублем. Там денежки, слыхала, висят на березах. Он возле них и пропал. Так что — ни слуху, ни духу. Поди, не живой... А ты все молчишь, наверно, надоела?

— Что вы, что вы...

— А ты не «выкай», я не привыкла. — Она схохотнула и взглянула внимательно на меня. Мне показалось, — ей еще что-то надо сказать. Так и есть:

— О чем мы? Аха... Я тебе про племянника. Он, значит, у нас потерялся, хоть в милицию заявляй. А про сестру даже нече сказать. К тому же она вскорости померла. И домишко ее перешел ко мне. Я там вымыла полы, побелила стены и, благословясь, зашла. Но я там жила не одна. Ко мне еще собачка Ветка прибилась, и стало нас двое. Но недолго так пожили, порадовались, ведь Ветку мою убили. Хулиганишки че-то бросили, она, бедная, съела — и лапки вверх. И больше не встала. Но я другу Ветку заведу, да мне ишо стишки помогают. Они — рядом, возле меня. И я — не одна, как будто с кем-то живым говорю. А теперь че делать — не знаю...

— О чем вы?

— А ты не хитри. А может, такой недогадливый? Мне же запретили бумагу марать. Ишо под суд отдадут.

— Кто запретил?

— Вот те раз. Ты же сам слышал, как он хохотал надо мной, издевался. А ишо в обкоме работает. Да, поди, врет. Но ему же наши-то верят, — и она показала рукой на окна. Они горели как-то ярко, призывно, и свет от них падал широкими полосами. Наверно, окна в клубе открыты. И еле успел об этом подумать, как услышал громкий смех, голоса. И она тоже услышала:

— Ишь, гогочут, как гуси. И меня обмарали и опозорили.

— Не берите в голову, наши люди не виноваты. Это лектор всех задурил.

— А ты, выходит, с ним заодно. Мог ведь за меня че-то сказать, заступиться за старую — раз такой сердобольной... — И она всхлипнула и затрясла головой. А потом что-то забормотала, но слов не понять. Но как ей помочь, как утешить? Ну, как?! И от бессилия, и от этой тяжелейшей вины я совсем растерялся. А она уже смотрела на меня, как на врага. И душа моя сжалась от боли, и я встал со скамейки. И она тоже поднялась, но продолжала всхлипывать, как дитя. А мне стало так плохо, как будто меня сдавили какой-то чугунной доской, — и вдруг какой-то голос, может быть, даже мой, стал без конца повторять: «А ведь она права, права и нет тебе прощения, нет, и не будет». И тут перебил его другой голос:

— Я тебя, поди, пообидела? Но это так — не со зла... Да и скоро помру я, отчалю. Так что прости Марию Прокопьевну и не ругай за стишки... — она еще хотела что-то сказать, но, подумав, махнула рукой. А потом медленно-медленно пошла от меня. Ноги ее тяжело ступали, как будто утопали в песке. Я ждал — может, все же оглянется, что-то скажет, но не случилось. И опять я присел на скамейку, — и в тот же миг на меня хлынули голоса. Что это, что? Но сразу же догадался, — значит, все в клубе закончилось, и лектор, наконец, затих и отпустил всех по домам. И мне бы тоже встать и пойти, но не было сил. Да и в душе — тяжело, тяжело, еще миг — и расплачусь. А почему — никто мне не скажет... Может, от каких-то непрощенных грехов своих, а может, это уже сигналы с того берега, с которого нет возврата. Вот и Мария Прокопьевна туда собралась. Господи, милосердный Господи, прости меня за нее. Прости, не суди...

Владимир КОМЗАЛОВ

СТЕЗЯ СОБОРНАЯ

Суздальский сказ

Владимир Игоревич Комзлов — родился в 1998 г. в Москве. Начинаящий прозаик, поэт, аспирант Московского автодорожного института, специализируется в области экономических исследований и процессов в мировой экономике, а также в журналистике. Работает в МГИМО МИД России. Имеет литературные публикации и статьи в РИНЦ и ВАК. Литературное направление — знаковые вехи истории России, Православия, традиции народовластия и консерватизма. Путешествует по Золотому кольцу России; Суздаль — один из его любимых городов. **Живет в Москве.**

Осень шесть тысяч сто двадцать третьего года от сотворения мира, а по новому исчислению — тысяча шестьсот четырнадцатого, вползала в Суздальские пределы сизыми, пахнущими горелым торфом туманами. Земля, едва отмытая дождями от пятилетней польско-литовской и казачьей разнузданности, лежала притихшая, словно тяжелобольной, который еще не верит, что дыхание его стало ровным.

Тимофей ехал верхом на низкорослом, разбитом на ноги мерине, мерно покачиваясь в такт его шагу. За пазухой, обернутый в промасленную ветошь и запечатанный тяжелым воском Земского приказа, лежал указ. Не просто бумага — приговор или спасение, смотря с какой стороны мерить. Указ о сборе пятинных денег со всего Суздальского посада и окрестных волостей на жалованье служилым людям, на очищение застав от воровских казачьих шаяк, на укрепление престола новоизбранного государя Михаила Федоровича.

Пятая часть от всего. От живота, от промысла, от соляного чана, от последней коровы, если она осталась жива после черкасских набегов.

Тимофей закрыл глаза, и перед ним снова встала Грановитая палата, душная, пахнущая сукном, сыромятной кожей и восковыми свечами. Он помнил, как хрипел соборный дьяк, зачитывая волю земских чинов, как крестились выборные люди от городов — от Нижнего, от Костромы, от Ярославля. Помнил слова князя Пожарского, сказанные тихо, но так, что у Тимофея, бывалого купца, трижды горевшего и дважды сидевшего в яме у лисовчиков, мороз пошел по коже: «Если ныне казну не соберем, воинство разбредется. Черкасы под Болховом, швед под

Новгородом, а в самой Москве хлеб по алтыну за четверть. Не станет казны — не станет царства. И креста нашего русского не станет».

«Судьба Отечества», — подумал Тимофей, и это словосочетание, прежде казавшееся ему лишь красивым зачином для воеводских грамот, теперь весило больше, чем весь его недокупеческий, разоренный век.

Мерин всхрипнул, обходя глубокую вымоину, в которой ржавела сломанная тележная ось. Справа из тумана проступили очертания посада. Церковь Спаса на Торгу стояла без купола — сгорел прошлым летом, когда воевода Плещеев выбивал из города остатки тушинцев. Вместо креста в серое небо торчало обгорелое бревно, обмотанное потемневшим канатом. Ниже, по косогору, лепились землянки и наспех срубленные клетки — черные, закопченные, с соломенными крышами, которые уже успели почернеть от осенней гнили.

Тимофей сошел с коня у заставы. Навстречу ему из караульной будки, шатаясь от сырости и недосыпа, вышел Федор — стрелецкий сотник, старый его знакомец по нижегородскому ополчению. На Федоре был потертый, заштопанный синей нитью кафтан, а из-под шапки выбивался седой, не по годам, клочок волос.

— С чем приехал, Тимофей Васильевич? — тихо спросил Федор, не протягивая руки, словно заранее знал ответ и боялся его. — Выходили в Москве царя? Будет порядок?

— Выходили, Федор, — Тимофей опустил руку на пазуху, где покоился свиток. — Государь на престоле, Боярская дума и Земский собор в один голос дышат. Да только порядка без сытости не бывает. Казна пуста, Федор. До звона пуста.

Стрелец горько усмехнулся, сплюнул под ноги на пожухлую траву. — Казна... У нас тут, Васильевич, своя казна. Вчера хоронили Микиту-кузнецца. От водянки помер, а может, и от голода, Бог его знает. На весь посад — три кузницы осталось, да и в тех угля нет. Мир еле на саван скинулся. А ты говоришь — казна.

Тимофей промолчал. Внутри него зашевелился тот самый холодный, липкий страх, который преследовал его всю дорогу от Троице-Сергиевой лавры. Страх перед собственной должностью. Он ведь не воевода, не посланный из Москвы опричник или наезжий приказной, которому чужие слезы — как вода на мельницу. Он — выборный староста. Его этот самый суздальский «мир», эти погорельцы и вдовы, три месяца назад на вечевом сходе у Спаса сами выбрали, в пояс кланялись, сухарями в дорогу снабжали. «Поезжай, Тимоша, замолви слово пред собором, заступись за сирых, выпроси льготу от податей, иначе помрем».

И вот он вернулся. С указом о пятинных деньгах.

Конфликт между долгом перед государством, которое без этих денег рухнет в новую, еще более страшную пучину безвластия, и веры христианской, требующей милосердия к тем, у кого отнимают последнее, раздирал его душу на части. Как прийти завтра на сход? Как смотреть в глаза вдове кузнецца Микиты? Скажешь ей: «Отдай пятую долю ради царя Михаила», а она тебе вынесет четверых голодных детей. Скажешь: «Не дам», — и предашь тех парней, что сейчас под Смоленском в мерзлых окопах гниют без пороха и хлеба, прикрывая собой этот самый Суздаль.

Тимофей повел коня под уздцы по раскисшей улице. Мимо проходили редкие бабы в серых посконных рубахах, несли ведра с мутной речной водой. Мужчин почти не было видно: кто в ополчении сгинул, кто на валах копает, кто ушел в леса промышлять. Возле уцелевшего притвора церкви на бревне сидел слепой старик-гусляр, беззвучно шевеля губами. Инструмент его, с треснувшей декой, лежал на коленях, как мертвый ребенок.

Тимофей остановился, достал из кармана последнюю медную полушку, оставшуюся от московских прогонных денег, и опустил в деревянную чашу. Старик не вздрогнул, лишь едва заметно повернул к купцу свои незрячие, покрытые бельмами глаза.

— Не торопись, Васильевич, прятать свиток-то, — негромко, дребезжащим голосом произнес старик. — Кожа-то на нем баранья, а слезы на нем человечесьи. Пахнет от тебя Москвой, да только суздальская земля сырее будет. Смотри, не утопни в ней вместе со своим указом.

Тимофей вздрогнул. Откуда слепец узнал? Кто донес? Или сама земля русская уже кричала о своей беде так, что и глухой слышал, и слепой видел?

Он ничего не ответил, рванул повод и пошел быстрее к своему дому — полусгоревшему пятистенку, где его ждала верная, притихшая жена Марфа и та самая тишина, от которой теперь не было спасения. Завтра утром зазвонит уцелевший колокол. Завтра — соборный сход. И на этом сходе ему, Тимофею, предстоит решить, что выше: закон земной, спасающий Отечество, или закон небесный, повелевающий возлюбить ближнего своего больше самого себя.

МЕРА СОВЕСТИ

Колокол Спаса на Торгу заговорил на рассвете. Голос его, треснувший, надсадный, глухо плыл над стылой рекой Каменкой, пробивая утреннюю мглу. Это не был набат, зовущий к топорам и вилам при виде татарской конницы или польских гусар. Этот звон — ровный, тягучий, похожий на погребальный плач — созывал суздальский «мир» на площадь. На соборный сход.

Тимофей стоял у крыльца притвора, зябко втянув голову в воротник поношенного купеческого кафтана. Пальцы в рукавице судорожно сжимали дубовый ларец, где под тремя восковыми печатями покоился московский свиток. Возле него, опершись на бердыш, застыл стрелецкий сотник Федор. Глаза сотника были прикованы к черной, молчаливой толпе, медленно стекавшей из землянок, обгоревших посадов и окрестных подгородных слобод.

Люди шли молча. Без криков, без привычного ярмарочного шума. Сапоги тонули в суздальской грязи, бабы кутали младенцев в рваные, серые платки, мужики угрюмо прятали руки в рукава. В первых рядах, тяжело ступая, шел купец Иона Еремеев — некогда первый богатей на посаде, чей кожевенный амбар до Смуты снабжал товаром саму Москву. Теперь на Ионе была грубая овчинная шуба с чужого плеча, а левый рукав, пустой и подвернутый, свидетельствовал о встрече с казаками пана Лисовского под стенами кремля.

Когда толпа заполнила площадь, звон резко оборвался. Наступила тишина — такая глубокая и звенящая, что было слышно, как шуршат падающие с прибрежных ив пожухлые листья.

Тимофей шагнул вперед, на верхнюю ступень притвора. Воздух застрял в горле, словно ком сухой глины.

— Мужики... Православные, — голос его сорвался, но он перевел дыхание и заговорил тверже, глядя поверх голов, туда, где из тумана проступали контуры монастырских стен. — Вернулся я из Москвы. Видел царя нашего, Михаила Федоровича. Земля очищается, Дума правит, Собор заседает круглые сутки. Но правда моя перед вами горька будет. Великая разруха на Москве, и по всем городам пусто. Казна государева пуста до самого дна. Если не соберем силу, если не поднимем воинство — швед под Новгородом стоять останется, а воровские казаки снова Суздаль по бревну раскатают. Из Москвы указ привез я. О пятинных деньгах. Пятую долю от всякого жита, от товара, от зверя, от промысла и от души — в государеву казну отдать велено.

Площадь охнула. Этот выдох сотен грудей был похож на шелест сухого камыша под порывом ледяного ветра. Никто не закричал. Отчаяние суздальцев было слишком глубоким для ярости.

Вперед вышел Иона Еремеев. Он поднял вверх свою единственную руку, и пальцы его дрожали: — Пятую долю, говоришь, Тимофей? Полно шутить-то. Ты посмотри вокруг! Взгляни на амбары мои — там вместо юфти и яловых кож ветер гуляет да помет крысиный. Поля за Каменкой три года не паханы, заросли бурьяном в человеческий рост. У меня от пяти сыновей двое под Смоленском кости сложили, один без ног в избе лежит, двое меньших лебеду едят. Какую пятину тебе отдать? Кожу с живого содрать да в Москву отправить? Милосердие у тебя есть, староста? Ты же крест целовал, что заступаться за нас будешь! Где вера твоя христианская, если ты у вдов последний кусок хлеба изо рта вынимаешь ради царя, которого мы в глаза не видели?

Слова Ионы падали на толпу, как искры на сухой порох. Из задних рядов раздался пронзительный, сдавленный бабий плач — это кричала Дарья, вдова кузнеца Микиты. — Нечего отдавать, Васильевич! — запричитала она, пробиваясь вперед, ведя за собой двоих исхудавших, синегубых ребятишек. — Микиту вчера схоронили, инструмент его за долги забрали. В клетки полмешка толокна осталось и коза худая. Забирай козу! Веди в Москву царю! Может, сыт будет нашими слезами!

Тимофей смотрел на Дарью, и сердце его сжималось от нестерпимой, жгучей жалости. Каждое слово людей было чистой, неприкрытой правдой. Внутри него кричал человек, кричала христианская вера как милосердие: «Брось ларец в реку! Скажи, что указ потерял, разбойники отняли! Напиши в Москву отписку, что Суздаль вымер, что взять здесь нечего, кроме пепла!». Это была вера ближнего — понятная, теплая, зовущая обнять этих несчастных, заплакать вместе с ними и раздать последние свои купеческие запасы.

Но перед глазами Тимофея вставали другие картины. Задымленные палаты Кремля, истощенное лицо князя Пожарского, раненые ополченцы, которые на соломе в Троицком монастыре умирали без лекарей и бинтов, но хрипели: «Держите заставы, мужики... не сдавайте Русь». Он понимал: если сейчас дрогнет его рука, если он уступит этой святой, человеческой жалости — не будет завтра ни Суздаля, ни этой церкви Спаса, ни самой Дарьи с ее детьми. Придут воровские загоны, заберут не пятую долю, а все под-

чистую, изнасилуют баб, пожгут младенцев в избах, а саму землю русскую превратят в мертвое пепелище под чужими знаменами. Государственный долг — высшая форма веры как служения Отечеству — требовал от него стать каменным. Быть жестоким сейчас, чтобы спасти их завтра.

— Тихо! — рывкнул сотник Федор, ударив древком бердыша о каменную ступень.

Тимофей поднял ларец над головой. Голос его звенел над площадью, перекрывая бабий плач: — Иона! Дарья! Православные! Думаете, мне сладко перед вами стоять? Думаете, сердце мое не кровью обливается? Сам я без копейки из Москвы пришел, мерин мой на заставе едва дышит. Но поймите вы умом своим, соборным умом: не царю Михаилу лично эти деньги нужны! Не боярам на соболях! Земле они нужны, стенам нашим, пушкам на валах! Если мы сейчас закроемся каждый в своей норе, если пожалеем эту пятину — нас поодиночке передушат, как цыплят в курятнике! Христианский долг наш — не просто плакать над бедностью, а удержать Русь от падения в бездну! Всем миром удержать! Я первый свою долю положу — дом свой недогорелый под залог пушу, лавку последнюю продам, а пятину внесу!

Толпа замерла, пораженная его словами. Иона Еремеев медленно опустил руку, лицо его потемнело от внутренней мучительной думы. Психологический узел завязался туго: на одной чаше весов лежала невыносимая нищета сегодняшнего дня, на другой — туманное, но единственно возможное спасение Отечества через великую жертву.

Суздальский «мир» стоял на распутье, и мера совести каждого человека на этой площади подвергалась главному испытанию в их жизни.

ВЛАДЫЧНЫЙ СУД

Суздальские сумерки опускались быстро, густея у подножия монастырских стен, словно разбавленная колодезная сажа. После тяжелого, незавершившегося миром схода Тимофей не пошел домой. Ноги сами несли его прочь от посада, вверх по каменистой тропе к Спасо-Евфимиевой обители. Ларец с указом казался теперь неподъемным, словно в него заколотили не бумажный свиток, а все пудовые слезы суздальских вдов.

В келье у старца-игумена Пафнутия пахло сушеной мятой, старым пергаментом и ладаном. Старец, перешагнувший восьмой десяток, сидел на узкой деревянной лавке. Свет одной-единственной восковой свечи выхватывал из темноты его лицо — изрезанное глубокими морщинами, как кора векового суздальского дуба, и глаза, в которых не было суровости, а лишь бездонная, устоявшаяся тишина.

Тимофей опустился на колени прямо у порога, положив ларец на острую половицу, и закрыл лицо руками. Плечи купеческие, привыкшие к тяжелым тюкам с товаром, теперь мелко дрожали.

— Не могу, отче... — глухо выговорил он в ладони. — Нет во мне силы. Душа горит. Вера моя христианская кричит: остановись, не грабь сирых! Какая пятина, когда у Ионы дети лебеду едят? Приду завтра, начну животы описывать — и проклянут меня до седьмого колена. А не соберу казну — Москву предам, парней на заставах безоружными оставлю. Где тут правда Господня? Как долг исполнить и душу не погубить?

Старец Пафнутий долго молчал. Слышно было, как за слюдяным оконцем кельи завывал осенний ветер, да мерно трещала свеча. Наконец он медленно поднялся, подошел к Тимофею и положил сухую, легкую как птичье крыло руку на его непокрытую голову.

— Встань, Тимофей. Встань, не перед палачом стоишь, — тихо, но отчетливо произнес старец. — Ты в себе сейчас два закона столкнуть пытаешься, которые из одного корня растут. Жалость твоя к Ионе и Дарье — от сердца, от любви к ближнему. И это благо. Но и забота твоя о Москве, о государстве — она ведь не от корысти, верно? Ты о земле думаешь, о кресте нашем, о том, чтобы имя русское с лица земли не стерлось.

Старец отошел к иконам, вглядываясь в темный лик Спасителя.

— Ошибаешься ты, староста, думая, что долг твой земной против веры идет. Вспомни, Иоанн Златоуст как учил? Власть и законы даны человеку не для того, чтобы мир в рай превратить, а для того, чтобы он окончательно в ад не сокрушился. Если суздальский мир сейчас пожалеет пятину, завтра не будет ни мира, ни Суздаля. Придут иноверцы, и не казну заберут — веру выжгут, алтари осквернят.

Тимофей поднял голову, в глазах его блеснула мука:

— Так что же, отче? Выходит, силой отбирать? Жестокостью соборное дело крепить?

Пафнутий повернулся, и взгляд его стал строгим, пронизывающим до самого сокровенного дна души: — Силой и татары отбирали. И поляки грабили. Соборность — она не на принуждении стоит, а на воле народной. Ты не опричником наезжим на площадь выходи, а братом. Объясни им, что это не налог, это — жертва. **Жертва без любви — гордыня есть, но и долг без жертвы — предательство.** Если ты просто по указу куски изо рта рвать начнешь — душу погубишь и дело завалишь. А если сумеешь пробудить в них общую боль, если поймут они, что через эту пятину они сами свое Отечество из пепла поднимают — вот тогда это будет дело святое, соборное. Богатство земное — прах, Тимофей. Сегодня оно есть, завтра сгорело. А верность земле своей и Богу — вечна. Иди и суди не судом приказа, а судом владычным — судом совести.

Тимофей долго смотрел на старца, и слова его медленно, как целебный бальзам, проникали в израненное сердце. Липкий страх, парализовавший его на площади, начал отступать. Великий психологический узел Смуты — узел между личным спасением и общим долгом — начал развязываться через понятие соборной жертвы. Он понял, с какими словами выйдет завтра к людям.

Опустив голову, Тимофей поцеловал сухую руку старца, бережно поднял ларец и вышел из кельи. Над Суздалем стояла глубокая, звездная ночь. Ветер утих, и в вышине, над обгорелым куполом Спаса на Торгу, чисто и ясно горели созвездия, словно напоминая о том, что над всей земной разрухой всегда бодрствует Небесный Суд.

ПЯТИНА СПАСЕНИЯ

Утренний воздух был прозрачен и резок, как колодезная вода. Когда солнце коснулось обгорелого шпилья Спаса на Торгу, площадь была уже полна. Но сегодня это была другая толпа. За ночь, разойдясь по своим

холодным клетям и землянкам, суздальцы, казалось, переболели первым, самым страшным отчаянием. Люди стояли кучно, плечом к плечу, грея друг друга дыханием.

Тимофей вышел к притвору без ларца. Свиток Земского собора лежал на простом дубовом столе, покрытом куском сурового холста. Рядом стояла пустая кованая ендова — большая общинная чаша для сбора пожертвований.

— Ну, староста, суди, по совести, — негромко произнес из толпы Иона Еремеев. Он шагнул вперед, и все увидели, что в руке его лежит тяжелый холщовый сверток. — Всю ночь я с покойными сыновьями в мыслях разговаривал. Если бы они под Смоленском по углам прятались, живы бы остались. Но они за Русь легли. А я что же, ради кож и амбаров крест свой предам?

Иона подошел к столу, развязал сверток одной рукой, зубами помогая себе развязать узел. На холст с глухим, благородным звоном посыпались серебряные ефимки — старые, еще дедовские накопления, сбереженные от всех польских грабежей в тайнике под погребом.

— Тут больше пятины, Тимофей, — Иона посмотрел купцу прямо в глаза, и в его взгляде уже не было вчерашней злобы, а лишь глубокая, очищающая душу строгость. — Тут всё, что от жизни моей купеческой осталось. Запиши в книгу: от Ионы Еремеева на суверенное воинство. Пусть парням на заставах обувь купят.

Толпа замерла. Этот поступок первого суздальского богатея, ставшего нищим по своей воле ради Отечества, сорвал плотину страха. Низовое народовластие, соборный дух русского мира проявились в этот миг во всей своей грозной и величественной силе. Это не был сбор налогов под дулами стрелецких пищалей; это было таинство национального спасения, где каждый становился соучастником великого государственного дела.

Вперед потянулись люди. Дарья, вдова кузнеца Микиты, без слез и причитаний положила на стол тяжелое серебряное кольцо — единственную память о венчании. — Запиши, Васильевич, — тихо сказала она. — Мужа нет, так пусть хоть кольцо Родине послужит.

Молодой охотник из подгородной слободы бросил на холст связку отборных шкурок чернобурой лисицы. Сапожник вынес рулон дорогой юфти. Старуха-просвирия положила несколько медных копеек, оставшихся от церковных подаваний. Каждый отдавал то последнее, что у него было, и по мере того, как наполнялась кованая ендова, на лицах людей разглаживались морщины обиды. Происходила удивительная духовная перемена: делясь своей нищетой, люди обретали силу. Скудость материи отступала перед неисчерпаемой математикой выживания духа.

Тимофей едва успевал записывать имена в соборную книгу. Рука его, выводившая гусиным пером имена суздальских погорельцев, больше не дрожала. Он чувствовал, как за его спиной незримо стоит вся Русская земля — от новгородских окраин до московских посадов, объединенная этим общим, жертвенным порывом.

Когда солнце поднялось к полудню, чаша была полна до краев. На самом верху серебряной горы горело в лучах осеннего солнца венчалное кольцо вдовы Дарьи. На площади начался молебен. Обездоленные, голодные, отдавшие последнюю пятину суздальцы пели «Спаси, Господи, люди

Твоя...» так истово и мощно, что казалось, эти голоса поднимают из пепла купол разрушенного храма, утверждая вечную, нерушимую ось соборной России.

ЭПИЛОГ. ДОРОГА НА МОСКВУ

Через три дня Суздаль провожал обоз. Два тяжелых воза, укрытых рогожами и обвязанных просмоленными канатами, замерли у заставы. Внутри деревянных сундуков, под охраной четырех стрельцов сотника Федора, покоилась суздальская пятина — серебро, пушнина, утварь и те самые вдовьи копейки, которые весили теперь больше любого золота.

Тимофей сидел в седле своего мерина, держа поводья занемевшими пальцами. Ветер у заставы утих, и над дорогой стояла прозрачная, звенящая осенняя тишина. На косогоре собрался едва ли не весь посад. Иона Еремеев, придерживая пустой рукав шубы, молча кивнул старосте на прощание. Дарья стояла чуть поодаль, прижимая к себе притихших детей, и в ее глазах больше не было вчерашнего ужаса — лишь суровая, спокойная покорность своей судьбе.

— Ну, Васильевич, с Богом, — Федор тронул коня и махнул рукой возницам. — Дорога до Троицы нынче спокойная, наши дозоры всю трассу от воровских шаек очистили. Доведем казну в целости.

Колеса тяжело закрипели, врезаясь в подмерзшую за ночь суздальскую грязь. Обоз медленно тронулся в путь, держа курс на Москву.

Тимофей обернулся и в последний раз посмотрел на город. Из тумана проступали серые очертания посада, закопченные стены кремля и сиротливое бревно на месте купола Спаса на Торгу. Но этот пейзаж больше не казался ему пепелищем. В этой видимой нищете и разрухе он сумел разглядеть то, что не способна измерить ни одна земная канцелярия — несломленный дух народа, его соборную волю к жизни и спасению своего Отечества.

Великий психологический и духовный излом Смутного времени был преодолен здесь, на суздальской площади, через великую жертву и осознание общего долга. Земля, отдавшая последнее, парадоксальным образом обрела твердость.

Тимофей перекрестился на далекий монастырский крест, тронул мерина и поехал вслед за скрипящими телегами. Он верил, что этот суздальский ручеек, слившись с десятками таких же обозов из Нижнего, Костромы и Ярославля, напитает иссохшее государственное древо. Соборная ось России устояла, а значит — из пепла и руин обязательно поднимется новая, суверенная и сильная держава.

СТИХИ ПОЭТОВ ПСКОВА

Гусева Евгения Викторовна — родилась в Пскове. Поэт, член Союза писателей России. Окончила СПбГЭТУ (ЛЭТИ им. Ульянова-Ленина). Работала программистом. Публиковалась в коллективных сборниках, в периодике, в литературных альманахах «Скобари». В 2017 г. вышел первый сборник «Острова надежды», в 2020-м — второй сборник «Зеленый ветер». **Живет в Пскове.**

**«ЗДЕСЬ —
МОЕ ДУХОВНОЕ
НАСЛЕДСТВО»**

ОБЛАКО

Стихнет музыка, и —
 белое на синем —
Тихо облачко растает в вышине.
И опять душа заплачет по России,
По сынам ее, погибшим на войне.

Это облако —
 не просто лишь виденье:
 Чье-то сердце улетает в небеса,
 Одарив родную землю на мгновенье
 Той любовью, что под утро, как роса,

Стынью выпадет на травы луговые
И на листья недремотные берез...
Чтоб жила вовеки матушка Россия,
Шли на смерть бойцы
в години черных гроз!

К ПУШКИНОГОРЬЮ

Спешу в мечтах своих
к Пушкиногорью,
Туда, где
Святогорский
монастырь.
Окрест него
так зимушке
привольно —
Поля, леса в снегах
и вдаль, и вширь.

Пускай и не сезон:
метели, выюги,
День все еще короткий,
ночь темна,

Белым-бело,
и стынь
по всей округе,
Деревья в шубах,
будто в чарах сна.

Но дерзкой мысли
не страшны преграды,
Летит легко,
как быстрокрылый
ветр,
За старо-монастырскую
ограду,
Где с миром упокоился Поэт...

ДЕДОВО НАСЛЕДСТВО

Тени пролетающих стрекоз,
Над водой плывущее сиянье,
Облака, спешащие вразброс, —
Будто прошлых дней
вспоминанья.

Теплый ветер
лодку раскачал,
Что стоит навечно
на приколе;
Знаю: здесь начало
всех начал.
Родина, ты мне
приснилась, что ли?

Деревенька прямо у реки,
Там ракитник
и кусты сирени,
А под вечер —

в окнах огоньки,
В темноту бегущие ступени.

От росы — алмазы поутру,
Но не колки,
а нежны, как ласка.
Подмосье¹ — селенье
на юру,
Сладкий сон,
влекущий, будто сказка.

Здесь когда-то
родился мой дед,
Мама тоже здесь
бывала в детстве.
Сколько бы
ни прокатилось лет,
Здесь — мое
духовное наследство.

* * *

Зима — царица перемен,
Когда у этих древних стен
Заснет Великая река,
На землю лягут облака.

И необъятной белизной
Сойдет на город наш покой,

Но лишь свечей зажженных свет
С молитвой не погаснет, нет.

Седой Мирожский монастырь,
Как старца, с пением стихир
Метель до неба вознесет
И снова на берег вернет.

¹ Подмосье, Псковская обл., Порховский район.

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Александр Себежанин (Павлов Александр Михайлович) — родился в 1950 г. в Торопецком районе Тверской области. Детство и отрочество прошли в Себежском районе Псковской области. Окончил с отличием Псковский индустриальный техникум и Ленинградский политехнический институт. Участник более 50 поэтических сборников, изданных в различных городах России и за рубежом. Финалист и лауреат нескольких международных и российских поэтических конкурсов. **Живет в Пскове.**

«ХЛЕБ УДАТСЯ НА СЛАВУ, КОЛЬ ЛАСКОВОЙ БУДЕТ ДУША!»

ХЛЕБ

Хлеб ржаной, еще теплый, испеченный в печи деревенской,
ничего в мире нет, что могло б быть вкуснее тебя!
За секретом твоим шли в наш дом из избышек соседских.
Бабка всем говорила: «Вы тесто месите любя!»

Печь топите с любовью, и хлеб в нее нежно сажайте,
а когда хлеб дойдет — вынимайте на стол не спеша.
И за вашу любовь хлеб сполна вам ответит, вы знайте:
хлеб удастся на славу, коль ласковой будет душа!

Если лада нет в доме и кошки скребутся на сердце,
то не ставьте опару — не выйдет хороших хлебов.
Есть у хлеба “душа”, все она понимает, поверьте:
чтобы вкусным был хлеб, жить должны в доме Мир и Любовь!»

РУСЬ

Ты живи века, Русь родимая,
пусть хранит тебя Богородица!
Коль придет беда — до единого
встанем за тебя мы, как водится.

Русь былинная, Русь старинная,
Русь красивая, несуетная,
ты — народами стоедина,
и любовь к тебе — беззаветная!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ВЕЧЕР

Звездами вышита неба косынка.
Ластится к берегу тихо волна.
Слышно, как шепчутся робко осинки.
Пахнет духмяным настоем копна.

Ветер улегся в луга на ночевку.
Дальней деревни зажглись огоньки.
Крест силуэтом венчает церковку.
Кротко молитву поют тростники.

Тихо на Русь мою ночь опускается,
День суетливый сменяя собой.
Время приходит подумать, покаяться,
Поразмышлять над своею судьбой...

ГАРМОНИСТ

Гармонь в обнимку, шапка набекрень,
он в дверь, вразвалку, не вошел, а враз ввалился,
как будто только-только возвратился
из глубины наших псковских деревень.

Присел на край скамейки осторожно,
отер гармошку рукавом, развел меха,
хитро хозяйке подмигнув: «Не для греха,
а чтоб душа запела — сто грамм можно?!».

И, стопку выпив, тут же по ладам
чуть заскорузлыми он пальцами прошелся,
и инструмент заплакал, изошелся
тоскою вечною по «молодым годам».

Гармонь стонала, плакала и пела.
И пел, и плакал с нею весь народ,
душа народная взлетала до высот
и там молитвой в небе голубела.

Жив! Жив народ, пока гармонь играет,
пока душа его поет, пока летает!

ИГОРЬ ПЛОХОВ

Игорь Владимирович Плохов — поэт, бард, доктор технических наук, профессор. Член Союза писателей России с 2015 года. Автор семи книг стихов, главный организатор Всероссийского фестиваля авторской песни и поэзии «Мне звезда упала на ладошку» им. Александра Дольского. **Живет в Пскове.**

«ПОКА МЕЧТАЕТСЯ, МЫ — ЖИВЫ»

* * *

Вселенная и грозовая жизнь
людей и судеб, мыслей и пророчеств...
Рождение — душа стремится ввысь,
затем — творенье и короткий росчерк...
Что это — смерть? — задаст вопрос душа... —
Да, это смерть, съедающая тело,
но не меня: я в выси улетела,
тебя внутри Вселенной продолжать...
К нам много раз заходит в гости Смерть:
«Вот ты родился — и теперь ты мой...
И ты теперь обязан умереть...
Напрасно ты качаешь головой...»
Таков уж мир, в котором ты живешь,
и этот мир построен не тобою,
в нем жизнь и смерть назначены судьбою,
а бесконечный век — святая ложь...
Твоя душа — подобие клубка —
от появления в мир и до исхода,
она выросла в бессмертную природу
и смотрит на тебя издалека...

Она содержит песни и слова,
она содержит мысли и желания —
воистину бессмертные создания —
ушедшие от воли естества...
А в этой жизни главное — творить,
хоть в мелочах уподобляясь Богу:
создать тропинку, просеку, дорогу —
лишь ради этого и стоит жить!

* * *

Снежная шкатулка мерзлого вагона —
ледяная баба, теплая внутри.
Зимний хвостик марта, шалости циклона —
заметают вьюгой свет и фонари...
Я въезжаю в Питер, замеченный снегом,
треплет ветер флаги белых мостовых.
Здесь Нева и храмы — Альфа и Омега —
как листва и корни кленов вековых.
Я вливаюсь в город, как речушка в море,
и плыву в потоке разноцветных душ,
я лечу сквозь землю гулким коридором
метрополитена в акварель и тушь.
Вытекаю тихо, как родник, наружу —
где ты, переключка мартовских котов?..
Плачут, равновесие зыбкое нарушив,
души разведенных питерских мостов...

ПОСЛЕДНИЙ РЫЦАРЬ

Я ухожу в который раз,
я обещаю возвратиться.
Ты у меня — последний шанс,
я у тебя — последний рыцарь.
Мы каждый день играем роль,
и, каждый сам, поодиночке,
мы днем умело прячем боль
и тихо жалуемся ночью.
Мы не считаем наши дни,
пока мы молоды, беспечны,
и можем зажигать огни
в своей вселенной бесконечной.

Мы отворачиваем взгляд
от тех, кто мелочны и лживы.
Пока я мыслю, я — богат,
Пока мечтается, мы — живы.
Я ухожу в который раз,
я обещаю возвратиться.
Ты у меня — последний шанс,
я у тебя — последний рыцарь.
Когда в туманное стекло
ко мне заглядывает юность,
мне кажется, что все вернулось —
все, что вернуться не могло...

ТАТЬЯНА РЫЖОВА

Татьяна Семеновна Рыжова — член Союза писателей России, поэт, прозаик и переводчик, кандидат филологических наук, доцент, автор текста гимна Псковской области и гимна ПсковГУ. Является куратором поэтического крыла Совета молодых литераторов Пскова (СМЛ). Дипломант международного литературного форума «Золотой Витязь» и многих других конкурсов. Почетный работник высшего образования России. Награждена медалями «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» и «В память 1100-летия первого упоминания Пскова в летописи». **Живет в Пскове.**

«ВЕРЮ, СМОЖЕШЬ ТЫ ВСЕ ОДОЛЕТЬ»

ПИСЬМО СОЛДАТУ

Эти строчки я сердцем пишу
Для тебя, незнакомый солдат
Как о сыне, у Бога прошу,
Чтоб живым ты вернулся назад.

Чтобы ангел-хранитель летал
Над тобою, где ни был бы ты,
Чтобы веры и мужества дал,
Чтоб крылом заслонил от беды.

Чтоб из Пскова бумажный листок
Стал твоим оберегом, родной.
Ты держи возле сердца его —
И вернешься с победой домой.

Знай: святых и героев земля,
Где солдатское братство в чести,

Выбирает сегодня тебя
Знамя русского мира нести.

И с тобой твоя Родина-мать,
И с тобою, в молитвах, семья.
Их и русскую речь защищать
Время выбрало нынче тебя.

Верю, сможешь ты все одолеть:
Миг отчаянья, ужаса гнет,
Даже если коварная смерть
От тебя в сантиметре пройдет.

...И не сплю, и на небо гляжу:
Пусть там птицы — не дроны — летят.
Эти строчки я сердцем пишу
Для тебя, незнакомый солдат.

НЕ ЕВРОПОЙ ЛИ ЗВАЛИ ТУ ДЕВОЧКУ?

В Трептов-парке у немцев стоит монумент исполином —
Держит меч на поверженной свастике русский солдат.
И девчушку, спасенную им под обстрелом в Берлине,
Он к груди прижимает, совсем как заботливый брат.

Но она не сестренка. Сестренка погибла в бомбежке...
Ну а эта — страны, породившей фашистскую нечисть, дитя.
Может, брат ее или отец, под губную гармошку,
Жег советские села, невинных детей не щадя.

О, как много таких вот детей по дороге к Берлину
Видел этот солдат! А как многих от гибели спас! —
И живущим поныне поляку, венгерцу, румыну
О втором дне рожденья полезно бы вспомнить хоть раз.

Меч солдата опущен, как будто бы к миру зывая.
И подумала я, как-то раз посетив Трептов-парк:
«Не Европой ли звали ту девочку давнего мая,
Что к советскому парню прильнула доверчиво так?»

ИХ ДРУГОЕ ОРУЖИЕ

Не в окопах они, где дыхание смерти и кровь,
Не сжимают в руках автоматов холодную сталь.
Их другое оружие, стали прочнее, — любовь,
Сострадание женщин, познавших разлуки печаль.

И не слабость они поднимают сегодня на щит —
Сострадание их чудодейственной силе сродни,
Той, что смерть отведет и надежду в солдата вселит —
Удержаться и выжить даже в самые страшные дни.

За позицией степь. Маскировка природе под стать —
Сеть, которую бережно женские руки плели.
Ей не видно конца — лишь войне бы конец увидеть...
Равной ей не отыщешь ни в каких магазинах земли.

А по сети бежит, как по морю, степной ветерок,
Камуфляжной расцветки трепещут под ним лоскутки.
Ветру чужды страданья, и вовсе ему невдомек,
Что в лоскутках тех ласка и трепетность женской руки.

В них мольба, чтобы выжили сын, и любимый, и брат,
В них от дронов заклятье, неведомо силы большой.
И рукой прикоснется к лоскутному крову солдат...
И молитву за женщин, как может, прошепчет душой.

Учредитель
Общество с ограниченной ответственностью
«Издательский дом “Родная Ладога”»

Контактные телефоны редакции:
+7 (921) 311-31-87 (*В.В. Ефимовская*)

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В.В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://rodnayaladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
198188, Санкт-Петербург,
улица Васи Алексеева, дом 6, литера А, офис 318.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Изображения в журнале взяты из открытых источников.

Цена свободная

Корректор *Галина Ильина*
Компьютерная верстка *Татьяна Макарова*

Подписано в печать 24.09.2026 г. Формат 70×100¹/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,0.
Тираж 500 экз. Заказ 26НФ-095407.
Отпечатано в типографии ООО «Типография Лесник»
197183, Санкт-Петербург, ул. Сабировская, д. 37, лит. Д, офис 206.